

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Н. Жеравина

**КАБИНЕТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
В СИБИРИ
(1747–1861 гг.)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2005

УДК 906.06/07(571.1/)
ББК 63.3(2)46/47
Ж59

Рецензенты:
д-р ист. наук С.Ф. Ф о м и н ы х,
д-р ист. наук Э.И. Ч е р н я к

Жеравина А.Н.

Ж59 Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) / Под ред.
В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 324 с.

ISBN 5-7511-1922-3

В монографии рассматривается история формирования приписного крестьянства в рамках кабинетского хозяйства в Сибири, управления приписными крестьянами, исследуются методы внеэкономического принуждения крестьян, нашедшие наиболее яркое воплощение в принуждении крестьян к выполнению заводских работ, поставкам провианта и фуража для Колывано-Воскресенских заводов, обработке заводской пашни в районе Нерчинских заводов, в запрещении крестьянских переселений внутри заводского ведомства.

Поступления в “комнату Е.И.В.” золота, серебра с Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, каналы расходования их свидетельствуют о приращении могущества российских императоров за счет эксплуатации и приписных крестьян уникального в своем роде помещичьего хозяйства – кабинетского хозяйства в Сибири.

Для историков и всех интересующихся историей России.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 03-01-00878а

УДК 906.06/07(571.1/)
ББК 63.3(2)46/47

ISBN 5-7511-1922-3

© А.Н. Жеравина, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	5
Дореволюционная историография	5
Советская историография	10
Глава 1. Современное состояние изученности кабинетского хозяйства в Сибири	22
Исследования второй половины 80-х гг. XX – начала XXI в.	23
Новые направления в отечественной историографии конца XX – начала XXI в.	27
Источники для изучения истории кабинетского хозяйства в Сибири	35
Глава 2. Из истории формирования приписного крестьянства на кабинетских землях в Сибири	49
Расселение пришлых в районе Кольвано-Воскресенских заводов	49
Ограждение приписных крестьян от набора в службу на военных линиях	54
Оформление территории кабинетского хозяйства	57
Дополнительные источники формирования приписного крестьянства	64
Глава 3. Управление приписными крестьянами	86
Основные функции органов управления приписными крестьянами	86
Участие органов управления в комплектовании мастеровых для заводов и рудников кабинетского хозяйства	106
Меры наказания крестьянских начальников за упущения по службе ..	111
Наказание управителей за упущения по службе и превышение полномочий	118
Глава 4. Формы и методы принуждения приписных крестьян кабинетского хозяйства для нужд горно-заводского производства	132
Принуждение крестьян к выполнению заводских работ	132
Поставки крестьянами Алтая провианта для заводов и рудников	160
Заводская пашня в Нерчинском округе	183
Глава 5. Отношение горного начальства и Кабинета к крестьянским переселениям внутри заводского ведомства	211
Привлечение крестьян к индивидуальной ответственности за переезд на новые места жительства во второй половине XVIII в.	211
Ужесточение мер наказания и расширение круга ответственных за самовольные переезды крестьян	222
Глава 6. Кому принадлежали кабинетские земли в Сибири	243
Изъятие заводов А. Демидова по указам от 1 и 12 мая 1747 г. и перевод Нерчинских заводов под управление Кабинета в 1787 г.	246
Законодательство первой половины XIX в. о владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири	253
Глава 7. “Приходно-расходные книги” кабинетского хозяйства в Сибири	263
“Золотое время” государственного бюджета России со второй половины XVIII в.	263
Как создавались “личные сбережения” русских монархов	274
Демонстрация богатств “комнаты Е.И.В.” перед иностранцами и использование их для пожалований придворной знати	288
Заключение	318

От автора

В середине XVIII в. в России произошло событие, продолжающее приковывать к себе внимание до сих пор. В 1747 г. с изъятием сереброплавильных заводов А. Демидова на Алтае началось создание кабинетского хозяйства в Сибири. Через 40 лет, в 1787 г., в его состав были включены бывшие казенные первые в России сереброплавильные заводы в Восточном Забайкалье. Это привело к оформлению единого хозяйственного комплекса. Его составные части (Колывано-Воскресенские заводы на Алтае и Нерчинские в Восточном Забайкалье) находились в удалении друг от друга на тысячи верст.

Изучение истории кабинетского хозяйства предполагает в первую очередь ответ на вопрос, кто стал его собственником? Важное значение имеет и выяснение того, в каком положении по своему социальному статусу находились приписные крестьяне. Общеизвестно, что без их участия в тех условиях немислимо было обеспечение заводов топливом и сырьем, мастеровых и служащих заводов и рудников – провиантом, казенных лошадей – фуражом.

В силу оригинальности своего правового положения, занимая всего 12% от общей численности крестьян Сибири в середине XIX в., приписное крестьянство не случайно привлекало исследователей не меньше, чем остальные почти 90% сибирских крестьян.

Однако в последние десятилетия в историографии произошло слияние крестьян приписной и государственной деревень Западной Сибири в один разряд государственных крестьян¹. Более того, приписное крестьянство вообще не упоминается среди различных категорий крестьян феодальной России².

Этими обстоятельствами вызывается необходимость нового обращения к исследованию истории приписных крестьян кабинетского хозяйства.

Работа написана на основе докторской диссертации, защищенной в 1989 г. на тему: «Приписные крестьяне Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в 1747–1861 гг. (к проблеме частнофеодального землевладения на кабинетских землях в Сибири)». Мое новое обращение к истории приписных крестьян каби-

нетского хозяйства в Сибири оказалось возможным благодаря гранту Российского гуманитарного научного фонда. За годы, прошедшие после публикации первой монографии¹ и защиты докторской диссертации, мной продолжалось исследование истории приписных крестьян на базе новых архивных и опубликованных материалов.

Большим стимулом в изучении разных сюжетов истории кабинетского хозяйства в Сибири явилась возможность выступления на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы с 1980 г. по настоящее время, в также участие в чтениях памяти А.П. Бородавкина, которые проводятся в Алтайском государственном университете с 1997 г.

С чувством глубокой признательности сегодня вспоминаются бесценные советы моего учителя Зои Яковлевны Бояршиновой. Ее влюбленность в историю Сибири, преданность избранным направлениям в исследовательской работе, методика сбора, анализа материала с необычайной скрупулезностью не могли быть не восприняты ее учениками.

Глубоко признательна Алексею Александровичу Говоркову, который считал проблемы истории кабинетского хозяйства в Сибири составной частью общероссийских проблем, особенно – русского абсолютизма. Понадобились годы, прежде чем осознанная необходимость этого стала находить воплощение.

Выражаю сердечную признательность Александру Никитичу Котлярову, которого уже нет, к сожалению, среди нас, и коллегам по кафедре за внимание к моим изысканиям в процессе изучения истории кабинетского хозяйства, за вовремя данные ими советы, Василию Павловичу Зиновьеву – за ценные замечания и предложения на последней стадии работы над книгой.

Большую помощь в техническом оформлении книги оказали С.В. Самусева и Т.В. Юркова, за что им также сердечное спасибо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пундани В.В. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Учебное пособие по спецкурсу. Челябинск, 1984; *Он же*. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1991.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999.

³ Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Томск, 1985.

*Светлой памяти
Зои Яковлевны
Бояршиновой посвящаяю*

Введение

Общеизвестно, что вступление в строй в начале XVIII в. первого в России сереброплавильного Нерчинского завода и возникновение в 20-х гг. XVIII в. Колывано-Воскресенских заводов А. Демидова на Алтае вызвали заметные изменения в судьбе части сибирского крестьянства. Как и в других районах страны (Тульско-Каширском, на Урале, в Карелии), развитие промышленности в Восточном Забайкалье и на Алтае сопровождалось припиской крестьян к заводам.

Дореволюционная историография

Накопление сведений о прописных крестьянах Сибири началось еще в XVIII в.¹ Уже тогда проявилось диаметрально противоположное понимание последствий перевода государственных крестьян на положение приписных. И.И. Лепехин усмотрел в приписке к заводам главную причину разорения крестьян, а П.С. Палласу показалось, что заводская работа была для них «весьма приятной»². А.Н. Радищев сумел увидеть наличие в приписной деревне зажиточных и бедных крестьян, приписку их к заводам считал «равняющейся огню». По мнению А.Н. Радищева, с припиской к заводам крестьяне оказывались в совершенно ином положении³.

Широко представленная работами горных инженеров конца XVIII – первой половины XIX в., историков официального направления дореволюционная историография отражает слабую изученность приписной деревни. Хотя в ней и уделялось внимание вопросам заселения крестьянами территории, прилегавшей к заводам, положения их после приписки к ним в связи с заводской повинностью, решались они нередко таким образом, что зачастую не отражали реального положения приписных крестьян, более того, даже искажали его. В частности, И.Ф. Герман утверждал, что они без какого-либо отягощения для себя «легко исправляли, исправляют и исправлять будут располагаемые на них заводские работы»⁴. К этому же в конечном счете сводилась официальная точка зрения при объяснении совершенно очевидного бедственного положения приписанных к

Нерчинским заводам крестьян. Оно объяснялось следствием их «ленности», «нерадения к хлебопашеству и скотоводству» и разорения их купцами⁵.

В целом история приписного крестьянства в Сибири, отдельные аспекты ее стали предметом специального изучения в трудах немногих исследователей. Среди них можно выделить историков либерально-народнического направления Н.М. Зобнина, П.А. Голубева, И. Овсянкина, В.И. Семевского. Объектом их внимания стали крестьяне, приписанные к Колывано-Воскресенским заводам. В.И. Семевский и Н.М. Зобнин попытались определить их социальную сущность. В.И. Семевский полагал, что приписные крестьяне не «утратили значения крестьян государственных»⁶. Н.М. Зобнин считал, что хотя юридически приписные крестьяне не были крепостными, положение их на деле представляло полную аналогию с положением крепостных в Европейской России, заводские работы фактически являлись тяжелой барщиной⁷. Этот взгляд полностью разделял И. Овсянкин⁸.

Расхождение В.И. Семевского и Н.М. Зобнина в оценке социальной сущности приписных крестьян Алтая не помешало им прийти к общему выводу о фактическом положении крестьян в результате роста размеров подушной подати, низких расценок заводских работ, пагубного влияния этих работ на крестьянское хозяйство. Наблюдения Н.М. Зобнина о привлечении крестьян на работу не только в установленные законом сроки, о характере поставок ими провианта и фуража для заводов и рудников Алтая, о попытках горного начальства поддержать крестьянское хозяйство приписной деревни на желаемом уровне принудительными методами не утратили своего значения до сих пор. Ценность работ В.И. Семевского и Н.М. Зобнина определяется не только кругом решавшихся ими вопросов, но и широким привлечением архивных материалов.

Вопросы участия приписных крестьян в земледельческом освоении территории Колывано-Воскресенских заводов, эксплуатации крестьян, платежей и повинностей, которые они вносили и выполняли, стали предметом изучения П.А. Голубева. Он считал, что издаваемые Екатериной II законы «к облегчению участи... приписных крестьян» практического значения не имели, так как надзора за их исполнением не было⁹.

На извлеченных из фонда канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства материалах Д.Н. Беликов попытался определить, как бежавшие в Томский уезд крестьяне становились источником

рабочей силы для горно-заводской промышленности, а затем бежали отсюда от непосильного труда на заводах и рудниках и тяжелых условий жизни в Бухтарминское ущелье. Интересные факты приведены автором о самовольных переселениях крестьян внутри заводского ведомства¹⁰.

Историк начала XX в. И.И. Тыжнов, занимавшийся исследованием проблемы формирования горно-заводского населения на Алтае, отмечал, что манифест 1779 г. фактически ничего не изменил в положении крестьян. И.И. Тыжнов выступил против преувеличения влияния природного фактора на положение приписных крестьян. По мнению исследователя, какими бы благоприятными они ни были на Алтае, они не могли компенсировать тяжести заводских работ и повинностей приписных крестьян. Автор уделил внимание и вопросам, связанным с попытками горного начальства, направленными на создание продовольственной базы для мастеровых и служащих Кольвано-Воскресенских заводов¹¹.

Уже упоминавшийся член Читинского отделения Приамурского отдела Русского Императорского географического общества Г.Я. Лебедев в сообщении «Исторический очерк крепостного состояния нерчинских заводских крестьян» отметил общее в положении крестьян Алтайского и Нерчинского округов как исключительно тяжелое, не имевшее аналогов в других районах Сибири. Автор исключал существование какого-либо различия в правовом положении приписных крестьян Сибири и помещичьих крестьян России. Он заострил внимание на тех моментах в жизни крестьян, которыми определялось их положение (тяжесть заводских работ, низкие их расценки, обработка крестьянами заводской пашни, обязанность поставлять провиант на заводы и рудники). Поскольку выступление Г.Я. Лебедева посвящалось 50-летию реформы 1861 г., весь пафос его заключался в стремлении показать, сколь неприглядным был Нерчинский горный округ до ликвидации в нем института приписных крестьян¹².

Дореволюционная историография по истории приписного крестьянства кабинетского хозяйства в Сибири далеко не исчерпывается работами вышеназванных авторов. Она получила достаточно полную оценку в историографических очерках конкретно-исторических исследований и в работах по историографии Сибири¹³. Как единый хозяйственный комплекс кабинетское хозяйство в дореволюционной историографии не изучалось. История приписного

крестьянства исследовалась по Колывано-Воскресенским и Нерчинским заводам отдельно.

Особого внимания заслуживает освещение в дореволюционной историографии вопроса о владельческой принадлежности кабинетских земель в Сибири. Публикация в 60-х гг. М.Е. Сорокиным статьи, посвященной данной проблеме, избавляет от необходимости подробного рассмотрения ее дореволюционными исследователями. Отмеченные М.Е. Сорокиным принципиальные расхождения в определении владельца Колывано-Воскресенских заводов с 1747 г. (одни исследователи считали их казенными, другие рассматривали как личную собственность императоров, как горно-заводскую вотчину)¹⁴ имелись не только среди названных им авторов.

Здесь представляется уместным остановиться лишь на анализе работ дореволюционных исследователей, еще не нашедших оценки или недостаточно полно оцененных в исторической литературе. Это прежде всего относится к работам, вышедшим во второй половине XIX в., которая ознаменовалась стремлением преодолеть односторонний подход к изучению главной части кабинетского хозяйства. Историческое прошлое Алтая стало объектом изучения не только с учетом «геологического строя тамошних гор», как это было характерно для работ горных инженеров до середины XIX в.¹⁵ Значительным моментом в изучении вопроса о владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири явилось обращение исследователей к ранее не привлекавшимся источникам. До этого многие авторы ограничивались лишь упоминанием указов 1747 и 1787 г. как точки отсчета нового периода в истории Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов. В частности, И.П. Барсуков привлек эпистолярное наследие бывшего с 1847 по 1861 г. генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, который в одном из писем великому князю Константину писал о Нерчинских заводах в составе кабинетского хозяйства: «И заводы эти суть собственность Его Императорского Величества»¹⁶.

В конце XIX в. к использованию архивных источников прибегли не только историки либерально-народнического направления. Составитель одного из выпусков материалов комиссии под председательством статс-секретаря А.Н. Куломзина А. Щербачев, используя некоторые документы архива г. Читы и проанализировав именную указ Екатерины II, отметил, что Нерчинские заводы были отданы «в ведомство Кабинета... на таком же основании, как состоят ныне Колывано-Воскресенские заводы».

По мнению Щербачева, первым законодательным актом, официально определившим Нерчинские заводы как частную собственность государя, явился указ 14 апреля 1830 г. о передаче Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов министру финансов, имевшему на них такие же права, какими пользовались министр Императорского Двора и Кабинет при том, что «заводы же оставлены в частной собственности государя Императора». Из текста указа, в котором говорилось: «Заводы, как и ныне, остаются частной собственностью Нашею, одно управление оными передается министру финансов», автор сделал заключение: «Следовательно, право собственности Его Величества на Нерчинские заводы рассматривается в 1830 г. как уже существующее»¹⁷.

В отличие от А. Щербачева А.М. Лоранский считал первым законодательным актом, «определившим права Августейшего владельца относительно земель и лесов» кабинетского хозяйства, «Учреждение...» 1828 г. «Этим законом, – писал он, – главное управление заводами возложено на Кабинет Е.И.В., при котором в 1827 г. образовано горное отделение для заведования горной частью Кабинета». В читаемом им курсе лекций для будущих горных инженеров А.М. Лоранский пользовался понятием «коронное управление» горными заводами России в качестве синонима «казенного управления»¹⁸.

Особое значение в решении проблемы владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири имеет исследование, проведенное по распоряжению министра Императорского Двора барона В.В. Фредерикса и посвященное 200-летию Кабинета. В нем определяется место восстановленного при Елизавете Петровне Кабинета в системе высших государственных учреждений «как личной канцелярии», а не «органа верховного управления»; одну из главных забот Кабинета составляли Кольвано-Воскресенские заводы.

В данной работе впервые в дореволюционной историографии приводятся тексты указов 1 и 12 мая 1747 г. о передаче Кольвано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета; обращается внимание на условия, на которых они изымались у Демидовых; рассматриваются источники их финансирования с 1747 г., источники поступления в «комнатную сумму», составной частью которой являлась и чистая прибыль с Кольвано-Воскресенских заводов.

В «200-летию Кабинета...» приводится и указ 1786 г., которым предписывалось расходы, производимые из «комнатной суммы», не смешивать с расходами на общегосударственные нужды, «кои по

свойству их к Кабинету не относятся». В указе особо оговаривалась обязательность в случае заимствования денег из Кабинета на общегосударственные нужды возмещения их из государственных доходов, на основании чего делался вывод: «...в основе этого предписания, очевидно, коренится мысль, что кабинетская казна как непосредственная собственность императорского величества имеет специальное назначение, особое от интересов государства»¹⁹.

Для авторов «200-летия Кабинета...» совершенно очевидной являлась принадлежность кабинетского хозяйства в Сибири русским императорам на правах частной собственности. Поэтому им и не понадобился анализ указов 1747 г. об изъятии демидовских заводов.

В 1913 г. в Хабаровске в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых была опубликована работа, посвященная истории Нерчинского горного округа, который с 1787 г. «как частная собственность Государя Императора был отдан в ведомство Кабинета Его Величества»²⁰.

Таким образом, в подавляющем большинстве своем дореволюционные авторы не занимались решением вопроса о владельце заводов и земель кабинетского хозяйства в Сибири, ограничиваясь признанием их либо казенными, либо частной собственностью. Некоторые авторы считали их собственностью царского Кабинета²¹. Лишь немногие из них в конце XIX в. обратились к специальному исследованию данной проблемы. Привлечение законодательных актов второй половины XVIII – первой половины XIX в. позволило им сделать заключение о владельческих правах русских императоров с 1747 г. на Кольвано-Воскресенские и с 1787 или 1800 г. на Нерчинские заводы.

Советская историография

Важное значение в изучении истории приписного крестьянства Сибири в советской историографии приобрела проблема определения его социальной сущности. По мнению одних исследователей (К.А. Пажитнов, А.А. Савич), приписные крестьяне юридически оставались государственными, другие (Б.М. Быков, А.П. Велижанин, А.М. Красноусов, Ф.М. Злотников) полагали, что приписные крестьяне находились на положении крепостных²². Точку зрения К.А. Пажитнова и А.А. Савича разделяли позднее авторы общих ра-

бот по истории русской промышленности или народного хозяйства в целом²³.

Наряду с изучением вопросов участия приписных крестьян в хозяйственном освоении Сибири, становления и развития крестьянского хозяйства в приписной деревне, повинностей приписных крестьян, проблем крестьянской семьи, ее роли в накоплении и передаче трудовых традиций новым поколениям крестьян, взаимоотношений крестьянской семьи с общиной, крестьянской семьи как производственной ячейки приписной деревни²⁴, в 60-е гг. началась интенсивная разработка проблемы владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири, которая решалась в основном применительно к Алтаю.

В те годы Г.П. Жидков пришел к выводу о неправомерности альтернативной постановки вопроса об Алтайских заводах под управлением Кабинета: «частная вотчина царя или казенная мануфактура». Автор предложил новый подход к определению природы кабинетского хозяйства в Западной Сибири. «Следует признать, – писал он, – смешанный, сложный юридический статус Алтайского горного округа, занимавшего промежуточное положение между императорским доменом и государственным хозяйством. Кабинетское хозяйство в Западной Сибири воплощало основные черты государственного феодализма»²⁵.

Как особый тип феодальной собственности, в котором «причудливо переплетались государственные и частновладельческие начала», определил кабинетское хозяйство в Западной Сибири М.Е. Сорокин²⁶. По мнению автора, оно сочетало в себе черты казенных предприятий (по использованию продукции, методам финансирования, способам привлечения рабочей силы), и одновременно в нем проявлялись черты частной собственности, выразившиеся в собственности на землю, орабочной ренте, всевозможных монополиях, присвоении доходов и части продукции.

В 60-е гг., опираясь на законодательство 40-х гг. XVIII – первых десятилетий XIX в., Т.И. Агапова сделала заключение о принадлежности с 1747 г. Кольвано-Воскресенских заводов русским императорам на правах частной собственности. «На это обстоятельство, – подчеркивала она, – надо обратить особое внимание, ибо целый ряд важнейших явлений, связанных с историей сибирской горной промышленности, можно объяснить только наличием этой формы монополии... Алтайский горный округ по существу был превращен в

«цареву» вотчину, верховным собственником сибирской вотчины, управляемой Кабинетом, был царь».

В качестве одного из аргументов в пользу выдвинутых положений Т.И. Агапова, как и М.Е. Сорокин, рассматривает главный источник финансирования кабинетского хозяйства. Но в отличие от него Т.И. Агапова исходит из признания, что это хозяйство содержалось не за счет государственной казны, а финансировалось из личных средств владельца его – «комнатных сумм и монеты Сузунского завода». Золотистое серебро с Алтайских заводов поступало в личный доход императора как продуктовая рента. С конца XVIII в. он становится монопольным поставщиком в казну благородных металлов, за которые последняя рассчитывалась с ним деньгами. Включение Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство Т.И. Агаповой квалифицируется как захват Екатериной казенных заводов²⁷.

В начале 70-х гг., использовав законодательные акты второй половины XVIII – первой половины XIX в., А.П. Бородавкин также пришел к выводу, что Колывано-Воскресенские заводы после передачи их в ведение Кабинета являлись царской собственностью²⁸. Г.П. Жидков, избравший к тому времени в качестве объекта исследования кабинетское землевладение на Алтае и в Восточном Забайкалье, особенности возникновения здесь земельной собственности свел к обособлению кабинетских земель к концу XVIII в. от государственных земель, из которых, как пишет автор, выделились «государевы» не в смысле личной принадлежности монарху, а в том обычном для крепостной эпохи, которое придавалось имуществу правящего императора, еще шире двора, а точнее – «короны». Не показав механизма «присвоения короной сибирских земель», Г.П. Жидков лишь мимоходом упоминает указ 1 мая 1747 г., которым Елизавета Петровна повелела «взять на себя» алтайские заводы Акинфия Демидова...» со ссылкой при этом не на текст указа, а на работу Б.Б. Кафенгауза «История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.»²⁹. Без учета условий передачи Нерчинских заводов в ведение Кабинета Г.П. Жидков относительно возникновения своеобразной собственности в Восточном Забайкалье с 1787 г. пишет: «Заводы и прилегающие к ним земли становились собственностью короны»³⁰.

Совершенно оправданное многократное обращение Г.П. Жидкова к решению ставшей остро дискуссионной проблемы владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири, к сожалению, не сопровождалось усилением его аргументации в пользу собственной концепции. В его статье, опубликованной в 1976 г.,

подвергся резкой критике А.П. Бородавкин, чье определение принадлежности Алтайских заводов «возвращает нас, – как пишет Г.П. Жидков, – к 40-м годам и даже чуть раньше. Они категоричны и не аргументированы». Последнее, естественно, предполагало убедительность и аргументированность авторской позиции самого Г.П. Жидкова. Однако он в очередной раз в качестве главного контраргумента приводит предположение Н.М. Дружинина: «Н.М. Дружининим, – повторяет себя Г.П. Жидков, – было высказано предположение об интенсивном социально-экономическом развитии сибирской деревни, менее скованной крепостническими традициями»³¹. Эта, по определению историка, «опорная идея Н.М. Дружинина стала отправной точкой в его споре с оппонентами при определении сущности кабинетского хозяйства в Сибири. Уместно в этой связи замечание И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова: «Хорошо известно, что еще ни одно предположение не стало истиной в результате его многократного повторения»³².

Важным событием исторической науки в начале 80-х гг. явилось издание многотомной «Истории крестьянства Сибири». М.М. Громько совершенно справедливо заметила, что эта работа не только обобщает результаты исследований, проведенных после создания в конце 60-х гг. «Истории Сибири». Она отличается от предыдущего издания предметом изучения и кругом освещенных в ней проблем. Впервые в хронологической последовательности были поставлены и рассмотрены вопросы колонизации всей Сибири русскими людьми, определены роль и место крестьян в этом процессе, их вклад в развитие производительных сил края, создание сельскохозяйственных районов на восточной окраине России за Уралом.

Первый том этого фундаментального издания посвящен крестьянству Сибири эпохи феодализма. Наибольшее внимание в нем уделено положению различных категорий крестьян, правительственной политике по отношению к ним. Впервые в обобщенном виде рассмотрена игравшая важную роль в жизни крестьян община. Научной общественностью была особо отмечена значимость такого рода исследований для написания истории русского крестьянства всей страны от его возникновения до наших дней³³.

Значительное место в первом томе «Крестьянства Сибири в эпоху феодализма» отведено приписным крестьянам кабинетского хозяйства. Не только в специальной главе, но и в ряде разделов, в которых рассматриваются отдельные вопросы судьбы всех категорий крестьян, уделено внимание и приписным крестьянам. Новое в изу-

чении их истории состоит в том, что в коллективной работе выделены в качестве объекта исследования источники формирования приписных крестьян, их экономическое положение, социальная сущность и повинности. В ней нашли отражение результаты работы Т.И. Агаповой и Г.П. Жидкова, которым принадлежит заслуга в обращении к истории приписного крестьянства в рамках кабинетского хозяйства как единого хозяйственного комплекса с учетом истории приписной деревни не только в районе Колывано-Воскресенских, но и Нерчинских заводов.

Приписные крестьяне Сибири составляли незначительную часть ее сельского населения. В 1747 г., когда они перешли в ведение Кабинета вместе с демидовскими заводами, на их долю приходилось всего 2 % от общего числа крестьян Сибири. Авторы рецензии на «Крестьянство Сибири...» не случайно обратили внимание на то, что государственным крестьянам (в середине XIX в. их было более миллиона душ м.п.) оказалось отведено места примерно столько же, сколько на приписных крестьян, в то время составлявших всего 12 % от общего числа крестьян Сибири³⁴.

Такое положение, очевидно, можно объяснить ролью, которую сыграли приписные крестьяне Алтая и Восточного Забайкалья не только в развитии сельского хозяйства, но и в промышленном освоении Сибири.

Создание подобного рода коллективных работ предполагает максимальный учет всего достигнутого в изучении объекта исследования. Эта задача оказалась довольно сложной, так как в сибиреведении предшествующих десятилетий имели место спорные суждения по ряду кардинальных вопросов истории кабинетского хозяйства и крестьян, которые после 1747 г. попали в пределы этого хозяйства.

Одним из наиболее спорных оказался вопрос о владельческой принадлежности Алтайских и Нерчинских заводов после передачи их в ведение Кабинета. Расхождение в ее определении не были устранены и с выходом в свет «Крестьянства Сибири».

Первый том этого фундаментального исследования посвящен истории сибирского крестьянства от его возникновения и развития до середины XIX в. Это время характеризуется как период позднего феодализма. Начало его в европейской части страны сопровождалось интенсивным закрепощением крестьян. Авторский коллектив первого тома «Крестьянства Сибири» исходил из признания того, что за Уралом формирование и развитие крестьянства в целом происходило вне норм крепостного права. «В условиях непрекращаю-

щихся колонизационных движений и внутрисибирских миграций невозможно было внедрение крепостнического помещичьего хозяйства, – говорится во «Введении» к тому, – «система государственного феодализма» была единственно реальной для создания порядка общественных отношений, отвечающих строю позднефеодальной России»³⁵.

В соответствии с данной позицией определены и кабинетские земли в Сибири как часть государственных земель, ограниченная в собственности короны, а коронное землевладение – это часть системы государственного феодализма со ссылкой на монографию Г.П. Жидкова, концепция которого уже в 60–70-е гг. вызвала принципиальное несогласие специалистов по истории горно-заводского производства в Сибири в целом и в кабинетском хозяйстве в частности³⁶.

В фундаментальном академического издания исследовании важное место заняло решение вопроса о социальной сущности приписного крестьянства. Оно оказалось чрезвычайно затрудненным из-за разногласий в определении степени феодальной зависимости крестьян кабинетского хозяйства.

Авторский коллектив отдал предпочтение, как и в определении владельческой принадлежности кабинетского хозяйства, результатам исследования данной проблемы представителями новосибирской школы.

Не касаясь всех аргументов в пользу близости приписных крестьян кабинетского хозяйства по их статусу к государственным, остановимся на одном из тех, что представители новосибирской школы считают наиболее вескими. В «Крестьянстве Сибири...» утверждается, что приписные крестьяне «имели право... переселяться в пределах своего ведомства... Горное начальство снисходительно смотрело на самовольные переселения»³⁷.

Специальному исследованию проблемы крестьянских переселений было положено начало М.М. Громько еще в 60-е гг. Ею справедливо было отмечено наличие объективного фактора для переселения крестьян во второй половине XVIII в. в район Кольвано-Воскресенских заводов благодаря большому пространству не освоенных под производство земель.

Автора прежде всего поразили масштабы переселений крестьян. М.М. Громько установила их путем использования материалов ревизских сказок. В них обнаружили пометки против фамилии крестьян, выбывших после проведения предыдущей ревизии, «переехал собой». М.М. Громько усмотрела в этой формулировке вольный характер переезда крестьян, их право на свободное перемещение в пределах за-

водского ведомства. Они, на взгляд автора, считались беглыми лишь в случае ухода за его пределы. Внутри же района Кольвано-Воскресенских заводов крестьяне могли переселяться по своей инициативе, заводить хозяйство на новом месте, основывать новые деревни. На основании такого решения проблемы о крестьянских переселениях М.М. Громыко пришла к заключению о большей, чем у помещичьих, самостоятельности у приписных крестьян и о том, что заводская администрация не вмешивалась в хозяйственную жизнь приписной деревни³⁸.

Хотя вывод о свободе крестьянских переселений и безразличном отношении к ним горного начальства не соответствовал тому, что было установлено исследованиями к концу 60-х гг. и в 70-е гг., в процессе работы над написанием истории крестьянства Сибири были приняты во внимание лишь позиции М.М. Громыко и Г.П. Жидкова, который считал, что приписные крестьяне «находились в поземельной зависимости, отчасти испытывали судебную зависимость, но никогда не состояли в личной зависимости от владельца округа»³⁹.

Но известно решительное несогласие с этим утверждением З.Я. Бояршиновой, которая в одном из своих выступлений отмечала: «Если считать приписных крестьян лично независимыми от феодала-владельца округа, то становится непонятным, как без внеэкономического принуждения феодал мог заставить крестьян выполнять заводскую барщину. Уже сам факт прикрепления к заводам и запрещения покидать пределы заводского округа говорит о личной несвободе крестьян». Опираясь на выявленные архивные материалы, З.Я. Бояршинова особо подчеркивала, что крестьянские переселения запрещались не только за пределы Кольвано-Воскресенского округа, но и внутри него, из одной волости в другую⁴⁰. В 1978 г. в самый разгар работы над созданием «Крестьянства Сибири...» была опубликована статья Ю.С. Булыгина, посвященная социальной сущности приписного крестьянства по материалам крестьянских переселений внутри заводского ведомства. Как и З.Я. Бояршинова, Ю.С. Булыгин пришел к убеждению, что из масштабов переселений крестьян нельзя делать вывод об их свободе.

Однако выводы З.Я. Бояршиновой и Ю.С. Булыгина о социальной сущности приписных крестьян в процессе создания «Крестьянства Сибири» не были учтены, равно как и результаты исследования К.В. Русакова по данной проблеме⁴¹.

Сложившейся в сибиреведении ситуации в изучении кабинетского хозяйства была дана оценка Н.А. Миненко в монографии, напи-

санной в соавторстве с Л.М. Горюшкиным и посвященной историографии Сибири дооктябрьского периода. Н.А. Миненко совершенно справедливо сконцентрировала внимание на очень значительных расхождениях между историками в решении проблем социальной сущности приписного крестьянства. Автор принадлежит к новосибирской школе ученых, полагающих, что приписные крестьяне кабинетского хозяйства были частью государственных крестьян или, по крайней мере, к ним ближе, чем к помещичьим. На взгляд Н.А. Миненко, М.М. Громько доказала несостоятельность вывода о крепостной зависимости алтайских крестьян, разделяемого А.П. Бородавкиным, А.Н. Жеравиной, Ю.С. Булыгиным, С.С. Лукичевым⁴².

К сожалению, Н.А. Миненко не учла того, что в опубликованных на протяжении 70 – начала 80-х гг. работах благодаря широкому использованию архивных материалов, в большинстве своем впервые введенных в научный оборот, была обоснована несостоятельность представления о свободе крестьянских переселений, хозяйственной самостоятельности приписных крестьян, их праве выбора видов хозяйственной деятельности. Сопоставление документальной базы оппонентов вышеуказанной позиции представителей новосибирской школы могло бы позволить Н.А. Миненко дать более объективную оценку их выводов концептуального значения.

Таким образом, советская историография ознаменовалась повышенным интересом к решению вопросов владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири и социальной сущности приписных крестьян в составе этого хозяйства.

Особенно интенсивно они решались с 60-х гг. XX в., со времени активной подготовки сибиреведов к написанию многотомной «Истории Сибири». Выход второго тома академического издания «Истории Сибири» ознаменовался предпочтением позиции Г.П. Жидкова в решении вопроса о владельце Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства в Сибири. Уже тогда оказались заложены основания для продолжения дискуссии по самым кардинальным вопросам истории кабинетского хозяйства в Сибири.

Авторы, считавшие возможным относить его к находившимся в личной собственности русских императоров, царской фамилии, двора, в подавляющем большинстве своем писали о владельце кабинетского хозяйства мимоходом при освещении других, главных для них проблем исследования, опираясь при этом на уже высказанную точ-

ку зрения о принадлежности заводов и рудников Сибири в составе кабинетского хозяйства кем-либо из их предшественников⁴³.

Поэтому одной из важнейших задач сибиреведов продолжало оставаться решение проблемы владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири и определение в зависимости от этого социальной сущности приписного крестьянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина о земледельческом освоении Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 18. С. 137–153; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2; Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1741 г. СПб., 1814; *Фальк И.П.* Записки путешествия от Санкт-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6.

² Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... С. 46, 56; *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 381.

³ *Радищев А.Н.* Записки путешествия в Сибирь: Избр. соч. М.; Л., 1949. С. 729.

⁴ *Герман И.Ф.* Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1747. Ч. 1. С. 288.

⁵ *Лебедев Г.Я.* Исторический очерк крепостного состояния нерчинских крестьян // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Русского географ. об-ва. Чита, 1913. Вып. 10.

⁶ *Семевский В.И.* Горно-заводские крестьяне во второй половине XVIII в. // Русская мысль. 1900. Кн. 1. С. 16.

⁷ *Зобнин Н.М.* Положение рабочих Алтая // Историко-статистический справочник. Томск, 1890. С. 393; *Он же.* Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Томск, 1884. С. 3, 19.

⁸ *Овсянкин И.* Колонизация и переселенческое дело. Алтай // Историко-статистический сборник. Томск, 1890. С. 328.

⁹ *Голубев П.А.* 200-летие русской горной промышленности. Пермь, 1904. С. 20, 22.

¹⁰ *Беликов Д.Н.* Первые русские крестьяне – насельники томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск, 1899.

¹¹ *Тыжнов И.И.* Из истории горно-заводского населения на Алтае: Материалы для истории крепостного права в Сибири. Барнаул, 1907.

¹² *Лебедев Г.Я.* Исторический очерк крепостного состояния нерчинских заводских крестьян // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Русского географ. об-ва. Чита, 1913. Вып. 10.

¹³ *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск, 1963; *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965; *Агапова Т.И.* Кабинетское хозяйство. 1747–1860-е гг. (опыт социально-экономического исследе-

дования): Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967; *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972; *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917). Новосибирск, 1973; *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1982 Ч. 2; *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири. Домарксистский период. М., 1970; *Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973; *Миненко Н.А.* Историография Сибири периода феодализма // Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири досоветского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

¹⁴ *Сорокин М.Е.* О владельческой принадлежности горных предприятий Западной Сибири в феодальную эпоху // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966.

¹⁵ Живописное путешествие по Азии. М., 1899; *Озерский А.* Очерк геологии минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. СПб., 1867; Алтай будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки. Лейпциг, 1882; *Ковригин И.* Несколько слов об Алтайском горном округе // Горный журнал. СПб., 1861. Ч. 3, № 8.

¹⁶ *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Ч. 2. С. 231–232.

¹⁷ Высочайше утвержденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. С. 3, 117, 122. Деятельность «Комиссии...» освещена в работе Г.П. Жидкова «Кабинетское землевладение». Новосибирск, 1973. С. 66–67.

¹⁸ Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России 1700–1900 гг. / Сост. А.М. Лоранский. СПб., 1900. С. 31, 68.

¹⁹ 200-летие Кабинета Е.И.В. 1704–1904. СПб., 1911. С. 175, 313, 332, 335, 340, 344–345, 394, 397.

²⁰ Нерчинский горный округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Хабаровск, 1913. С. 103.

²¹ *Малеев.* Алтайский горный округ // Русская старина. СПб., 1909. Кн. 8. С. 326; Краткий исторический очерк административных учреждений... С. 68, 153.

²² *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. Л., 1925. Т. 1; *Савич А.А.* Прошлое Урала. Пермь, 1925; *Злотников М.Ф.* Первое описание уральских и сибирских заводов // Генин В.Г. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937; Очерки Алтайского края. Барнаул, 1925.

²³ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности. М., 1947; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 2; *Кафенгауз Б.Б.* Некоторые вопросы генезиса капитализма в России // Генезис капитализма в России. Л., 1960; *Полянский Ф.Я.* Экономическая природа казенных заводов в России // Известия АН СССР. Отд. экономики и права. 1951. С. 14.

²⁴ *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в...; *Она же.* Сельская община в Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1973. Вып. 2; *Она же.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; *Она же.* Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977; *Бояришинова З.Я.*

Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Томск, 1967; *Она же*. О феодальных отношениях в русской деревне в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1969; *Она же*. Крестьянский двор в Сибири как производственная единица // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983; *Булыгин Ю.С.* Присоединение Верхнего Приобья к России и заселение его русским крестьянством в XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965; *Жеравина А.Н.* Крестьянское хозяйство в период складывания приписной деревни на Алтае (1747–1797 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969; *Жидков Г.П.* Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы (к вопросу о соотношении эксплуатации и производительных сил крестьянского хозяйства) // Освоение Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1968; *Миненко Н.А.* Крестьянская семья Западной Сибири в первой половине XIX в. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в.; *Она же*. Община и классовая борьба крестьян Западной Сибири накануне и в период кризиса крепостничества // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 1980; *Лукичев С.С.* Феодальные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян Кольваново-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1970; *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973; *Агапова Т.И.* Кабинетское хозяйство...; *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность...; *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.

²⁵ *Жидков Г.П.* Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780–1861 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1964.

²⁶ *Сорокин М.Е.* О владельческой принадлежности горных предприятий Западной Сибири в феодальную эпоху // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966. С. 126–127.

²⁷ *Агапова Т.И.* Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. // Сибирь периода феодализма: Материалы для истории Сибири. Новосибирск, 1962. Вып. 1. С. 207–228; *Она же*. Кабинетское хозяйство. 1747–1860-е гг. / Опыт социально-экономического исследования: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967.

²⁸ *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 1–7.

²⁹ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 64.

³⁰ *Жидков Г.П.* Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья в первой половине XIX в. // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1969. С. 92.

³¹ *Жидков Г.П.* Алтайские крестьяне и реформа 1861 г. (Историографические заметки) // Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976. С. 6.

³² *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Еще раз о методике изучения интенсивности эксплуатации оброчного крестьянства (ответ П.Р. Рындзюнскому) // История СССР, 1967. №2. С. 229.

³³ *Громыко М.М.* Крестьянство Сибири в эпоху феодализма // Вопросы истории. 1984. №9. С. 125–127; *Горская Н.А., Никитин Н.И.* История крестьянства Сибири // История СССР. 1984. №6. С. 171–175.

³⁴ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 225, 262, 264.

³⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 10.

³⁶ *Агапова Т.И., Изгачев В.Т., Карпенко З.Г., Романов В.В.* Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII – середине XIX в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX). Новосибирск, 1982; *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.

³⁷ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 271.

³⁸ *Громыко М.М.* Некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Киев, 1962. С. 298–299.

³⁹ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение. 1747–1917. Новосибирск, 1973. С. 110.

⁴⁰ *Бояришинова З.Я.* О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири: (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 360.

⁴¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 243.; *Булыгин Ю.С.* Характеристика социальной сущности приписного крестьянства на материале миграций населения Кольвано-Воскресенского горного округа // Из истории Алтая. Томск, 1978; *Русаков К.В.* Миграции приписного крестьянства в Кольвано-Воскресенском (Алтайском) округе в первые три десятилетия XIX в. // Барнаулу 250 лет: Тезисы докладов и сообщений на научн. конф. 1–2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980.

⁴² *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 62, 72–73.

⁴³ *Литинская В.А.* Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Азии. М., 1969. С. 12; *Лебедева А.А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начала XX в.) // Там же. С. 112; *Смирнов С.М.* Население. Экономика // Горный Алтай. Томск, 1971. С. 112; *Лойша В.А.* Из истории освоения // Там же. С. 7; *Изгачев В.Г.* Введение в историю Нерчинских заводов (XVII–XVIII вв.) // Проблемы краеведения. Чита, 1972. Вып. 7. С. 19–20; *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 41, 113; *Чемирбаева Б.Ч.* Открытие Риддерского месторождения и заселение его окрестностей // Исторические науки. Алма-Ата, 1975 Вып. 2. С. 11; *Музгин Н.Д.* Город Нерчинск. К 225-летию основания города. Иркутск, 1978. С. 21; *Уманский А.П.* Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959. С. 117; *Он же.* Обелиск в честь столетия горного производства на Алтае // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978. С. 49; *Очерки экономики Сибири.* Новосибирск, 1980. С. 8; *Кодан С.В.* Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856 гг.). Иркутск, 1980. С. 23; *Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф.* Историческая картография и топонимика Алтая. Томск, 1980. С. 67; *Сергеев О.И.* Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. С. 47; *Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 101.*

Глава 1

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ КАБИНЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИБИРИ

Исследования второй половины 80-х гг. XX – начала XXI в.

Со второй половины 80-х гг. XX в. наблюдалось сохранение стойкого интереса к истории кабинетского хозяйства. Это нашло отражение в заметном расширении круга исследуемых вопросов. Наряду с продолжением изучения хозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае появились работы, посвященные изучению мелкотоварного уклада в приписной деревне и перерастания его в буржуазный уклад. К такому выводу пришла Т.С. Мамсик на основании обработки материалов окладных книг Кайлинской волости за 1827 и 1850-е гг.¹ По составленным Т.С. Мамсик моделям группировки крестьянских хозяйств представляется возможность проследить состояние их с учетом общепринятого деления на бедняцкие, середняцкие и зажиточные.

Материалы окладных книг алтайской приписной деревни находятся в центре научно-исследовательского интереса С.И. Толстова². Огромная заслуга его состоит в организации большой группы студентов Томского педагогического университета для изучения в его спецсеминаре проблем современного крестьяноведения по материалам алтайской приписной деревни.

Значительный интерес представляют результаты исследования экономического положения приписной деревни Алтая в конце XVIII – первой половине XIX в.³

Как это присуще работам Ю.С. Булыгина, детальному изучению приписной деревни Алтая в XVIII в. посвящена его последняя, итоговая монография. Автор обобщил результаты многолетних разысканий на базе огромного массива архивных материалов. Формирование и социальная сущность приписного крестьянства, заводские отработки крестьян Алтая, их натуральные повинности, рекрутская повинность, основные отрасли крестьянского хозяйства, товарно-денежные отношения, реализация продуктов крестьянского хозяйства, землепользование в приписной деревне – один перечень вопросов, исследованных в монографии, свидетельствует о том, что

Ю.С. Булыгин успел подвести общий итог своих результатов по изучению истории приписного крестьянства Алтая XVIII в., чему он посвятил более сорока лет⁴.

История городов, горно-заводских поселков также оказалась в центре внимания исследователей⁵.

Важное место в современном сибиреведении заняло изучение системы управления приписной деревней и горнозаводского комплекса в целом. Вопросам управления городами и горнозаводскими поселками Алтая, приписными крестьянами во второй четверти XIX в., административно-территориального устройства Алтайского горного округа в середине XIX в. посвящены исследования последних лет Т.Н. Соболевой. Написанная ею объемная статья по истории самоуправления крестьян приписной деревни середины XVIII – первой половины XIX в. предваряет сборник документов, опубликованный сотрудниками центра хранения архивных фондов Алтайского края в 2003 г. В него включен огромный массив источников по истории местного самоуправления на Алтае с 1747 по 1919 г. В центре внимания Т.Н. Соболевой оказались также причины и предпосылки административных реформ в кабинетском районе Западной Сибири во второй половине XVIII–XIX в.⁶

Одним из учеников Т.Н. Соболевой А.А. Пережогиным защищена кандидатская диссертация, посвященная малоизученному явлению политической истории России – проблеме военизированного управления кабинетским хозяйством⁷. Управлению кабинетских земель в комплексе с системой управления Уралом посвящена кандидатская диссертация М.В. Кричевцева⁸. Лесоохранная деятельность крестьянской общины нашла отражение в диссертации М.О. Тяпкина⁹.

Подряды как источник накопления капиталов в рамках кабинетского хозяйства стали объектом исследования для В.Н. Разгона¹⁰.

Повседневные формы социального протеста крестьян приписной деревни, особенности крестьянских выступлений во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. исследованы в работах Т.С. Мамсик, И.В. Побережникова¹¹.

Особого внимания заслуживает подведение Н.А. Миненко некоторых итогов изучения грамотности, исторических, географических знаний крестьян Сибири, исследование фольклора, обычаев, обрядов в крестьянской среде, духовной культуры¹².

Таким образом, анализ результатов изучения истории кабинетского хозяйства убеждает в том, как много сделано сибиреведами за последние полтора-два десятилетия. И тем не менее предстоит еще

достаточно серьезная работа, связанная с необходимостью завершения затянувшейся дискуссии по самым кардинальным вопросам – по проблеме природы кабинетского хозяйства и социальной сущности приписного крестьянства.

Сохраняющиеся до сих пор расхождения по этим вопросам нашли отражение и в учебных пособиях. В одном из них Колывано-Воскресенские заводы в составе кабинетского хозяйства определяются как личная собственность царствующих императоров, в других делается акцент на сословной близости приписных крестьян с крестьянами государственной деревни со ссылкой на приводившиеся выше положения, зафиксированные в «Крестьянстве Сибири в эпоху феодализма»¹³.

На общем фоне разногласий в определении владельческой принадлежности кабинетского хозяйства на Алтае, при этом без специального исследования данной проблемы, следует отметить позицию А.В. Усольцева. Он разделяет понимание главным оппонентом Г.П. Жидкова А.П. Бородавкиным Колывано-Воскресенских заводов как императорской собственности. На основании положений «Устава Кабинета» 1827 г., условий передачи Алтайского горного округа в аренду министерству финансов в 1830 г. и Горного устава 1857 г. А.В. Усольцев считает: «Осуществлять права собственника мог только правящий государь император. Никто, кроме правящего, монарха не мог извлекать доходы. Кабинет только распоряжался от его имени». Не претендуя на окончательное решение проблемы природы кабинетского хозяйства в Западной Сибири, автор в конечном счете довольно четко определил свою позицию.

Прав он, когда утверждает, что «установление одной юридической собственности царя в отношении Алтайских заводов и земель не может служить неперменным доказательством владельческой принадлежности Алтая». Справедливо подчеркнута автором необходимость рассмотрения того, как эта собственность реализовалась на практике, чтобы оценить ее характер и социальную сущность.

Представляется обоснованным также суждение А.В. Усольцева относительно неточности термина «коронная собственность», о большей целесообразности использования понятия «императорская собственность». Собственником Алтайского горного округа автор считает правящего государя. Особенность императорской собственности состояла в отсутствии права монарха передавать округ по наследству.

Важным является и понимание автором необходимости анализа положения приписных крестьян, что также имеет значение для определения природы кабинетского хозяйства в Сибири¹⁴.

Сохранение разногласий в определении собственника кабинетского хозяйства делает невозможным занятие по реконструкции его исторического прошлого, как справедливо считает Т.Н. Соболева¹⁵. Поэтому вполне оправданным является стремление исследователей вновь вернуться к решению этой проблемы. Не случайно с этого и начинается свое монографическое исследование истории приписных крестьян Алтая Ю.С. Булыгин. Он пишет: «Для определения социальной сущности приписного крестьянства Алтая важнейшее значение имеет понимание владельческой принадлежности алтайских горных заводов всего Кольвано-Воскресенского горного комплекса, с которым приписные крестьяне были не просто связаны, а составляли его неотъемлемую часть... кто был собственником заводов и рудников, земли горного округа, на которой жили приписные крестьяне?». От ответа на этот вопрос «зависит определение социальной сущности приписного крестьянства», – заключает Ю.С. Булыгин¹⁶. Ответ на поставленный Ю.С. Булыгиным вопрос имеет принципиально важное значение для определения собственника всего горнозаводского комплекса под управлением Кабинета, в состав которого с 1787 г. были включены и Нерчинские заводы «...на таком же основании как состоят Кольвано-Воскресенские заводы»¹⁷.

Следует признать достаточно плодотворными размышления Ю.С. Булыгина по поводу терминологии, которая используется исследователями в определении собственника кабинетского хозяйства. Никем, кроме него, ранее не обращалось внимания на неточность термина «кабинетское землевладение», поскольку Кабинет был лишь управляющим хозяйством, возникшим на Алтае с 1747 г. Совершенно очевидна неоднозначность содержания понятий «управление» и «владение». В этой связи следует признать неоправданным название статьи, посвященной анализу законодательства как источника для определения собственника кабинетского хозяйства¹⁸.

Ю.С. Булыгин допускает возможность использования вслед за Г.П. Жидковым применительно к кабинетскому хозяйству термина «коронное землевладение». Однако он вкладывает в него содержание, не совпадающее с представлением Г.П. Жидкова, который «коронную собственность» рассматривает равнозначной понятию «кабинетская собственность», считая ее частью государственной собственности¹⁹. Основной вывод Ю.С. Булыгина сводится к признанию всего

горно-заводского комплекса на Алтае частной собственностью российского императора независимо от того, как бы ее ни называли²⁰.

Заслуживают внимания размышления Т.Н. Соболевой, которая попыталась уловить связь истории кабинетского хозяйства на Алтае с общероссийскими процессами. По признанию автора, более углубленное изучение этих процессов «заставило отказаться от ранее декларируемого взгляда на Кольвано-Воскресенский округ как на государственную собственность и разделить мнение тех ученых, которые подчеркивают ее сложный характер²¹. Под сложным характером принято считать сочетание в кабинетском хозяйстве государственного и частнособственнического начал.

Особое внимание Т.Н. Соболева концентрирует на противоречивом влиянии быстрого роста чиновничества, укрепления его позиции и подрыве, как считает автор, царской монополии на политическую власть²².

Т.Н. Соболева считает важным показателем процесса подрыва царской монополии на политическую власть завершившееся при Екатерине II отделение личной канцелярии главы государства от «материальных дел» императрицы, средоточием которых становился Кабинет Е.И.В. На основании анализа именного указа Кабинету от 16 июля 1786 г. «О новом устройстве оного» автор приходит к заключению: «Его (кабинета. – А.Ж.) комнатная сумма после 1786 г. была в определенной степени ориентирована на удовлетворение общегосударственных потребностей»²³.

Похоже, что Т.Н. Соболева имеет в виду расходы Кабинета на государственные нужды за счет доходов, которые поступали от управляемого им хозяйства в Сибири²⁴.

В современной историографии продолжают сохраняться расхождения по одному из самых главных вопросов истории кабинетского хозяйства. Без специального изучения обстоятельств, при которых оно сформировалось, исследователи считают его государственной, кабинетской, личной императорской собственностью, собственностью императорского двора, фамилии²⁵.

Между тем сохранение разногласий в определении собственника кабинетского хозяйства делает невозможным не только занятие по реконструкции его исторического прошлого, но и решение важнейших проблем общероссийской истории²⁶.

В последние годы в сибиреведении начинают высказываться соображения относительно того, что с возникновением кабинетского хозяйства на Алтае появились благоприятные условия для решения

проблемы пополнения государственной казны за счет золота и серебра с Кольвано-Воскресенских заводов²⁷.

Все вышесказанное относительно степени изученности истории кабинетского хозяйства в Сибири свидетельствует о незавершенности его исследования по самым кардинальным проблемам. Не может считаться нормальным явлением отечественной историографии сохранение в течение столь длительного времени дискуссии по основным вопросам истории данного хозяйства – его природы и социальной сущности приписных крестьян. Требуется также решение вопроса об источниках пополнения государственного бюджета России во время функционирования кабинетского хозяйства в Сибири в до-реформенный период. Важным представляется выяснение, действительно ли с середины XVIII в. благородные металлы с Кольвано-Воскресенских заводов стали источником пополнения государственной казны России.

Новые направления в отечественной историографии конца XX – начала XXI в.

В последние десятилетия большую роль в отечественной науке приобрела историческая концепция, представленная трудами М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя и других «Анналов». Она стала достоянием всего мирового сообщества историков еще в 60–70-е гг. XX в. «Анналы» исходили из признания истории как науки не о вещах или явлениях, а о человеке. Их заслуга состоит в том, что они первыми осознали необходимость изучения человека как существа многогранного.

История рассматривалась «Анналами» как наука о людях во времени, человек ими воспринимался не как абстрактный человек и не просто во времени. История имеет дело с людьми, живущими в обществе, членами которого они являются, при этом членами общества в определенную эпоху его развития. Люди этого общества обладают многочисленными, всевозможными видами деятельности. «Анналы» считали необходимым конкретно-исторический подход к изучению не просто людей в обществе, а людей, живущих в определенной социальной среде, в процессе многообразных форм деятельности их и вершится история. В ней человек должен рассматриваться на фоне социальной группы, членом которой он является²⁸.

Таким образом, одна из важнейших тенденций современной исторической науки состоит в превращении истории в науку о человеке. В отечественной историографии длительное время внимание уделялось лишь людям власти. «Простые люди в сознании советского историка сливались в социальные классы и абстрактные широкие народные массы. В результате человек со свойственной ему картиной мира, установками и жизнедеятельностью оказывался в осознании исследователями исторического процесса где-то на обочине»²⁹.

Одним из направлений современной отечественной историографии является исследование внутреннего мира человека, его переживаний в контексте его многофункционального поведения, основы которого также были заложены «Анналами»³⁰.

Жизнь разнообразна и многолика в своих проявлениях. Наряду с эпохальными событиями, затрагивавшими коренные интересы народов и государств, – войнами, научными открытиями, техническими изобретениями, открытиями новых земель всегда существовало то, что называется повседневностью³¹.

С 80-х гг. XX в. в исторической науке идет формирование устойчивого интереса к индивиду, к анализу конкретных жизненных ситуаций. В современной историографии все больше места занимает человеческая индивидуальность. История рассматривается как наука о человеке, изменяющемся в социально «темпоральном пространстве»³².

Изучение повседневности имеет важное значение для осмысления места человека в истории. Современная историческая наука, по определению Л.П. Репиной, характеризуется вторжением в самые различные области социально-исторического бытия человека. Новый этап в современной исторической науке отмечен переходом с изучения крупных государственных процессов прошлого на анализ межличностных отношений в малых группах, повседневного жизненного опыта прошлых поколений. При этом важнейшее значение приобретает исследование индивидуальной деятельности, сознания и поведения людей. Изучение повседневной жизни позволяет шире исследовать практику повседневных отношений, дает возможность учесть творческую роль личности, механизм принятия решений индивидом. А это, в свою очередь, способствует обеспечению синтеза индивидуального и социального в истории³³.

История повседневности оказывается теснейшим образом связанной с восприятием человеком прошлого окружающего его мира, со своеобразием групповых поведенческих норм, с отражением в

жизни людей, в их сознании, в поведении как социальной группы, так и отдельного человека. Представляется возможным через изучение повседневности исследование того, какими чувствами и представлениями люди руководствовались в своих действиях, что их побуждало поступать так, а не иначе³⁴.

В процессе изучения повседневности важная задача сводится к реконструкции поведения людей прошлого путем присущего им способа восприятия действительности³⁵.

Со второй половины XX в. с появлением и укреплением позиций «новой научной истории» исследования в ее духе характеризовались отчетливо выраженным объясняющим или аналитическим в отличие от описательного (нарративного) подходом. В области обработки источников был произведен настоящий переворот, связанный с широким использованием математических методов. Они позволили освоить огромные массивы статистики, ранее недоступные для анализа историками. Однако, кроме распространения количественных методов и компьютерной обработки массовых источников, «новая история» внесла существенный вклад в применение современных теоретических объясняющих моделей для анализа прошлых обществ³⁶.

Значительный интерес представляет современное понимание описания и объяснения в истории. Общеизвестно, что первое предшествует второму. Описание оперирует частным, единичным, объяснение опирается на общее, типичное. Историческое знание в виде преимущественного описания рассматривается включающим в себя и элементы объяснения, точно так же, как объяснение должно содержать в себе элементы описания.

Научное знание в виде преимущественного описания не означает, что оно не является теоретическим или является менее теоретическим, чем знание в виде преимущественного объяснения. Сегодня архаичным признается знание в форме описания именовать «фактографией», а объяснение – «теорией»³⁷.

Мир прошлого можно понять, только вживаясь в него, сопереживая, чувствуя. Если прошлую жизнь можно понять только исходя из нее самой и с помощью индивидуального проникновения в нее, то именно познание изнутри можно считать главным способом продвижения к истине³⁸. Об этом очень хорошо сказано знаменитым российским историком М.И. Ростовцевым: «История – часть жизни, и каждое изучаемое явление историк должен зрительно представить, т.е. оно должно предстать перед ним как картина жизни, а не как теоретическая абстракция»³⁹.

При этом особую значимость приобретает историческое объяснение изучаемого явления. Еще в 60-е гг. XX в. К. Поппер обосновывал необходимость локальной ограниченности исторического объяснения: «Попытка объяснить историю в целом, – писал он, – не то, что я назвал бы историческим объяснением. Объяснение историка должно быть в каком-то смысле локальным – относиться к определенному времени и определенным людям». Он скептически относился к крупномасштабным интерпретациям, претендующим на осмысление исторического процесса в целом»⁴⁰.

И сегодня считается, что лишь занятие какой-то узкой отраслью исследования может принести наибольшую пользу, при этом, разумеется, без гипертрофированного представления о «своей» проблематике, при понимании значимости других, «чужих», порой далеких проблем. Не случайно Ю.А. Поляков особо подчеркивает значимость умения, желания, потребности поддержать эти проблемы, искренней заинтересованности во всем, что касается науки⁴¹.

Одна из важнейших задач исторической науки состоит в том, чтобы индивидуальный исторический опыт человека сделать общественно значимым. Только реконструкция жизненного мира создает основу для правильного понимания исторического явления и понимания истории общества.

В современной историографии огромное значение придается искусству понимания текстов. В этой связи возрастает значимость нового понимания эмпирического материала, происходит переход от «источника» к «информации», к восприятию одного и того же документа как источника разной информации⁴².

Проблема поведения людей в определенные исторические моменты, поведения конкретного человека позволяет услышать голос человека прошлого, определить особенности его взаимодействия с окружающей его природной и социальной средой⁴³.

Микроисторики Западной Европы, десятилетиями занимавшиеся изучением истории одной деревни, накопили богатый опыт понимания текста, извлечения из него информации, на первый взгляд вроде бы и не присутствующей в нем. В частности, Дэвид Уоррен Сэбиан более 30 лет исследовал одну-единственную деревню Неккархаузен – одну из старейших в мире, что в 20 км от Штутгарта. Одна из важнейших задач его исследования была сведена к извлечению из источников «голоса» маленьких людей, селян, не оставивших собственноручно написанных текстов – из протоколов церковной консистории. Они открыли широкую панораму повседневной жизни де-

ревни. По текстам протоколов ученый сумел воссоздать историю сотрудничества и соперничества власти и подданных, полных конфликтов взаимоотношений жителей деревни между собой. Различные голоса, соединяясь, рассказали о поведении и повседневной жизни крестьян⁴⁴.

Существенную роль в исторической науке, как и в других науках, играют гипотезы. Но гипотезы не должны восприниматься как истина при реконструкции прошлого⁴⁵. Во избежание соблазна подогнать решение под уже известный ответ требуется видение процесса, а не его узнавание⁴⁶.

Соответствуют ли гипотезы историческим реалиям, зависит от того, насколько они находят подтверждение фактами.

Всякое историческое исследование предполагает изучение источников, на основе которых может быть создан его фундамент, на основе которого только и возможны историко-теоретические построения. Одним из наиболее существенных достижений мировой исторической науки 40-х гг. XX в. явилась развитая Ф. Броделем оригинальная теория исторических кризисов как органических структурных элементов развития общества, а не свидетельств его упадка. Бродель, не согласившийся с концепцией О. Шпенглера о неизбежном упадке и рассматривавший отдельные исторические кризисы только его последовательными вариантами, высказал свои соображения. Он предположил, что между кризисами «существуют какие-то площадки, эпохи равновесия, о которых историки говорят совершенно недостаточно». В ходе истории Бродель считал необходимым отмирание одних ценностей для того, чтобы «рождались другие, отличные от них, но которые ими питаются, следуя беспощадному ритму смены смерти и жизни». Такой «исторической площадкой» для Броделя стала вторая половина XVI в., составившая хронологические рамки его исследования. Это был период равновесия, когда только едва обозначились симптомы заката Средиземноморья. Для обоснования своей гипотезы Ф. Бродель собрал материалы в архивах Франции, Испании, Италии, Австрии, Германии, Турции. Именно собранные им архивные материалы обеспечили автору возможность нарисовать, по определению Б.Г. Могильницкого, «впечатляющую картину Средиземного моря и средиземноморского мира во второй половине XVI в. в органичной целостности всех составляющих его аспектов». Б.Г. Могильницкий самой главной заслугой Броделя считает, что «все историко-теоретические построения ученого, каждый его принципиальный вывод основывается на об-

ширном массиве фактического, преимущественно архивного материала». На вопрос журналиста о том, что он главным образом читает, Бродель не случайно ответил: «Без всякого сомнения – архивы. У меня безусловная страсть к документу, который еще никто не знает, к кипам бумаг, которые еще никто не перечитывал. Я бесконечно предпочитаю рукопись печатному слову»⁴⁷.

Пример научного подвига Ф. Броделя – исключительный показатель наивысшего достижения в разработке оригинального историко-теоретического построения и методов его доказательства.

Изучение истории прошлого нередко связано с созданием гипотез и теорий, которые требуют в обязательном порядке подтверждения фактами. Если этого не происходит, любая теория теряет право на существование. Применительно, очевидно, к области литературоведения В. Шкловский писал: «Если факты разрушают теорию, то тем лучше для теории. Она создана нами, а не дана нам на хранение»⁴⁸.

О том же самом, но другими словами и пространнее убедительно сказал в мае 1978 г. во вступительном слове к «Мальшевским чтениям» Д.С. Лихачев: «Наука – это многоэтажное здание. Она имеет фундамент – материал, который наука изучает; потом есть первый этаж – непосредственное изучение этого материала, а над этим возвышаются этажи «проблем» и «теорий», обобщений и гипотез... Никакое здание не может быть построено без первого этажа. Здание может быть одноэтажным, без второго этажа, но здание не может начинаться со второго этажа. Первый этаж всегда должен быть»⁴⁹. Очевидно, здание может начинаться со «второго этажа» на стадии появления предположений, как это имело место в подходе Ф. Броделя к изучению Средиземноморья второй половины XVI в., к выбору объекта исследования и определению его хронологических рамок. Содержание же этого «второго этажа» определилось лишь после осмысления собранного ученым огромного массива архивных материалов в хранилищах стран Западной Европы.

Представляется уместным в связи со сказанным выше привести еще одно суждение академика Д.С. Лихачева: «...что хотелось бы особенно подчеркнуть. В современных условиях развития общественных наук «телега» часто ставится впереди «лошади»: сперва создаются концепции и определяются выводы, а потом уже к ним подыскиваются доказательства и необходимые для «обоснования» материалы». Об этом Д.С. Лихачев писал в «Предисловии» к юбилейному изданию в честь академика Н.Н. Покровского, которого он высоко ценил именно за то, что ученый «всегда во главу угла ставит

изучение материала и только на нем основывает свои выводы. Именно поэтому они интересны, важны и, смею утверждать, будут долговечны в науке. Тому же он учит и своих учеников»⁵⁰.

Таким образом, с изучения источников начинается всякая серьезная историческая работа. Именно на их основе с учетом достижений предшественников в исследовании проблемы может быть создан фундамент исторического исследования.

Одним из важнейших методов исторического исследования, широко используемых учеными, является сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общее и особенное в исторических явлениях, единство и разнообразие исторического процесса, помогающий понять истинную суть истории⁵¹. В свое время данный метод исследования использовал М. Блок для понимания феодального общества как целостной системы. Использование сравнительно-исторического метода имеет важное значение для сопоставления разных вариантов развития сибирской деревни в период позднего феодализма, для выявления общего и особенного в судьбах приписной и государственной деревни в Сибири. Сравнение форм зависимости важно для определения путей социального развития приписной деревни в составе кабинетского хозяйства.

Таким образом, в процессе пересмотра методологических основ исторических исследований ученые получили возможность более глубокого осмысления прошлого. Произошел отказ от бытовавшей ранее односторонности в оценке явлений, фактов, роли конкретных исторических личностей. Была признана недопустимость преувеличения роли одних событий и исторических персоналий, преуменьшения или даже замалчивания других.

Новый подход к изучению исторического прошлого сопровождался стремлением к избежанию преувеличения значения «базисного» в истории, недооценки «надстроечных» факторов и процессов (сферы духовной жизни, национальных особенностей, включая психологию, традиции, религию и т.д.).

Особое внимание было уделено возможностям использования цивилизационного подхода к изучению истории человечества как антитезы ее делению на общественно-экономические формации. Способ познания на основе только формационного подхода к изучению прошлого перестал в отечественной историографии рассматриваться в качестве единственно верного. Противопоставление цивилизационного подхода теории общественно-экономических формаций завершилось признанием права обоих подходов к изучению ис-

торического прошлого. Ученые отошли от категорического отрицания формационного принципа изучения истории, признания единственно верным только цивилизационного подхода.

С учетом вышесказанного в последние годы идет довольно интенсивный процесс накопления опыта реализации новых методов и методик исследования исторического прошлого Сибири. Этому был посвящен доклад В.Н. Разгона на очередных чтениях памяти профессора А.П. Бородавкина, сделанный на пленарном заседании в октябре 2001 г.⁵²

К отмеченным В.Н. Разгоном достижениям современного сибиреведения следует отнести активное участие В.А. Зверева в обосновании необходимости и возможности научно-исторического исследования социального образа жизни как цельной системы. Им разработана программа изучения социального образа жизни сельского населения досоветской Сибири. Образ жизни автором понимается как способ или характер всех форм жизненной активности данной личности, социальной группы или общества в целом, детерминированный как собственной природой субъекта активности, так и внешними по отношению к нему условиями и факторами его жизни. Исследование образа жизни дает возможности учета объективных и субъективных условий и факторов жизнеактивности сельского населения Сибири⁵³.

В русле одного из важнейших направлений современного сибиреведения исследована повседневная жизнь горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в.⁵⁴

Весьма результативным и значимым является продолжение изучения повседневной жизни сибирских крестьян Н.А. Миненко⁵⁵. Введение ее в научный оборот массовой документации крестьянских общин сопровождается большой работой, связанной с классификацией использованных источников, с их основательной критикой. По материалам наставлений, наказов, инструкций, рапортов, приказов, приходно-расходных штрафных книг и журналов, по документам, исходящим непосредственно от крестьян, автором продемонстрирована возможность изучения повседневной жизни крестьян, многих сторон их общественного сознания.

Как уже отмечалось, в последние годы заметно расширился круг проблем, разрабатываемых учеными Барнаула по истории кабинетского хозяйства Алтая.

В.Б. Бородаевым и А.В. Контевым было уделено внимание изучению таких важных источников по истории Кольвано-

Воскресенских заводов второй половины XVIII – первой половины XIX в., как рукописи генерала Г. Веймарна, академика И. Германа и горного инженера А. Кулибина. А.В. Контевым предпринята удачная попытка реконструкции рукописи генерала Г. Веймарна – первого историко-статистического описания алтайских предприятий, до настоящего времени полностью не опубликованного. Ценность проделанной А.В. Контевым работы определяется в значительной степени введением в научный оборот большого круга материалов, извлеченных им из фондов центральных и сибирских архивов⁵⁶.

Современные методы исследования оказываются применимыми и для исследования истории кабинетского хозяйства в Сибири. В соответствии с главными задачами его изучения в данном исследовании важное значение приобретают источники, необходимые для определения природы кабинетского хозяйства в Сибири и социальной сущности крестьян, приписанных к хозяйству, оказавшемуся под управлением Кабинета на Алтае и в Восточном Забайкалье.

Источники для изучения истории кабинетского хозяйства в Сибири

В Сибири с её земельными просторами при отсутствии помещичьего землевладения отношения феодального собственника и зависимого от него крестьянина-держателя приобрели специфическую форму. Вся земля к востоку от Урала являлась собственностью государства, за пользование ею непосредственный производитель должен был выполнять феодальную ренту. Вследствие господства вольно-захватного землепользования в Сибири правительство стремилось добиться обязательного обеспечения крестьянами тягла и не препятствовало передаче его полностью или частично другому лицу. По единодушному признанию ученых, крестьянин при системе государственного феодализма в условиях сибирской окраины с её огромными фондами земель и трудностью контроля со стороны администрации обладал относительной самостоятельностью⁵⁷.

Под влиянием социально-экономического развития Сибири менялись формы феодальной эксплуатации, однако сущность взаимоотношений государства, выступавшего здесь в качестве феодала, и крестьянина, пользовавшегося землей, оставалась прежней.

На конкретном сибирском материале исследователями установлено, кроме государственной, наличие и частновладельческой феодальной собственности на землю, возникшей как церковная и монастырская и просуществовавшей до секуляризации монастырских земель в 60-е гг. XVIII в.⁵⁸ С 80-х гг. этого столетия носителем частнособственнических отношений в Сибири, по мнению Г.Ф. Быкони, являлась военная и гражданская местная бюрократия, получившая «более реальное монопольное право владения людьми»⁵⁹.

На этом общем фоне сибирской истории важность приобретает решение вопроса о природе крупного землевладения, возникшего с появлением на восточной окраине России кабинетского хозяйства.

М.А. Барг обращал особое внимание на то, как сложно определять характер собственности. Он отмечал, что «самое трудное в ремесле историка заключается именно в необходимости каждый раз определять, в какой форме общесоциологическая категория проявляется (материализуется) в данную эпоху и более того – в данной стране»⁶⁰. Правомерным при этом представляется добавление «в данном регионе», ибо могут различаться временные и пространственные рамки исследования категории «феодалная собственность», но метод исследования в любом случае останется один и тот же. Он предполагает в качестве исходного изучение конкретно-исторического материала, которое в обязательном порядке должно предшествовать теоретическим выводам⁶¹.

Общеизвестным является признание зависимости уровня эксплуатации крестьян от характера феодальной собственности на землю.

Для определения автором собственной позиции о характере землевладения в кабинетском хозяйстве в Сибири потребовалось обращение ко всему комплексу актов, изданных с начала его формирования до реформы 1861 г.

В процессе сбора источников удалось выявить также указы, не вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи», но опубликованные в составе различных сборников в конце XIX – начале XX в. Главное внимание при анализе законодательных актов обращалось на условия, на которых Колывано-Воскресенские, а затем в 1787 г. и Нерчинские заводы включались в кабинетское хозяйство, на выяснение, произошли ли какие-либо изменения в этом плане с 1747 г. до 60-х гг. XIX в.

Для решения проблемы владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири важное значение имеют выявленные и опубликованные в конце XIX в. статс-секретарем А.Н. Куломзиным

финансовые документы России второй половины XVIII в. (материалы об источниках госбюджета, статьях доходов и расходов, финансировании Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов).

Никто из исследователей не обращался к использованию материалов трехтомного «Сборника указов по монетному и медальному делу в России», публикация которого имела специальное целевое назначение в качестве справочника для нумизматов. «Сборник...» составлялся для Александра II, обладателя коллекции русских медалей и монет, занимавшей одно из первых мест среди полнейших русских нумизматических собраний. «При своих изысканиях» император нуждался в справках из «Полного собрания законов...», работа с документами, сконцентрированными в томах «Полного собрания законов...», каждый из которых содержит до тысячи страниц, была сопряжена с колоссальными трудностями; часто не представлялось возможным найти необходимую справку о тех или иных монетах или медалях.

Для удобства пользования законодательными актами в «Сборник...» были включены документы об изготовлении монет и медалей в хронологическом порядке с 1649 по 1881 г. Опубликованные в нем указы облегчают поиски материалов, необходимых для ответа на вопрос, каким путем приобретались правительством металлы для изготовления денег до возникновения и в период существования кабинетского хозяйства в Сибири, как использовались золото и серебро с Алтая и Забайкалья в качестве сырья для чеканки монет, кому они принадлежали.

К числу не использованных исследователями относятся документы «Сборника исторических материалов, извлеченных из архива Первого Отделения собственной Е.И.В. канцелярии», учрежденной во время Отечественной войны 1812 г. для ведения дел, «подлежащих Высочайшему усмотрению». Всего в конце XIX – начале XX в. было осуществлено 15 выпусков этого «Сборника...». Наибольший интерес в нем представляют материалы о расходах, которые относились «на счет Кабинета». Материалы Сенатского архива за 50–60-е гг. XVIII в. (протоколы заседаний Сената, именные указы, высочайшие повеления Сенату по финансовым вопросам) содержат ценные сведения об источниках пополнения «комнатной суммы» русских императоров, а архив дирекции императорских театров за 1746–1801 гг. – о постоянных, «чрезвычайных» (единовременных) пособиях, пожизненном содержании артистов и музыкантов императорских театров с указанием средств, за счет которых выдавались эти пособия.

Были использованы также «Записки» и «Мемуары» Екатерины II, «Бумаги императрицы Екатерины II», хранившиеся в архиве Министерства иностранных дел и опубликованные в 70-х гг. XIX в., переписка Екатерины II с Вольтером, её письма барону Гримму, управляющему Кабинетом А.В. Олсуфьеву, статс-секретарю А.В. Храповицкому, воспоминания и дневники статс-секретарей Екатерины II А.В. Храповицкого и А.М. Грибовского, переписка представителей придворной знати, опубликованная в виде отдельных изданий или на страницах «Русского архива» в конце XIX – начале XX в. Ценные сведения содержатся в записках графа Л.Ф. Сегюра, составленных во время его пребывания в России (1785–1789 гг.), в дневниках и воспоминаниях иностранцев, побывавших при русском дворе во второй половине XVIII – первой половине XIX в., придворного ювелира Позье, в биографических очерках и автобиографических заметках придворной знати, помещенных в «Русском архиве» (ежегодно выходило с 1863 по 1917 г. по 12 выпусков) и «Архиве князя Воронцова» (в 40 книгах вся родословная Воронцовых, их переписка на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. друг с другом и государственными деятелями, дипломатами той поры). Материалы названных архивов внимательно изучены и всё, связанное с наградами придворной знати за счет «комнатных сумм», учтено. Они дают возможность судить о расходах и целевых назначениях их из «комнатных сумм», о жизни русского двора и придворной знати, удовлетворявших свои безграничные потребности и за счет трудового населения Алтая и Восточного Забайкалья.

Большую ценность представляет огромный массив материалов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), Российского государственного архива древних актов в Москве (РГАДА), государственных архивов Читинской, Томской, Новосибирской областей (ГАЧО, ГАТО, ГАНО) и Центра хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК).

Именно они послужили основной источниковой базой для изучения фактического положения приписных крестьян.

В РГИА отложился хорошо известный исследователям обширный фонд Кабинета (Ф. 468). Наибольший интерес в нем представляют доклады управляющих о состоянии дел на Алтайских и Нерчинских заводах, «доношения», рапорты царю, запросы горного начальства заводов, переписка Кабинета и горного начальства.

В фонде Кабинета сохранилась его переписка с Сенатом по поводу присылки Сибирской губернской канцелярией пришлых в рай-

он Колывано-Воскресенских заводов и беспорядков в связи с массовым невыходом крестьян на работу в 80–90-е гг. XVIII в.

Переписка Кабинета с канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства по вопросу о снабжении мастеровых и служащих продуктами питания позволяет решить две важнейшие проблемы: во-первых, являлись ли поставки провианта для крестьян повинностью, и, во-вторых, по каким (принудительным или рыночным) ценам поставлялся крестьянами провиант.

Известно, что с 1779 г. обязательные поставки провианта были отменены. Новые материалы дают ответ на вопрос об условиях приобретения горно-заводским начальством провианта у крестьян после 1779 г.

Из фонда Кабинета использованы материалы, позволяющие судить об отношении горного начальства к хозяйственной деятельности приписных крестьян, что в конечном счете определяло содержание аграрной политики Кабинета, об усилиях, направленных на осуществление этой политики горным начальством, что хорошо прослеживается по его переписке с Кабинетом.

В данном же фонде сохранились сведения о расценках заводских работ, о ценах на продукты питания в заводском ведомстве. Важное значение имеют материалы о крестьянах, поселившихся в пределах заводского ведомства на Алтае после 1747 г.

Переписка Кабинета и горного начальства Нерчинских заводов содержит богатый материал для изучения вопросов управления крестьянами, о тяжести заводских работ, месте заводского хлебопашества в снабжении Нерчинских заводов провиантом и фуражом, порядке принуждения крестьян к обработке заводской пашни, об отношении самих крестьян к этой повинности.

Богатейший материал по проблемам исследования отложился в фондах канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства и горной экспедиции в ЦХАФ АК (Ф.1, 169). Часть фонда канцелярии горного начальства, распоряжения горной экспедиции, рапорты об их исполнении от судебных и земских изб, волостных правлений дают возможность решать вопрос о степени зависимости приписных крестьян и уровне их эксплуатации в дополнение к тому, что было выявлено исследователями. Документы по судебным делам, отложившиеся в указанных фондах, содержат важные сведения о злоупотреблениях заводского начальства при выполнении крестьянами заводских работ, наборе рекрутов, раскладе заводских работ.

В ГАЧО были использованы дела фонда Нерчинской горной экспедиции (Ф. 31). Никем ранее не использованные материалы об операции

перехода Нерчинских заводов в ведение Кабинета представляют исключительную ценность для определения характера земельной собственности применительно к кабинетскому хозяйству в Сибири. Указы Кабинета, отчеты Нерчинской горной экспедиции перед Кабинетом являются ценнейшими источниками, без учета которых невозможно создать представление о Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводах как едином хозяйственном комплексе.

Тот факт, что при передаче Нерчинских заводов в ведение Кабинета в основу управления ими были положены именные указы, изданные по Колывано-Воскресенским заводам в 1747 г., свидетельствует о практической значимости последних и их действительности.

Материалы фонда Нерчинской горной экспедиции дают веские основания для ответа на вопрос о владельце Нерчинских заводов после передачи их в ведение Кабинета, о размерах доходов владельца заводов. В нем содержатся многочисленные сведения, необходимые для изучения широкого круга проблем (источников формирования крестьянства заводского ведомства, управления приписными крестьянами, методов внеэкономического принуждения, действия системы рекрутских наборов в заводском ведомстве и др.).

Огромный по объему и разносторонний по содержанию материал хранится в фондах Бийской и Бердской судных и земских изб в РГАДА (Ф.1401, 1402). В ГАТО и ГАНУ были извлечены материалы около 30 фондов Чаусской судной избы и судной конторы, Бердской, Легостаевской, Кайлинской, Боровлянской, Тутальской, Пачинской, Чарышской, Тальменской земских изб, Бийского, Тутальского, Боровлянского, Пачинского, Тальменского, Бердского, Белоярского волостных правлений, Бердского и Чаусского земских управителей.

В отличие от исследователей, выборочно использовавших материалы фондов судных и земских изб, волостных правлений, мною был осуществлен сплошной их просмотр, что позволило глубже вникнуть в суть процессов, происходивших в приписной деревне. Так, приступая к сбору документов, а затем к осмыслению их, я первоначально исходила из утвердившихся в науке представлений о свободе крестьянских переселений в пределах заводского ведомства, о поставках крестьянами Алтая провианта для заводов и рудников по рыночным ценам. Однако по мере выявления материалов, ранее не учтенных исследователями, стало ясно, что судить о характере и условиях поставок провианта некорректно без обращения к документации, по которой прослеживается выполнение указов о постав-

ках провианта крестьянами, отношение последних к диктовавшимся со стороны горного начальства принудительным ценам.

Обнаруженные факты наказания крестьян за самовольные переезды на другое место жительства первоначально воспринимались как исключения из правила, характеризовавшегося наличием свободы переселений крестьян внутри заводского ведомства. Но по мере выявления все новых и новых фактов пресечения переездов крестьян возникало сомнение в правомерности устоявшегося взгляда по этому вопросу. В конце концов осмысление всей совокупности собранных материалов из фондов различных судебных и земских изб, волостных правлений, канцелярии начальства Колывано-Воскресенских заводов, Нерчинской горной экспедиции, Кабинета с учетом распоряжений последних на протяжении многих десятилетий дало основание для выработки собственной авторской позиции по вопросу об условиях крестьянских переселений в пределах кабинетского хозяйства. Она не совпадает с точкой зрения, изложенной в новейшем академического издания исследовании «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма».

Из разрозненных же фактов за многие десятилетия сложилось представление о содержании аграрной политики Кабинета и системе рекрутских наборов в приписной деревне.

Исключительно трудоёмкой оказалась работа, связанная с прочтением законодательных актов, характеризующих владельческую принадлежность Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства. О существовании майских 1747 и январского 1787 гг. указов известно всем исследователям, по-разному определяющим природу кабинетского землевладения. Для выработки собственной авторской позиции по этому вопросу потребовалось внимательное прочтение текстов указов прежде всего от 1 и 12 мая 1747 г., на первый взгляд, очень сложных, запутанных по содержанию. Потребовалось разбить их на логически завершённые части, разобраться в сути каждой из них, затем найти связь между ними и только после этого сделать заключение относительно владельца Колывано-Воскресенских заводов под управлением Кабинета.

Для уяснения механизма передачи Нерчинских заводов в ведение Кабинета на основании указа от 5 января 1787 г. понадобилось разыскать документы, позволяющие проследить, как это осуществлялось на деле. Оказалось, что Нерчинские заводы включались в кабинетское хозяйство на условиях майских указов 1747 г., то есть

на тех же основаниях, как в свое время включались в кабинетское хозяйство Колывано-Воскресенские заводы.

Огромное значение могли бы иметь массовые источники, характеризующие объем заводских работ, приходившихся на крестьянскую семью, затраты её на выполнение отработок. По «раскладным» книгам прослеживается постоянное выполнение абсолютным большинством крестьян заводских работ в объеме большем, чем полагалось не только по числу годных в семье работников, но и ревизских душ. «Зачетные» книги содержат значительно меньше информации, чем должны были бы содержать по функциональному назначению. Известно, что часть крестьян прибегала к найму вместо себя в заводские работы односельчан или крестьян из других деревень. Однако в «зачетных» ведомостях о нанимавших и нанимавшихся в заводские работы никаких сведений нет. В них указывалась фамилия расположенного в заводские работы крестьянина, количество дней, проведенных им на отработках, и сумма причитавшихся за это время денег по расценкам 1724 или 1779 г. Ни о найме в заводские работы, ни о фактических затратах не только нанимавших вместо себя, но и отработывавших работу по «раскладу» в «зачетных» книгах никаких данных нет. Судя по ним, все крестьяне, справлявшиеся с выполнением заводских работ в полном объеме, затрачивали одинаковое количество дней, чего на самом деле никогда не бывало вследствие неодинаковых материальных возможностей каждой крестьянской семьи.

Исключительный интерес представляют документы, исходившие от самих крестьян. Их челобитные, жалобы, прошения, показания позволяют шире представить непосредственного производителя приписной деревни в действии; его усилия, направленные на улучшение условий существования, его активное противодействие жесткой эксплуатации, которой он подвергался.

Таким образом, основную массу использованных источников составляют делопроизводственные документы, включающие в себя распоряжения Кабинета, рапорты Кабинету канцелярии горного начальства и горных экспедиций, начальников заводов, – указы канцелярии горного начальства и горных экспедиций заводским конторам, земским управителям; распоряжения последним судным, земским избам, волостным правлениям; рапорты управителям с мест об исполнении указов и предписаний.

Выявленная в процессе изучения истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири документальная база дала воз-

возможность определить содержание социально-демографической и аграрной политики Кабинета в приписной деревне Алтая и Восточного Забайкалья, сущность поставок крестьянами провианта для заводов и рудников, системы рекрутских наборов в приписной деревне, условия крестьянских переселений в пределах кабинетского хозяйства, изучить практическую деятельность органов управления приписными крестьянами, установить поступление доходов с Алтая и Восточного Забайкалья в «комнату Е.И.В.».

В своей совокупности архивные и опубликованные источники позволяют решить основные задачи исследования, которые коротко могут быть сведены к изучению истории формирования приписного крестьянства кабинетского хозяйства, деятельности органов управления приписными крестьянами, методов внеэкономического принуждения крестьян прежде всего в интересах горно-заводского производства, крестьянских переселений внутри заводского ведомства, определению собственника кабинетского хозяйства в Сибири, доходов владельца Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, использования их русскими императорами.

Метод сплошного изучения дел при сборе материала в архивах на сегодня приобрел исключительную значимость. Он позволил посмотреть на приписного крестьянина во всем многообразии его поступков в каждом конкретном случае. Благодаря этому оказалось возможным поставить человека в центр исследовательской реконструкции и исследовательские усилия направить на раскрытие человеческого содержания истории.

Накопленные материалы по истории приписной деревни приобретают большое значение в связи с возможностью использования их для изучения повседневной жизни крестьян, что является одной из важнейших задач современной отечественной историографии⁶². Метод сплошного изучения источников дает возможность более полно представить людей прошлого, их дела, поступки, устремления и т.д. «Наш соотечественник, не равнодушный к прошлому своей страны, сегодня желает получить полное, со всеми подробностями представление о событиях и людях предшествующих веков»⁶³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мамсик Т.С. Сибирская крестьянская заимка в дореволюционный период // Земледельческое и промышленное освоение Сибири. XVII – начало XX в. Новосибирск, 1985; Она же. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизм формирования и функционирования аграрно-промышленной структуры. Новосибирск, 1989; Она же. Кайлинская волость: опыт изучения социально-

экономической структуры приписной деревни Западной Сибири по материалам Окладных книг 1850-х годов // *Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития* (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1992; *Она же*. Западно-сибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 г. Новосибирск, 1998; *Она же*. Традиционные типы зажиточного крестьянства Сибири (итоги волостной статистики // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений*. М., 2000.

² *Толстов С.И.* Окладные книги и их использование в исследованиях истории алтайской приписной деревни // *Проблемы источниковедения Сибири*. Барнаул, 1992; *Толстов С.И., Леонов В.П.* Хозяйственная типологизация кабинетских земель Западной Сибири в 20–50-е гг. XIX в. // *Крестьянское хозяйство: история и современность*. Вологда, 1992. Ч. 2; *Они же*. Опыт изучения хозяйственного состояния алтайского приписного крестьянства методами многомерной статистики // *Новое в изучении и преподавании истории в вузах*. Томск, 1994; *Толстов С.И.* Еще раз к спорным вопросам по социально-экономической истории алтайской приписной деревни первой половины XIX в. // *Человек в истории*. Памяти профессора З.Я. Бояршиновой. Томск, 1999; *Он же*. К вопросу о хозяйственной типологизации алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в. // *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития*. Омск, 2000; *Он же*. Крестьяноведение: предмет, трудности становления, региональный аспект // *Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6–7 октября 1999 г.* Барнаул, 2000; *Он же*. Об изучении истории алтайской приписной деревни первой половины XIX в. // *Труды второй сибирской школы молодого ученого, 20–22 декабря 1999 г.* Т. 4: История, правоведение. Томск, 2000; *Он же*. К вопросу о методике группировки алтайских приписных крестьян предреформенного периода XIX в. // *Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки – История*. Томск, 2000. № 4.

³ *Волчек В.А.* Об экономическом положении приписной деревни Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в конце XVIII – первой половине XIX в. Кемерово, 1992.

⁴ *Бульгин Ю.С.* Приписная деревня Алтая в XVIII в.: В 2 ч. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997.

⁵ *Бородавкин А.П., Масляниковский С.И.* Заводской поселок Сузун в 1764–1911 гг. // *Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма)*. Барнаул, 1986; *Винникова Т.М.* Города Алтая в первой половине XIX в. // *Там же*; *Она же*. Динамика численности горнозаводского населения Нерчинского горного округа в первой половине XIX в. // *Демографическое развитие Сибири периода феодализма: Сб. науч. тр.* Новосибирск, 1991; *Иванченко Н.В.* Горно-заводской поселок Павловск (1763–1861 гг.) // *Города Алтая...* 1991; *Никишина Н.В.* Численность и структура семьи мастеровых и рабочих людей горно-заводской промышленности Алтая во второй половине XVIII в. // *Демографическое развитие Сибири периода феодализма...*

⁶ *Соболева Т.Н.* Об управлении городами и горнозаводскими поселками Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в. // *Города Алтая...* Барнаул, 1986; *Она же*. Управление приписными крестьянами Алтайского округа в 20–50-е гг. XIX в. // *Хозяйственное освоение Сибири*.

История, историография, источники. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999 Вып. 1; *Она же*. Управление Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа // Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII- первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. С. 3–156; *Она же*. Административно-территориальное устройство Алтайского округа в 1856–1917 гг. // Проблемы истории местного управления Сибири XV–XX веков: Матер. III регион. науч. конф., 19–20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998; *Она же*. Причины и предпосылки административных реформ в кабинетском районе Западной Сибири во второй половине XVIII–XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002; *Она же*. Крестьянское самоуправление в середине XVIII – первой половине XIX в. // Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919: Сб. докл. Барнаул, 2003;

⁷ *Пережогин А.А.* Военно-горный строй на кабинетских предприятиях Западной Сибири (1747–1971 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1003;

⁸ *Кричевцев М.В.* Кабинетская система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

⁹ *Тяпкин М.О.* Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

¹⁰ *Разгон В.Н.* Купечество и кабинетское хозяйство на Алтае во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (К вопросу о подражах как источнике накопления капиталов // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 1990; *Она же*. Обслуживание кабинетского горно-заводского производства // Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае... С. 157–256; *Она же*. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 411–474.

¹¹ *Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири: вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987; *Побережников И.В.* Сословно-групповые особенности крестьянских выступлений в Западной Сибири XVIII века // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Бахрушинские чтения 1990 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1990.

¹² *Миненко Н.А.* История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма: Учебное пособие. Новосибирск, 1989.

¹³ История Алтая: Учебное пособие. Барнаул, 1983; Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986; Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987; История Сибири: Учебное пособие. Томск, 1987; *Миненко Н.А.* Развитие феодальных отношений и генезис капитализма в Сибири (конец XVI – первая половина XIX в.): Учебное пособие. Новосибирск, 1988.

¹⁴ *Усольцев А.В.* Проблема владельческой принадлежности алтайского горного округа середины XIX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 1999. № 4. С. 56–57.

¹⁵ *Соболева Т.Н.* Управление Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 6.

¹⁶ *Булыгин Ю.С.* Приписная деревня Алтая в XVIII веке... С. 22.

¹⁷ Именной указ 5 января 1787 г. «О бытии Нерчинским заводам под ведением Кабинета» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 12, № 16496.

¹⁸ *Жеравина А.Н.* Законодательство дореформенной России как источник для определения природы кабинетского землевладения в Сибири // Проблемы источниковедения истории Сибири. Барнаул, 1992.

¹⁹ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 54.

²⁰ *Булыгин Ю.С.* Приписная деревня Алтая... С. 23–31.

²¹ *Соболева Т.Н.* Управление Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 6.

²² Там же. С. 10.

²³ Там же. С. 11.

²⁴ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 22, № 16946; *Жеравина А.Н.* Поступления в «комнату Е.И.В.» от кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С. 87–92.

²⁵ Энциклопедия Барнаула. Барнаул, 2000. С. 39, 46, 49, 180, 324; *Ведерников В.В.* Горные инженеры Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1747–1896 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Барнаул, 2002. С. 26–27; *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / Ин-т истории и археологии УРО. М.: Наука, 2004. С. 236, 545.

²⁶ *Соболева Т.Н.* Управление приписными крестьянами Алтайского округа в 20–50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источниковедение. Томск, 1999. Вып. 1.

²⁷ *Кричевцев М.В.* Кабинетская система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995; *Бирюков А.Д.* О роли Кольвано-Воскресенских заводов в обеспечении сырьем Петербургского монетного двора в XVIII–XIX вв. // Матер. LIX Междунар. науч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 2003. Ч. 1.

²⁸ *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. С. 23, 24.

²⁹ *Керов В.В.* Историческая антропология: сегодня и завтра // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С. 7–8.

³⁰ *Могильницкий Б.Г.* Указ. соч. С. 24.

³¹ *Чернова Л.Н.* Купеческая элита. Лондон: Повседневная жизнь и нравы (XIV–XVI вв.) // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. М., 2003. С. 11.

³² *Ретина Л.П.* Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра. Место предисловия // Междисциплинарный подход к изучению прошлого. М., 2003. С. 11, 17.

³³ *Ретина Л.П.* Указ. соч. С. 10, 17.

³⁴ *Келле В.Ж.* Историческая антропология и ее подход к эпохе становления и эпохе Российской империи // Человек между царством и империей: Сб. матер. Междунар. конф. М., 2003. С. 11.

³⁵ *Керов В.В.* Указ. соч. С. 9.

- ³⁶ Савельева И.М., Полетаев А.В. История как теоретическое знание // Диалог со временем. 2000. Вып. 3. С. 32.
- ³⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. История как теоретическое знание // Диалог со временем. 2000. Вып. 3. С. 20.
- ³⁸ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 36.
- ³⁹ Цит. по: Поляков Ю.А. Историческая наука, люди и проблемы. М., 1999. С. 3.
- ⁴⁰ Могильницкий Б.Г. Указ. соч. С. 115.
- ⁴¹ Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 22.
- ⁴² Савельева И.М., Полетаев А.В. Эмпирические основания исторической науки // Диалог со временем. 2000. Вып. 2. С. 43.
- ⁴³ Савицкий И.В. Вытегорский помещик Август Герольд: Два портрета на фоне времени // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. М., 2003. С. 122–142.
- ⁴⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. История как теоретическое знание... С. 18.
- ⁴⁵ Экиштут С.А. «Несбывшееся воплотить!» – опыт исторического осмысления сослагательного наклонения в истории // Диалог со временем. 2000. Вып. 2. С. 93–94.
- ⁴⁶ Дэвид Уоррен Сэбиан. Голоса крестьян и тексты бюрократов: нарративная структура в немецких протоколах начала Нового времени // Современные направления в исторической науке: Серия переводов. Прошлое крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 58.
- ⁴⁷ Цит. по: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века... С. 73–74, 89.
- ⁴⁸ Судьбы Российского крестьянства / Под общ. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
- ⁴⁹ Древнерусская книжность по материалам Пушкинского Дома: Сб. науч. тр. Л., 1985. С. 163.
- ⁵⁰ Лихачев Д.С. Предисловие // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 4.
- ⁵¹ Могильницкий Б.Г. Указ. соч. С. 47, 49.
- ⁵² Разгон В.И. Современное историческое сибиреведение: тенденции последнего десятилетия // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 4–7.
- ⁵³ Зверев В.А. Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации общества: проблемы исследования // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Омск, 2004. Ч. 1. С. 18–19.
- ⁵⁴ Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004.
- ⁵⁵ Миненко А. Массовая документация крестьянских общин как исторический источник (по материалам Западной Сибири XVIII– первой половины XIX в.) // Массовые источники по истории Сибири: Бахрушинские чтения: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1989.
- ⁵⁶ Бородаев В.Б., Контев А.В. Законодательные акты 1719 и 1727 годов о частной золотопромышленности в Сибири // Золото Алтая: История и совре-

менность: Матер. науч.-практ. конф. Барнаул, 1995. С. 20–32; *Бородаев В.Б., Контев А.В.* 200 лет со времени издания академиком И. Германом «Сочинений о Кольвано-Воскресенских рудниках и заводах // Страницы истории Алтая. 1997 г.: Календарь памятных дат. Барнаул, 1996. С. 104, 107; *Контев А.В.* Открытие рудного золота на Алтае в XVIII веке (к вопросу о начале разработки Змеиногорского месторождения) // Золото Алтая... С. 43–49; *Контев А.В.* 280 лет со дня рождения военного деятеля И.И. Веймарна (1722–1792) // Немцы на Алтае – взгляд в историю: Ежегодник знаменательных и памятных дат. 2002 г. Барнаул, 2001. С. 3–7; *Контев А.В.* Рукопись генерала Г. Веймарна – первое историко-статистическое описание Кольвано-Воскресенских заводов // Алтайский сборник. Вып. 21. Барнаул, 2004. С. 121–142.

⁵⁷ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева...; *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.; Л., 1946; *Он же.* Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII век). М., 1956; *Бояришинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Том. ун-та. Томск, 1950 Т. 112; *Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX в.). Якутск, 1961; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; *Громыко М.М.* О характере поземельных отношений на государственных землях Западной Сибири в 30–80-х годах XVIII в. // Изв. СО РАН СССР. Серия общ. наук. Новосибирск, 1963 Вып. 1. № 1; *Она же.* Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и землевладельческое освоение. Новосибирск, 1965; *Она же.* Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства периода феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири: Материалы ноябрьского 1969 г. симп. по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Вып. 21. История крестьянства досоветского периода. Новосибирск, 1970; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в XVI – начале XVIII в. М., 1972; *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.* Новосибирск, 1982; *История Сибири: В 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России.* Л., 1968.

⁵⁸ *Крестьянство Сибири...* С. 118–119, 279–286; *Шорохов Л.П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках // Развитие феодальных отношений и их особенности. Красноярск, 1983.

⁵⁹ *Быкопя Г.Ф.* Русское неподатное население восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. Красноярск, 1985. С. 250.

⁶⁰ *Барг М.А.* О природе феодальной собственности // Вопросы истории. 1978. №7. С. 85, 87.

⁶¹ *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978. С. 59–121.

⁶² *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б.* Человек в повседневности: прошлое и настоящее. Научный совет РАН // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2003. №2.

⁶³ Вместо предисловия // *Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А.* Загадки русской истории. XVIII век. М., 2000. С. 5.

Глава 2

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИПИСНОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА КАБИНЕТСКИХ ЗЕМЛЯХ В СИБИРИ

Расселение пришлых в районе Колывано-Воскресенских заводов

Развитие кабинетского хозяйства в Сибири началось в то время, когда в горно-заводской промышленности России широко применялся принудительный труд помещичьих, посессионных и приписных крестьян, из крестьянской же среды комплектовались и постоянные работники промышленных предприятий – мастеровые. Кабинетское хозяйство в этом отношении не представляло исключения. В нем использовалась уже сложившаяся в стране практика обеспечения заводов и рудников рабочей силой.

В 1747 г. вместе с изъятиями у А. Демидова Барнаульским и Колыванским заводами в ведение Кабинета перешли 12 деревень Бердского острога, 17 деревень Белоярской, 5 деревень Мальшевской слобод с жившими в них приписными крестьянами (3121 душа м.п.). Тогда же была осуществлена приписка 38 деревень Кузнецкого и Томского уездов (4664 души м.п.)¹.

Указом от 12 мая 1747 г. об изъятии демидовских заводов предусматривалось заселение земель «по рекам близ оных текущим», по берегам которых предполагалось поселить всех пришлых в Сибирь, выявленных во время проведения II ревизии. Специальная экспедиция, работавшая по заданию горного начальства, пришла к заключению о возможности создания по берегам Чарыша, Алея и Убы 63 населенных пунктов с 1358 дворами. До этих мест к тому времени дошли немногие. Всего 8 мест из предусмотренных к заселению начали осваиваться до 1748 г.² Некоторые выходцы из Екатеринбургского, Тобольского ведомства, из деревень, прилежавших к городам Ишиму, Кунгуру, жили в промышленных избушках³.

От крестьян, пришедших на Алтай с Ишима ещё в 20–30-е гг. XVIII в., обнаруженных в деревнях Белоярской слободы, потребовали переселения «с пожитками и детьми в назначенные по указу места»⁴. В Кузнецкой воеводской канцелярии получили паспорта для следования к местам поселения государственные крестьяне Чердын-

ского уезда г. Тотмы, дворцовые крестьяне Московской и Нижегородской губерний, не знающий родства Т. Родионов и другие крестьяне, жившие в деревнях Бердского острога и Белоярской слободы⁵.

В деревнях ведения Чаусского острога в приписных крестьянах оказались бывшие оброчные крестьяне, казахи и драгунские дети, оставшиеся казаки – всего 71 душа м.п. вместе с престарелыми И. Осиповым (78 лет), М. Вандакуровым (72 года), А. Креплевым (85 лет), С. Казанцевым (102 года) и грудными младенцами⁶.

Крестьяне разных деревень Уткинской слободы Екатеринбургского ведомства, переведенные в «новопостроенные по Кунгурской дороги крепости... за неимением при тех крепостях довольно числа санных покосов и для посева хлебопахотных земель» в декабре 1747 г. обратились к горному начальству с просьбой позволить им поселиться и заводские работы исправлять «при здешних (Кольвано-Воскресенских. – А.Ж.) заводах»⁷.

Через десятилетия потомки отставных солдат, казаков, пришедших из деревень Тарского, Тобольского ведомств, Ишимского дискрита, г. Чердыни, бобыля Никольского монастыря г. Верхотурья, оказавшиеся по своей воле на Алтае до 1747 г. «от хлебной скудости», «шатавшихся меж дворы» или находившихся длительное время на промысле в «урочищах», а также «крещеные» ясашные (Карповы, Волынкины, Мальцевы, Фефеловы, Кукусины, Клепиковы, Сафроновы, Бабиновы)⁸ пришли к заводам, жили в деревнях ведения Бийской земской избы⁸.

Сложнее обстояло дело с зачислением в приписные крестьяне пришедших, расселившихся по всей Сибири. Выявление их и отправка на поселение к Кольвано-Воскресенским заводам в предельно короткие сроки поручались Сибирской губернской канцелярии. Работа по составлению списков пришедших началась летом 1747 г. В августе в губернскую канцелярию поступили сведения об учтенных пришедших в Чаусском остроге. Из Тарской воеводской канцелярии сообщили: «...пришедших людей как в городе Таре, так и в уезде никого не имеется». Вскоре А. Беэр, назначенный начальником Кольвано-Воскресенских заводов, сам поехал в Тобольск, где пробыл с 6 по 20 января 1748 г., пытаясь ускорить решение вопросов организованной и своевременной отправки пришедших к заводам. А. Беэр требовал высылки по зимнему пути 200 семейств. Губернская канцелярия в течение января месяца выявила всего 72 пришедших, из которых годными к поселению признали только 52 чел. Их под конвоем тогда же направили на Алтай. Из этой партии пришедших до Тары дошло

48 чел., четверых пришлось оставить здесь по болезни, четверо бежали уже отсюда. Из Тары было отправлено всего 40 чел. под усиленным конвоем из 20 тарских казаков. Губернская канцелярия объявила по всей Сибири розыск бежавших с пути следования на Алтай. Все заводские и управительские канцелярии получили приказ «по сыску заковав их в крепкие кандалы» выслать прямо в Барнаульский завод. Пойманных беглых доставили в канцелярию горного начальства⁹.

Одновременно А. Беэр потребовал всех выявленных до этого провинциальными канцеляриями пришлых, уже определенных к высылке «на прежние жилища», отправить к Колывано-Воскресенским заводам. В конце января 1748 г. он приказал Тарской воеводской канцелярии всех отправленных из Иркутска на прежние места жительства отсылать на поселение при заводах Алтая¹⁰.

Часть пришлых выявили на Невьянском заводе. Пришлых, ставших мастеровыми, во избежание остановки производства заводская контора просила канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства не отправлять на Алтай. Получившим паспорта от губернской канцелярии на въезд к местам поселения заводская контора чинила препятствия. Приказчики завода запрещали отъезжавшим продавать дома, приставляя караулы. На Невьянском же заводе оказалось 286 пришлых, определенных в богадельню. В 1748 г. в наличии их было 190 чел., из которых 50 признали годными и отправили на поселение¹¹.

Кроме того, что губернской канцелярии приходилось сталкиваться с большими затруднениями в ходе отправки пришлых к Колывано-Воскресенским заводам, она сама пыталась оставить часть из них в своем ведении. Среди определенных к поселению были написанные в посад по Тобольску, Тюмени, жившие своими домами «для торговых своих промыслов», платившие с них пошлину, «из чего казне, – как сообщала Сенату губернская канцелярия, – следует приращение». Особую заинтересованность губернские власти проявили в сохранении в своем ведении 9 чел., состоявших в купеческом окладе с торгами от 500 до 5 тыс. р., трех разночинцев, имевших торги на 500 р. каждый, 11 крестьян и бобылей с торгами от 300 до 1 тыс. р. Губернская канцелярия просила горное начальство вместо тобольского посадского Григория Осколкова принять крепостного человека его родного дяди тобольского дворянина Т. Самохвалова, И. Маслова. Г. Осколков соглашался платить ежегодно за Самохвалова подушную подать. Горное начальство ответило: «вместо Григория Осколкова наемщика принять не можно и

принят не будет». Оно направило указ в Ямышевскую крепость о возвращении из крепости назад в губернскую канцелярию наемщика Осколкова «с тем резонем, что он сюда принят не будет». Однако губернская канцелярия не теряла надежды состоятельных пришлых оставить в своем ведении. Ф. Юдину она позволила съездить в Москву за получением освобождения от высылки на поселение. Поездка оказалась для Юдина безуспешной¹².

Горное начальство, столкнувшись с явно выраженным нежеланием губернской канцелярии отправлять на поселение таких состоятельных людей, как Ф. Юдин, продолжало требовать высылки их к заводам всех без исключения. В январе 1750 г. из канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства последовал очередной указ губернской канцелярии, которым подчеркивалось, что и при Колывано-Воскресенских заводах записанные в посад и купечество пришлые «надобны для содержания и удовольствия тем купечеством в пользу заводскую», а «заводские работы купцы могут исправлять наймом». В мае 1750 г. Сенат по требованию Кабинета обязал губернскую канцелярию «без всяких проволочек далее» выслать посадских людей и из пришлых, проживавших в Тобольске и Тюмени. В конечном счете горное начальство добилось высылки их к местам поселения. Сгруппировавшись по 2–3 чел., они отправили по одному человеку раньше «для приуготовления и построения домов». В сентябре 1750 г. все остальные, кроме Курдюмова, отпущенного раньше (в 1746 г.) губернской канцелярией в сибирские города «по купеческому делу» и еще не вернувшегося к тому времени, были в местах поселения¹³.

Канцелярия горного начальства не без основания выражала недовольство тем, что время шло, а конца операции по заселению намеченных мест не было видно. Не все даже уже высланные на поселение вовремя явились туда. Почти год добирался до места назначения Смирнов, наказанный за это по требованию горного начальства битьем батогами. Части пришлых не оказалось там, где они жили в момент выявления их. К тому же не всех доставленных на Алтай горное начальство приняло. Поводом к этому служили преклонный возраст и неудовлетворительное состояние здоровья присланных на поселение, о чем свидетельствуют факты, приведенные Ю.С. Булыгиным. К ним можно добавить много других аналогичных фактов¹⁴.

Кроме причин отправки горным начальством пришлых назад, указанных Ю.С. Булыгиным, следует отметить большую задолженность части из них по подушной подати. Когда удавалось установить

держателей пришлых, их недоимки взыскивались с держателей. Но у живших в «промышленных избушках» недоимки взыскивать было не с кого. Горное начальство отказалось принять их на поселение, исходя из того, что с них невозможно будет взыскать подати за прошлые годы ни в случае определения их в мастеровые, ни в случае поселения «во крестьянстве»¹⁵. По неизвестной причине не был принят на поселение дважды приезжавший на Алтай из д. Балейской под Иркутском крестьянин Жданов, которого провинциальная канцелярия не решалась без согласия горного начальства записать в государственные крестьяне¹⁶.

Ю.С. Булыгиным установлено, что в основной своей массе пришлые поселились в заводском ведомстве в 1749–1750 гг., некоторые прибыли туда в последующие четыре года. В 1754 г. было всего 1670 пришлых, расселенных по берегам Чарыша, Алея, Убы¹⁷. К этому можно добавить, что до конца 1757 г. губернская канцелярия отправила ещё 109 чел., общее число поселенных составило, таким образом, 1779 чел.¹⁸ Не все отправленные на поселение дошли до места назначения (из-за смерти в пути, бегства с дороги, некоторые умерли в период между составлением списков и отправкой на поселение)¹⁹. Какую-то часть пришлых губернская канцелярия пыталась оставить в своем ведении, возможно, ей это в отдельных случаях удавалось сделать, как считает Ю.С. Булыгин. Запись в посад не была основанием для освобождения от отправки на поселение. В 1749 г. иркутские казаки А. Бутуреев и В. Попов привели и сдали канцелярии горного начальства партию цеховых и посадских людей с семьями (387 души о.п.)²⁰.

К началу 1759 г. осталось в «недосылке» ещё 400 чел. Во время подготовки к проведению III ревизии по распоряжению Кабинета канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства потребовала от провинциальных канцелярий, магистратов Сибири высылки к заводам всех подлежащих поселению там по указу 1747 г. Этим указом определялась и участь детей пришлых: «их детей наличных и впредь рождаемых (! – А.Ж.) отнюдь никуда не принимать, ни в какую службу, в посад и цехи и ни в какие ремесла не записывать». Они («наличные» и те, которые родятся позднее) автоматически включались в состав приписных крестьян²¹. Именным указом Сенату от 12 января 1761 г. определялась приписка и «по прежнему 1747 г. именному указу пришлых людей, присланных из Иркутска». Сенат издал указ, направленный губернским властям Сибири о высылке пришлых, ещё не отправленных на поселение к Колывано-

Воскресенским заводам²². Оказалось, что действие указа 1747 г. не ограничивалось временем его издания.

Таким образом, в интересах обеспечения Колывано-Воскресенских заводов рабочей силой и продовольствием было осуществлено заселение окрестностей заводов пришлыми в Сибирь, оказавшимися здесь по своей инициативе, независимо от того, откуда и от кого они бежали.

Процесс поселения пришлых при Колывано-Воскресенских заводах продемонстрировал стиль взаимодействия властей с людьми, наложивший отпечаток на судьбу приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Насилие было с самого начала одним из методов решения вопросов, связанных с организацией горно-заводского производства, в развитии которого существенная роль отводилась крестьянам.

Ограждение приписных крестьян от набора в службу на военных линиях

В мае 1750 г. командующий пограничными войсками в Западной Сибири генерал-майор Киндерман внес в Сенат предложение о наборе ввиду «наибольшей в Сибири в нерегулярных людях надобности» из каждой тысячи государственных крестьян по 100 человек, поставив во главе их сведущих в военном деле людей. Сенат, приняв во внимание доводы командующего, издал в декабре этого же года специальный указ. Киндерман получил «добро» на мобилизацию 15 тыс. чел., расписав их по полкам и командам. Находившемуся на Кузнецкой и Колыванской линиях генерал-майору Соймонову Киндерман приказал командировать по одному офицеру, уряднику и драгуну не только в деревни государственных крестьян, но и «в приписные к заводам слободы».

Однако Безр заявил Соймонову, что он «оного выбора из приписных к заводам крестьян... без точного Е.И.В. указа допустить не может... ежели оное допустить, то в добыче руд, в заготовлении припасов и других заводских работах», а главное в выплавке серебра «учинится остановка».

Одновременно один за другим три рапорта (20, 21, 22 февраля 1751 г.) по этому поводу начальник заводов отправил управляющему Кабинетом.

Действия Киндермана, связанные с набором крестьян для службы на военных линиях, вызвали решительный протест начальника заводов, сетовавшего на нехватку рабочих рук «для заготовления к действию заводов припасов и материалов». В заводские работы вместе с перешедшими от Демидовых и вновь приписанными к заводам в момент передачи их в ведение Кабинета в 1751 г. располагалось 8650 крестьян. Беэр уже тогда настаивал на приписке живущих «не в дальности тех заводов», а также «между приписными деревнями» крестьян Томского ведомства, Чаусского, Сосновского, Верхотомского острогов (4131 души м.п.).

В случае же исполнения указа Сената из приписной деревни Алтая было бы изъято для службы на военных линиях 865 человек.

Управляющий Кабинетом барон Черкасов потребовал от Сената «о вышеописанном благорассмотрении учинить» и не только приписанных к заводам, но и «помянутых, назначенных в прибавку к тем заводам крестьян благоволил уволить, ибо о приписке тех крестьян указ Е.И.В. имеет быть неукоснительно».

Таким образом, и Кабинет решительно выступил против привлечения к охране государственной границы, кроме уже приписанных, и государственных крестьян, которых ещё предстояло приписать к заводам. Во избежание подобных ситуаций в будущем управляющий Кабинетом потребовал от Сената «к генерал-майору Киндерману определить указом, со включением, чтобы он... впредь в заводском ведомстве распоряжения не чинил и ни до чего не касался и не вступал, и чинил бы по силе 1747 г. именных Е.И.В. указов... всякое потребное вспоможение, а выше писанные и тому подобные, следующие к остановке заводов поступки остановил».

Сенат на основании изложенного в сообщении Черкасова указом от 3 мая 1751 г. предписал Киндерману «из положенных в подушный оклад приписных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян... которые к тем же заводам назначены и впредь приписаны будут, в вышеписанную регулярную службу... не выбирать, а оставить их всех (подчеркнуто мной. – А.Ж.) при тех же заводах... и впредь до состоящих в ведомстве тех заводов людей ничем не касаться... и по силе Е.И.В. указов в размножении тех заводов ему, генерал-майору Киндерману чинить потребное вспоможение; а из прочих находящихся в Сибирской губернии крестьян о выборе и об учинении расписаниями и со мнением о представлении в Правительствующий Сенат учинить по силе прежде посланного из Сената... от 4 декабря 1750 г. указа»²³. Ещё одно убедительное свидетельство того,

что действие майских указов 1747 г. не ограничивалось актом передачи Колывано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета. Горное начальство оградило себя от дел, связанных с охраной границ.

В 1760 г. Коллегия иностранных дел на основании «доношения» сибирского губернатора Соймонова, командующих войсками фон Веймарна и фон Фрауендорфа запросила Сенат, не распорядится ли он, чтобы «выбранные в Кузнецке и Томске из крестьян казаки, которые ныне приписаны в ведение к Колывано-Воскресенским заводам, сколько их в случае нужды... потребуются, в тамошние линии высылаемы были». Веймарн до этого делал запрос в канцелярию горного начальства, «в случае нужды выписанные из крестьян и разночинцев казаки Томского и Кузнецкого уездов, кои приписаны к оным заводам, на линии высланы будут ли». Из канцелярии ответили, что «онье разночинцы и крестьяне, в том числе и выписанные казаки, в силе повеления из Кабинета, приписаны для исправления заводских работ к тамошним заводам, из коих многие уже в работах обретаются, за чем и употребить их не можно». В случае же нападения со стороны неприятелей, «все при тех заводах люди и крестьяне к обороне и защищению заводов и прочего употреблены будут».

Сенату в конце концов пришлось согласиться с доводами горного начальства. Крестьян, которых военное командование рассчитывало зачислить в службу на военных линиях, оставили в числе приписанных к Колывано-Воскресенским заводам²⁴.

В 1757 г. общее число приписных крестьян кабинетского хозяйства составило 10935 душ м.п.²⁵ По настоянию Кабинета и горного начальства «для размножения толь знатную пользу казне Е.И.В. приносящих Колывано-Воскресенских заводов» на основании указа Е.И.В. от 22 июня 1759 г. «О приписке к Колывано-Воскресенским заводам из Томского и Кузнецкого уездов» и из других мест крестьян 12925 душ» в 1760 г. была приписана 17691 душа м.п., а в следующем 1761 г. – все оставшиеся ещё на положении государственных крестьяне Томского и Кузнецкого уездов. Общее число приписных крестьян по данным III ревизии (1763 г.) составило 38035 душ м.п.²⁶

В 60–70-е гг. XVIII в. горно-заводская администрация неоднократно ставила перед Кабинетом вопрос о приписке к заводам посадских людей, цеховых, купцов, записанных по городам Томску и Кузнецку, а также ясашных и посельщиков, живших между приписными крестьянами. В 1773 г. Кабинет располагал сведениями о 4308 душах м.п. (купцах, цеховых, разночинцах, ясашных, казачьих деях, государственных и экономических крестьянах), проживавших в

Томском и Кузнецком уездах. Управляющий Кабинетом А.В. Олсуфьев и начальник Колывано-Воскресенских заводов А. Ирман в ноябре 1773 г. обратились к Екатерине II с предложением об увеличении числа приписных крестьян за счет приписки вышеуказанных 4308 душ. В декабре этого же года начальник заводов имел сведения о численности посельщиков в деревнях при Усть-Каменогорской крепости. Их насчитывалось 2224 души м.п. вместе с посельщиками, проживавшими в то время в деревнях Томского уезда. А. Ирман предлагал всех их приписать к заводам. Однако в разгар крестьянской войны императрица не рискнула пойти на новую приписку²⁷. В дальнейшем приписное крестьянство пополнялось путем включения в него людей разной сословной принадлежности в период проведения ревизий и между ревизиями.

Оформление территории кабинетского хозяйства

Уже в первые годы возникновения кабинетского хозяйства в общих чертах определилась его граница. В конце 50-х гг. XVIII в. военная походная канцелярия попросила горное начальство сообщить, «не имеется ли (близ Кузнецкой и Колыванской линий. – А.Ж.)... не занятых заводами и приписными крестьянами удобных к поселению мест», если имеются, то «при каких именно урочищах и далеко ли от линии и на сколько дворов». Канцелярия горного начальства ответила: «...в оном заводском ведомстве удобных к поселению кроме приписных крестьян излишних мест не имеется», к заводскому ведомству относятся земли «в первую сторону до Чаусского острога а в другую сторону до Бийской крепости»²⁸.

По «Генеральной карте ведения Колывано-Воскресенского горного начальства заводам и приписным к оным селениям», составленной в 1777 г., в пределах заводского ведомства находились земли по левому берегу Чулыма «с источниками до устья оной реки», от устья Чулыма «до вершины реки Оми», левый берег её, далее от Соновского ведомства по тайге до Кузедеевского форпоста и от «оного Кузнецкой и Колыванской линиями до Усть-Каменогорской крепости и вниз по реке Иртышу до Татарского ведомства все внутренней с правой стороны селения»²⁹. «Генеральная карта...» отразила результаты приписки к заводам жителей 438 деревень Томского и Кузнецкого уездов на основании указов от 22 июля 1759 и 12 января 1761 гг.³⁰

Вскоре после упразднения в 1779 г. канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства и учреждения Колыванской области назначенный ее управителем Б.И. Меллер в рапорте Сенату сообщил о проведении им границы Колыванской области «от устья реки Чулыма в сторону д. Подъемной на Енисее» до Китайской границы, от неё до Иртыша «близ соединения черного и белого Июсов до д. Бараицкой», от неё – «прямо на реку Енисей, где лежит устье речки Кудук»³¹.

В момент образования Колыванской области объявлялось о вхождении в неё территории, прилегающей к Колывано-Воскресенским заводам с селениями «к ним приписными, не исключая и бывших до сего в другом ведомстве внутри той окружности жительствующих людей». Особо оговаривалось, что причисление «во единую область... к заводам не принадлежащих людей не значит и ныне присоединения их к тем заводам». Вместе с тем проживание «в одних с приписными к заводам селениях» людей, «принадлежащих уже совсем иному правлению», объявлялось неудобным для Кабинета³². По «Росписи селений» заводского ведомства, составленной в 1781 г., в нем был всего 1191 населенный пункт, из них 185 селений, не приписанных к заводам. Жители их находились в ведении комендантской, воеводской канцелярий, Енисейской провинциальной конторы. Горное начальство считало незаконным проживание их на землях заводского ведомства без выполнения заводских работ³³. В последующие десятилетия проживание на территории заводского ведомства служило горному начальству основанием для принуждения не приписанных к заводам к выполнению заводских работ.

В 1787 г. в состав кабинетского хозяйства в Сибири, кроме Нерчинского, вошли Дучарский, Екатерининский, Кутомарский, Газимурский, Шилкинский заводы, 35 рудников, 20 приисков, 289 населенных пунктов. В 1789 г. на р. Баляге в Верхнеудинском уезде был основан Петровский железоделательный завод Кабинета³⁴. В конце 80-х гг. XVIII в. оформилась разделенная в пространстве территория единого хозяйственного комплекса Кабинета, главную роль в котором играли Колывано-Воскресенские заводы.

В конце XVIII в. была проведена последняя крупная приписка крестьян на основании указа от 3 марта 1797 г. По настоянию Кабинета к Колывано-Воскресенским заводам было приписано 7790 душ м.п. крестьян Усть-Каменогорской, Крутоберезовской, Убинской волостей Семипалатинского уезда, Новоенисейской слободы Бийского уезда, а также живших с приписными крестьянами государст-

венных и экономических крестьян Кольванского, Кузнецкого и Томского уездов с одновременным отчислением из заводского ведомства крестьян отдаленных волостей (7796 душ м.п.)³⁵. Роста числа приписных крестьян не произошло.

С конца XVIII в. продолжался процесс оформления территории кабинетского хозяйства в Сибири, чему способствовало продвижение русской государственной границы к югу в Западной Сибири. После разгрома Джунгарского ханства и перехода южных алтайцев в русское подданство право владения Алтайскими горами получило горное, губернское и линейное начальство.

По именному указу Сенату от 12 января 1761 г. Кольвано-Воскресенским заводам дозволялась разведка руд и цветных камней «в сих горах». В ведении губернских властей находились яшашные, линейное начальство ведало организацией пограничной службы от Усть-Каменогорска до Кузнецка вдоль всей Бийской линии. Разработка Риддерского, Бухтарминского, Зыряновского месторождений привела к включению в заводское ведомство земель, прилегающих к рудникам, открытым на базе этих месторождений.

В 1790 г. началась разработка земель под пашню от устья Солоновки до устья Березовой государственными крестьянами д. Верх-Ануйской Смоленской волости с разрешения директора экономии С. Голощапова.

В начале XIX в. между губернскими властями и горно-заводской администрацией возникли трения в связи с начавшимся переселением заводских крестьян за Бийскую линию. Губернское начальство было обеспокоено возможным утеснением яшашных в их владении промысловыми угодьями. В 1801 и 1802 гг. многие крестьяне заводского ведомства под предлогом недостатка в их жителях «земель» просили канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства и командира войск в Сибири генерал-майора Лаврова о позволении им переселиться за линию.

Крестьяне деревень Солдатовой, Красноярской на Чарыше, Усть-Журавлихинской, Сабанской Бийской волости, деревень Беловой, Шелегиной Барнаульской волости получили разрешение на «занятие хлебопашеством при устье речки Солоновки» за Бийской линией. В мае – июле 1802 же года более чем 20 крестьянам деревень Комаровой, Буланихи, Шубенской, Усть-Ануйской, Плешковой Бийской волости односельчане дали одобрение на распахиwanie земель за Бийской линией «...вверх по реке Каменке». Крестьяне д. Зиминой Барнаульской волости и д. Быстрый Исток Бийской во-

лости просили на новом месте «при речке Белокурихе» в 20 верстах от Смоленской волости «позволить им иметь там небольшую пашню... с построением там небольших избышек». Указом канцелярии горного начальства всех просителей «к занятию хлебопашеством» допустили, но при этом строго запретили «домами строитца».

Осенью 1802 г. по заданию горного начальства управитель Штремберг вместе со старшинами деревень Иконниковой, Замятиной, Пещаной, Тырышкиной, Быстрого Истока, Паутовой осмотрел за линией места по берегам Кокши, Пещаной, Белокурихи и Солонки «под хлебопашество достаточно ль... и нет ли тут какого домообзаводства». В то время поводов для беспокойства в связи с переселением крестьян вроде бы не нашлось. «Домообзаводства» их управитель не обнаружил.

Весной 1803 г. в устье речки Сетовки, впадающей в Каменку от крепости Катунской и от с. Смоленского в 27 верстах, канцелярия горного начальства разрешила жителям деревень Комаровой, Быстрого Истока, Плешковой, Шубенской заниматься хлебопашеством с построением «необходимо нужных избышек, анбаров и овинов не обзаводится тут домами и прочими ни под каким видом не допускать».

В связи с новыми просьбами крестьян заводского ведомства на получение разрешения заниматься разработкой земель за линией горно-заводская администрация стала сомневаться в обоснованности их «недостатком земель». Управителю Штрембергу дали задание «исследовать», так ли это на самом деле.

Между тем крестьяне, уже получившие разрешение на распашку земель за линией, оказались, пренебрегли запретом строить близ пашен дома. Когда в июле 1803 г. голова и писарь Бийской волости произвели описание земель, распаханых по берегам Солонки, они зафиксировали созданную деревню, в которой жили 42 семьи (114 душ м.п.). Все уже выстроили избы, кроме Василия Налимова, жившего на подворье, Никифора Булатова и Гаврилы Лукьянова, живших в землянках. У всех, кроме Ф. Шадринцева, жителей вновь завешенной деревни, названной Усть-Солонкиной, были посева.

Почти одновременно это стало достоянием и линейного начальства. Командующий линиями генерал-майор Лавров уведомил начальника заводов, что крестьяне, которым разрешено было завести лишь пашню в устье Солонки, «сверх сего позволения завели там уже полное домообзаводство целым селением». В конце сентября 1803 г. канцелярия горного начальства издает указ: «...означенным крестьянам строжайше подтвердить, чтоб они более здесь обзаво-

диться домами... отнюдь ни под каким видом не отваживались». Это касалось крестьян, которые изъявят желание завести пашню за линией. Всех предупредили, что «ежели кто в домообзаводстве или звериной ловле окажется (за линией. – А.Ж.), то непременно не только воспретить там производить хлебопашество, но и наказан будет телесно». В январе 1804 г. с крестьян, поселившихся в д. Усть-Солоновке, взяли подписку: «...впредь более домами обзаводиться, а паче звериных промыслов иметь не будем».

Летом того же года старшина Солоновской заимки С. Каменщиков дал Бийскому волостному правлению подписку о том, чтобы после описания летом 1803 г. «вновь строения никакого не производил».

Однако на этом не прекратился переезд крестьян за линию. В феврале 1804 г. 14 крестьян д. Большой Угреневои, Усятской Бийской волости и д. Воеводской Енисейской волости получили билет на проезд за линию для «производства хлебопашества». Целый год бийские крестьяне ждали положительного ответа на их просьбу.

Летом 1804 г. десятник д. Замятиной С. Юдин в волостное правление сообщил, что получившие разрешение на занятие хлебопашеством на речке Кокше крестьяне «совсем не только с семействами, но и домами переехали и на навсегда там жительство, так что и у некоторых дома здесь в деревне... состоящие проданы а другие хотя и не проданы, но стоят пустыми и никто в оных жительства не имеет». Уехал на новое место и старшина деревни А. Замятин.

Управитель распорядился оставить переехавших крестьян на их заимках до распоряжения канцелярии горного начальства, а повинности им выполнять по д. Замятиной.

Канцелярия горного начальства, столкнувшись с затруднениями в высылке крестьян на заводские работы, приказала всех, кто «завелся домами» там, где было дозволено только пашни пахать, «оттуль выслать» и «не позволенное заведение перенести на прежние места». Однако Бийское волостное правление в рапорте управителю в августе 1805 г. сообщило, что крестьяне «не повинуются», деревни Замятина, Пещаная, Тырышкина, Верхнеозерная «почесть совсем опустошены». Волостное правление просило разрешения управителя, чтобы «у всех оных крестьян излишнее заведение сверх позволенного изломать, а слово перенести для крестьян невразумительно которое им хотя и толкуется но не понимают ево иначе да и самих всех выслать чтоб оне жительствоваали при домах отлучаясь из оных в вешнее время с одними только сохами, боронами и семенным хлебом а в прочее с принадлежащим только к снятию и измолочению

оного а не так чтоб оне жили там безвыездно... с женами детьми и со всем скотом, и со всею домашнею птицею словом сказать как будто им уже совсем позволено поселитца».

Решительно настроенное волостное правление, не видя «иного способа удержать крестьян от самовольного заселения как все оное сломать, а жен и детей со всем скотом и имуществом выслать в настоящая их жительство», настоятельно требовало от управителя, если сам не решится на такое повеление, пусть просит об этом горную канцелярию.

Управитель Штремберг сообщил о рапорте Бийского волостного правления канцелярии горного начальства. Незадолго до этого ей писал командующий Лавров, выразивший крайнее изумление тем, что «крестьяне, пропущенные за линию для хлебопашества, сверх дозволения иметь овины для молотьбы, завели большое обзаводство, выстроили дома, в коих совсем поместились», и потребовавший от канцелярии «всех самовольно заселившихся крестьян за линию оттоль выслать».

Согласившись с доводами управителя Штремберга и учитывая, что самовольно занятые крестьянами земли «предназначены по высочайшему Е.И.В. повелению под водворение ясашных», канцелярия горного начальства предписала управителю «всех тех заселившихся за линию выслать непременно в прежние жительство».

Однако вскоре последовало согласие томского губернатора Хвостова на оставление уже поселившихся крестьян за линией – их было 387 душ м.п. Канцелярия горного начальства предложила управителю, «оставя каждого заселившегося в его месте без высылки считать платежом податей по волостям, кто где состоит (по ревизии. – А.Ж.)». Сообщая о своем решении губернатору, она запрашивала, скольких крестьян можно допустить к переселению или только «к распашке земли с необходимыми заведениями, да и впредь позволять ли им оное».

Губернатор Хвостов обещал, будучи в Санкт-Петербурге, доложить о самовольно заселившихся крестьянах, а пока предложил канцелярии запретить крестьянам не только селиться за Бийской линией, но и заводить пашню. В 1806 г. канцелярия издала указ «о недопуске крестьян за линию вновь к поселению и распашкам».

В 1809 г. в Томском губернском правительстве рассматривалась просьба заводского крестьянина Черепанова не выдворять его «со вновь занятой им с прочими под поселение места за линиею». Когда бийский исправник и управитель побывали «на местах заселения

заводских крестьян, они нашли уже водворившихся там крестьян вместо прежних 387 душ 695 душ м.п., «расположенных в большом количестве противу прежнего деревень».

С годами вопрос о заселении заводскими крестьянами территории за Бийской линией приобрел большую остроту в спорах между местным, горным, линейным и губернским начальством, каждое из которых предъявляло свои права на эту территорию. Спор перешел и высшие инстанции. Кабинет указом от 17 марта 1815 г. предписал горной канцелярии «впредь ни под каким видом не позволять заводским крестьянам переселяться за черту заводскую», а также собрать сведения, «доказывающие права заводов на Алтайские горы».

21 июня 1817 г. канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства в рапорте Кабинету писала о живших в 17 селениях уже 1300 душах м.п. Все они были оставлены там, где заселились. Более того, запрещая и впредь переселения крестьян за линию, горное начальство и Кабинет исходили из того, что без поселения крестьян близ вновь открытых в конце XVIII в. рудников и цветных камней без «размножения хлебопашества около тех рудников... обойтись никак невозможно». В этом в конечном счете крылась главная причина того, что переселившихся за линию крестьян не выдворили на прежние места их жительства.

Ещё указом 1 мая 1747 г. предусматривалось строительство завода «близ реки Бухтармы и места те заселить жителями».

Горное начальство теперь настойчиво стало добиваться от Кабинета включения территории за Бийской линией, мотивируя это тем, что от заселения её приписными крестьянами «польза... простирается не на одни заводы, но и на губернское и военное ведомства, заимствующиеся особенно от заводских как хлебом, так и скотом».

С 1812 по 1845 г. поселившиеся за линией крестьяне собрали 377 тыс. пудов хлеба, «из того в продаже и ссуде» свыше 100 тыс. пудов. В течение зимы 1816 г. крестьяне продали 13320 пудов хлеба и 1880 пудов крупы. Жители вновь заведенных деревень не только выполняли заводские работы, но и «своим хлебопашеством способствуют продовольствию как войск, расположенных на линии, так и тех из заводских людей, кои по непрерывному своему занятию заводскими делами не могут уже производить хлебопашества и поэтому должны быть довольствованы провиантом».

С учетом изложенного канцелярия горного начальства считала, что «нет никакого справедливого повода переселять заводских кре-

стьян с занимаемых ими за линией мест на прежняя их жилища» и просила Кабинет оставить всех их там «на всегдашнее жительство».

Она просила Кабинет и о том, что способствовало бы расширению пределов заводского ведомства, в частности:

1) «поставить пределом Кольванской заводской округи с восточной стороны порубежную черту проходящую между Российской империей и Китайским владением»;

2) «все дальнейшие места до границ китайского государства оставить в единственной Кабинета Е.И.В. зависимости с полным предоставлением здешнему начальству (горному. – А.Ж.) права отыскивать там руды и цветные камни».

Томское губернское правительство, по мнению горного начальства, «не может присвоить себе те земли, лежащие в горах Алтайских, тем менее полагать, что селиться имеют право одни ясашные народы». Русские крестьяне заняли, как оно полагало, всего 1/330 часть земель, занимаемых тогда ясашными. Их жалобы на то, что крестьяне вылавливают зверей, рубят деревья при сборе кедровых орехов в их урочищах, горное начальство не приняло в качестве доводов против поселения крестьян в местах кочевий.

22 июля 1822 г. законом о новом административном делении Сибири Кабинету разрешалось не только распространять горный промысел, «но и создавать» поселения в Алтайских горах к югу за Бийской линией³⁶.

Указом от 30 апреля 1824 г. Томское губернское правительство по предложению канцелярии горного начальства из селений заводских крестьян, лежащих за Бийской линией, с 1 мая этого года открыло Алтайскую волость, в ней было тогда 20 селений и 1610 душ м.п. Самым крупным населенным пунктом оказалась Солоновка, в которой в 1824 г. была 231 душа м.п.³⁷ Включением в кабинетское хозяйство Горного Алтая завершилось оформление его территории.

Дополнительные источники формирования приписного крестьянства

В последние десятилетия внимание исследователей привлекла проблема добровольных переселений крестьян в район Кольвано-Воскресенских заводов после перехода их в ведение Кабинета. Историки по-разному решают её. С.С. Лукичев считает, что после 1747 г. добровольные переселения крестьян на Алтай из-за боязни

приписки их к заводам совершенно прекратились. По мнению М.М. Громыко, наличие благоприятного для земледелия и скотоводства природных условий способствовало довольно значительному притоку добровольных переселенцев на Алтай и после 1747 г. На взгляд Ю.С. Булыгина, добровольные переселения на Алтай после 1747 г. имели место, но они не носили массового характера³⁸.

В фондах Кабинета, канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства и Нерчинской горной экспедиции сохранились документы, свидетельствующие о приходе из губерний европейской части страны, северных уездов Западной Сибири крестьян по собственной инициативе и оседании их на территории кабинетского хозяйства³⁹.

По подсчетам З.Я. Бояршиновой, к середине 60-х гг. XVIII в. на территории, прилегавшей к Бийской крепости, жило до 200 крестьянских семей, переселившихся сюда по своей инициативе⁴⁰. С 1769 по 1776 г. канцелярия горного начальства приняла на поселение 39 добровольно пришедших в заводское ведомство крестьян⁴¹. Более 200 выходцев из разных округов и волостей Вологодской (181), Пермской (12), Симбирской (1), Владимирской, Архангельской губерний, Красноярского уезда заявили о своем желании «приписаться в подушный оклад» в заводском ведомстве в качестве государственных, а не приписных крестьян⁴². Им разрешили остаться здесь только на положении приписных. 13 государственных крестьян в основном Вологодского наместничества стали приписными в 1797 г. Они жили к тому времени в деревнях Бестужевой, Метелевой, Воробьевой, Харламовой, в с. Кособокобелоголазовском Чарышской волости. Ещё несколько выходцев из Вологодского, Архангельского, Тобольского наместничества, оказавшихся в кабинетском хозяйстве по своей инициативе, было выявлено в 1798 г. в деревнях Тырышкиной, Паутовой, Верхнеозерской и Плешковой. Все они имели свои дома, скот, посевы⁴³. Принятые жителями названных деревень поселившиеся в них были оставлены в заводском ведомстве канцелярией горного начальства также на положении приписных крестьян.

Таким образом, нет оснований полностью отрицать наличие внешнего притока населения на Алтай после перехода Колывано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета. С другой стороны, нет оснований и для преувеличения его, о чем говорят результаты изучения Ю.С. Булыгиным динамики населения заводского ведомства между III и IV ревизиями. В 60-е гг., установив образование на территории Алтая между III и IV ревизиями новых 242 населенных

пунктов, М.М. Громыко посчитала, что они возникли в ходе притока сюда 8277 добровольных переселенцев⁴⁴. Однако этот вывод не подтвердился. Поименная проверка жителей новых деревень, проведенная Ю.С. Булыгиным, показала, что все они основаны старожилками заводского ведомства, переселившимися на новые места жительства из других, более старых по времени возникновения населенных пунктов, само появление 242 деревень – результат внутренней миграции приписных крестьян, а не добровольного внешнего притока⁴⁵, который не прекращался и в дальнейшем, но не был столь значительным, как показалось М.М. Громыко.

Именным указом от 1 декабря 1799 г. повелевалось в течение 1800 г. положить в оклад все «приписные души без дальнейшего следствия». От земских управителей потребовали составления ведомостей с учетом проживавших в заводском ведомстве иногородних, ещё не причисленных в приписные крестьяне, «со взысканием с них податей располагая наравне с прочими в заводские работы», что и было исполнено⁴⁶.

Несмотря на сокращение притока крестьян извне в заводское ведомство после 1747 г. почти ежегодно в той или иной волости выявлялись выходцы из европейской части страны, желавшие навсегда остаться на Алтае. В середине 1802 г. просил о причислении в заводское ведомство крестьянин Вологодской губернии И. Коровин⁴⁷. В том же году о желании В. Агеева записаться в приписные крестьяне горное начальство известило Архангельскую казенную палату, не давшую согласие на отпуск Агеева из-за недоимок, накопившихся со времени его ухода со старого места жительства до 1802 г. Из канцелярии горного начальства вновь потребовали отчисления Агеева из государственных крестьян Архангельской губернии, где у него не было ни родных, ни «какого-либо домообзаводства», в то время как на Алтае он успел обзавестись домом и «всем крестьянским имуществом». Длительная переписка между Архангельской казенной палатой и канцелярией горного начальства окончилась причислением В. Агеева в 1805 г. в приписные крестьяне⁴⁸.

В октябре 1802 г. Тальменское волостное правление сообщило горной канцелярии о согласии жителей д. Усовой на проживание в их деревне крестьянина Архангельской губернии А. Миндина, срок паспорта которого истек в 1801 г. Тогда же в заводские крестьяне по д. Усовой причислили по приказу горного начальства И. Логинова из Вологодской губернии⁴⁹. Почти 10 лет прожил на Алтае крестьянин Архангельской губернии Е. Шишелев. Он прибыл сюда с трех-

годовым паспортом, полученным в 1794 г., в январе 1800 г. сумел получить паспорт ещё на 2 года. Горному начальству о его проживании в заводском ведомстве стало известно только в августе 1803 г., когда Шишелев попросил записать его в приписные крестьяне. В том же 1803 г. старшина д. Усть-Ануйской сообщил Бийскому волостному правлению о найденном в деревне крестьянине М. Логинове из Архангельской губернии с просроченным с 1800 г. паспортом. Как показал в допросе Логинов, жил он все это время у разных крестьян, которые «от него пачпорта не спрашивали»⁵⁰. В 1804 г. в д. Паутовой Бийской волости жили «просящиеся к приписке в число заводских крестьян» из Вологодской губернии Н. Курыткашин, И. Коновалов, Т. Алексеев⁵¹. В 1807 г. в приписные крестьяне записались 5 чел. из Пермской и Вологодской губерний⁵².

При проведении очередных ревизий канцелярия горного начальства требовала учета всех живших в заводском ведомстве по паспортам и без них, в том числе иногородних «просителей» о приписке к заводам⁵³. Решая вопрос об оставлении или выдворении на прежнее место жительства «иногородних», оно прежде всего учитывало интересы горно-заводского производства⁵⁴.

Крестьянин Вологодской губернии И. Гичев ушел отсюда в 1811 г. с двухгодичным покормежным паспортом. В заводском ведомстве жил в разных селениях, «упражняясь в крестьянских работах». В 1812 г., находясь в д. Выползовой Тальменской волости, обратился с просьбой причислить его к приписным крестьянам. Горное начальство сообщило об этом в Вологодскую казенную палату, откуда ответа не последовало. Тем временем Гичев переехал в д. Мостовую Боровлянской волости, женился, обзавелся домом, скотом. При сборе сведений об «иногородних» крестьянах в 1820 г. его в списках не оказалось. В январе 1821 г. он вновь просил записать его в заводские крестьяне вместе с двумя сыновьями. Канцелярия горного начальства разрешила ему остаться в д. Мостовой до получения ответа из Вологодской казенной палаты⁵⁵. В течение 1822 г. в район Кольвано-Воскресенских заводов прибыло из Вологодской и Архангельской губерний 8 чел.⁵⁶ Осенью 1824 г. в Боровлянской волости задержали «без всякого письменного вида» Я. Чипанова, оказавшегося жителем Вологодской губернии с просроченным паспортом. Он также просил записать его в приписные крестьяне⁵⁷. 5 декабря 1825 г. Вологодская казенная палата уведомила канцелярию горного начальства о неувольнении обществом крестьян в заводское ведомство С. Дурдова, М. и П. Ждановых, А. Трескина. Ждановы и Дур-

дов имели недоимки с 1810 г., Трескин – с 1812 г. Казенная палата просила недоимщиков выслать в Вологодскую губернию, уведомляя при этом об увольнении в район Колывано-Воскресенских заводов 17 крестьян⁵⁸.

В 1826 г. начальник заводов П. Фролов приказал выслать с Алтая всех живущих по покормежным паспортам. Но о каждом из «иногородних» вопрос решался в индивидуальном порядке. В частности, через две недели после вышеназванного распоряжения канцелярия горного начальства в категоричной форме отказалась принять в заводское ведомство 50-летнего Г. Фирстова из Вятской губернии («пользы от него не будет» – решили в канцелярии). В ответ на просьбу государственного крестьянина Оренбургской губернии П. Косарева «с товарищи» (всего 20 душ м.п.) о причислении в заводские крестьяне было объявлено «без увольнения не принимать», что не означало, однако, отказа в причислении⁵⁹.

Горное начальство проявляло большую заинтересованность в причислении к приписным «иногородних», обзаведшихся на Алтае семьями и хозяйством. Неоднократно делая запросы по старому месту жительства, оно добивалось законного увольнения «иногородних» на переселение в заводское ведомство⁶⁰.

Более 10 лет Вологодская казенная палата не исключала из числа государственных крестьян П. Уродова и его брата Ефима с семейством (всего 8 душ м.п.). Братья дважды, в 1812 и 1816 гг., обращались к горному начальству с просьбой о разрешении поселиться в качестве приписных крестьян в д. Чернодыровой Шадринской волости. Двухкратный запрос горной канцелярии в казенную палату Вологодской губернии остался без ответа. Прохор Уродов вскоре женился на дочери крестьянина М. Зенкова в д. Чумышской Тальменской волости. Весной 1822 г., когда его стали выдворять в Вологодскую губернию, он вновь просил оставить его в заводском ведомстве. У П. Уродова к этому времени было уже два сына, жил он в своем доме, имел хозяйство. Лишь через 5 лет он был навсегда приписан к заводам после погашения недоимок по старому месту жительства⁶¹. Единичные факты причисления в приписные крестьяне в 1827 г. выходцев из Вологодской губернии прослеживаются и по другим волостям⁶².

Просьба о причислении в приписные крестьяне, которая непременно присутствовала во всех прошениях «иногородних», желавших жить на Алтае, отнюдь не отражала искреннего стремления их стать приписными. Горное начальство решало вопрос о принятии на житье в заводском ведомстве лишь при условии приписки к заво-

дам. В противном случае иногородние должны были возвращаться на прежние места жительства. По сути дела они лишены были выбора, в особенности обзаведшиеся на Алтае семьями, хозяйством. Уход их с территории Колывано-Воскресенских заводов означал для них не только разорение, но и разрушение семьи. Горное начальство никого из семей приписных крестьян за пределы заводского ведомства не отпускало. «Иногородние», женившись на дочерях приписных крестьян, увозить с Алтая своих жен и детей не имели права. В этом отношении весьма любопытен факт, отраженный в уведомлении, посланном в декабре 1825 г. Вологодской казенной палатой канцелярии горного начальства об отпуске в заводское ведомство Никифора Ванеева. Ванеев оставил в Вологодской губернии жену, которая скончалась в 1824 г. Ещё при её жизни он женился на Алтае на дочери приписного крестьянина П. Пестерева. В его новой семье родился сын Зотей, которого в 1824 г. по д. Пестеревой Касмалинской волости записали как приписного крестьянина. Вологодская казенная палата почти через 2 года уведомляла о своем согласии отпустить в приписные крестьяне Н. Ванеева, а также его сына Зотея⁶³.

Исходя из существующего порядка, согласно которому сословная принадлежность крестьянских детей определялась по отцу, Вологодская казенная палата вправе была считать сына Н. Ванеева государственным крестьянином.

Начальство же Колыванско-Воскресенских заводов в случаях, подобных описанному, и во многих других, использовало любой формальный предлог, в том числе и сословное положение матери, для зачисления крестьянских детей в приписные крестьяне.

В 1816 г. в ответ на протест конторы Колывано-Воскресенских рудников против включения служительских детей в крестьяне канцелярии горного начальства издала указ, который предписывал детей, родившихся у крестьян до зачисления их в служители, при проведении ревизии записывать в крестьяне, на основании чего в том же году по Туталской волости записали в крестьяне 11 служительских детей⁶⁴.

Любопытна история с определением сословной принадлежности Решетовых, имевшая место за год до издания указа от 17 июня 1816 г. В конце 50-х гг. XVIII в. из д. Кривошековой Чаусской судной избы был взят в солдатскую службу крестьянин Григорий Решетов, отец двух сыновей – Ефима и Трифона (3 и 10 лет). За прошедшие с этого времени годы Решетовы переехали сначала в д. Язову Тальменской волости, затем в д. Быкову Шадринской волости, где и были учтены во время проведения VI ревизии. 56-летний Ефим к тому времени

имел уже 7 сыновей в возрасте от 13 до 34 лет, 7 внуков. В д. Быковой жили дети умершего Трифона. При составлении ревизских сказок в 1815 г. управитель Морхинин записал всех Решетовых (21 душа м.п.) в солдатские дети. Однако канцелярия горного начальства оставила их в «крестьянском звании» на том основании, что Ефим и Трифон родились до ухода их отца на солдатскую службу⁶⁵. Таким образом, горное начальство при определении сословий принадлежности детей учитывало положение отца в сословной иерархии.

Был ли случай с причислением в приписные крестьяне Зотей Ванеева по материнской линии единичным? Оказывается, нет. В 1827 г. Иркутское губернское правительство пыталось противодействовать высылке в горный округ по требованию Нерчинской горной экспедиции Г. Горячкина, «прижитого незаконно крестьянской девкою» д. Кандаловой Читинской волости. Нерчинская горная экспедиция именно на это сделала упор: Г. Горячкин рожден «заводской» крестьянской девкой... следовательно он принадлежит не губернскому, а заводскому ведомству... в оклад должен быть записанным в число заводских крестьян» (подчеркнуто мной. – А.Ж.). Причислив Горячкина в заводские крестьяне, горная экспедиция фактически заставила губернское правительство «учинить исключение его из ведомства губернского», что и было сделано в начале января 1828 г.⁶⁶

Прижитого вдовой приписного крестьянина Андрея Коноплева Авдотьей Федоровой сына Самсона по требованию горной экспедиции записали в крестьяне «по тому обществу», которому принадлежал умерший Коноплев, несмотря на то, что отцом Самсона оказался ясашный тунгус, бывший в работниках у крестьян Ундинской слободы.

В 1825 г. включили в приписные крестьяне 25-летнего К. Проскуракова, которого на 3-й день после рождения взял к себе на воспитание крестьянин П. Проскураков. В 1811 г. он просил начальника тунгусских юрт князя Гантимурова записать Кондратия в ясашные и был уверен, что его просьба выполнена. В этой же деревне «в звании ясашного» был один из пятерых сыновей крестьянина А. Золотухина Иван (13 лет). А. Золотухин, по свидетельству односельчан, при выяснении причин этого, перевод Ивана в ясашные «сделал скрытым образом», а они его «навсегда считали в крестьянском звании». По показаниям самого А. Золотухина, он упросил записать сына в ясашные бывшего в его доме во время проведения ревизии ясашного старшину, которому согласился отдать Ивана на воспитание. Дело об Иване Золотухине в феврале 1827 г. рассматривалось в земском суде. По его решению Иркутское губернское правительство исклю-

чило И. Золотухина из ясашных, а горная экспедиция причислила его в крестьяне по заводскому ведомству⁶⁷.

Таким образом, приведенные факты красноречиво свидетельствуют об исключительной изоционности горно-заводской администрации в борьбе за увеличение численности приписных крестьян. В многочисленных спорах с губернскими властями за каждую душу горно-заводская администрация, как правило, одерживала верх. Ею использовались различные источники пополнения приписного крестьянства.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что ещё с 70-х гг. XVIII в. Кабинет и горное начальство один из таких источников видели в «посельщиках», к направлению ссыльных в заводское ведомство начальство заводов относилось крайне отрицательно. В 1761 г. возникла реальная возможность приписки на Алтай большой партии ссыльных. Осужденных к смертной казни колодников по распоряжению Сената ранее определяли на Нерчинские заводы, территория которых была ещё слабо заселена. В 1761 г. сибирский губернатор Ф.И. Соймонов предложил более 400 чел., предназначенных к ссылке на Нерчинские заводы, направить на Алтай хотя бы на то время, пока на Нерчинских заводах не будет заготовлено в достаточном количестве хлеба. Канцелярия горного начальства не приняла этих ссыльных⁶⁸. Через 2 года она отказалась принять посланного на Алтай Екатеринбургской заводской конторой бывшего копейца «с товарищи»⁶⁹.

В своем подавляющем большинстве ссыльных поселяли на территории, ещё не включенной в заводское ведомство. К декабрю 1773 г. в 15 деревнях при Усть-Каменогорской крепости число их составляло 1758 чел.⁷⁰ По данным В.М. Кабузана и С.М. Троицкого, за 60–90-е гг. XVIII в. в Кольванской губернии было поселено 3628 ссыльных⁷¹. Лишь незначительная часть их оседала в районе Кольвано-Воскресенских заводов.

Летом 1775 г., после жестоких наказаний, по этапу из Казанской губернии в Тобольск, а оттуда к Кольвано-Воскресенским заводам доставили активных участников крестьянской войны, сотников, есаулов повстанческой армии Е.И. Пугачева – Г. Филинкова, А. Тюрина, И. Кузнецова, М. Андреева, Ф. Мартынова, Ф. Григорьева, С. Богомолова, И. Никитина, Р. Лошкарева. Они были определены «в каторжную работу» при Змеиногорском руднике, в каменной тюрьме которого содержались после работы. Горное начальство просило Кабинет больше не присылать колодников, опасаясь «всяких непорядков от них». Вскоре подтвердилась обоснованность опа-

сений. Бывшие пугачевцы, не теряя надежды вырваться на свободу, готовы были продолжить борьбу, которую вели под знаменем Е.И. Пугачева. В ночь на 15 сентября 1775 г. они совершили побег из тюрьмы, решив уйти в степь, поднять восстание в крепости Иртышской линии⁷².

В последующие десятилетия часть сославшихся в Сибирь продолжала оседать в районе Кольвано-Воскресенских заводов. В 1785 г. 14 сосильных разместили в Тропиной, Анбинской, Паутовой и других деревнях Чаусского острога. Многим из них было за 50. На первых порах жители деревень, в которых селили сосильных, должны были держать их у себя на квартирах, десятники и «лучшие люди» – отвести им земли под пашню, выделить покосы, лес на постройку домов. Через 3 года их внесли «в род государственных крестьян»⁷³.

В 1807 г. генерал-губернатор Восточной Сибири И.В. Пестель предложил оставлять сосильных в пределах Томской губернии «в хлебородных округах для пропитания себя собственными трудами». Решительно возражая против этого, управляющий Кабинетом Д.А. Гурьев писал Александру I: «Заводские селения освобождены были всегда от размещения в них подобного рода людей», которые «могут стать примером разврата и дурного образа мыслей для поселян». По убеждению Д.А. Гурьева, «размещение колодников в заводской округе» сопряжено было бы с «отягощением самих заводов», требуя от Кабинета увеличения воинских команд в горном округе. Император, согласившись с доводами управляющего Кабинетом, предложение И.В. Пестеля отклонил⁷⁴.

В первой половине XIX в. основная масса сосильных оседала в притрактовой полосе, за пределами заводского ведомства. К 1812 г. в Томской губернии было учтено 3905 мужчин и 900 женщин сосильнопоселенцев. С 1812 по 1819 г. в Томской губернии в районе Барабинской степи по линии Московско-Сибирского тракта поселили ещё 8429 мужчин и 1684 женщины⁷⁵.

Ссылные, оседавшие в районе Кольвано-Воскресенских заводов, были невыгодными объектами эксплуатации для горнозаводского начальства. Кроме трехлетней льготы до причисления их в разряд государственных крестьян, они надолго освобождались от рекрутской повинности. Таким образом, «посельщики» не участвовали в пополнении мастеровых. Причисленные в государственные крестьяне, они не привлекались к выполнению заводских работ. При очередной ревизии горное начальство все эти льготы «посельщиков» стремилось аннулировать путем включения государственных крестьян в приписные.

Более значительную роль в росте численности приписных крестьян ссыльные играли в районе Нерчинских заводов. До включения их в кабинетское хозяйство приписные крестьяне формировались сначала главным образом за счет принудительного переселения крестьян Илимского, Енисейского, Томского уездов, Иркутской провинции, с 30-х гг. XVIII в. – за счет ссылки, которая заметно возросла в 60-е гг. и продолжала быть одним из резервов роста численности приписных крестьян и после 1787 г.⁷⁶

Большую часть ссыльных на Нерчинские заводы направляли непосредственно на заводы и рудники в качестве рабочей силы, часть ссыльных определяли на поселение «во крестьянстве» с двухлетней льготой «для поселения домами и заведения хлебопашества», после чего они включались в приписные крестьяне. Из-за острой нехватки рабочей силы, необходимой для выполнения вспомогательных работ, часть мастеровых время от времени направлялась на заготовку дров, перевозку угля, руды. В 1794 г. для Петровского завода рубили и возили дрова «от неимения приписных крестьян» мастеровые и ссыльные каторжане⁷⁷. Как и на Алтае, в Нерчинском округе ссыльные, оседавшие в селениях приписных крестьян, в период проведения ревизий включались в их состав. По данным V ревизии в деревнях, прилежавших к г. Стретенску, приписных из ссыльных и их детей насчитывалось 26 душ м.п., в селениях Аргунской сотни – 36, Онохойской – 79. Наличие приписных из ссыльных прослеживается и по другим населенным пунктам Забайкалья⁷⁸.

Незначительный резерв приписных крестьян кабинетского хозяйства составляли отставные «для хлебопашества» и их дети. Это были отставные казаки и солдаты, которые раньше несли службу «для предосторожности и бережения от неприятельских людей заводов» и по поддержанию «внутренней тишины». В 1748 г. при Колывано-Воскресенских заводах и рудниках в деревнях Кабановой, Завьяловой, Иноконниковой, Бехтермирской, Новиковой, Кузедеевой, Бийской крепости, г. Кузнецке было размещено 3386 солдат, казаков, драгун⁷⁹. В большинстве своем, уходя в отставку, они возвращались в свои селения. Их потомки включались в приписные крестьяне. В число приписных крестьян попадали и в случае неисправного несения службы, как это произошло с томским казаком Д. Мажутиным, который в 1781 г. за отпуск крестьянам «потаенной соли» был разжалован, поселен с трехлетней льготой в д. Большая речка и с 1784 г. располагался в заводские работы⁸⁰.

Наличие отставных служилых людей зафиксировано в документах 40–80-х гг. XVIII в. в деревнях Бердской и Бийской крепостей, Чаусского острога, г. Томска⁸¹. В начале 80-х гг. XVIII в. на Алтае число «отставных нижних чинов на хлебопашество» составляло 637 чел., их детей – 429 чел.⁸²

В д. Большой Угреновой в 1782 г. был поселен отставной казак Я. Пестерев, сыновья которого (Мирон и Матвей, имевший уже свою семью, двух сыновей) в середине 90-х гг. стали располагаться в заводские работы. В ответ на попытку опротестовать это, в Бийском нижнем заводском суде Пестеровых поставили перед фактом, что они отныне являются не государственными, а приписными крестьянами, на основании чего располагаются в заводскую работу⁸³. В 80-е гг. XVIII в. только в деревнях ведения Бийской земской избы (Малой и Большой Угреновых, Старочемровской, Новочемровской, Фоминской) жили с семьями, имея хозяйство, 24 отставных (131 душа о.п.) и одинокий Григорий Плотников. Из них 19 дворохозяев имели 122 дес. посевов⁸⁴.

В конце XVIII в. по требованию Кольвано-Воскресенского горного начальства была составлена «Роспись находящихся в селениях солдатских и казачьих детей». В числе учтенных тогда оказались сын отставного казака Василия Литвинова Петр, а также его внук Гаврила, записанные во время проведения V ревизии в государственные крестьяне. В 1797 г. они были уже «в числе прочих поименованы в заводские крестьяне», с которых все повинности взыскивались как с приписных⁸⁵.

Среди отставных, определенных на поселение, в заводском ведомстве были и мастеровые. В 1789 г. пытались записать в государственные крестьяне своих сыновей бывшие мастеровые А. Шекурин, Я. Неупокоев, М. Некрасов (сына и внука). Но горное начальство на это не пошло, а гражданские власти без его согласия записать их в государственные крестьяне не решались. Дети алтайских мастеровых, родившихся после ухода их отцов в отставку и поселения в деревнях заводского ведомства, становились приписными крестьянами. В Нерчинском горном округе детей отставных мастеровых причисляли к горно-заводским служителям по достижении ими 15-летнего возраста. На их содержание с двухлетнего возраста ежемесячно выплачивалось «с заводской стороны» 50 к.

В 1808–1810 гг. Нерчинская горная экспедиция вела тяжбу с губернскими властями, требуя от Иркутского губернского правительства высылки в заводское ведомство Стефана Тарханова, отец кото-

рого ушел в отставку с унтершихтмейстерской службы, будучи вдовцом. Стефан родился от второго брака отца. Прошение Тарханова о записи сына в почтальоны Иркутской почтовой конторы Нерчинская горная экспедиция в 1810 г. опротестовала. Она требовала высылки в горный округ и живущего с матерью в Бельском остроге Дмитрия Берникова, чей отец, А. Берников, был взят на службу из крестьян этого острога и ушел в отставку из засыпщиков Нерчинского завода ещё в 1783 г., до включения Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство. Дмитрий родился в 1785 г. Губернское правительство зачислило его в государственные крестьяне на основании сенатского указа от 21 сентября 1732 г., которым предписывалось детей отставных «в службу определять понеже они родятся по отставке отцов их». Иркутское губернское правительствво приказало «означенного Берникова не высылать ни по какому требованию» в Нерчинские заводы, «оставить навсегда на прежнем отца его жительстве в звании крестьянском». Начальник заводов Элерс заявил, что указ от 21 сентября 1732 г. противоречит изданным позднее узаконениям, в частности инструкции 7 апреля 1764 г., согласно которой дети отставных служителей считались принадлежащими заводам. Элерс обратился в Кабинет с предложением «сделать такое постановление, чтоб ни по каким случаям губернское правительство не имело права детей у отставных людей как отпущенных с ними на пропитание до совершеннолетия, так и тех, которые ими по отставке прижиты будут», записывать «в какой либо род жизни», так как «те отставные непосредственно принадлежат заводам при первом востребовании горным начальством должны к нему же явиться»⁸⁶.

Таким образом, горно-заводская администрация с методической настойчивостью и упорством отстаивала свои права, используя любую возможность для причисления в приписные крестьяне. В Нерчинском горном округе придавалось большое значение и сохранению постоянного контингента служителей и их потомков.

В пределах кабинетского хозяйства проживали «сторонних команд» жители, которых горное начальство не без успеха стремилось уравнивать в обязанностях с приписными крестьянами⁸⁷. В 50-х гг. XIX в. от крестьян Подонинской волости Кузнецкого уезда (16 семей) требовали либо выполнения заводских работ наравне с приписными крестьянами, либо покинуть пределы заводского ведомства. Впредь государственным крестьянам запрещалось «располагаться на землях Алтайского горного округа». В связи с этим нередкими были недоразумения, разрешавшиеся не в пользу государ-

ственных крестьян. Д. Кандинская, в которой жили государственные крестьяне, при проведении размежевания земель Колыванской области была по ошибке включена землемером в заводское ведомство. Просьба крестьян оставить их жить по-прежнему, не требуя выполнения заводских работ, была отклонена горным начальством. Тщетными оказались попытки крестьян деревень Пашковой, Корчугановой, с. Ярского Спасской волости отстоять свои права на пользование землей без обязательств перед заводами⁸⁸. К середине XIX в. в Бердской, Малышевской, Тальменской, Кайлинской, Бурлинской, Ояшинской, Чингинской волостях числилось более 600 душ м.п. государственных крестьян. Горно-заводское начальство требовало, чтобы они записывались в заводские крестьяне либо выселялись из горного округа⁸⁹.

В процессе формирования кабинетского хозяйства четко прослеживается стремление горного начальства вобрать в приписное крестьянство и детей церковнослужителей. В 1755 г. Духовное правление просило канцелярию горного начальства определить А. Попова в церковные служители, но получило отказ, мотивированный тем, что бывшие дяковы дети Артемий и Иван Поповы «положены» по II ревизии в крестьяне д. Качусовой, подушный оклад зарабатывают в Колыванском заводе. В 1780 г. были положены в крестьянский оклад по Тальменскому селу поповские дети Загибаловы⁹⁰. В числе приписных крестьян были дворовые люди и «ясашные», их приписывали и к Колывано-Воскресенским, и к Нерчинским заводам⁹¹.

К концу XVIII в. обнаружилось наличие в селениях заводского ведомства большого числа жителей, находившихся в мещанском окладе. Записанные в ревизских сказках по городам, они пользовались всеми «крестьянскими выгодами», имели дома, посевы, скот, косили сено, при этом не участвуя в выполнении повинностей, лежавших на приписных крестьянах, что вызывало естественные со стороны последних нарекания. Горно-заводские власти стали предпринимать решительные меры, направленные на выселение мещан из крестьянских семей. Часть из них, согласившихся стать приписными крестьянами, оставили жить в деревнях уже на законном основании⁹². Некоторые по требованиям управителей и волостных правлений выехали на прежние места жительства, но значительное число мещан продолжало, вопреки распоряжениям горного начальства, жить в селениях, оставаясь только в мещанском окладе. От них потребовали исправления всех повинностей наравне с приписными крестьянами⁹³. В течение нескольких лет после проведения V ревизи-

зии горно-заводские власти вместе с сельской администрацией занимались выдворением мещан. В волостях проводилась их перепись, выявлялось определение сословной принадлежности. Им предоставлялось право быть в одном крестьянском окладе на положении приписных. На начало октября 1807 г. около 500 кузнецких, томских, семипалатинских мещан заявили о своем намерении выехать из крестьянских селений, 104 – остаться в них без выполнения заводских работ, на двойной оклад согласились лишь 19 чел. 115 мещан вообще не ответили, «по какому званию они хотят писаться»⁹⁴.

Канцелярия горного начальства известила губернское правительство, что ожидает от него приказа всем оставшимся в селениях мещанам «бесприкословно... исправлять все повинности наравне с заводскими крестьянами».

В последующие годы от сельских старшин, волостных голов и управителей продолжали поступать рапорты о многих мещанах, проживавших в деревнях. Так, в мае и конце июня 1809 г. старшина В. Степанов рапортовал: выдворяемые из деревень Усть-Сосновской, Костенковой, Сосновского острога мещане «усильством своим хлебопашество и сенокосение производят... и более смелости к высылке оных приступить не имею». Старшины И. Нечаев и П. Приезжев в рапорте Тутальскому волостному правлению сообщали, что из ряда деревень пытались выслать мещан, но выехал из них лишь один из д. Корчугановой, а остальные «чинят ослушность и даже несколько с оными меры свои принять невозможно». Старшины И. Литвинов, В. Романов, Г. Тарабакин в октябре 1811 г. доносили об уже высланных в Томск мещанах: «ныне обратно выехали... подали сказки по городу Томску а жительство имеют на прежних местах». Земские управители требовали от волостных правлений неукоснительного выполнения очередного указа канцелярии горного начальства от 26 сентября 1811 г.: «настрожайше всех таковых (томских мещан. – А.Ж.) выслать за присмотром в их жительство», «донести списки, кто, куда, когда выслан». Несмотря на запрещение допускать мещан «до распахивания земли... и поставке сена», требование «выслать всех по снятию (осенью 1811 г. – А.Ж.) ими нынешнего хлеба в город Томск без послабления», канцелярия горного начальства через 6 лет снова пришлось издавать новые указы все о том же. Указом от 14 декабря 1817 г. вновь предписывалось всем мещанам из пределов волостных правлений выехать туда, где они были записаны во время проведения последней ревизии.

Затянувшаяся на многие годы попытка выдворить всех мещан дала кое-какие результаты, сказавшиеся на увеличении числа приписных крестьян за счет них. В 1809 г. в одной Тутальской волости было 107 приписных крестьян из мещан. В 1817 г. по представлениям управителей из мещанского сословия в крестьяне заводского ведомства поступило ещё 117 чел. В августе 1818 г., когда не выехавшим мещанам горное начальство пригрозило помещением в двойной оклад (крестьянский и мещанский) ещё 77 мещан записались в приписные крестьяне. Мещане, не уехавшие и в крестьяне не записавшиеся, были положены в двойной оклад⁹⁵.

Таким образом, численность приписных крестьян в кабинетском хозяйстве Сибири росла за счет массовых приписок, естественного прироста крестьянского населения в заводском ведомстве, хотя и незначительного, но почти не прекращавшегося притока из-за пределов заводского ведомства. Как свидетельствуют приведенные факты, между ревизиями проводился учет находившихся «в незаписи» в заводские крестьяне жителей заводского ведомства. Горное начальство включало их в число приписных.

В пределах кабинетского хозяйства – и на Алтае, и в Нерчинском горном округе – власти придерживались правила: «жителей без особого повеления ни в какие другие команды не увольнять»⁹⁶. Для оказавшихся в числе приписных крестьян чрезвычайно затруднен был переход в другие сословия, как и возвращение в прежнее состояние. С «крайним удивлением» узнал о «похвалении» недавно причисленного из иногородних в приписные крестьяне Н. Матюгина «безгласно уехать в прежнюю свою сторону» управитель Габриэль. В приказе Бийскому волостному правлению по этому поводу управитель писал: старшина д. Паутовой, в которой жил Матюгин, должен был наказать его за это «с подтверждением», чтоб он «впредь тово не токмо в деле не произвел, но и подумать бы не мог». Управитель потребовал в подобных случаях в будущем «пустых и несоответственных законом донесений не чинить», а принимать меры к пресечению любой попытки «уйти в прежнюю сторону», в случае же если кто-нибудь рискнет уйти, доносить велел управитель «яко о бежавшем» для учинения «об нем публично изыскания». Старшина деревни Паутов вскоре нашел повод избить Матюгина «бесчеловечно» так, что тот «едва мог дойти до дома»⁹⁷.

В 1800 г. губернские власти обратились к канцелярии горного начальства с просьбой исключить из заводских крестьян Василия и Сергея Зяблочких из деревень Угреновой и Усятской Бийской во-

лости как «весьма способных для перевода татарского языка». По представлениям кузнецкого комиссара Калачева, их хотели использовать в качестве переводчиков в Кузнецком земском суде. При объезде татарских и калмыцких жилищ комиссар уже привлекал до этого Зяблочких, сумев с их помощью некоторых ясашных людей склонить «приумножить платимый в казну ясак». Канцелярия горного начальства не возражала против привлечения земским судом Зяблочких в качестве переводчиков по мере надобности, но из приписных не исключила⁹⁸.

Данный случай единичный. Горно-заводские власти гораздо чаще сталкивались с просьбами приписных крестьян о переводе их в купеческое сословие. В случае положительного решения вопроса они в течение многих лет не исключались из крестьянского оклада, платя при этом процент с капитала⁹⁹.

Крестьяне, переведенные в купеческое сословие, за пределы заводского ведомства не отпускались, их записывали в «заводские купцы». Последнее слово в решении вопроса о переводе крестьян в купцы Кабинет оставлял за собой. Он требовал от канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства и Нерчинской горной экспедиции до записи крестьян в купцы предварительно представлять все необходимые сведения о них Кабинету¹⁰⁰. В стремлении части крестьян записаться в купцы Кабинет усматривал их желание избавиться от крестьянских податей и намерение при том «гораздо менее платить с капитала, нежели ныне от исправления государственных податей, земских повинностей и заводских работ»¹⁰¹. В 20-е гг. XIX в. крестьяне Кандинские, Чистохины, Поповы, Еловы, Димовы (более 50 душ м.п.) были отпущены в заводские купцы с тем, чтобы они, как уведомлял Кабинет, «в таком отдаленном месте привозили на продажу все необходимое». С них взяли обязательство «занимаемые для хлебопашества земли обрабатывать и в туне не оставлять»¹⁰².

Уход крестьян из заводского ведомства совершенно исключался, хотя в действительности имел место. Стремясь избавиться от тяжелых заводских работ и других повинностей, крестьяне нередко бежали в Бухтарминское ущелье в поисках Беловодья¹⁰³. Самые драматические обстоятельства порою увлекали крестьян за пределы заводского ведомства. Крестьянин Андрей Токарев из д. Шмаковой Белоярской слободы в октябре 1766 г. поехал на Иртышскую линию «для покупки разных потребностей», но был уведен киргиз-кайсаками «в их сторону», а при попытке бежать от них пойман монголами, отвезен в Пекин, оттуда – в приморский город Кантон. Стремясь воротиться

домой, он, нанявшись матросом на английское судно, попал в Лондон, оттуда с помощью русского посланника прибыл в Петербург. Коллегия иностранных дел направила его в Кабинет. По распоряжению Екатерины II Токареву выдали из Кабинета «на платье, обувь и пищу» 35 р. на «счет заводской» и 6 р. на дорогу¹⁰⁴. В феврале 1773 г. А. Токарев из Санкт-Петербурга отправился на Алтай. По данным за 1778 г., он жил в д. Озерной Красноярской слободы¹⁰⁵. Зимой 1809 г. будучи «под извозом» в Ирбите, крестьянин д. Соколовой Чаусской волости остался должен 600 р. Как он показал, «убоясь етова долга хотел утить в Америку и тем думал избавиться». Но на украденной лошади успел, однако, доехать только до Заледеевского станца, где его и поймали¹⁰⁶.

Как уже отмечалось, каждая очередная приписка к заводам существенно влияла на очертания территории кабинетского хозяйства. Окончательно оформилась она с присоединением к России Рудного Алтая, ставшего составной частью кабинетского хозяйства. В конце XVIII – начале XIX в. начальство Нерчинских заводов неоднократно ставило перед Кабинетом вопрос о включении в заводское ведомство крестьян, живущих ближе к заводам хотя бы на условии исключения из него жителей отдаленных волостей – по опыту Колывано-Воскресенских заводов. Тогда же ставился вопрос о приписке экономических и государственных крестьян, живших между приписными¹⁰⁷. В условиях уже начавшегося промышленного застоя на Нерчинских заводах, в период, когда шло бурное обсуждение проблем, связанных с возможностью ликвидации института приписных крестьян и замены их труда трудом непрременных работников, Кабинет пошел на сокращение производства свинца. Новых приписок не последовало¹⁰⁸.

Численность приписных крестьян в первой половине XIX в. росла, главным образом, за счет естественного прироста. Приток извне был незначительным. За период с 1795 по 1834 г. в районе Колывано-Воскресенских заводов поселилось всего 446 чел., пришедших из-за пределов заводского ведомства¹⁰⁹.

Об изменении численности приписных крестьян в кабинетском хозяйстве можно судить по данным таблицы.

**Рост числа приписных крестьян кабинетского хозяйства (1747–1857 гг.),
в ревизских душах ¹¹⁰**

Годы	Ревизия	Общая численность приписных крестьян в России	Число приписных крестьян в кабинетском хозяйстве в Сибири	Процент приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири от общего их числа в стране
1747	II	87253	3121	3,6
1763	III	142511	38035	26,6
1782–1786	IV	263899	66684	22,2
1795–1796	V	312218	77251	24,7
1811	VI	123613	102381	82,8
1815–1716	VII	124651	104484	83,8
1833–1734	VIII	157482	135007	88,8
1851	IX	187792	163700	87,2
1857	X	170446	145484	85,3

Исследователи уже обратили внимание на совершенно несопоставимые темпы роста численности приписных крестьян страны в целом и в рамках кабинетского хозяйства. К концу XVIII в. общая численность приписных крестьян в России выросла почти в 4 раза, а в кабинетском хозяйстве за это время – в 24 раза. В период между II и III ревизиями число приписных крестьян по стране выросло менее чем в 2 раза, в кабинетском хозяйстве – более чем в 12 раз.

Процесс формирования приписного крестьянства в рамках кабинетского хозяйства в Сибири оказался длительным и сложным. Он сопровождался включением в орбиту эксплуатации на положении приписных крестьян добровольных переселенцев, оказавшихся в Сибири по своей инициативе, а затем принудительно переселенных из разных мест её в район Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, добровольных переселенцев в заводское ведомство, осевших здесь после 1747 г. с несбывшейся надеждой остаться в положении государственных крестьян. Ссылные, отставные, их потомки, те, кому удавалось записаться в мещане по сибирским городам, но в силу жизненных обстоятельств пришлось жить на селе, разночинцы из служилых людей, государственные, монастырские крестьяне, ставшие в 60-е гг. XVIII в. экономическими, – все они были резервом для пополнения приписных крестьян кабинетского хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. XII. № 9.403; *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII веке... С. 262.

² *Булыгин Ю.С.* Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алея до 1763 года // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1964. Вып. 1. С. 16–32.

³ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 639–643, 651.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 149.

⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 41, 75, 79, 103, 105.

⁶ ГАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

⁷ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2.

⁸ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 12. Л. 330; Д. 15. Л. 98, 302; Д. 22. Л. 59, 62–64; Д. 23. Л. 307; Д. 26. Л. 314, 416, 417, 543об.–544; Д. 27. Л. 301 об.; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 193.

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 64. Л. 3; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 231, 341, 416.

¹⁰ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 236, 343.

¹¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 232, 271–339, 463, 545, 547, 552.

¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 82. Л. 13, 16, 26; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 455, 534, 694, 694 об.

¹³ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 883.

¹⁴ *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 57; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 127–128; Д. 55. Л. 811, 813, 819–821; Д. 59. Л. 66.

¹⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 144, 145, 562, 572, 574.

¹⁶ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 344. Л. 605.

¹⁷ *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне... С. 57–58.

¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 82. Л. 205, 212, 237; Д. 99. Л. 76.

¹⁹ *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне... С. 58.

²⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 82. Л. 217–237.

²¹ *Булыгин Ю.С.* Колонизация русским крестьянством... С. 22.

²² О неотложном содействии к распределению выгод и пользе Колывано-Воскресенских заводов // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 15, № 11.185, № 11.241.

²³ Протоколы Правительствующего сената 1750, 1751 и 1752 гг. // Сенатский архив. СПб., 1897. Т. 8. С. 298–300.

²⁴ Протоколы Правительствующего сената 1757–1758 гг. // Сенатский архив. 1903. Т. 10. С. 449–450.

²⁵ Крестьянство Сибири... С. 262.

²⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 18. Л. 83–84.

²⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 253. Л. 10, 11, 31, 36–38; Д. 290. Л. 6, 11, 15, 16, 309; *Миненко Н.А.* По старому Московскому тракту. Новосибирск: Книжное изд-во, 1986. С. 55–59.

²⁸ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 127. Л. 255–257.

²⁹ *Сорокин М.Е.* Горнозаводское хозяйство Кабинета... С. 9; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 224. Л. 1.

³⁰ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке... С. 210; ПСЗ. СПб., 1830. Т. 15. № 10.976.

³¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 315. Л. 3

³² РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 236. Л. 47.

³³ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 473. Л. 13.

³⁴ Подсчитано по материалам РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 327. Л. 1–32.

³⁵ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т.24, № 17.862.

³⁶ «О преобразовании Сибирских губерний по новому учреждению». 22 июля 1822 г. (в указ включено положение о применении к Алтайским крестьянам порядка управления крестьянами удельного ведомства. – А.Ж.) // ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 38, №29124.

³⁷ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1416. Л. 600–668; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 63 об., 243, 246, 897; Д. 7. Л. 232, 300, 574, 592,631, 697, 701, 743, 744, 1025, 1027; Д. 9. Л. 478, 539, 542, 544, 597–6; Д. 10. Л. 155; Ф. 63. Д. 19. Л. 309–310; Сатлаев Ф.А. Колонизация Предгорного Алтая в первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 376–381.

³⁸ Лукичев С.С. Сельскохозяйственная колонизация территории Кольванов-Воскресенского горного округа в предреформенный период XIX в. // Докл. науч. конф. Томск, 1966. С. 76; История Сибири... Т. 2. С. 240–241; Булыгин Ю.С. Присоединение Верхнего Приобья... С. 9.

³⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 276. Л. 1–3; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 221; Д. 321. Л. 66; ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

⁴⁰ Бояришинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения... С. 60.

⁴¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 473. Л. 1–3.

⁴² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 461. Л. 43–46; Д. 473. Л. 1–3.

⁴³ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 9. Л. 599; Д. 11. Л. 84, 86–95.

⁴⁴ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке... С. 127; См. также: Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. М.: Наука, 1981. С. 78–79.

⁴⁵ Булыгин Ю.С. Характеристика социальной сущности приписного крестьянства... С. 201–202.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1. Л. 607; Д. 2. Л. 406, 599; Д. 3. Л. 521.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 242.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9. Л. 853; Д. 10. Л. 582.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Л. 505, 527.

⁵⁰ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 206, 214.

⁵¹ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9. Л. 211–213.

⁵² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 24. Л. 24, 44.

⁵³ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 443, 678; Ф. 68. Оп. 1. Д. 5. Л. 168–170.

⁵⁴ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Л. 204, 211, 214.

⁵⁵ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 15. Л. 91, 94.

⁵⁶ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.

⁵⁷ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 22. Л. 128.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 23. Л. 472.

⁵⁹ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 6, 13.

- ⁶⁰ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 8. Л. 431; Д. 10. Л. 478, 480.
- ⁶¹ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 25. Л. 18, 19, 24.
- ⁶² ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 25. Л. 435.
- ⁶³ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 23. Л. 472.
- ⁶⁴ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 43. Л. 435, 436.
- ⁶⁵ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
- ⁶⁶ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 637. Л. 317, 321, 333.
- ⁶⁷ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 637. Л. 237, 265, 274, 275, 276, 279, 282, 283, 288, 297.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 120. Л. 1, 3об., 6об., 7об.
- ⁶⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 120. Л. 12.
- ⁷⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 253. Л. 36-38.
- ⁷¹ *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в. (1762–1796 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Сибири. Свердловск, 1966. С. 137.
- ⁷² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 225. Л. 39.
- ⁷³ ГАНО. Ф. 109. Оп. 18. Д. 7. Л. 347–349, 360, 364.
- ⁷⁴ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 292. Л. 73–74.
- ⁷⁵ *Миненко Н.А.* По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1986. С. 94–96.
- ⁷⁶ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 100–103; *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 171–175; *Крестьянство Сибири...* С. 263–264.
- ⁷⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 193. Л. 26; Д. 281. Л. 3; Д. 338. Л. 460.
- ⁷⁸ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 90. Л. 35; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 303. Л. 227; Д. 354. Л. 267–269.
- ⁷⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 64. Л. 1–2; Д. 178. Л. 1–15; ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 2. Л. 148, 274, 275; Д. 11. Л. 241; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 144–145; Д. 256. Л. 278; Д. 344. Л. 260; Д. 146. Л. 278, 523; Д. 102. Л. 523; Д. 372. Л. 35; Ф. 169. Оп. 1. Д. 18. Л. 37; Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 192; РГАДА. Оп. 1. Д. 18. Л. 235; ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 297; Ф. 110. Оп. 1. Д. 13. Л. 238; Д. 3. Л. 312.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 33. Л. 615.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 5. Л. 98; ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Л. 28; Ф. 110. Оп. 1. Д. 3. Л. 312; Д. 13. Л. 75, 78, 256; Ф. 130. Оп. 1. Д. 47. Л. 162; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 144, 145, 151; Д. 102. Л. 523; Д. 146. Л. 278; Ф. 169. Оп. 1. Д. 97. Л. 652.
- ⁸² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 328. Л. 3–25.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 18. Л. 124; Д. 24. Л. 494; Д. 34. Л. 742; Оп. 1. Ч. 2. Д. 23. Л. 421.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 37. Ч. 3. Л. 1134–1135, 1143–1144, 1147–1148, 1155–1156.
- ⁸⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 192–192 об.
- ⁸⁶ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 289. Л. 125; Д. 308 а. Л. 9, 11, 26; Д. 522. Л. 8, 10, 11, 13.
- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 37. Ч. 3. Л. 1142–1143; Л. 49. Ч. 1. Л. 109.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1157. Л. 2, 3, 18–20.
- ⁸⁹ *Миненко Н.А.* По старому Московскому тракту... С. 103.
- ⁹⁰ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 192; Д. 163. Л. 376.

- ⁹¹ ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 97. Л. 19; ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
- ⁹² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 415; ГАНУ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–79.
- ⁹³ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 347–348, 350–351, 561; Д. 24. Л. 100–101.
- ⁹⁴ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 24. Л. 251.
- ⁹⁵ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 27. Л. 360, 715–716; Д. 24. Л. 254–255; Д. 29. Л. 26, 312, 331, 470; Д. 33. Л. 883–884, 889, 932, 941–945; Ф. 68. Оп. 1. Д. 5. Л. 224–226.
- ⁹⁶ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 522. Л. 10.
- ⁹⁷ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 127, 2322, 234.
- ⁹⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 500.
- ⁹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 480. Л. 10 об.; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 38. Ч. 2. Л. 614, 882; ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 8. Л. 596; Д. 11. Л. 217, 310; Д. 13. Л. 892, 893.
- ¹⁰⁰ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 55. Л. 18.
- ¹⁰¹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 817. Л. 259.
- ¹⁰² ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 5. Л. 17–18, 29, 86, 98, 109–110, 201, 230.
- ¹⁰³ *Герасимов С.Б.* В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Зап. Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд-ла Русск. геогр. об-ва. Семипалатинск, 1911. Вып. 5. С. 35.
- ¹⁰⁴ *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С. 274–279.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 230. Л. 1–14; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 30. Л. 283.
- ¹⁰⁶ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 29. Л. 284.
- ¹⁰⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 344. Л. 132, 150; Д. 540. Л. 2.
- ¹⁰⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 760. Л. 382.
- ¹⁰⁹ *Русаков К.В.* Миграции приписного крестьянства в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в первые три десятилетия XIX в. // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 94.
- ¹¹⁰ Крестьянство Сибири... С. 262, 264; *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века // К вопросу о формировании пролетариата в России. М.: Наука, 1975. С. 57.

Глава 3

УПРАВЛЕНИЕ ПРИПИСНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ

Основные функции органов управления приписными крестьянами

Все крестьянские селения с приписанными к заводам их жителями находились в ведении Колывано-Воскресенского горного начальства и горной экспедиции, подчинявшихся Кабинету. Горно-заводская администрация на Алтае и в Забайкалье возглавлялась начальниками Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, которые были наделены огромными полномочиями. В их распоряжении находились имевшиеся в пределах заводских ведомств команды казаков и солдат, они могли в случае необходимости требовать от сибирской администрации присылки дополнительных военных сил. Более того, в период обострения борьбы крестьян в помощь начальникам заводов выделялись воинские силы и без просьб с их стороны. Когда весной 1798 г. крестьяне Пачинской волости отказались признать себя приписанными к заводам, генерал-майор Томского пехотного полка граф Ивелич получил императорское повеление: «Сносясь с начальником Колывано-Воскресенских заводов, употребить полк вам вверенный на приведение в послушание вновь приписных крестьян... в случае же большого сопротивления употребить силу оружия и заставить уважать войска наши». Вскоре начальник заводов Качка сообщил Кабинету, что те «неповинующиеся крестьяне» с помощью Томского пехотного полка «заводскому начальству в должное послушание приведены»¹.

Солдат и казаков часто, особенно в первые годы существования кабинетского хозяйства, направляли на поиск беглых крестьян и мастеровых, для сопровождения крестьян на работу, для высылки на заводы и рудники «нетчиков». В 40–50-е гг. XVIII в. воинские силы использовались и в горно-заводском производстве². Широко привлекались они в Нерчинском горном округе для контроля за выполнением крестьянами заводских работ. Специально выделенные для этого унтер-офицеры имели в своем распоряжении смотрителей из

заводских людей. Через них осуществлялся контроль и за работой крестьян на казенной пашне³.

По указу канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства от 5 октября 1760 г., «как обыкновенно в партикулярных вотчинах», вводилась должность управителя с жалованием от 36 до 200 р. в год. Долговременная и исправная служба поощрялась. Так, на 20 р. жалование было повышено крестьянину Ф. Карпову, находившемуся в управителях в течение 8 лет⁴.

Под контролем земского управителя находились крестьяне нескольких земских (до 1762 г. судных) изб. Судная-земская изба располагалась в остроге или слободе, к которой примыкали десятки крестьянских селений. В ней постоянно находились выборные от крестьян – староста, писарь, голова. Судная изба размещалась в большом доме с сенями, двумя комнатами, в одной из которых хранились «письменные дела», в другой, большего размера, собирались раскладчики заводских работ. В конце 50-х гг. XVIII в. при судных избах появились боковые пристройки – «тюрьмы» для содержания арестантов⁵.

Делами избы ведал голова, получавший жалование в 20 р., писарю при нем платили 15 р. и дополнительно по 5 р. в период составления ревизских сказок.

В каждой деревне избирались погодно «...из крестьян добрых поведением, примерных в хозяйстве» староста и выборный. Они получали 10-рублевое жалование в год, освобождались «от всех нарядов и работ», но наравне со всеми с них взимались денежные платежи. На каждые 10 дворов избирался десятник, подчинявшийся сотнику.

Обязанности десятника Н.А. Миненко выявлены по специальным инструкциям. Он должен был следить за предотвращением привоза крестьянами «с озер воровской соли», обеспечивать использование ими «покупной ис казны» соли, не допускать занятия крестьян винокурением, «держание» ими «пришлых беспашпортных, беглых воров и разбойников».

В обязанности десятника входило «в вешние, летние и осенние времена... за крестьянами смотреть и им накрепко приказывать, чтоб их покотины и насеяно во близости жила хлеб был доброю и крепкою городбою исправлены». Он должен был обеспечивать контроль за исполнением крестьянами ямской повинности, поддержанием в исправном состоянии мостов и речных переездов⁶.

По требованию судной, земской избы, сотники и десятники высылали всех крестьян в острог или слободу «для слушания указа».

Ознакомление крестьян с правительственными указами, указами Кабинета, канцелярии горного начальства, любыми распоряжениями свыше было делом большой важности. Нередко, отказываясь выполнять повинности, крестьяне ссылались на то, что не получали указа⁷.

Главной обязанностью сельской администрации была своевременная отправка крестьян на заводскую работу. Уже в 1748 г. Колыванская заводская контора столкнулась с неявкой крестьян на работу. В связи с этим канцелярия горного начальства приказала всех «огурщиков» (123 чел.) «наказать батоги нещадно», а «сотским и десятским» отныне сопровождать крестьян до места работы. Крестьянам же вменялось в обязанность предъявлять сельскому начальству квитанцию о её выполнении⁸.

Избиравшиеся по 2–3 от селения раскладчики съезжались в судную-земскую избу для составления раскладных книг, в которых фиксировался объем заводских работ для каждой крестьянской семьи их деревни. Земские избы направляли в канцелярию горного начальства раскладные книги в 3 экземплярах (для неё, заводской конторы и земского управителя). На основании этих книг затем производилась высылка крестьян на работу. Составление раскладных книг было делом весьма ответственным. В земской избе в присутствии священника раскладчики приносили присягу о том, что будут располагать в заводские работы «смотря по состоянию и по прожиткам... прожиточных не облегчать, а маломочных не отягощать». За расположение в работу малолетних, «хворых», в «возочные работы» безлошадных раскладчиков наказывали, заставляя нанимать за свой счет способных к выполнению этих работ⁹.

Иногда в числе годных в раскладных книгах оказывались по вине раскладчиков фамилии давно умерших крестьян, на которых добавлялась еще работа за так называемые «накладные души», как это случилось, например, в 1759 г., когда семья бердского крестьянина В. Клепикова должна была выполнять работу за 4 души, хотя один из 4 братьев Клепиковых умер семью годами ранее, а также за 2 престарелых и 2 умерших¹⁰.

При том, что вновь избравшиеся раскладчики неизменно давали присягу «ни по родству, ни по дружбе, ни по какой другой причине» распределять работу «уравнительно по чистой совести», с фактами неправильного расположения крестьян в заводские работы горному начальству приходилось сталкиваться нередко. В начале 1799 г. деревенские старшины Бийской волости вынесли «общественный приговор», установив, что в 2 предыдущих года в заводские

работы не располагались из ряда деревень «достаточные» крестьяне, попытка одного из таких крестьян откупиться 25 р. была решительно отвергнута сходом, постановившим о выявленном факте известить канцелярию и заодно проверить расклад работ с 1795 по 1799 г.¹¹

Горно-заводская канцелярия одну из причин непорядков в расположении заводских работ усматривала в самом выборе раскладчиков, среди которых оказывались неграмотные (чем пользовались зажиточные), а также подростки, не имевшие «должного понятия о важности возлагаемой на них обязанности»¹². «Отягощение» крестьян заводскими работами происходило и по вине писарей. В 1798 г. писарь Бердской волости В. Хомутов освободил от работы своих родственников и крестьян, которые с ним «обхождение имели». Без «общественного согласия» работу 24½ душ он «раскидал» на других крестьян¹³.

Во время выполнения заводских работ крестьяне поступали в полное распоряжение управляющих заводами и рудниками, которые имели право определять меры наказания по отношению к «ослушникам» и широко этим пользовались. Крестьян часто наказывали батогами, плетью «за долговременную неявку на работу», за побег с неё, «подговор» к этому других и т.д. Во время работы за ними наблюдали заводские смотрители и надзиратели¹⁴.

Из расположенных в заводскую работу крестьян выбирали самых «лучших... писмоумеющих» для приема вырубленных дров. Один выборный принимал до 2–3 тыс. сажень дров. За него самого рубили дрова те, у кого он их принимал¹⁵. Приемщики дров выдавали крестьянам по выполнению ими заводской работы квитанции – бумажные ярлыки, деревянные жеребья (клеяный брусок, дощечку или берестяную печатку), которые затем предъявлялись сельским выборным по возвращении крестьян домой. С середины XVIII в., как и на Екатеринбургских заводах, стали использоваться медные жеребья-жетоны. По этим жеребьям судили о количестве древесного угля, заготовленного заводом за сезон. В середине XIX в. ежегодно изготавливалось до 80–100 тыс. печаток¹⁶.

При утере крестьянином жетона даже выполненная и сделанная им работа не засчитывалась. 11 декабря 1775 г. крестьянин Белоярской слободы д. Тальменской Т. Казанцев привез в Барнаульский завод из Бобровского дровосека на двух лошадях 2 короба угля. У крепостных ворот он отдал приемщику привезенные из дровосека 2 медные круглые печатки, получив в обмен на них 2 жестяные печатки, с которыми его пропустили в крепость «для свалки угля в груду».

При выгрузке угля Казанцев печатки «нечаянным случаем потерял», вследствие чего не получил квитанцию о выполненной работе¹⁷.

Нередко обнаруживались крупные недостатки дров, их оказывалось больше «в приеме, чем в наличии» в результате хождения «ложных жеребий». Время от времени обнаруживались факты приобретения крестьянами фальшивых печаток; за их изготовление горнозаводская администрация публично жестоко наказывала крестьян¹⁸.

Ежегодно часть крестьян оставалась на денежном окладе. С 1769 г. началось увеличение оброка, а с конца XVIII в. – подушной подати. Часть оклада крестьяне за вычетом отработанного на заводах вносили деньгами. Подушные деньги собирали сборщики из крестьян, которых принуждали взимать подушные не только за текущий, но нередко и за прошедшие годы. В 1755 г. с бийских крестьян взыскивались недоимки за 1750 г. В 1758 г. бердские крестьяне не доплатили подушных ещё за 1747 г. в размере 130 р. 88 к. К концу XVIII в. сумма крестьянских недоимок значительно возросла. В середине 1786 г. она составила по одной Чаусской земской избе за 1783–1785 гг. 12195 р., по Бийской – за один 1785 г. – 1020 р. 81 к. Управитель Д. Воронцов в конце мая 1787 г. предупреждал Бийскую земскую избу, что в случае неуплаты крестьянами недоимок к 1 августа «старосты и выборные и сборщики оштрафованы будут каждый по 10 р.».

Летом 1787 г. с 29 бийских крестьян сборщики взыскали за 1785 г., со 106 душ – за 1784 г. Однако до лета 1794 г. за ними ещё сохранялись недоимки десятилетней давности. За 1784–1793 гг. они составляли 2152 р. 97 к., в 1798 г. за 1792–1796 гг. – 576 р. 10 к. В апреле 1798 г. крестьянин д. Малой Угреновой И. Хлыновский в счет погашения 70-рублевой недоимки за прошлые годы смог внести лишь 46 р., отдав своего сына за 15-рублевую плату в год в «домовую работу».

Управитель Богданов, негодуя по поводу недоимок крестьян Тудальской волости, писал в волостное правление в июле 1813 г.: «Я сколько б ни старался на сбор податей иметь понуждение, успеху в оном не предвижу». В сентябре 1815 г. тот же управитель угрожал волостному правлению отправкой в волость солдата, который «на щёт головы и писаря» будет разъезжать по селениям, пока крестьяне не погасят всех недоимок. Десятками тысяч рублей исчислялись они в Нерчинском округе. При переводе нерчинских крестьян в казачье сословие их недоимки составляли более 40 тыс. р.¹⁹

Горное начальство было чрезвычайно озадачено огромными размерами крестьянских недоимок. В Колыванском правлении даже

пытались объяснить это тем, что собираемые с крестьян деньги расхищались сборщиками, среди которых оказывались «нехорошего состояния и неверные люди». Правление предписывало земским избам «избирать в сборщики из своего общества людей хорошего состояния неподозрительных и не пьяниц и таких, на которых бы в сем деле без сомнения положиться можно». Действительно, факты хищения уже собранных с крестьян денег имели место²⁰.

Вместе с тем для горно-заводской администрации было очевидным, что одними хищениями собранных денег нельзя объяснить недоимки крестьян. В 1797 г. канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства обязала управителя Ахвердова «приложить старание и через то узнать отчего происходит медлительность в сборе тех податей от упорства ли крестьян или некоторых от совершенного неимущества и по какому случаю они до сего доведены». Управителя также обязали выяснить, что может за недоимщиков выплатить общество, как оно может возместить понесенные при этом затраты²¹.

Начальство Нерчинских заводов в начале XIX в., обосновывая перед Кабинетом необходимость замены труда приписных крестьян трудом непрременных работников, особое внимание обращало на невозможность взыскать недоимки из-за обнищания крестьян. Земские избы и волостные правления постоянно сталкивались с тем, что с части крестьян невозможно было что-либо взыскать из-за их скудости. В связи с ростом крестьянских недоимок все труднее становилось выполнять должность сборщика. Не случайно с конца XVIII в. крестьяне – сборщики податей все чаще нанимают вместо себя за довольно высокую плату (от 45 до 65 р.)²².

Приведенные данные, далеко не исчерпывающие сведения о действительных недоимках крестьян, не только подтверждают сам факт наличия крестьянских недоимок, но и свидетельствуют об их существенной величине. В связи с этим не представляется обоснованным вывод, содержащийся в работе «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма», где утверждается: «Приписные крестьяне почти не имели недоимок по государственному и земским повинностям»²³.

В низовых органах управления крестьянами Восточного Забайкалья и Алтая существовали некоторые различия. До конца XVIII в. территория Нерчинских, как и Кольвано-Воскресенских заводов, делилась на сотни. Жители двух-трех сотен находились в ведении приказных, а не земских изб. Наряду с крестьянскими выборными в Нерчинском округе в значительно большей степени к управлению крестьянами привлекались офицеры, унтер-офицеры и других чинов

военные люди. Круг дел, которыми занимались земские и приказные избы, в основном совпадал. В их обязанности входило принуждение крестьян к выполнению феодальных повинностей, главными из которых были заводские работы и участие в снабжении мастеровых и служащих продовольствием. Разный характер этого участия накладывал отпечаток на деятельность приказных и земских изб. Последние принуждали крестьян к поставкам провианта на заводы и рудники. А приказным избам приходилось заниматься организацией заводской пашни, которую обрабатывали приписные крестьяне не только под контролем со стороны крестьянских выборных. В большей степени этот контроль обеспечивали офицеры и солдаты²⁴.

За время существования кабинетского хозяйства в Сибири в до-реформенный период в управлении им происходили изменения.

1 мая 1779 г. на основании именного указа Екатерины II началась реорганизация органов управления заводами и приписанными к ним крестьянами. Из состава Тобольской губернии выделялась Кольванская область во главе с правителем области, одновременно являвшимся и начальником заводов. Он возглавлял областное правление. Наряду с областным правлением учреждались еще судный («для суда и расправы в области Кольванской») и казенный («для хозяйственного в области и заводского правления») департаменты. Судный департамент был «единственно подчиненным Сенату». Казенный – имел двойное подчинение: в делах, касавшихся «земских сборов» и «хозяйства земского», указом предписывалось ему «состоять под властью и отчетом Сената». В делах по управлению заводами и во всем, что было связано с доходами владельца Кольвано-Воскресенских заводов, казенный департамент подчинялся только Кабинету. Возглавлял его председатель, являвшийся своего рода заместителем начальника заводов.

Перед казенным департаментом были подотчетны во всех делах, касавшихся развития горно-заводского производства, заводские конторы.

Нижнее звено управления приписной деревней осталось прежним. Земские избы получали приказы и распоряжения от начальника Кольвано-Воскресенских заводов, правителя области, связующим звеном между земскими избами и горным правлением, учрежденным вместо упраздненной канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства, являлась верхняя расправа; «для суда между поселянами» – нижняя расправа. «Для наблюдения порядка и благочиния и приведения во исполнения законов и повелений вышних мест» в

уездах создавались нижние земские суды, которым, как и верхней расправе, подчинялись земские избы. Нижним земским судом руководил капитан-исправник, заменивший должность земского управителя. При нем имелось два сельских заседателя.

Для разбирательств мелких споров между крестьянами и мещанами учреждался совестный суд, в котором выбирались 2 мещанских и 2 крестьянских заседателя, возглавлял совестный суд судья²⁵.

Открытие Кольванской области со всеми ее учреждениями состоялось больше чем через год после издания Указа по этому поводу. Выехав из Петербурга в октябре 1779 г. и прибыв в Барнаул в январе следующего года, назначенный правителем области и начальником заводов генерал-майор Б.И. Меллер принял дела от своего предшественника и после тщательной подготовки открыл область. В торжествах участвовали жители Барнаула, духовные и светские чины, купцы, мещане, воинские команды, мастеровые, крестьяне, ясашные.

Две недели длились торжества, сопровождаемые колокольным звоном, молебнами, многократным оглашением указа 1 мая 1779 г., здравицами в честь «Екатерины Великой», пальбой из пушек и ружей, «фейерверками и иллюминацией всего города». Завершились они в день восшествия на престол императрицы.

Горно-заводское начальство возлагало большие надежды на новый порядок управления приписными крестьянами, которых все труднее становилось принуждать к выполнению заводских работ и поставкам провианта из-за непрекращавшегося противодействия с их стороны²⁶.

Однако эти надежды не оправдались. Значительно большее впечатление на крестьян произвел манифест 21 мая 1779 г. Крестьяне уяснили не только ограничение манифестом видов и сроков работ на заводах, повышения расценок за пешую и конную работу, но по-своему стали решать, в какую работу их могут располагать с учетом «близости» и «дальности» их проживания от заводов и рудников. Поэтому начало 80-х гг. вызвало большую озабоченность горного начальства в связи с массовым невыходом крестьян на работу.

В конце XVIII в. в местном управлении приписными крестьянами произошли новые изменения, связанные не только с введением в 1797 г., как и по всей стране, территориального деления кабинетских земель в Сибири на волости. Вместо земских на Алтае и приказных изб в Забайкалье учреждались волостные правления. На Алтае восстанавливалась должность управителей с прежним числом их, в ве-

дении каждого из них находилось по 3–4, а у одного – 6 волостей; упразднялось горное правление и восстанавливалась канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства.

Район Колывано-Воскресенских заводов был разделен на 35 волостей. В 20-е гг. XIX в. в связи с заселением и хозяйственным освоением южных районов за Бийской линией и освоением ранее не заселенных мест в пределах заводского ведомства были учреждены новые волости: Нижне-Карасукская, Верх-Чумышская, Карасукская, Алтайская, Бурлинская. Волости весьма заметно отличались друг от друга размерами территории, числом душ (от 653 до 4 тыс., в некоторых до 6–12 тыс. душ м.п.). При активном участии сельских начальников и «лучших» людей произошло перераспределение душ м.п., разделение крупных волостей на две, укрупнение мелких. Тогда же решался вопрос об упразднении Пачинской волости путем слияния её с Тутальской. Однако канцелярия горного начальства утвердила «общественный приговор» жителей Пачинской волости и по указу от 12 декабря 1820 г. волость была сохранена. К ней присоединили несколько деревень Верхотомской, Тарсминской, Тутальской волостей²⁷.

В первой половине XIX в. число волостей увеличилось и в Нерчинском округе, где с 1824 г. к существовавшим Аргунской, Уровской, Газимуровской, Стретенской, Городищенской добавились ещё Ундинская и Читинская волости. К этому времени число жителей каждой волости было относительно упорядочено. Предложение начальника Нерчинских заводов о сокращении числа управителей не было принято Кабинетом; в ведении земского управителя находилась одна волость, тогда как на Алтае управитель ведал 3–4 волостями²⁸.

В конце XVIII в. была официально упразднена должность сборщика податей, взимание их перекладывалось на сельских старшин. При этом волостные правления продолжали время от времени выбирать сборщиков или нанимать их с платой из «мирской суммы». Горное начальство, узнавая о подобных фактах, требовало взимания податей старшинами²⁹.

Управление крестьянами волости находилось в ведении волостного правления, во главе с головой, избравшимся из крестьян; в помощь ему из крестьян же давалось по 3–4 чел. За «нетрезвый образ жизни» и «дурное поведение» голова отрешался от должности (такое встречалось довольно часто). Обществом «всех сел и деревень» волости в правление избирались писарь и староста. В сельские начальники избирались «непоочередно но более по достоинству»,

которое определялось «добрым поведением» и «примерным хозяйством».

При очередных выборах постоянно возникали сложности с избранием писаря. В 1825 г. не нашли грамотного крестьянина в Тальменской волости, по «общественному приговору» командировали крестьянина С. Казанцева «ехать в те волости, где есть грамоты умеющие» для найма в писари. В правлении Мунгатской волости «по неимению письмоумеющих крестьян» в писари наняли крестьянина Бачатской волости. В Карасукском волостном правлении по найму писарем был крестьянин Малышевской волости Е. Колпаков. Избранные писарями Тальменского и Боровлянского волостных правлений А. Волков и К. Шишкин просили освободить их от этой должности из-за неумения «писать чисто и красиво»; канцелярия горного начальства их просьбу не удовлетворила, ибо других, кто лучше знал бы «порядок по письмоводству» не было. Иногда в писарях «по общественному приговору» оказывался настолько малограмотный крестьянин, что заведомо было известно о его неспособности вести делопроизводство волостного правления. В августе 1828 г. в Тальменское волостное правление избрали писарем И. Колесникова из д. Кашкарагаихи. «Хотя и не сам собою по малограмотству но при помощи вольных знающих сию часть людей исправить может» – записано в приговоре волостного схода.

Вместе с тем ведению и содержанию в порядке делопроизводства придавалось большое значение. Время от времени волостные правления специально нанимали человека для приведения в порядок накопившихся документов.

Горное начальство требовало избрания писарей непременно из крестьянской среды. Указом от 29 декабря 1824 г. в 21 волости управителей обязали переизбрать писарей, назначив на их должность пусть из другой волости, но из крестьян, а «не другого какого сословия». Однако за недостатком «грамотно умеющих» среди крестьян разрешалось выбирать на эту должность приказных людей, подканцеляристов, мещан. В Нерчинском округе писарями становились и сыльные. Управители проявляли заинтересованность в закреплении писарей на длительный срок в интересах ведения делопроизводства, крестьян же больше устраивал тот писарь, которому можно было меньше платить. На этой почве нередко возникали конфликты между волостным сходом и управителем³⁰.

В каждой деревне избирался, как и прежде, сельский старшина, обязанный, «неотлучно» пребывая в ней, обеспечивать повиновение

крестьян своему начальству, почитание ими «стариков и тех, которые заслужили себе чести». Степень участия крестьян в решении миром жизненно важных вопросов определялась не только преклонным возрастом, но и имущественным их положением.

На сходки крестьяне должны были приходиться «без ножей и бичей», с сельским начальством и приезжающими говорить «чти-во и чести их не вредить», не доводить споры до драк, взаимных оскорблений³¹.

По предписаниям горного начальства управители не имели права вмешиваться в выборы крестьянских начальников, однако практика свидетельствовала об активном поведении управителей во время формирования нового состава низовых органов управления приписными крестьянами. Иногда в волостное правление без ведома горного начальства по личному указанию управителей избиралось большее число сотников, которых они использовали «в домах своих на собственные свои надобности». Время от времени канцелярией горного начальства рассылались предписания управляющим с требованием прекращения с их стороны вмешательства в выборы крестьянских начальников³².

Назначение крестьян на должности иногда было курьезным. В 1800 г. священник Успенской церкви Н. Знаменский, наведя справки о выбранном в церковные сотники крестьянине Бийской волости П. Загайнове писал управителю: «Оной етой должности снести не в силах» по возрасту (90 лет) и по состоянию здоровья («и мочь не держится»). А в 1827 г. в д. Ересной трапезником в Барнаульскую Одигитриевскую церковь избрали П. Санарова «по самой прямой очереди», несмотря на то, что он был старообрядцем. Жителям Белоярской волости пришлось избирать другого трапезника³³.

По представлениям крестьян, сельские начальники должны были быть справедливыми «ко всем крестьянским обстоятельствам», «рассудительными». В марте 1803 г. на сходе крестьян д. Паутовой Бийской волости Н. Матюгин, пытаясь оградить свою жену от наказания, отвел её в сторону, «не дал бить... говорил всему обществу с тем чтобы выслать в волостное правление», где, он надеялся, «учинено будет справедливое разбирательство виновный накажется а безвинный оправдается»³⁴. Супруги, не согласные с решением сельского схода, надеялись на справедливое решение волостного схода.

Ежегодно на выборных должностях находились около 50 чел., освобожденных от заводских работ. В большинстве своем это были люди «достаточные». Исключение их из числа располагавшихся в

заводские работы вело к увеличению объема отработок для остальных крестьян. Заботясь не столько о последних, сколько о выполнении работ в полном объеме, горное начальство вскоре пошло на отмену права сельской администрации не выполнять их. Отношение сельских начальников к ликвидации данной льготы было негативным. На волостных сходах постоянно возникал вопрос об участии сельских старост и старшин в выполнении заводских работ. Сами они были, естественно, заинтересованы в освобождении от них. В ряде указов канцелярии горного начальства, изданных в 1822 г., отменялись только земские повинности.

19 июня 1822 г. волостной сход Ильинской волости постановил сельских начальников, как было и прежде, освободить от заводских работ. Канцелярия горного начальства расценила это как намеренное противодействие её требованию, основанному на законе о заводских работах как части подушного сбора, «от чего никто не освобождается». Приговор Ильинского волостного схода как «с существом дела не сообразный» в канцелярии не признали законным. Управителя обязали созвать новый волостной сход и растолковать «вразумительно, что общество крестьян Ильинских неисполнением воли начальства, пекущегося о благосостоянии их, подвергнет себя строгому по закону взысканию». Управителя предупредили, что если сельские начальники, в том числе волостной голова, и их родственники не будут расположены в работу, она спросится с раскладчиков и старшин деревень³⁵.

В 1825 г., обнаружив, что голова Бурлинской волости Миронов и староста Облецов освободили от заводских работ не только себя, но ещё и сына и брата головы и что старосты «против других поселян несли заводскую работу весьма малозначительную», а сельские старшины «хотя и по воле общества» исправляли её в половинном объеме, канцелярия горного начальства приказала голове и старосте, «допустивших быть таковому беспорядку», выполнить за 1825 г. работу в двойном объеме, а на их родственников располагать её наравне со всеми остальными крестьянами.

Волостные головы, старосты, писари сами работу не выполняли. Находясь постоянно при исполнении служебных обязанностей, они нанимали других. В приговорах 1827 г. по поводу выбора новых голов уже нашло отражение то, чего добивалось горное начальство: «наравне с прочими исправлять заводские работы и общественные повинности». Такое положение сохранялось до 1852 г., когда распоряжением горного правления от 21 мая головы и писари, избранные

из крестьян данной волости, освобождались от заводских работ. Освобождались также волостные старосты, сельские старшины и их дыновья, если они жили с отцами «не в разделе»³⁶.

Горно-заводское начальство с санкции Кабинета предоставлением льгот пыталось найти в лице сельской администрации более надежного союзника, способного обеспечить выполнение её приказов с большим усердием. Она ставилась над всей остальной массой крестьян заводского ведомства. Этим же было продиктовано освобождение волостного головы, старосты, писаря от телесных наказаний, призыва в рекруты, исполнения «всяких земских и мирских работ и нарядов», пока они находились в службе³⁷.

С конца XVIII в. стал заметно ограничиваться круг участников волостного схода. Крестьянским обществам «для выбору новых старосты и выборного пищика и учеников» предписывалось посылать на волостной сход «избранных от каждого селения... доброго поведения надежных людей по два по три человека или более, кому они доверяют на случай сходки». В волостном сходе участвовали выборные от сельских сходов, в которых участвовали крестьяне одного, иногда 2–3 селений или нескольких заимок, расположенных рядом друг с другом.

В начале XIX в. на волостном сходе деревенские общины представляли старшины. В 1805 г. в Легостаевской волости сход избрал головой С. Бедарева, писарем – Ярушникова, за какие-то «преступления» ранее наказанных плетью. По представлению управителя канцелярия горного начальства приказала оштрафовать всех участников волостного схода (старшин и советчиков) на 2 р. каждого, а крестьян, «бывших в пороках и наказаниях», впредь «к общим советам в волостное правление не принимать», о выборе же их в волостные и сельские начальники не могло быть и речи. Имена всех «порочных» и наказанных крестьян вписывались в особый журнал волостного правления «для всяких справок» (с указанием, кто, когда, за что, как был наказан); этот журнал хранился «всегда особо от прочих дел». В 1819 г. по приказу канцелярии горного начальства всех старшин Легостаевской волости, участвовавших в «отрешении» от должности головы О. Долганова, наказали плетью; на общественные сходки было запрещено «впредь пускать». От «местного начальства» потребовали «за поведением оных... иметь неослабное наблюдение».

С 20-х гг. XIX в. на волостной сход посылался 1 чел. от 100 душ м.п., что свидетельствовало о стремлении горно-заводских властей ещё более ограничить круг участников волостных сходов³⁸.

Жалование, которое получали сельские начальники, очевидно, не покрывало убытков, вызванных отвлечением крестьян на все время пребывания их в той или иной должности. Они предпочитали нанимать вместо себя других. В 1789 г. бердский крестьянин В. Волков заплатил согласившемуся за него быть в сотниках А. Демину 14 р. деньгами, отдал 17 пудов муки, пуд говядины. Примерно столько же заплатили нанявшие в сотники вместо себя А. Ершов, Д. Семьянов, З. Барабанщиков³⁹. В 1802 г. за нанявшегося сотником Тутальского волостного правления И. Тарскова наниматель взялся выполнить его заводскую работу и дал ещё 25 р.⁴⁰ В 1816–1818 гг. нанимавшие вместо себя в сотники платили по 30, 45, 50, 60, 65 р., давая в придачу масло, по 4–20 пудов муки или обязуясь «весь год кормить своим хлебом»⁴¹.

Из крестьян выбирались ямские сотники, в обязанность которых входило обеспечивать бесперебойную перевозку почты, грузов и проезжающих. Им помогали сотники и десятники в снаряжении крестьян в подводную гоньбу. Служба сотников была трудно исполнимой из-за частого неповиновения крестьян. За огурщиков сотникам приходилось нередко нанимать «с воли охотников» в подводную гоньбу⁴². Крестьяне стремились избавиться от обязанностей ямских сотников, нанимая вместо себя за плату в 15–20 р. с добавлением к ней муки, мяса, масла⁴³.

От 20 до 60 р. и 60 р. и дороже обходился крестьянам найм в караульщики при волостных правлениях, в сторожа при управительской канцелярии, 115 р. – в «расходчики» при управителе, в счетчики при волостном правлении⁴⁴. В сотники при Чарышском волостном правлении за крестьянина д. Хлопуновой Ю. Кабанова в 1828 г. нанялся из д. Ельцовки Т. Ваганов; службу за отца нес 17-летний сын Фирс, который замерз в буран, везя по приказу волостного головы в Барнаул жену писаря⁴⁵. В 1849 г. из с. Кашина 14-летний сын крестьянина Барсукова сопровождал вместо отца до следующего пункта следования колодников, которые, отъехав от села 5 верст, завезли его в сторону от дороги и в лесу убили⁴⁶. Как видим, привлечение крестьянами своих детей к несению выборных обязанностей имело даже трагический исход.

Крестьянские выборные в управлении приписной деревней играли весьма важную роль. Представители сельской администрации стояли ближе всех к крестьянам. Именно они проводили в жизнь распоряжения горно-заводского начальства, делавшего ставку на их усердие⁴⁷. Идеальным горному начальству представлялся выбор в волостные головы, старосты людей «достойных», «не бывших в пороках», «телесном наказании». Писарь должен хорошо знать дело-производство, сельские старшины – быть «прилежными в поведении и хлебопашестве», с достаточным жизненным опытом, не моложе 30 лет. Под непосредственным подчинением старшин находились десятники, выбиравшиеся сроком на 1 месяц по очереди «без награждения и всякого от податей и иных повинностей увольнения».

Списки всех избранных в волостные и сельские начальники представлялись на утверждение управителей, а затем – канцелярии горного начальства или горной экспедиции, которые нередко вносили свои коррективы. В глазах крестьян выбор и смена мирских начальников являлись неотъемлемым правом общины. Горным же начальством оно не признавалось, что нередко приводило к серьезным осложнениям при перевыборах волостных начальников по инициативе участников волостного схода. Управители и горно-заводское начальство не признавали за крестьянами права на подобного рода акции. Они утверждались только в том случае, когда волостной голова или староста не устраивали и горно-заводскую администрацию⁴⁸.

Волостные правления вели обширную переписку друг с другом, получали правительственные указы, указы Кабинета через канцелярию горного начальства и горную экспедицию, распоряжения последних, приказы управителей, доводя их до сведения старшин крестьянских селений. Старшины созывали по одному или всех взрослых членов семьи на сход, где «во всякой тишине» зачитывали поступивший приказ свыше. Его полагалось «в точности исполнять», приняв общественный «приговор», подписанный участниками схода.

Как и ранее, ознакомлению крестьян с распоряжениями сверху придавалось большое значение. За неявку на сельский сход взимался штраф в размере 50 к., а «за бесчинство и шум против того вчетверо». В конце 20-х гг. XIX в. «общество» Кузнецкой волости высказалось за дозволение взыскивать штраф и с сельских старшин, и с «лучших» людей за неявку на мирские сходы в назначенное волостным правлением время. Горное правление, приняв предложение

Кузнецкой волости, 26 октября 1829 г. издало указ, которым вводился штраф за неявку на волостной сход старшин без уважительных причин⁴⁹.

В волостных правлениях велись «шнуровые книги», в которые вносились мирские приговоры о поступлениях денег с крестьян, о расходах из мирской суммы, об исках, делах о крестьянском имуществе и т.д. Заверенные в волостном правлении, они доставлялись в канцелярию горного начальства, горную экспедицию. За недоставку их в назначенный срок с писарей волостных правлений взыскивался штраф⁵⁰. Он взимался с писарей и «за упустительство в содержании деловых бумаг», «непорядочное исправление письменных дел» при самом волостном правлении⁵¹.

Все исходившее из волостного правления бумаги скреплялись подписями головы, писаря и печатью волостного правления. В марте 1801 г. канцелярия вернула Бийскому волостному правлению рапорт, подписанный одним писарем, не скрепленный подписью головы или старосты и без печати, наложив на нем резолюцию: «Писарь только письмоводец, более ничего не значит». Когда весной 1820 г. из Боровлянского правления в Тальменское поступило «сношение», заверенное только печатью головы, об отправке на тушение пожара в Касмалинском бору, оно было признано «весьма неудовлетворительным» из-за отсутствия подписи писаря или его помощника⁵².

Деятельность волостных начальников отражалась в журналах волостного правления. В одном из таких журналов зафиксировано, например, что в марте 1827 г. голова с 1-го по 16-е был занят доставкой в Барнаульский завод податей за первую половину года; 17–20 марта – высылкой крестьян «в заводскую работу»; 21–27 – находился при волостном правлении; 29–31 – «пребывал дома»; 1–10 апреля отлучался в д. Мальцеву для «постройки запасного в той деревне магазина»; 16–25 – занимался в волостном правлении «разными словесными разбирательствами»; 26–30 – «отлучался в д. Новомальцевскую за понуждением перевести из д. Алабугиной из запасного магазина хлеба». Староста в марте высылал крестьян «в работу», отлучался в Томск «за покупкой пищей бумаги и чернильных припасов»; 24–31 марта находился в волостном правлении; 26–30 апреля ездил по селениям «за сбором денег на содержание волостного правления»; 16–26 – «при волостном правлении» занимался «словесным разбирательством вместе с головой»⁵³.

В каждом волостном правлении имелся в ассортименте набор предметов, использовавшихся при содержании под арестом провинившихся крестьян, сопровождении их к управителю или в канцелярию горного начальства: «ножные и рушные железа», цепи, которыми привязывали к стулу, «стеновые цепи» и деревянные вилы (надевались на шею), деревянные колодки. За всевозможные провинности крестьяне содержались «в тюрьме во укреплениях» и под караулом.

В 1809 г. начальник Нерчинских заводов отдал распоряжение горной экспедиции о постройке «в пристойном месте нежели где ныне находится» новой тюрьмы, «совершенно крепкой и просторной», с обнесением её «стоячим бревенчатым палисадником», вкопав его «до нарочитой глубины в землю, чтобы никоим образом... кроме ворот не можно было выйти». В июле 1814 г. канцелярия горного начальства командировала асессора Синцова в Бийск «по предмету построения там тюремного острога».

В 20-е гг. XIX в., когда началось строительство каменных зданий волостных правлений, предусматривалось наличие в них мужского и женского тюремных отделений. Крестьяне содержались под арестом не только при волостных правлениях, нередко их держали в тюрьмах при заводах и рудниках. Самыми распространенными орудиями наказания крестьян являлись лоза, прутья, палки, батоги, розги, плети⁵⁴.

Горно-заводская администрация оберегала авторитет представителей власти на местах, широко рекламируя всякое проявление их усердия. Об объявленной благодарности доводилось до сведения всех крестьян. В 1803 г. при собрании старшин за подписью управителя получил «аттестат» старшина д. Усть-Ануйской Бийской волости И. Бедарев; в 1804 г. был отмечен волостной голова Казанцев. По представлению управителя канцелярия горного начальства в 1822 г. наградила «похвальным листом» голову Кривошековского волостного правления Козьминых за усердие в принуждении крестьян к выполнению заводских работ за прошлые годы. В 1826 г. получили благодарность сельские начальники Нижне-Кулундинской, Колыванской волостей. В 1827 г. благодарности управителя удостоились голова, староста и писарь Тальменского волостного правления «за своевременное взыскание и отсылку следующих с крестьян в земскую повинность денег»⁵⁵.

Вынесение благодарности за своевременное исполнение своих обязанностей сельскими начальниками – факт, свидетельствующий о том, что сельские начальники редко справлялись с выполнением

распоряжений управителей и горно-заводской администрации, причем чаще всего не по своей вине, но вследствие противодействия крестьян.

В случае неповиновения сельским начальникам крестьяне подвергались суровым наказаниям. В феврале 1757 г. во взаимном стремлении старосты села Сосновского И. Воробьёва заставить крестьян подчиниться себе, а тех – не давать старосте денег «за небытие в работе у делания рогаток» и провианта для Барнаульского завода дело дошло до потасовки. Крестьяне избили старосту и бывшего при нем «пищика», за что сами были позднее биты плетьюми⁵⁶.

В июле 1773 г. крестьяне с. Ирменского В. Вертков, Петр и Родион Бородины не только не поехали чинить мост по требованию сотника, но и другим «запрещение чинили», не дали сотнику подводу, и тот пешим ушел из деревни. Старосте с. Ирменского Н. Кайгородову земская контора предписала «взяв десятников и из других деревень крестьян на противников и огурщиков набив смыки» привести их в контору «для учинения надлежащего наказания»⁵⁷.

Крестьяне Белоярской слободы д. Дмитриевой – Титовой З. Нехорошев и В. Титов отказались дать подводу по требованию десятника Южакова, как он писал, «за огурством своим». Крестьяне же ссылались на то, что не подошла ещё их очередь выставлять подводу. Канцелярия предписала земской избе «ослушников... наказывать батожем, чтоб впредь как им так и смотря на их другим таких по нарядам десятничьим упрямым чинить было неповадно». В 1762 г. 8 бийских крестьян «за битье прикащика Потылицына» наказали батогами и плетьюми. Осенью 1785 г. крестьян д. Проскоковой Егора и Никифора Проскоковых наказали палками «за брань десятника Ф. Лузина и называние старосты тайным удом и за огурство по посылке сотников».

Крестьян часто наказывали «при собрании народа» розгами, плетьюми, батогами «за отбитие себя от рассыльчиков», «поношение ругательными словами чести десятников, сотников, старост», отказ выполнять распоряжения представителей сельской администрации⁵⁸.

В 1802 г. в канцелярии горного начальства рассматривалась жалоба «крестьянских девок» Кузнецкой округи Наумовых: у одной из них «от стегания розгами» старшиной Бердюгиным родился мертвый ребёнок. Хотя жалоба была признана «ложной», волостным и сельским начальникам предписали, чтобы «преступников» они «сами собою при мирских сходках не наказывали телесно, а доносили

бы о том земским управителям а сии обязаны по исследовании поступать по законам». Однако с 1812 г. волостные правления имели право «по маловажным преступлениям» наказывать крестьян, не дожидаясь распоряжения свыше. В числе вопросов, которые решались на мирских сходках, наряду с делами «об обмане разного рода», «легких побоях», оскорблениях в драке или ссорах, о пьянстве, «кратковременной отлучке из селения», чаще всего встречаются дела о «непослушании» и «нарушении благочиния». Признанные виновными по делам, находившимся в компетенции сельских и волостных сходок, наказывались по мирскому приговору «домашним образом»⁵⁹.

Несмотря на то, что со всех крестьян заводского ведомства брались подписки (они хранились в волостных правлениях), «чтоб всяк из оных был у сельского начальства в должном повиновении и никто не осмеливался чинить ослушание и дерзости», ежегодно в каждой волости происходило наказание крестьян за самые различные «провинности»: «буянство при сходе против волостного головы», «неповиновение начальству», «грубости и ругательство в правлении», «нахождение в бегах и шатне», «принесение грубости и ругательства голове», «дерзости и произношение противузаконных слов», отказ явиться по вызову выборного, сопровождать колодников, «слабое смотрение» за ними или «упуск» их, «необъявление беглых», «дачу» им хлеба – в разные годы в первой половине XIX в. были биты лозами, палками, посажены под арест в волостных правлениях, оштрафованы или «употреблены в работы» сотни крестьян, с которых затем брали подписки, что они будут «вести себя как долг требует»⁶⁰. Наказывали, не щадя стариков и женщин. В 1835 г. по приказу управителя за «недоплату» выданного в ссуду хлеба из сельского магазина избili лозами 15 крестьян, в том числе и 80-летнего Ф. Кузнецова. Крестьянская вдова Маремьяна Андреева, Матрена Шибанова, жена М. Забродина из Бердской волости, Аграфена Березовикова из Тальменской, Наталья Канаева из Тутальской волостей также были подвергнуты телесному наказанию⁶¹.

В 1816 г. Марья Лигачева подала жалобу на избивание её волостным головой «в две палки жестоко так, что едва могла встать», отчего у неё начались преждевременные роды и родился мертвый ребёнок. Голова утверждал, что «для унятья Марьи приказал десятнику... ударить её... имеющуюся у него в руках тонкою палочкою, которой не более пяти раз ударил и совершенно нельзя говорить чтоб

от сих легких ударов могли начаться... роды». В канцелярии горного начальства жалобу крестьянки признали необоснованной⁶².

Волостные правления, управители часто сталкивались с невыполнением крестьянами повелений о «недержании» в их домах беглых. За «пристанодержательство» виновных наказывали телесно, отправкой в заводские работы без зачета их в подушный оклад, штрафовали⁶³. На жителей деревень возлагалась коллективная ответственность за предоставление ночлега не имевшим «письменного вида», прием их на работу. От волостных голов управители требовали во время пребывания их в селениях осведомляться, нет ли в них «беспашпортных людей», а волостные головы брали со старшин подписки о «недержании» в своих селениях таковых⁶⁴. Эти подписки соседствуют в фондах волостных правлений с многочисленными рапортами о самовольных «отлучках» ежегодно десятков крестьян. Розыск отлучившихся часто не давал успеха; беглых нанимали в работы в своих хозяйствах «достаточные» крестьяне, иногда платой за выполненную ими работу служила невыдача их властям.

Сельский мир был заинтересован в поимке отлучившихся «без письменного вида», так как с оставшихся в деревне, связанных круговой порукой, спрашивалось выполнение заводских работ и других повинностей. Уход крестьян ставил в затруднительное положение односельчан в период рекрутского набора. Отсутствие находящихся в «шатнях» создавало реальную угрозу сдачи в рекруты очередных из зажиточных, поэтому по рапортам старшин волостные правления объявляли розыск⁶⁵. К розыску и поимке привлекались не только сельские и волостные начальники, но и родственники отлучившихся. В мае 1802 г. в течение 10 дней по приказу Бийского волостного правления разыскивал родного брата Ивана А. Слободчиков. Прислышав, что тот находится в д. Жилиной Белоярской волости у крестьянина Е. Казанцева, он вынужден был заплатить 6 р. за выдачу брата, которого доставили затем в волостное правление⁶⁶.

Пойманных и доставленных в волостное правление секли, брали с них подписку о том, что «впредь самовольных отлучек чинить не будут»⁶⁷. Некоторым удавалось уйти из-под стражи во время сопровождения в волостное правление. Я. Некрасов, которого «в набитых на ноги колодках и надетых на шею деревянных вилах» вез ящик, сумел в дороге «из крепки» одну руку вынуть, сбросить с телеги ящика и снова бежать⁶⁸. При поимке беглые отбивались топорами, серпами, палками⁶⁹.

В октябре 1821 г. канцелярия горного начальства запретила купцам и мещанам ведения Колывано-Воскресенской ратуши нанимать из приписанных к заводам крестьян в работники и «под своз кладей» в Ирбитскую ярмарку. В том же году, проезжая через Озерский стан, земский управитель встретил крестьян д. Выползовой Тальменской волости Чудова и Качусова, которые, не имея «пачпортов», нанялись к купцу Баранову отвезти на Ирбитскую ярмарку 150 пудов мяса и сала. Управитель отправил их в волостное правление с подтверждением, чтоб впредь крестьяне «ни под каким видом» без паспортов из заводского ведомства не отлучались⁷⁰. Непременным условием для получения паспорта являлось исправное состояние хозяйства крестьянина, решившего на время отлучиться по своим «надобностям», и наличие в его семье трудоспособных, которые могли бы за него выполнить заводские работы⁷¹. Несостоятельные крестьяне, как правило, не надеялись на получение «одобрения» односельчан на выдачу им «покормежных паспортов». Они чаще всего уходили для «зарабатывания податей» без всякого разрешения, за что их считали находившимися в «бегах» и «шатнях» и объявляли в розыск⁷².

Участие органов управления в комплектовании мастеровых для заводов и рудников кабинетского хозяйства

По мере развития кабинетского хозяйства функции органов управления приписными крестьянами расширялись и уточнялись. Кроме расположения, наряда и высылки крестьян на заводские работы, они участвовали в решении сложнейшей проблемы комплектования из крестьянской среды мастеровых для заводов и рудников кабинетского хозяйства. Ими становились набиравшиеся в приписной деревне рекруты.

Сохранился интересный документ, позволяющий судить не только об отношении крестьян к рекрутскому набору, но и представителей горного начальства к набору, проводившемуся Томской воеводской канцелярией, когда отданные в рекруты крестьяне должны были выбывать за пределы заводского ведомства. Весной 1747 г. в с. Ирменское Томская воеводская канцелярия послала «прикащика» Г. Гречанина «для набору рекрут», отчего все крестьяне разбежались и, как сообщил в Барнаул староста села И. Чупин, на Барнаулский завод «в работу высылать некого». 26 мая только что при-

бывший по направлению Кабинета на Алтай лейтенант Христиани распорядился: «...по прежде посланному от меня к тебе (старосте Чупину. – А.Ж.) ордеру крестьян... нарядить и выслать в Барнаульский и Колыванский заводы», чтобы они явились на работу «без отлагательства» к 1 июня, а «рекрут и лошадей прикащику Гречанину до получения распоряжения от заводов» не отдавать.

Спротивление при наборе рекрутов оказали не только крестьяне с Ирменского, но и других деревень ведения Чаусского острога. Некоторые из них, прихватив косы и ружья, укрылись в лесу, они открыли стрельбу, когда Гречанин попытался выдворить их оттуда. А в съезжей избе в с. Ирменском староста и собравшиеся крестьяне договорились, что если Гречанин до получения ордера из завода будет «сильно требовать то мы его свяжем и в завод увезем или из ружья уьем». Затем на совете старосты, сотника и «прочих крестьян» порешено было на том же⁷³.

Для заводских властей такое поведение крестьян при рекрутском наборе в то время не было криминальным. Взятые в рекруты, они оказывались на военной службе за пределами заводского ведомства, горному же начальству было выгоднее, чтобы молодые, самые здоровые крестьяне оставались на своих местах жительства в прежнем положении крестьян. Что же касается крестьян, только что приписанных к Колывано-Воскресенским заводам, то, судя по их поведению и переписке с заводским начальством, они, возможно, надеялись получить от него поддержку их противодействию набору в рекруты, может быть, даже надеялись на отмену для них рекрутских наборов.

Горное начальство добивалось запрещения брать в рекруты приписанных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян и высланных на поселение при них пришлых. С 1762 г. набравшиеся в приписной деревне рекруты поступали на заводы и рудники кабинетского хозяйства в качестве мастеровых. Это положение распространялось и на Нерчинские заводы в составе кабинетского хозяйства.

Назначение рекрутов с 1762 г. изменилось, отношение крестьян к рекрутским наборам осталось прежним. Только теперь они скрывались по лесам, оказывали отчаянное сопротивление представителям горно-заводских властей и сельской администрации, в обязанность которой было вменено проведение набора в строго установленные сроки. Он дорого обходился семье, из которой брали в рекруты, всей деревне, обязанной позаботиться о снаряжении рекрута и выполнении за него повинностей, прежде всего заводских работ. Крестьянам ждать защиты было не от кого, рекрутский набор ими

воспринимался как неизбежное. Крестьянский мир уяснил, что его не избежать, а потому надо решать, кого отдавать в рекруты и как обеспечить их доставку к месту назначения. Сельской администрации приходилось сталкиваться с большими трудностями при наборе рекрутов, когда надо было выполнить очередной набор, при этом выполнить его так, чтобы отстоять интересы состоятельных крестьян. Сельская администрация и «прожиточные» крестьяне на сходах дружно выступали перед лицом несостоятельного односельчанина, в судьбе которого в результате определения в рекруты, как и в судьбе его семьи, многое менялось.

Крестьяне, отдававшиеся в рекруты, всегда оказывали решительное сопротивление. Рапорт выборщика Ф. Козьминых в Чаусскую земскую контору от 7 декабря 1785 г. иллюстрирует лишь то, что было обычным явлением в период рекрутского набора. Крестьяне разбежались и «отыскать их не можно», «езде укрываются», «отбиваются ножом», «с самого начала рекрутского набору убегают» – такие сообщения поступали отовсюду.

В 1789 г. наказанных «при собрании народа» за угрозу посылным «припластать ножом» Алексея и Сидора Вавиловых (сразу двух членов семьи забрали в рекруты!) из д. Поперешный Искитим Тутальской земской избы отправили на службу в Барнаульский завод, но по дороге они бежали из-под караула. Только через месяц их нашли, одного в Тарминской слободе в д. Колотовкиной, где он у крестьянина О. Колотовкина был «в закроме загребен хлебом овсом», другого – в Искитимских юртах. Обоих доставили на завод. Когда в д. Поперешенской пришли за определенным в рекруты вне очереди Д. Кузнецовым («состояния недоброго»), он «сделался противен миру и сделал против народу отбой со стрельбою и ножом выскоча из окна побежал», но был пойман и отправлен на службу⁷⁴.

Иногда в деревне трудно было найти подводы для отправления рекрутов к месту назначения. Посланный за рекрутом в д. Заледеево Д. Спиридонов в ответ на требование дать подводу «начал бранить матерно как земскую избу, так и старосту и выборного», избил Спиридонова «нешадно», не дал ему подводу, ещё и помог бежать рекруту⁷⁵. В 1785 г. в Тутальской земской избе отданные в рекруты Б. Кузнецов и Е. Елгин «сохватили старосту Василия Попова за волосы... смертельно били и таскали». Заковав в цепи, рекрутов отправили в Барнаульский завод в сопровождении В. Дуреева, который, вернувшись в земскую избу, доложил, что Кузнецов и Елгин в дороге «чинили ему немалое притеснение», грозясь «ушибить до

смерти». Избитый рекрутами староста спрашивал у земского управителя: «...што с таковыми преступниками учинить соизволите, чтобы и другие таковых дерзостей чинить не отваживались?» Резолюция управителя Ахвердова гласила: «Староста, дурак ты, что у меня об этом просишь. Есть закон, таковых дерзких людей, каковые тебя били, при собрании народа староста может наказать всем, чем хочет, кроме кнутом, и ты, брат, согласно с данным старосте над крестьянином правом оных бездельников как нарушителей опшево спокойствия при собрании крестьян высек и дал бы ударов по ста и так другой раз бунтовать бы забыли. Вот моя резолюция, получаюную, выполни по предписанию»⁷⁶.

Совершенно очевидно, что староста обратился к управителю не потому, что затруднялся в определении меры наказания по отношению к избившим его «дерзким людям». Избиравшиеся на административные должности наделялись правом наказания крестьян, особенно когда им приходилось иметь дело с сопротивлением односельчан при исполнении служебных обязанностей. Однако пользоваться предоставленными для них правами было небезопасно. Им проще было наказать того или иного крестьянина по распоряжению земской избы, управителя, нижнего земского суда, канцелярии горного начальства, горной экспедиции.

Стараясь навсегда избавиться от рекрутчины, некоторые крестьяне наносили себе увечья. Отмеченные для 70-х гг. XVIII в. подобного рода факты⁷⁷ имели широкое распространение в 80–90-е гг. и в первой половине XIX в. В 1788 г. Ординская земская изба сообщила в Кольванский нижний земский суд, что определенные в рекруты крестьяне «кладут на себя увечья, отсекают у рук и ног персты, делают крюком, простреливают из ружья у рук ладони, отчего и сволокают все персты», некоторые натирают глаза чесноком, «отчего бывают якобы больные, а до набора бывали здоровыми, иные делают на себе гноевые язвы, чем и освобождаются за увечья от рекрутских наборов». Земская изба спрашивала, что делать с теми, которые «самовластно без божьего посещения кладут на себя... увечья, не соизволено ль будет из таковых в реченую рекрутскую службу в нынешней набор высылать?» Земский суд приказал набирать рекрутов по очереди, но непременно только способных по состоянию здоровья нести службу⁷⁸.

В конце 1785 г. Томский нижний земский суд распорядился тщательно расследовать в Чаусской земской избе обстоятельства, при которых крестьянин д. Мыльниковой отрубил палец у левой руки и

можно ли ему верить, что это случилось, когда он тесал доски для изготовления бочек, и «не было ли умыслу чтоб палец, нарочно отрубив дабы не был взят в рекруты», как в 1779 г. крестьянин Мальцев, отрубив палец сумел освободиться от рекрутства. В случае, если подтвердится «умысел» Погадаева, заранее предписано было наказать его «палочьем при народе»⁷⁹.

В указе канцелярии горного начальства от 16 апреля 1798 г. отмечалось, что многие крестьяне, годные в службу, «предупреждая наборы... рубят пальцы, портят глаза и надеются чрез то сделать себя к службе неспособными», другие, «уведав о наборе оставя свои дома разбегаются, в положенный двухмесячный срок для набора бывает не сыскать их. Являвшихся домой после окончания набора в рекруты предписывалось забирать в счет набора следующего года. Это широко практиковалось. Десятки крестьян, которым удавалось уклониться от очередного набора, отдавались в рекруты в счет будущего. В 1819 г. вместо 353 рекрутов на Алтае предстояло взять 320 чел., 33 чел. были приняты уже ранее⁸⁰. Относительно увечивших себя предписывалось, если их совсем нельзя брать в службу из-за непригодности к ней, ссылать «с наказанием в каторжную работу»⁸¹.

В связи с тем, что проведение наборов в рекруты сопровождалось активным противодействием крестьян, в сентябре 1819 г. перед проведением очередного рекрутского набора в заводском ведомстве канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства на основании сенатского указа предписала допускать крестьян к набору, «имеющих такого рода пороки или недостатки, кои не могут службе препятствовать». Не годными к службе признавались только страдающие «чахоткой, удушьем, каменной болезнью, мешочными опухолями, расширением жил, проказой, близорукостью, направлением ресниц в глаз, заячьим глазом, истечением гноя из уха, с тупым слухом», если заболевание подтверждалось. Крестьян предупредили, чтобы они не рассчитывали на освобождение от набора в рекруты путем нанесения себе каких-либо увечий. В рекруты приписывая деревня отдавала молодых и здоровых крестьян. Не отвечавшие этим критериям даже по прибытии к месту службы возвращались назад: взамен их волостные правления отправляли других крестьян.

Земским управителям предписывалось «в выбор рекрут отнюдь не вмешиваться», предоставив его «на волю общества, имея за тем только неослабное попечение, чтобы по расписанию люди для приема в рекруты от волостных правлений... предоставляемы были без упущения времени»⁸².

Приговоры о наборе текущего года сельской и волостной общинами признавались справедливыми. Они пересматривались только в случаях непринятия горным начальством отданных в рекруты крестьян, а также в случаях, когда «достаточные» крестьяне подавали прошения о замене находящихся в службе их сыновей односельчанами или жителями других деревень.

Как и в XVIII, в первой половине XIX в. практиковалась сдача части крестьян «без зачета очередным», что означало отдачу их в вечные горные работники⁸³.

Документы волостных правлений изобилуют свидетельствами о наиболее распространенной форме протеста крестьян, насильственно вырванных из приписной деревни и превращенных в горных работников, – о побегах, индивидуальных и небольшими группами в два-три человека. Сосланные на Алтай пугачевцы в тюрьме при Змеиногорском руднике встретились со взятыми в рекруты в 1770–1774 гг. И. Исаковым, П. Копыловым, М. Тимофеевым, Е. Кабановым, В. Тетериным, посаженными за неоднократные побеги со службы⁸⁴. Горно-заводской администрации, несмотря на суровые наказания, не удавалось предотвратить побеги рекрутов со службы: ежегодно объявлялся розыск десятков беглецов⁸⁵. В начале 40-х гг. XIX в. в Нерчинский горный округ с Алтая сослали 12 бывших приписных крестьян, отданных в рекруты и совершивших от 6 до 10 побегов⁸⁶.

Меры наказания крестьянских начальников за упущения по службе

Признавая законными суровые наказания крестьян за их неповиновение сельской администрации, горно-заводское начальство в случае «упущения... должностей», равно, как и «удручения своих подчиненных», подвергало сельских выборных и управителей «взысканию и по закону истязанию».

Горно-заводская администрация широко практиковала «взыскания» и «истязания» по отношению к крестьянским начальникам за упущения по службе⁸⁷.

По истечении срока службы в выборных должностях крестьяне не освобождались от ответственности за крестьянские недоимки по заводским работам, подушной подати, сбору хлеба в сельские магазины в пределах вверенных им ранее деревни или волостного правления⁸⁸.

За винокурение наказывали не только виновных, но и жителей всей деревни, причем смотрителей и десятников били палками⁸⁹. Летом 1823 г. был оштрафован старшина д. Камаринской Усть-Чумышской волости за подтверждение «ложного свидетельства» о болезни рудовоза П. Колосова⁹⁰. В 1828 г. в д. Банной Мунгатской волости у крестьянина С. Бормотова более полугодом жил в рабочих поселках из Подойнинской волости. Сельского старшину И. Култаева, не донесшего об этом волостному правлению, «более виновного неисполнителя своей обязанности», оштрафовали на 10 р. В таком же размере наложили штраф на старшину с. Легостаевского за пребывание в селе поселщика из Уртамской волости, а с головы волостного правления, «ложно» донесшему управителю «якобы в ведении оногo правления обращающихся поселенцев не имеется», взыскали штраф в 15 р.⁹¹

Без представления специального разрешения приезжающим в селения лицам не позволяли делать какие-либо закупки, в чем с сельских старшин и десятников специально брались подписки. Писари волостных правлений ежемесячно обязаны были подавать сведения о частных закупках в приписной деревне. По не зафиксированным в волостном правлении куплям-продажам проводилось «дознание». В ноябре 1813 г. Верхотомское волостное правление, узнав о продаже крестьянином В. Соломиным 15 пудов ржи, за отсутствием записи о том в журнале правления, потребовало от Тутальского волостного правления проверить, действительно ли рожь у Соломина купил крестьянин той волости Д. Анбаев. Получив показания Анбаева «под присягою», из Тутальского волостного правления в Верхотомское сообщали: «точно купил... на посев»⁹². В ноябре 1816 г. канцелярия горного начальства приказала наказывать «тростями» крестьянина Тутальской волости И. Свиридова «за невольнительную с поселщиком Поляковым связь», выразившуюся в покупке без объявления «куда следует» каких-то вещей⁹³. По 2 р. штрафа заплатили в октябре 1817 г. крестьяне Д. Бутусов Тарминской волости за продажу и Л. Мыльников Тутальской – за покупку лошади «без ведома своего начальства». Указом канцелярии горного начальства от 21 января 1818 г. крестьян обязали для получения разрешения на куплю-продажу брать «одобрение» от общества⁹⁴.

Если никто в селения в течение месяца для закупок не приезжал, чего практически не бывало, в журнале волостного правления делалась соответствующая запись, заверявшаяся печатью и «рукоприкладством»; итоговые сведения сообщались управителю, который

направлял их горному начальству. За их несвоевременную подачу или за «ложные» данные с головы и писаря взыскивался штраф; за их счет из волостного правления посылались нарочные со сведениями о купле-продаже в пределах волости. В марте 1821 г. за недоставку в срок ведомостей каждого из писарей 11 волостных правлений оштрафовали на 25 р. В том же году за рапорт об отправке в Томскую заводскую контору в действительности не собранной подушной подати за 1820 г. были оштрафованы голова на 10, писарь – на 15 р. 10 р. штрафа заплатил в 1822 г. писарь Ильинской волости Н. Полосухин за задержку рапорта о выполнении крестьянами заводской работы. В феврале 1828 г. писарь Чингинской волости за подачу неверных сведений о ценах на провиант и фураж уплатил 10 р. штрафа.

Проходили годы, и с вновь назначенных писарей за те же проявления неисполнительности («небрежно составленную ведомость», «промедление» в высылке по требованию управителя крестьян с провиантом в сельский магазин, «несоставление в срок рекрутских списков», «промедление» с подачей ведомостей о ценах на провиант и фураж» и «несвоевременное исправление их» и т.д.) взимался штраф в размере 5, 10, 25 р.⁹⁵

Не получив в срок сведения о запасном хлебе в сельских магазинах Тутальской волости, приказано было надеть на писаря Белоусова «цепь, в которой и содержать его... без выпуска» до получения требуемых данных. Через 3 месяца того же писаря по приказу управителя три дня держали под арестом в волостном правлении «с наложением цепи» за «несправедливые от сего правления сведения что все оные (крестьяне. – А.Ж.) в возку угля высланы, но когда, с кем и есть ли о приеме их от конторы квитанции, не пояснил». В следующем году вновь было выявлено упущение писаря Белоусова, рапортовавшего о высылке «нетчиков на работу со старшинами». На завод, оказалось, выслали самую малую часть «нетчиков и то без старшин». Управитель приказал «при личном надзоре писаря» всех «нетчиков» доставить к месту работы⁹⁶.

В 1819 г. горное начальство не приняло рекрутов из Белоярской волости «по их несовершеннолетию», которых писарь представил как годных по возрасту к службе, за что и заплатил штраф в 50 р.⁹⁷ За «дурное поведение» (неправильное оформление «общественного приговора» об отдаче в рекруты) в 1826 г. уплатил 5 р. писарь Чарышского волостного правления⁹⁸. 10 р. с головы Газимуровской

волости в 1817 г., по 15 р. с писаря и головы, 10 р. с целовальника Стретенской волости в 1821 г. взыскали за выдачу крестьянам хлеба из сельских магазинов без позволения горной экспедиции⁹⁹. В 1826 г. в Бурлинской волости писаря К. Попова «за необъявление волостным начальникам предписаний» свыше сняли с должности¹⁰⁰.

От крестьян, заступавших в писари, требовали «поведения доброго», «жизни трезвой и честной», «с волостными и сельскими начальниками обращаться скромно с почительностью», «исполнять законные требования волостных начальников», «отвращать их от непристойного действия», обо всем, что происходит в волости «в нарушение законов доносить по порядку земскому управителю». Однако, по заключению горно-заводской администрации, «многия опыты показали... сих качеств писаря мало имеют», что подтверждалось фактами неисполнительности их и «нетрезвым образом жизни». В 1828 г. «за пьянство», а также «самовольную отлучку» в Салаирский рудник писаря Ильинской волости П. Пичугина отправили в Барнаульский завод «в месячную работу»¹⁰¹.

Серьезные упущения в исполнении прямых обязанностей из-за пристрастия к пьянству допускались и волостными головами. По требованию «мира» был смещен в 1800 г. голова Кайлинской волости С. Кудрин. Голову Касмалинской волости М. Огорокова «мир» принудил подать просьбу об отставке «по неимению дарований и смысла» исполнять обязанности¹⁰². По общественному приговору был отстранен от должности головы Верхотомской волости Щеглов «за частновременное пьянство» и «беззаконные поступки». Его по приказу канцелярии горного начальства на три недели отправили в горную работу. Та же участь постигла бывшего голову Тутальской волости Чахлова, уличенного во время высылки в заводские работы и сбора податей «в пьянстве и совершенной по службе его недейтельности»¹⁰³.

Всего полгода пробыл в должности головы Бердской волости П. Полковников, с 12 апреля и до начала июля пребывавший «каждодневно в пьянстве». В общественном приговоре перечислены бесчинства головы, который бил сотников, «сажал их в цепь», беспричинно бил крестьян, ездил на «обывательских лошадях без платежа прогонных денег». П. Полковников к тому же оказался «повинным» в нарушении одного из главных требований горного начальства – «к взяткам отнюдь не касаться». Голова принуждал десятника д. Ель-

цовской собрать с крестьян 100 пудов муки, 400 яиц ему в «гостинец», угрожая в случае отказа «застегать» его¹⁰⁴.

Незаконные сборы с крестьян осуждались горным начальством, виновные несли наказание. В 1813 г. выборный Тутальской волости К. Елгин, собрав с крестьян 13 р. 60 к., вручил их угольному мастеру Соколову за отвод «лутчего места» для рубки дров. По приказу канцелярии горного начальства Соколова били «тростями», отстранили от отвода мест и леса, с Елгина взыскали собранные им деньги, но крестьянам их не вернули¹⁰⁵.

В районе Нерчинских заводов и на Алтае с крестьян вымогали деньги при отводе им леса на порубку, сдаче ими выполненной работы, явке на неё с опозданием. Давая взятки деньгами, продуктами питания, скотом, пушшиной, некоторые крестьяне получали квитанции за невыполненную работу¹⁰⁶.

В 1843 г. крестьяне д. Нижнечалгатайской Городищенской волости жаловались на бывшего сельского старшину Баранова за сбор с них по 60 к. с души по «записачке» от Городищенского приказа, но не по официальному приказанию горного правления. В ходе разбирательства жалобы выяснилось, что упоминаемые в ней деньги собирались для найма «каморников» при сельском приказе и караульных «денежной кладовой на станциях». Горное правление отменило денежные сборы со следующего года, приказав выполнять повинности по караулу арестантов и охране денежной казны самим крестьянам. Поскольку же на деньги, собранные на основании приговора волостного схода, сельские начальники уже наняли «каморников» и «караульных», жалоба крестьян была признана «ложной»; за подачу её ходатаев высекали плетью (по 150 ударов каждому)¹⁰⁷.

Денежные сборы сверх положенных по закону горное начальство признавало при наличии приговора волостного схода на сбор и трату их на общественные нужды. В противном случае незаконно собранные деньги взыскивались с виновных. В 1827 г. с головы Чингинской волости Коновалова канцелярия горного начальства приказала взыскать более 100 р., собранных с крестьян волости (по 2 к. с души), на «продовольствие проезжающих разного звания людей»¹⁰⁸.

По приговору волостного схода с крестьян нередко собирали деньги на строительные работы. В Бийской волости летом 1802 г. на «поправление» церкви собрали по 8 к. с «годной» души (15–60 лет). На постройку дома для управителя тогда же крестьяне Тальменской волости сдали по 10 к. с души; через несколько месяцев управитель

Гранау просил согласия старшин на сбор дополнительно ещё по 10 к. с души для достройки дома. В 1803 г. на возведение каменной церкви в Бердске с крестьян разных волостей собрали по 1 р. с души. Денег не хватило, и волостные сходы «приговорили» собрать с «годной» души (12–65 лет) ещё по 2 р.¹⁰⁹

Таким образом, волостной сход мог принимать решения о сборе денег на общественные нужды. Горно-заводская администрация признавала законность этого. Что касается основной массы крестьян, ими дополнительные сборы, даже по приговору старшин, воспринимались «неосновательными»¹¹⁰.

Волостной сход имел право и отказывать в дополнительных сборах денег. Старшина и «лучшие» люди Тутальской волости на сходе в 1814 г., рассмотрев просьбу Ковригина, нового священника церкви в с. Заледеево, отказали ему в выделении денег «для строения или покупки дома». Сход приговорил «жить ему в том доме», где жил прежний священник. Горное начальство приговор оставило в силе.

Не всякий «приговор» о сборе денег утверждался без санкции начальника заводов. В 1826 г. «общество» Ояшкинской волости решило собрать с жителей Ояшкинской, Варюхинской и Тутальской волостей 700 р. на приобретение дома «для общего сбора» в д. Варюхой. Канцелярия горного начальства утверждение или отмену «приговора» волостного схода отложила до приезда начальника заводов из Санкт-Петербурга¹¹¹.

При вынесении приговора волостного схода о дополнительных сборах денег с крестьян иногда возникали серьезные разногласия между начальниками волостного правления и сельскими старостами. В документах отражены поистине драматические ситуации, возникавшие на этой почве. В 1825 г. голова Уровской волости Лопатин не получил согласие схода на сбор 100 р. для найма работника в волостное правление. Сход поддержал старшину д. Лежанкиной Е. Шестернина, выступившего против требования головы. В отместку Лопатин, будучи проездом в д. Лежанкиной, приказал десятнику Ф. Щетинину и крестьянину Е. Елфимову «оштрафовать старшину палками». Во время экзекуции голова, решив, что Щетинин и Елфимов бьют «тихо», собственноручно принялся истязать их самих с такой яростью, что от удара «у левого виска» Щетинин упал без сознания и в таком состоянии был доставлен домой. Придя в себя, голова Лопатин явился в дом избитого им десятника, просил прощения у его жены, оставил ей 10 р. ассигнациями для найма в десятники до

выздоровления мужа от нанесенных побоев. Боясь наказания со стороны «высшего начальства» за учиненные бесчинства, голова просил прощения у всех крестьян деревни и старшины. После отъезда его крестьяне написали жалобу на имя управителя Макарова, о чем тот рапортовал начальнику заводов. Основываясь на показаниях головы, управитель докладывал начальнику заводов, что старшина Шестернин был наказан за беспечность при исполнении своих обязанностей по сбору денег. Десятник Щетинин и крестьянин Ефимов, со слов головы же, при наказании старшины били его «по подолу рубашки... и наказание чинили не настоящим порядком», отчего он, Лопатин, «вынужденным нашелся их несколько раз ударить из своих рук». Управитель, «освидетельствовавший» старшину, утверждал: «На теле у него никаких знаков не имеется». Но ему не удалось выгородить голову. Лопатина отстранили от должности, всем головам и сельским старшинам «поставили на вид», чтобы «не могли иметь подобно Лопатину корыстолюбивых» помыслов.

От сельских начальников потребовали производить сбор податей своевременно «без послабления но отнюдь не дерзостью обнаруженной в сем случае с Лопатиным». Его бесчинства были настолько вопиющими, что горное начальство не нашло доводов для оправдания головы в глазах крестьян, несмотря на утверждения управителя о законности его действий¹¹².

В 1845 г. Горным правлением разбиралось дело о незаконных сборах трехлетней давности головой Газимурской волости Шемякиным, потратившим деньги на приобретение коляски для управителя Черняева. Горное правление приказало взыскать с головы более 100 р., нанести ему 70 ударов плетью и заключить в тюрьму на 4 года. Волостного писаря Вахрушева и старшину Долгинского селения С. Макарова, знавших о цели сбора денег и не объявивших о том, на 2 недели посадили под арест¹¹³.

Злоупотребляли властью не только начальники волостного масштаба. Даже десятники, избравшиеся на короткий срок, пытались извлечь для себя выгоду. Летом 1798 г. десятник д. Улыбиной Бердской волости П. Кунгуров освободил своего брата «от разгона подвод» и хотел заставить вне очереди пойти в гоньбу Е. Шибанова. Ссора последнего с родственниками десятника закончилась дракой. Вскоре у Шибанова сгорело 200 копен сена, к чему, вероятно, могла стать причастна родня десятника, как считал пострадавший¹¹⁴.

Наказание управителей за упущения по службе и превышение полномочий

Своевременная отправка крестьян на работу, уплата ими подушной подати, сохранение в приписной деревне «тишины и спокойствия», исполнительность волостных начальников во многом зависели от отношения к своим обязанностям управителей. Горное начальство нередко сталкивалось с неисполнением даже ими указов о порядке расположения крестьян в заводские работы. В 1763 г. начальник Кольвано-Воскресенских заводов А. Порошин узнал об освобождении управителем «прожиточных крестьян» от работы на строительстве Новопавловского завода. По показаниям старост и выборных управитель из раскладных книг выписывал «по именам» и на свое усмотрение приказывал «вышеписанных» крестьян отпускать, не считаясь с мнением «мира» и выборных. Тогда же Порошину пожаловались крестьяне деревень Максаровой и Боровлянской на неправильное расположение их, «негодных», в заводские работы при «попустительстве» управителя Потылицына. Начальник заводов приказал Бийской земской избе проверить жалобу крестьян, в случае виновности наказать Потылицына батогами и взыскать с него в пользу «мужиков» по 20 к. за каждый проработанный ими день при наличии же в семьях жалобщиков, годных к работе, наказать крестьян «батоужьем»¹¹⁵.

В 1768 г. 547 бийских крестьян были положены в денежный оклад с освобождением от заводских работ; «под видом негодных» среди них оказались и состоятельные крестьяне. За грубые нарушения в расположении и наряде крестьян на работу управитель Ф. Пятков был наказан батогами. Канцелярия горного начальства потребовала от него «впредь присылаемые повеления понимать внятно и чинить точное по ним исполнение без малейшего упущения и о едином том старание прилагать, а не только езда по деревням с мужиками пиршествовать». Пяткова строго предупредили, что за неисполнение «повелений» он «не токмо наказан, но и чину и имени лишен и на поселение в дальние места отослан быть имеет»¹¹⁶.

К началу 1811 г. за прошедший год почти за 600 душ не вывезли уголь крестьяне Тутальской, Кайлинской, Легоставской, Бердской волостей. С управителя грозили взыскать за невывозку угля к лету. С управителей Биглова, Грачева и Ананьина в августе 1813 г. за накопившиеся недоимки по заводским работам (около 8 тыс. душ) удержали треть жалования. В мае 1814 г. за невыполнение крестья-

нами заводских работ управителей Трейнблута и Биглова оштрафовали на 25 р. каждого. При отстранении старшинами от должности головы Бурлинской волости О. Долганова в конце 1818 г. требовалось отправиться и навести срочно «должной порядок». Управитель Фитцнер, однако, ограничился предписаниями об оставлении О. Долганова в должности, не известив о случившемся канцелярию горного начальства, за что был оштрафован на 25 р.¹¹⁷

В марте 1821 г., оштрафовав 11 писарей за недоставку в срок требуемых сведений, горное начальство предупредило о наказании в случае повторения подобного и управителей. Управитель Фитцнер не прислал в канцелярию ведомости о ценах за июнь. Указом от 21 июля 1821 г. все волостные правления уведомлялись о взыскании с него денег, потраченных нарочным на поездку за ведомостями от Барнаула до Малышевской слободы и обратно. Управителя Симахина в 1821 г. и 4 управителей в 1825 г. оштрафовали каждого на 25 р. за несвоевременную отставку сведений о запасах хлеба в сельских магазинах. За небрежно составленную ведомость для канцелярии горного начальства управитель Лебедин в 1829 г. уплатил штраф в 10 р. С управителя за «ложный рапорт» писаря Ильинской волости удержали из жалования 55 р.¹¹⁸ В ноябре 1819 г. за неподачу сведений о самовольных переселениях крестьян оштрафовали всех управителей Алтая за исключением одного (Жеребцова) в размере месячного жалования¹¹⁹.

Волостные управители несли строгую ответственность и за трату мирских денег. Управитель Газимуровской волости Макаров, не причастный лично к упоминавшейся выше покупке коляски для его предшественника, управителя Черняева, был отрешен от должности вследствие того, что не донес о виновности последнего горному правлению. Макарова обвинили и в использовании злополучной коляски, в которой тот развезжал по селениям. Обоих – Черняева и Макарова – отдали под суд¹²⁰.

Найти надежных во всех отношениях людей на управительскую должность горному начальству было непросто. Довольно часто выявлялись факты систематического пьянства, недобросовестного отношения к своим обязанностям, злоупотребления служебным положением. Бесчинства управителей по отношению к крестьянам, вымогательства взяток с них были нередким явлением.

Когда в страдную пору каинских крестьян в 1761 г. отправляли чинить мосты, части из них удалось, заплатив по 50 к. в пользу управителя П. Слонова, остаться дома. В августе того же года 7 ка-

инских крестьян, которых по требованию управителя сотник И. Чернов вел в Чаусский острог для наказания за отказ выполнять по наряду подводную гоньбу, дали 10 р. «для подносу гостинцу управителю Слонову» и 2 р. Чернову, отпустившему их после этого домой. Слонов деньги от Чернова принял, но крестьян «за огурство от подводной гоньбы» приказал бить плетьюми. Бывали случаи, когда управитель сажал «под караул» мирских старост, «вымучивал» с них большие суммы денег. 11 июня 1762 г. горному начальству пришлось Слонова, которому незадолго до этого было прибавлено жалование в надежде на исправную службу, убрать и вместо него назначить управителем поручика Енисейского полка Б. Москалева¹²¹.

В мае 1777 г. Бердская земская изба получила распоряжение канцелярии горного начальства допросить крестьян д. Мильтюшской и узнать, бил ли «в ночное время сотник Старицын конской плетью по приказу управителя Оксенова крестьянина И. Овчинникова, «видели ль то битьё» крестьяне и управитель тогда «пьян или трезв был». И. Овчинников показал, что во время проезда через деревню управитель М. Оксенов «за промедление в подаче на проезд лошадей» высек его конской плетью, что сам управитель начисто отрицал. Жители деревни подтвердили факт избияния конской плетью Овчинникова сначала сотником Старицыным, затем крестьянином Ташкиным по приказу управителя, который при этом был «несколько хмелен». На Овчинникове, как утверждали, «неделю синевые знаки видели». Через полтора месяца после разбирательства канцелярия горного начальства приказала Бердской земской избе взыскать с управителя «за безвинное битье крестьянина» 2 р., за проезд Овчинникова для подачи на управителя жалобы – 1 р. 20 к. и отдать эти деньги пострадавшему. В августе того же года Оксенов, по распоряжению горного начальства после наказания палками за самовольное и «беспутное» отведение крестьянам сенокоса «без порядочного осмотра места и должного разбирательства» и будучи при этом ещё и «пребезмерно пьян», получил наказ идти «по прежнему земскому правлению». В следующем году на него вновь поступила жалоба: управитель в «пьяном образе» бил лозами крестьянина Игумнова¹²².

Значительных материальных затрат стоили крестьянам запросы управителей, которым нередко потворствовали крестьянские выборные из «прожиточных». Судя по расходным книгам Чаусской земской конторы, в 1766 г. управитель Соколов получал от крестьян «в презент» деньги, мясо, рыбу, сало, вино. В конце 70-х гг. XVIII в.

большое число жалоб поступило от крестьян Бийской земской избы на управителя И. Соловьева, в течение нескольких лет занимавшегося вымогательством у крестьян денег, муки, масла, вина, угрожая при этом побоями, сажая «под караул». Во избежание побоев Д. Березовиков по требованию управителя отдал 4 р. и свиную тушу; крестьянин д. Пещаной И. Костенков – лошадь, которая «токмо одна была от того... пашни пахать не на чем» (как свидетельствовала вдова Костенкова, «и жители деревни все знают, что взял понапрасну») ¹²³.

Незаконные сборы по произволу волостных начальников в угоду земским управителям были явлением, широко распространенным и в первой половине XIX в. При выявлении подобного рода фактов горно-заводская администрация подвергала наказанию виновных.

В 1823 г. со старшины и его помощника из д. Крутишинской Бурлинской волости были взысканы и возвращены крестьянам деньги (61 р.), незаконно собранные с них (по 28 к. с души). Указом канцелярии горного начальства от 2 июня 1826 г. строго предписывалось: «Нигде ни под каким предлогом ни на что... денежных (незаконных. – А.Ж.) сборов не производить» ¹²⁴. Однако желаемый результат не был достигнут. За вымогательство с крестьян взятку управителя Чарышской волости сняли в 1832 г. с должности ¹²⁵. В 1837 г. В. Соснин и Ф. Деревцов, виновные в сборе с крестьян масла и денег «в подарок» земскому управителю Стретенской волости Стрелкову, по приказу Горного правления были высечены розгами (по 50 ударов) при собрании односельчан. С управителя Стрелкова, принимавшего подарки, удержали жалование в половинном размере. Писаря этой волости за «взятие с крестьян подарков», а также «свое ручное наказание» их разжаловали в мастеровые ¹²⁶.

В 1795 г. за не явившихся в заводскую работу крестьян Бийской волости «с казенной стороны» переплатили около 380 р. «сверх плаката». Через 5 лет управитель Габриель отправил «рассыльщика» за бывшим в 1795 г. старостой волости Е. Завьяловым «для спроса у него об этих деньгах», которые следовало бы собрать с «нетчиков». Однако Завьялов от сопровождавших его «рассыльщика» и старосты Пинегина бежал, сообщая о чем в канцелярию горного начальства, управитель 7 июня писал, «где теперь находится неизвестно». Завьялов между тем направился в канцелярию с прошением, свидетельствуя о вымогательствах, чинимых управителем Габриелем, который в бытность Завьялова старостой волости, вызывал его к себе «в страдное время», под видом «надобностей отлучив от крестьянских работ», неоднократно «держал под караулом», заявляя при этом о бес-

полезности каких-либо жалоб на него. Свой побег Завьялов объяснял боязнью встречи с Габриелем. Во избавление его «от проволочек управителя», он просил горное начальство провести разбирательство своей вины без участия управителя. Завьялов был обвинен в побеге от сопровождавших его старосты и «рассыльщика». Жалобу свою, по мнению горного начальства, ему следовало прислать по почте, причем подать её ранее, когда «почювствовал от управителя угнетения»¹²⁷.

В повседневной жизни крестьяне постоянно сталкивались с вымогательствами, произволом управителей. В документации того времени отразилась лишь незначительная часть фактов, свидетельствующих о злоупотреблениях управителями властью, их бесчинствах. Это, как правило, выявлялось при смене одного управителя другим. Горное начальство занималось рассмотрением крестьянских жалоб чаще всего задним числом. Пока управитель занимал свою должность, крестьяне были беззащитны перед его произволом, от которого страдали и материально, и морально.

Произволу и насилию они подвергались не только со стороны управителей, но и воинских команд. Нередко крестьяне жаловались на то, что «разных чинов люди» отбирали у них наловленную рыбу или добытого на охоте зверя. Довольно типичным был случай в д. Усть-Поросской Бердской судной избы, происшедший в сентябре 1753 г. Солдаты, прожившие в деревне, взяли у крестьян 1 р. 55 к. деньгами, 5 аршин тонкого холста, свиной окорок, 10 пудов ржаной муки. Уходя из деревни, по распоряжению поручика К. Уткина они «воровски убили 10 овец», «туловы и овчины» которых унесли, оставив крестьянам с тех овец лишь «головы да ноги да брушины»¹²⁸.

Горное начальство не поощряло бесчинства управителей, воинских команд, видя в них лишний повод для недовольства крестьян. К тому же дополнительные поборы с крестьян поглощали средства, необходимые для выполнения повинностей на нужды горнозаводского производства.

Поддерживая авторитет управителей, волостных и сельских начальников, жестоко наказывая крестьян за непослушание им, горнозаводская администрация в то же время пресекала неисполнительность и упущения в деятельности крестьянских начальников, при этом наказывая их за произвол по отношению к крестьянам. В глазах последних начальство Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов рассчитывало выглядеть справедливой властью.

В целом же широко применявшаяся в заводском ведомстве система телесных наказаний и штрафов была направлена на поддержа-

ние дисциплины как крестьян, так и сельской администрации, подчиненной горно-заводским властям через земского управителя. Последний был наделен большой властью над органами крестьянского управления и над всеми крестьянами вверенной ему территории.

Горно-заводская администрация широко использовала в управлении приписной деревней общину как административно-фискальное учреждение. Сельская община охватывала жителей одного или нескольких селений, составляя часть волостной общины¹²⁹. Через сельскую общину горное начальство пыталось держать под контролем повседневную жизнь крестьян. За общиной признавались определенные права. В решении многих вопросов жизни приписной деревни и отдельных крестьян власти считались с общиной, что убедительно прослеживается по делопроизводственной документации волостных правлений.

Без согласия общины ни в какой другой инстанции не рассматривался вопрос о выдаче «покормежного» паспорта или о переселении крестьянина на новое место жительства. В январе 1836 г. Нерчинская горная экспедиция рассмотрела прошение крестьянина Стретенской волости д. Бянкиной П. Достовалова о перечислении его с братом в д. Капунскую. К прошению был приложен «приговор» жителей д. Бянкиной о согласии на отчисление из неё Достоваловых. Вскоре, однако, выяснилось, что Достоваловы обманным путем упросили крестьянина другой деревни расписаться под фальшивым «приговором» жителей д. Бянкиной, которые не давали согласия на отпуск Достоваловых и, собравшись вновь на сход, отказали им в переселении. Горная экспедиция аннулировала принятое ею ранее решение об отчислении просителей с прежнего места жительства и приказала П. Достовалова неделю продержать под арестом «на хлебе и воде». В то же время с согласия сельских общин 17 крестьян с семьями были перечислены в 1836 г. из одной волости в другую¹³⁰.

Сельская община выступает как организация жителей одного селения, реже – нескольких при разрешении споров о сенных покосах и землях, пригодных под пашню. Сельская община выносила решение об отдаче в рекруты при очередном наборе. К ней обращались крестьяне в случае затруднений в вопросах о наследстве, о распределении имущества при семейных разделах¹³¹. Решающее слово в общине принадлежало состоятельным крестьянам. В марте 1827 г. у крестьянина д. Лукиной Тутальской волости, не имевшего денег для внесения подушной подати, по решению сельского схода отобрали

лошадь и 50 копен сена. Вырученные от продажи лошади и сена 13 р. были внесены в погашение подати¹³².

С решением мира вынуждены были считаться и крестьяне приписной деревни, не приписанные к заводам. Избранный в церковные трапезники «всем обществом» д. Новомальцевой Тутальской волости, живший здесь государственный крестьянин Н. Чернышев пытался опротестовать «приговор». Однако на заявление Чернышева о его подотчетности в повинностях перед Спасским волостным правлением ему миром предложили либо пойти в трапезники, либо не жить в д. Новомальцевой¹³³.

Вместе с тем права окончательного решения вопросов, касавшихся крестьян, за сельской общиной горно-заводские власти не признавали. В апреле 1802 г. старшина д. Завьяловой Бийской волости М. Черепанов «со всем обществом» отпустил крестьянина Е. Евсюкова «в разные волости и селения» заработать деньги для уплаты податей. Решения сельского схода в данном случае было недостаточно. 21 февраля 1803 г. управитель распорядился: «За ту отлучку из своего жительство» и «вымогательство во взятии билета» наказать Евсюкова при волостном правлении, что 5 августа и было исполнено¹³⁴.

При выдаче крестьянам «покормежных паспортов», разрешения на переселение, мнение их односельчан непременно учитывалось, но последнее слово было не за ними, как и не за волостными начальниками и управителями. Высшими инстанциями являлись канцелярия горного начальства и горная экспедиция. Лишь в их компетенции находились решение о выдаче «покормежных паспортов», предоставление права крестьянам на переселение с начала существования кабинетского хозяйства в Сибири.

В первой половине XIX в. решение данных вопросов базировалось на силе «Высочайшего указа об удельных имениях» 1808 г. и именного указа от 22 июня 1822 г. «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению»¹³⁵.

Таким же образом обстояло дело и с семейными разделами: решать их могли только канцелярия горного начальства и горная экспедиция. Указом первой от 27 марта 1826 г. раздел семей допускался только по специальному разрешению. Оно выдавалось лишь при наличии не менее четырех, в крайнем случае трех работников в новых семьях после раздела. Сельские старшины дали подписку о том, что будут доносить о самовольных разделах и не допустят их. Донести было нетрудно, но не допустить разделов оказалось практи-

чески невозможно. С конца XVIII в. семейные разделы, вопреки запрещениям горно-заводского начальства, участились.

Перемены в личной жизни крестьян также находились под контролем сельской администрации и горно-заводского начальства. Без «одобрения мира» на женитьбу крестьянин не мог получить «венечной памяти». Вступление в брак без нее считалось нарушением закона, брак в этом случае расторгался¹³⁶.

Крестьянский мир с его круговой порукой служил мощным средством принуждения жителей приписной деревни к выполнению феодальных повинностей во всем их многообразии. Он находился под контролем низовых органов управления приписными крестьянами (судных, земских, приказных изб, волостных правлений), подчинявшихся в свою очередь вышестоящим органам управления в кабинетском хозяйстве в лице заводских контор, нижних земских и окружных судов, казенных палат, уездных казначейств, земских управ.

Наиболее полное оформление система управления приписной деревней получила в Положении об управлении приписными крестьянами, подписанном Николаем I 16 апреля 1828 г. Низшее звено органов управления приписными крестьянами сохранялось в том виде, как оно сложилось к концу XVIII в. при горных правлениях, заменивших канцелярию горного начальства на Алтае и горную экспедицию в Забайкалье, имелось отделение приписных крестьян, которому подчинялись земские управители. В их обязанность входило следить за правильным раскладом заводских работ, их своевременным исполнением. По распоряжению горного начальства управители наделяли крестьян землей, лесом; следили за сбором денег и их расходованием на мирские нужды, за сбором казенных податей, своевременным началом и завершением сельскохозяйственных работ; отвечали за проведение рекрутских наборов, состояние хлебо-запасных магазинов; обеспечивали составление ревизских сказок. В обязанность управителей входила забота о сохранении «благочиния и порядка» в селениях, сбор сведений для Горного правления о хозяйстве крестьян, следственных делах; разбор «маловажных споров и жалоб по землям и угожьям» между крестьянами.

В горное правление и земские суды управители представляли донесения о происшествиях в крестьянских селениях. Они выполняли в приписной деревне и полицейские функции.

По представлению управителей начальник заводов утверждал и отстранял от должности, выносил «приговор» о наказании, предании суду выборных лиц крестьянского самоуправления.

На приписную деревню кабинетского хозяйства распространялся порядок удельного судопроизводства, при котором крестьянин не имел права личного или через поверенных обращения в суд. Ходатаями за крестьян в присутственных местах могли выступать лишь чиновники Горного правления в качестве поверенных от них с правом подачи протестов, объяснений и жалоб «на законном основании».

Контроль за деятельностью губернских судебных органов на местах Горное правление осуществляло через депутата по делам приписных крестьян. Горные округа делились на депутатские участки, соответствовавшие земским управительствам. В пределах участка-управительства действовали два чиновника, назначавшиеся и снимавшиеся Горным правлением. Круг дел депутата ограничивался наблюдением за правильностью допросов приписных крестьян, порядком ведения следствия, обоснованностью решения суда. Депутат имел право добиваться пересмотра решения суда. О своей деятельности он отчитывался перед управляющим отделением приписных крестьян, о результатах судебных процессов доносил в Горное правление.

По-прежнему важнейшим придатком к хозяйственному, полицейскому и судебному аппарату управления являлась военная сила, использовавшаяся не только для охраны добытого серебра, транспортировки его в Санкт-Петербург, несения караульной службы, но и для высылки крестьян на заводские работы.

Губернские власти не имели права вмешиваться в дела приписной деревни. Положение об управлении приписными крестьянами утверждало незыблемость феодального права владельца кабинетского хозяйства на эксплуатацию приписных крестьян¹³⁷.

В деятельности органов управления приписными крестьянами – от канцелярии горного начальства и горной экспедиции, позднее от Горного правления до выборных органов из крестьянской среды – нашли яркое воплощение методы внеэкономического принуждения. В наибольшей степени в кабинетском хозяйстве внеэкономическое принуждение выразилось в принуждении приписных крестьян к выполнению заводских работ, являвшихся для них самой тяжелой повинностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАТО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4. Л. 241.
- ² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 99. Л. 48, 57, 59, 60, 63; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 167.
- ³ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 760. Л. 147об.; *Семивский Н.В.* Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817. С. 200.
- ⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 280. Л. 24; Д. 290. Л. 299; ГАНО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 219–221; Ф. 104. Оп. 1. Д. 4. Л. 195; ГАТО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5. Л. 239; Ф. 521. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
- ⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 280. Л. 24, 312; ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 30. Л. 155; Ф. 169. Оп. 1. Д. 3. Л. 233; ГАНО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 220; ГАНО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
- ⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 280. Л. 24, 312; ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 30. Л. 155; Ф. 169. Оп. 1. Д. 3. Л. 233; ГАНО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 220; ГАНО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 11. Л. 12; *Миненко Н.А.* Массовая документация крестьянских общин... С. 57–58.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 19. Л. 331; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 59, 61; Д. 42. Л. 503; ГАНО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 219.
- ⁸ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.
- ⁹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 19. Л. 7; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 11. Л. 184; ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 2. Л. 261–262.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 21. Л. 75.
- ¹¹ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 108–111.
- ¹² ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 33. Л. 66, 160, 161, 163.
- ¹³ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 27. Л. 166.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 151. Л. 3 об.; Оп. 43. Д. 757. Л. 42, 51.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 290. Л. 91, 115; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 234; ГАТО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–19.
- ¹⁶ *Тальская О.С.* Памятники учета труда зависимых крестьян в металлургической промышленности России // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 134–136; ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 33. Л. 159, 215.
- ¹⁷ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 440; ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 259.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 25. Л. 201–202; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 234; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 132. Л. 7; Д. 150. Л. 14–15об.; ГАТО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–19; Ф. 336. Оп. 1. Д. 2. Л. 100; Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 259.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 40. Л. 178; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 10. Л. 330, 331–339; Д. 20. Л. 367; Д. 37. Ч. 3. Л. 926; Д. 38. Ч. 2. Л. 324, 676; Д. 46. Л. 441; Д. 48. Л. 692, 704; Д. 49. Л. 366, 407, 492, 1373; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10. Л. 506; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 344. Л. 11; Д. 761. Л. 12; ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 3. Л. 305; ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 365; Д. 34. Л. 11, 18; Д. 45-а. Л. 305; ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 365; Д. 34. Л. 11, 18; Д. 45-а. Л. 180, 184, 193, 201, 251, 287, 299, 324, 362, 371, 403, 550, 570; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 22. Л. 57–58; Оп. 1. Д. 808. Л. 515; Д. 1741. Л. 482. 882.
- ²⁰ ГАТО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 3. Л. 120, 181.
- ²¹ ГАНО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 148.

- ²² РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 37. Л. 613; Д. 42. Л. 52; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 39. Л. 214, 215; Д. 46. Л. 752; Д. 48. Л. 1074, 1075, 1128; ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8.
- ²³ Крестьянство Сибири... С. 278.
- ²⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 191. Л. 1–2.
- ²⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 236. Л. 47–50; Д. 315. Л. 3–5.
- ²⁶ Меллер *Б.И.* Журнал всего, что происходило с приезда моего в Барнаул до открытия и при открытии области. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 315. Л. 21–23.
- ²⁷ Колесников *А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. С. 296–298; ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 55. Л. 14–15, 17; Ф. 63. Оп. 1. Д. 19. Л. 309; Ф. 66. Оп. 1. Д. 16. Л. 17–172.
- ²⁸ Жидков *Г.П.* Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья в первой половине XIX века // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1969. С. 9; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 818. Л. 30; Д. 631. Л. 296.
- ²⁹ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 24. Л. 93–94; Д. 34. Л. 17; Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.
- ³⁰ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 82, 83, 736, 758; Д. 10. Л. 651; Ф. 61. Оп. 1. Д. 80. Л. 207; Ф. 63. Оп. 1. Д. 19. Л. 73; Д. 24. Л. 254, 285, 287, 292; Д. 28. Л. 175, 178–179; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 283. Л. 3об.; Д. 326. Л. 14.
- ³¹ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 19. Л. 73; Д. 24. Л. 187, 257.
- ³² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.
- ³³ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 925; Д. 9. Л. 67; Ф. 68. Оп. 1. Д. 17. Л. 33.
- ³⁴ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 234.
- ³⁵ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 16. Л. 223, 225; Ф. 63. Оп. 1. Д. 9. Л. 678; Д. 19. Л. 238; Д. 33. Л. 237; Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 110.
- ³⁶ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
- ³⁷ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 33. Л. 238.
- ³⁸ Миненко *Н.А.* Общинный сход в Западной Сибири XVIII – первой половине XIX в. // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XIX в.). Новосибирск, 1983. С. 4–5; ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 27. Л. 151–158.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 40. Л. 80, 83.
- ⁴⁰ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 9. Л. 291.
- ⁴¹ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 114; Д. 2. Л. 28; Ф. 62. Оп. 1. Д. 22. Л. 516–519; Д. 23а. Л. 78–79.
- ⁴² РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 48. Л. 576; Д. 34. Л. 76об.; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 46. Л. 101.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 39. Л. 709; Д. 40. Л. 82, 711об.; Д. 39. Л. 83, 84; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 49. Л. 87.
- ⁴⁴ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 26, 31, 36.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 14. Л. 133.
- ⁴⁶ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 121.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 46. Л. 69.
- ⁴⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10. Л. 573; Д. 81. Л. 88, 89, 93, 130, 134.
- ⁴⁹ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 84. Л. 339–340.
- ⁵⁰ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 13. Л. 13об.; Д. 14. Л. 73.

- ⁵¹ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 80. Л. 206; Ф. 62. Оп. 1. Д. 27. Л. 166; Миненко Н.А. Массовая документация крестьянских общин... С. 60.
- ⁵² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 84. Л. 281; Ф. 63. Оп. 1. Д. 10. Л. 471; Д. 15. Л. 339.
- ⁵³ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 81. Л. 89.
- ⁵⁴ ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 5. Л. 7; Ф. 61. Оп. 1. Д. 37. Л. 48; Д. 44. Л. 468; Д. 67. Л. 348–350; Ф. 63. Оп. 1. Д. 10. Л. 464; Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 42 об.; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 524. Л. 123.
- ⁵⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 274; Д. 9. Л. 606; Ф. 62. Оп. 1. Д. 29. Л. 84; Ф. 63. Оп. 1. Д. 23. Л. 424, 452.
- ⁵⁶ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 1, 29, 33.
- ⁵⁷ ГАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 30. Л. 11, 12.
- ⁵⁸ ГАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 127. Л. 417; Д. 248. Л. 200, 201; ГАТО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 3; Ф. 136. Оп. 1. Д. 5. Л. 57; Ф. 140. Оп. 1. Д. 4. Л. 104–105.
- ⁵⁹ ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4. Л. 21; Ф. 61. Оп. 1. Д. 46. Л. 114.
- ⁶⁰ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 969; Д. 9. Л. 110; Д. 10. Л. 165, 170; Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 172, 290; Д. 35. Л. 286; Д. 46. Л. 114; Ф. 62. Оп. 1. Д. 22. Л. 204–205; Д. 27. Л. 168; Д. 28. Л. 174об.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 265, 454; Д. 7. Л. 239; Д. 15. Л. 561; Ф. 59. Оп. 1. Д. 4. Л. 343–344.
- ⁶¹ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 67. Л. 97; Ф. 62. Оп. 1. Д. 222. Л. 204; Д. 27. Л. 168; Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 238; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1213. Л. 95.
- ⁶² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 42. Л. 86.
- ⁶³ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 57. Л. 293; Д. 67. Л. 297–298; Ф. 140. Оп. 1. Д. 7. Л. 97; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 89об., 118; Д. 59. Л. 82.
- ⁶⁴ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 51. Л. 240, 462; Ф. 63. Оп. 1. Д. 9. Л. 699–717; Д. 15. Л. 402; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 273. Л. 711.
- ⁶⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 805–806; Ф. 61. Оп. 1. Д. 15. Л. 13, 19, 33, 36, 316; Д. 19. Л. 2221; Д. 24. Л. 233, 378; Д. 27. Л. 12, 144, 256; Д. 20. Л. 85–87, 95, 100, 376; Д. 35. Л. 324, 416, 553; Д. 43. Л. 31, 32, 50, 51, 80, 134, 137, 233–234, 265.
- ⁶⁶ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 542.
- ⁶⁷ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 24. Л. 237; Ф. 61. Оп. 1. Д. 33. Л. 51; Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 404, 878.
- ⁶⁸ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 44. Л. 468.
- ⁶⁹ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 28. Л. 86; Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 176.
- ⁷⁰ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 29. Л. 33; Ф. 63. Оп. 1. Д. 15. Л. 83, 390.
- ⁷¹ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 16. Л. 5 об., 44, 59–62, 81–83, 103, 148–150, 156, 158, 177; Д. 18. Л. 3–17, 25, 31, 45–51.
- ⁷² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 36. Л. 648; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 543. Л. 1228, 1234, 1237.
- ⁷³ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–25.
- ⁷⁴ ГАТО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 7. Л. 112, 156, 157, 431.
- ⁷⁵ ГАТО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
- ⁷⁶ Филов В.Г. Пугачевцы на Алтае. Барнаул, 1955. С. 81–82.
- ⁷⁷ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 13, 20, 22, 23.
- ⁷⁸ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14.
- ⁷⁹ ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- ⁸⁰ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5. Л. 291.

- ⁸¹ ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
- ⁸² ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5. Л. 291–295; Д. 24. Л. 187; Ф. 59. Оп. 1. Д. 5. Л. 140; Ф. 61. Оп. 1. Д. 9а. Л. 173.
- ⁸³ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 24. Л. 187; Ф. 59. Оп. 1. Д. 5. Л. 410; Ф. 61. Оп. 1. Д. 9-а. Л. 173.
- ⁸⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 272. Л. 60–79.
- ⁸⁵ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 22. Л. 26–29; Ф. 61. Оп. 1. Д. 15. Л. 389, 405, 459, 463; Д. 19. Л. 267, 271, 410; Д. 24. Л. 37, 75, 378; Д. 27. Л. 58, 534, 538, 541, 743; Д. 29. Л. 274, 275, 330, 372, 401, 453, 466, 575, 589, 641; Д. 33. Л. 11, 14, 44, 173, 307; Д. 37. Л. 82, 98, 137, 242, 285, 310, 311, 315, 316, 344, 361, 415 и др.
- ⁸⁶ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1432. Л. 127–131.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 191. Л. 1–2; Д. 596. Л. 1; Д. 760. Л. 140; Оп. 43. Д. 757. Л. 42, 51; ГАНО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 214, 219–221; Описание Нерчинских заводов и их округа. 1780 // Новые ежемесячные сочинения. Часть 26. СПб., 1788. С. 31; *Борблик Е.М.* К вопросу о земских избах как низшем звене системы местного управления Кольвано-Воскресенского округа во II половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 194–195; *Миненко Н.А.* Общинный сход в Западной Сибири XVIII – первой половине XIX в. // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XIX в.). Новосибирск, 1983. С. 4–5.
- ⁸⁸ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 32. Л. 444; Д. 45-а. Л. 109.
- ⁸⁹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 522. Л. 82.
- ⁹⁰ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 19. Л. 396.
- ⁹¹ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 14. Л. 121; Ф. 66. Оп. 1. Д. 19. Л. 304–306.
- ⁹² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 678, 706, 707.
- ⁹³ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 43. Л. 587.
- ⁹⁴ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 46. Л. 103; Д. 51. Л. 34.
- ⁹⁵ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 678; Д. 57. Л. 110; Д. 64. Л. 69; Д. 79. Л. 64; Д. 85. Л. 7; Д. 89. Л. 9; Ф. 62. Оп. 1. Д. 30. Л. 128; Д. 40. Л. 32; Ф. 63. Оп. 1. Д. 15. Л. 338; Д. 17. Л. 354; Ф. 66. Оп. 1. Д. 11. Л. 446; Д. 16. Л. 7–10; Ф. 68. Оп. 1. Д. 15. Л. 585–586.
- ⁹⁶ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 33. Л. 25.
- ⁹⁷ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 32. Л. 40, 458.
- ⁹⁸ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 121.
- ⁹⁹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 641. Л. 1498, 1499, 1510, 1512, 1537; Д. 818. Л. 290б.
- ¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 14. Л. 83.
- ¹⁰¹ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 14. Л. 56, 111.
- ¹⁰² *Миненко Н.А.* Община и классовая борьба крестьян Западной Сибири накануне и в период кризиса крепостничества // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 1980. С. 92, 98.
- ¹⁰³ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 64. Л. 88; Ф. 68. Оп. 1. Д. 14. Л. 83.
- ¹⁰⁴ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 5. Л. 101, 107.
- ¹⁰⁵ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 174–175.

- ¹⁰⁶ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 69; Д. 14. Л. 65; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 298. Л. 15–16, 19, 222, 164; Д. 318. Л. 345, 356, 368; Д. 337. Л. 378; Д. 829. Л. 49; Д. 1636. Л. 669, 672, 682, 683.
- ¹⁰⁷ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1713. Л. 981–984.
- ¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 80. Л. 208.
- ¹⁰⁹ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 575; Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 507, 518, 520
- ¹¹⁰ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 829. Л. 49.
- ¹¹¹ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 80. Л. 44, 50.
- ¹¹² ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 893. Л. 658, 661, 690.
- ¹¹³ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1636. Л. 672, 682, 683, 687.
- ¹¹⁴ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3. Л. 265.
- ¹¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 165. Л. 6, 7, 32.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 20. Л. 210–211.
- ¹¹⁷ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 32. Л. 294, 344, 351.
- ¹¹⁸ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 62. Л. 37об., 38, 137; Д. 85. Л. 5; Ф. 63. Оп. 1. Д. 15. Л. 338; Д. 17. Л. 354; Ф. 66. Оп. 1. Д. 24. Л. 86.
- ¹¹⁹ ГАТО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 16. Л. 7–10.
- ¹²⁰ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1613. Л. 672.
- ¹²¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 313. Л. 56–59.
- ¹²² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 150. Л. 9–11.
- ¹²³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 30. Л. 109–113; ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 3. Л. 389–390.
- ¹²⁴ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 69.
- ¹²⁵ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 88. Л. 43.
- ¹²⁶ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1213. Л. 57, 58, 85, 95.
- ¹²⁷ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 450.
- ¹²⁸ ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 3. Л. 283–284.
- ¹²⁹ *Миненко Н.А.* Сибирская крестьянская община XVIII – первой половины XIX века в новейшей историографии // Историография аграрной истории дореволюционной России. Калининград, 1982. С. 60; *Она же.* Общинный сход в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Общественный быт и культура русского населения Сибири... С. 4.
- ¹³⁰ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1140. Л. 248–254, 261, 263, 265, 267, 279.
- ¹³¹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1615. Л. 15.
- ¹³² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 82. Л. 54–55.
- ¹³³ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 80. Л. 7.
- ¹³⁴ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 181, 186.
- ¹³⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. Л. 207.
- ¹³⁶ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 244; Д. 4. Л. 855.
- ¹³⁷ ПСЗ. Собр. второе. СПб., 1830. Т. 3, № 1960.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН КАБИНЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДЛЯ НУЖД ГОРНО-ЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Принуждение крестьян к выполнению заводских работ

В первые годы существования кабинетского хозяйства приписные крестьяне выполняли самую разнообразную работу, отбывая заводскую повинность. Они работали у плавильных печей, на строительстве заводов, сооружении плотин, рыли каналы, добывали и возили руду, глину, рубили дрова, обжигали их, возили уголь, вырезали кирпичи, изготавливали деревянные лопаты, оси и колеса к тачкам, плели черемуховые решетки, ветловые корытца, драли бересту, вили веревки и т.д. Отработки засчитывались крестьянам в подушный оклад на сумму в 1 р. 10 к. С 1761 г., когда размер оброка с 40 к. возрос до 1 р., а оклад составил 1 р. 70 к., они отработывали его полностью на заводах. С 1769 г. подушный оклад увеличился до 2 р. 70 к., с 1780 по 1860 г. – более чем в 4 раза¹. 1 р. 70 к. крестьяне отработывали на заводах, остальную сумму оклада вносили деньгами. Отработки на заводах засчитывались по расценкам 1724 г. В результате увеличения подушного оклада, который крестьяне полностью с 1761 г. отработывали на заводах, даже по расчетам горного начальства, увеличилось время отрыва их от хозяйства с 22–27 до 34–42 дней в пешей и с 11–18 до 17–25 дней в конной работе. За это расчетное, заведомо заниженное горным начальством время (на Екатеринбургских заводах на вырубку одной сажени дров отводилось 5 дней, на Колывано-Воскресенских – 4–4,5) крестьяне не успевали выполнить отработки. Следует учитывать, что горное начальство не брало во внимание время, которое затрачивали крестьяне на проезд от дома до места работы и обратно. В течение десятилетий крестьяне не только кабинетского хозяйства Сибири, но и остальных горных районов страны пытались добиться оплаты за время пребывания в пути. С просьбой об этом они обращались и в Уложенную комиссию.

Начальством Колывано-Воскресенских заводов вопрос о «прохожих» дебатировался еще в начале 60-х гг. XVIII в. В 1761 г. только что приписанные к заводам крестьяне Кузнецкого и Томского уездов потребовали, чтобы им оплачивали дни проезда, засчитывая их в

счет подушного оклада. В канцелярии горного начальства это требование крестьян не оставили без внимания. Уже тогда в поисках наиболее надежных и эффективных путей принуждения крестьян к выполнению ими заводских работ обсуждался вопрос, не лучше ли будет брать от каждой тысячи крестьян по очереди 40 чел. «доброконных» и 75 чел. в пешую работу, чтобы они отработывали за всю тысячу, за себя – на своих харчах, за всех остальных – на харчах крестьян, оставшихся в деревне. Горное начальство полагало, что когда каждый крестьянин приходит на отработки сам за себя, да еще не один раз в году, и если при этом ему за каждый приход засчитывать «прохожие», то заводы окажутся в убытке².

В качестве возможного рассматривался тогда еще один вариант, связанный с поселением крестьян ближе к заводам, но он был отвергнут, так как уже имелся опыт поселения по Чарышу и Алею пришлых, которые, как писал А. Безр, «и поныне в совершенное состояние не пришли». Горное начальство опасалось того, что самим заводам такое переселение крестьян может принести убытки³.

В конце концов в отношении «прохожих» в кабинетском хозяйстве было использовано прежнее положение, ставшее законом для приписных крестьян всей страны. Как известно, Уложенная комиссия прекратила свою деятельность, не решив задач, ради которых она созывалась. Под влиянием непрекращавшейся борьбы приписных крестьян Сенат указом от 27 мая 1769 г. постановил платить им за «прохожие дни» по 3 к. При этом полагалось, чтобы крестьянин преодолевал в день расстояние в 25 верст. «Прохожие» выплачивались за 1 ревизскую душу при условии выполнения за нее работ в полном объеме. Ушедшему с работы заболевшему крестьянину «прохожих» платить не полагалось. Они не засчитывались в подушный оклад, как того требовали крестьяне, а выдавались им на руки с учетом расстояния от места жительства крестьянина до завода или рудника, а не до места работы.

На Колывано-Воскресенских заводах плата «прохожих» была введена с 1770 г. после того, как завершилось измерение расстояния от слобод и деревень до заводов. Крестьянам, которые изготавливали для заводов и рудников корытца, решетки, «прохожие» не оплачивались на том основании, что подушный оклад они все равно привозили бы без оплаты за проезд⁴. На Нерчинских заводах «прохожие» ввели лишь с 1775 г. «за неизмерением (до этого времени. – А.Ж.) расстояния от заводов и рудников до крестьянских жилищ». Как и в районе Колывано-Воскресенских заводов, нерчин-

ским крестьянам засчитывалось меньшее расстояние, чем они преодолевали, добираясь до места работы и обратно⁵.

Манифестом от 21 мая 1779 г. расценки заводских работ были увеличены вдвое, конному стали засчитывать летом 20, зимой – 12, пешему – 10 и 8 к. в день⁶. По расчету, сделанному в 1780 г., крестьянин обязан был за 1 душу вырубить $3\frac{3}{8}$ сажень дров, за одну сажень ему должно было засчитываться 45 к. На Нерчинских заводах, по сделанным пробам, 1 чел. вырубал сажень дров за 6 дней, за нее засчитывали 54 к., с 1785 г. – 45 к., как и на Екатеринбургских заводах, Кабинет сохранил 45-копеечную плату⁷.

Начальство Колывано-Воскресенских заводов засчитывало крестьянам в подушный оклад не $3\frac{3}{8}$, а 5 с лишним сажень, не 45, а 32 к. за сажень. Уже в следующем году после опубликования манифеста 21 мая 1779 г. по 32 к. зачли 39710 сажень дров, вырубленных за 9868 душ в дровосеках при Барнаульском, Павловском, Нижнесузунском, Алейском заводах⁸. А это значило, что установленные манифестом 21 мая 1779 г. сроки пребывания крестьян на заводских работах (в конной 15, в пешей 22 дня) не имели для крестьян кабинетского хозяйства реального значения. Беспочвенным было утверждение управляющим Кабинетом о том, что крестьянам на Алтае после 1779 г. было легче выполнять заводские работы, чем приписным крестьянам других горных округов, в которых «годные» выполняли работу на сумму до 3 р. 40 к.: «Но колыванские никогда столько не зарабатывали... негодные и выбылые яко то престарелые, нездоровые, малолетние, также умершие, взятые в рекруты и другими случаями выбылые из приписки души к отработыванию подушного оклада на годных не располагаются, почему они против прочих приписных крестьян казенной работы исправляют в половину меньше».

На крестьян кабинетского хозяйства и после 1779 г. заводская работа располагалась с учетом дееспособных, но по числу ревизских душ. В 1786 г. белоярские крестьяне жаловались, что из 938 рев. душ «годных» к работе насчитывается всего 707 душ, из них 19 чел. выбираются в разные «народские службы», только 688 чел. могут выполнять работу за 938 душ⁹. По другим слободам расклад работы производился таким образом, что на одного «годного» добавлялось по $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, 1 душе работы¹⁰.

В 1818 г. крестьяне Городищенской волости Нерчинского уезда писали сибирскому генерал-губернатору Шверанскому, что среди отнесенных к «годным» крестьянам есть не имеющие «никакой животины», но на них располагается по $1\frac{1}{4}$ – $1\frac{1}{2}$ души работы, а на тех,

у кого есть 1–2 лошади, – до 3–5 душ, у кого «среднее скотоводство» 10 лошадей, 20 голов рогатого скота – до 10–15 душ, у кого 20 лошадей, до 40 коров – 20–30 душ, отчего все крестьяне пришли «в крайнее изнеможение»¹¹.

Затраты крестьянской семьи на выполнение заводских работ увеличивались вследствие того, что трудоспособным крестьянам приходилось выполнять работу за умерших, престарелых, малолетних, беглых, взятых в рекруты и т.д. Крестьяне постоянно добивались того, чтобы в заводские работы располагались только способные выполнять ее, в возрасте не моложе 17 и не старше 50 лет, чтобы за «негодных» взыскивались подушные деньгами с их родственников или с мирской суммы¹². Случаи же расположения на работу «негодных» уже приводились. К ним можно добавить еще один, весьма характерный. В 1776 г. явившийся на работу в Змеиногорский рудник крестьянин д. Локтевой Бийской земской избы Б. Кречетов «по осмотру» оказался «весьма стар (70 лет), дряхл, одним глазом крив и худосилен». Раскладчики С. Гилев и И. Зарешнев, пытаясь оправдаться перед канцелярией горного начальства, уверяли, что Кречетов был расположен в «самую легкую работу», и они не знают, почему он пошел в Змеиногорский рудник, что при расположении в работу он не был крив, глаз «выколол нечаянно при высылке (! – А.Ж.)»¹³. Вина раскладчиков в случае с Кречетовым очевидна, они не должны были определять его в работу. Но это не избавляло других крестьян д. Локтевой от выполнения работы за него.

В 20-е гг. XIX в. не без оснований крестьяне Аргунской волости жаловались на то, что «годным» из них приходится выполнять работу за 1¼ – 2 души (в рубке дров), «конным» возить уголь за 3–4, руду – за 1¼ – 4 души¹⁴. Жалоба крестьян этой волости отражает общее положение дел, связанных с выполнением приписными крестьянами кабинетского хозяйства заводских работ, увеличение их объема на годного работника и соответственно затрат крестьянской семьи на их выполнение.

Имели место случаи увеличения объема работ по произволу горного начальства, о чем красноречиво свидетельствуют крестьянские жалобы. В 1788 г. нерчинские крестьяне в счет погашения недоимки по заводским работам должны были вывезти по 27 пудов руды с Кличкинских рудников в Кутомарский завод («как и пред тем всегда по таковой пропорции за душу важивали»). Высланные на работу крестьяне вывезли руду, получив от заводской конторы квитанции, разъехались по домам. На работе остались немногие, еще не закон-

чившие перевозку руды. А тем временем Горный совет Нерчинских заводов принял решение с этого года уменьшить плату за каждую версту с 1 к. до 1 деньга. На основании данного решения горное начальство «по собственной своей власти» заставило перевозить по 54 пуда руды не только крестьян, которые еще не успели перевезти положенные ранее 27 пудов, но и развехавшихся по домам после того, как с них недоимку уже сняли. Им пришлось второй раз ехать на работу, перевезти еще по 27 пудов руды, но теперь уже без всякой платы, причем некоторым из них надо было ехать на работу за 300 верст от места жительства. Тем, которые не смогли выехать на работу второй раз зимой, пришлось возить руду летом, в результате чего они «лишились лошадей»¹⁵.

В соответствии с законом крестьян запрещалось привлекать к выполнению заводской повинности в период весеннего сева, сенокоса и уборки хлеба. Но в действительности это не соблюдалось. В июле 1747 г. крестьяне строили мосты через Чарыш и Алей, причем выполненную ими работу не оплатили и не зачли в подушный оклад. В 1750 г. рубили дрова бердские крестьяне, а поселенных при заводах пришлых в страдное время заставили перевозить через Алей и Чарыш «разного чина и звания людей». Из-за занятости на заводских работах многие крестьяне в то лето не смогли собрать выращенный урожай¹⁶. По той же причине у части крестьян оказывалось «в поле не сеено»¹⁷.

В 1756 г. многие крестьяне работали на добыче руд без отпуска «в дом для посева и снятия с поль хлеба и прочих домовых работ», от чего пришли «в конечную скудость и разорение и ко исправлению работ в несостояние», как писали крестьяне. Уже в 50-е гг. XVIII в. горное начальство ставило перед Кабинетом вопрос о целесообразности использования труда рекрутов на перевозке руды с 1 мая по 1 октября, чтобы крестьянам дать возможность в это время заниматься своим хозяйством¹⁸. Однако проходили годы, а практика отправки их на отработки в период сева и страды продолжала сохраняться, о чем свидетельствуют многочисленные факты за 60-е гг. XVIII в.¹⁹ В «Раскладных книгах» о расположении заводских работ предусматривалась высылка крестьян в перевозку угля в июне–июле месяцах²⁰. В летние месяцы 1770, 1773, 1774 гг. было занято на заводских отработках около 4 тыс. крестьян²¹.

Побывавший в июле 1785 г. во многих деревнях каинских и томских крестьян майор Баженов обратил внимание на то, что «посланные на завод работники не только к вешней пахоте, но многие и к

сенокосу и к посеву и поныне в мое обозрение в дома свои не возвращались». В достоверности подмеченного Баженовым сомневаться нет оснований. В деревнях ведения Чаусского острога, через которые Баженов тоже проехал, в том году из 565 дворохозяев 17 имели посевы только озимой ржи, посевов яровых у них не было, о каждом из них в ведомости о посевах крестьян, составленной Чаусской земской избой, написано: «находится в дровосеке»²². По сообщению Чаусского волостного суда в 1798 г. много земли осталось незасеянной «за отлучением немалого количества крестьян в заводские работы»²³.

Не всегда выполненные крестьянами заводские работы засчитывались им в подушный оклад. В 1748 г. бийские крестьяне Ф. Воробьев и П. Фоминский в течение целого месяца (каждый) возили руду со Змеиногорского рудника в Колыванский завод, вывезли по 275 пудов. Воробьева отпустили с рудника домой 19 апреля, Фоминского – 26 июня. Но им предстояло в этом же году выполнить расположенную на них по раскладу за текущий год работу, так как руду они вывезли в порядке отбывания наказания за какое-то «огурство». Надзиратель Головин, принявший работу Фоминского, выдал ему квитанцию, в которой значилось, что в заводскую работу староста должен выслать его «по осени, ибо оной ныне за присталью лошади и за неимением собственной телеги и хомута ту работу (за подушный оклад. – А.Ж.) исправить не в состоянии»²⁴.

Земские избы вынуждены были время от времени признавать, что причиной невыполнения крестьянами работы на заводе было то, что во время заводских работ некоторые из них лишались последней лошади в своем хозяйстве. Ушли с работы, не выполнив ее в положенном объеме, в 1785 г. крестьяне д. Шубенской Г. Беспалов («хотя и было 2 лошади при первой езде пали»), д. Большой Угреновой А. Пономарев («хотя и есть одна лошадь но весьма худа и работу на ней исправить не можно»), д. Буланихи А. Костенков («при раскладе были 3 лошади из которых две недошед до Барнаула в работу на дороге пали а хотя и есть одна весьма худа и зарабатывать свой повыток не можно»), д. Савиновой А. Вдовин («есть две лошади но оные вовсе не годны и хворы», «хотя на одной ездил на работу ничего не заработал»), д. Фоминской А. Черкасов (при раскладе было две лошади, но вскоре пали и «оной повыток заработать не на чем»)²⁵.

При наряде крестьян на работу и ее выполнении им приходилось сталкиваться с разного рода неурядицами, вызывавшими дополнительные затраты на отработки. В 1774 г. С. Меновщикова из д. Ординской Бийской земской избы отправили в Новопавловский завод в

возку сосновых бревен, но оказалось, что он «в тое работу не вознадобился» и был оттуда отправлен в Барнаульский завод. 10 крестьян, находившихся летом 1779 г. на расчистке лесной поросли при Ново-павловском заводе, перебросили на строительство плавильной печи. В январе 1780 г. каинский крестьянин К. Тюрин жаловался, что староста Гребенщиков отправляет его в возку угля, несмотря на то, что эту работу выполнили нанятые им крестьяне Козлов и Вторушин. За отказ ехать на работу Тюрин просидел несколько дней под караулом в земской избе и подвергался избиению. Канцелярия горного начальства приказала Чаусской земской избе разобраться со старостой и еще «велеть сержанту Вавилову и старосте Гребенщикову накрепко подтвердить, чтоб они крестьян по беспутству своему окольными дорогами не высылали, а чинили б тое высылку прямым трактом и не делая ни малейшей обиды и напрасных волокит под опасением ежели и за сим такое беспутство окажется отрешением от должности с наказанием».

Однако произвол по отношению к крестьянам при отправке их на работу не прекращался. В апреле того же года крестьян Чаусского острога послали на рубку дров в Павловский завод. В отведенном дровосеке они уже начали рубить дрова, когда приехавший за ними чаусский сотник заявил, что им «онные дрова не в том Павловском, но в Барнаульском заводе рубить надлежит, куда оттоль и повел». Крестьяне вынуждены были нарубленные дрова и свой «хлебный запас» распродать, так как еще до приезда сотника отправили домой лошадей. При Барнаульском заводе, куда крестьяне пришли пешие и без хлеба, рубить дрова они не могли и просили дать им отсрочку в выполнении работы до сентября²⁶.

Аналогичный случай много позднее произошел с крестьянами Аргунской волости, когда их, отправленных в 1818 г. в возку руды в Нерчинский и Дучарский заводы, где они уже и сено заготовили для прокорма лошадей, неожиданно перевели на Култулинский рудник возить руду в Шилкинский завод²⁷.

Как уже отмечалось, крестьяне нередко давали взятки ради получения более удобного места для рубки леса, сдачи без задержки выполненной работы. Иногда они давали взятки надзирателям за отметку «в переключных списках» присутствующими на работе, а сами уезжали домой. При выявлении подобного рода фактов крестьян наказывали «нешадно плетьюми»²⁸. В 1761 г. за взятку надзирателю Хотину и унтершихтмейстеру на Чакирском руднике отпущенные по домам 30 крестьян были биты плетьюми.

Некоторые крестьяне освобождались от заводских работ с разрешения горного начальства. Живший при Кольванском заводе О. Харлов в 1748 г. за подушный оклад поставил 209 пудов золы. В 60–70-е гг. XVIII в. поставку золы располагали на всех крестьян без освобождения от работ. В 50–70-е гг. XVIII в. часть крестьян вместо заводских работ в счет оклада поставляли смолу и деготь. Размер поставок для зачета в подушный оклад с годами заметно возрос: с 11–12 ведер дегтя или смолы в 60-е гг. до 18–35 ведер за каждую душу в начале 70-х, и в 80-е гг. норма поставки была увеличена до 50–60 ведер. Около 60 крестьян Бердской земской избы, Чаусского, Сосновского острогов, Бийской слободы воспользовались правом поставлять в счет подушного оклада деготь и смолу²⁹.

В 1763–1766 гг. части крестьян было разрешено привозить на заводы в своих коробах уголь, выжженный ими дома. За эти годы они поставили 7705 коробов угля на 1309 р. 85 к. В феврале 1766 г. канцелярия горного начальства издает указ, обязывавший крестьян возить уголь только водным транспортом. В 20-е гг. XIX в. крестьяне Читинского участка также сдавали в счет подушного оклада «отсыпной уголь». В марте они заготавливали лес, в мае жгли его, в июне сплавляли уголь водным путем. Во время сплава угля паромы нередко тонули, крестьянам приходилось вновь выжигать уголь из приплавленного прямо к заводам леса. Выполнение данной работы по найму обходилось по 15–25 р. за 1 душу³⁰.

Случаи найма в заводскую работу были довольно распространенным явлением уже с первых лет существования кабинетского хозяйства. В 1749 г. был издан указ, вызванный тем, что многие трудоспособные крестьяне, которым полагалось заработать подушный оклад за «негодных», «зарабатывают и спрашивают» за выполненную работу «не по подушному окладу», а по 5 р. и более с души, заявляя, что и сами платят столько. Указом объявлялось, что «годные» нанимают выполнять расположенную на них работу за «негодных», и повелевалось с «негодных» взыскивать лишь то, что положено в счет подушного оклада, отдавая взысканные деньги тем, кто за них выполнял работу сам или по найму, а «более с них не требовать»³¹.

В данном указе нашел отражение не частный случай, имевший место в конце 40-х гг. XVIII в. Он зафиксировал общее положение в приписной деревне, когда крестьяне, на которых располагалась работа за других, прибегали к найму. Когда в 1781 г. бийских крестьян И. Беспалова и В. Казанцева обязали отработать за троих односель-

чан («огурщиков»), они также прибегли к услугам «наемщиков»³². В 1819 г. с крестьян Аргунской волости спрашивалась не вывезенная за 1814–1819 гг. на Дучарский завод руда (за 172 души). Крестьяне за умерших, малолетних, престарелых и отданных в рекруты «наемщиками» отдали из мирской суммы по 40–50 р. за каждую душу, а трудоспособные несостоятельные крестьяне, имевшие задолженность по заводской работе, «наймывали по тем же ценам... продавая последнее состояние свое»³³.

Горное начальство с большой неохотой шло на разрешение найма в заводские работы, оно строго следило за тем, чтобы наниматели не переплачивали наемщикам. В указе 1749 г. говорилось о недопустимости переплаты за работу по найму выше подушного оклада, позднее стала признаваться плата нанимавшимся в двойном размере, но ничуть не выше. На протяжении многих десятилетий горное начальство пыталось придерживаться этого требования, что четко прослеживается в порядке оплаты работы, выполненной за «нетчиков» десятчанами или наемщиками. Как правило, с «нетчиков» судными и земскими избами подолгу не удавалось получить деньги в пользу выполнивших за них работу. Горное начальство требовало взыскивать с них не более 3 р. 40 к. с каждой души. «Нетчиков», не рассчитавшихся в срок, наказывали батогами. Скидки на «скудость» крестьян, не имевших возможности ни выполнить работу, ни заплатить за нее в двойном размере, не делалось³⁴.

Среди «наемщиков» были не только крестьяне, но и мещане, сельщики, яшашные, проживавшие вместе с приписными крестьянами³⁵. Неоднородным был по имущественному положению состав нанимавших. В их числе оказывались крестьяне, вынужденные занимать деньги, чтобы заплатить наемщику. В 1773 г. житель д. Большой Угреновой С. Пономарев занял 8 р. «для нанятия в заводскую работу наемщика», а крестьянин д. Ординской Бердского острога пытался вывезти за себя уголь сам, но почувствовал, что не сможет сделать этого («лошади пристали»), занял денег на покупку печаток у вольных возчиков³⁶.

Иногда работа по найму выполнялась за крестьянина, не собиравшегося кого-либо нанимать за себя. В 1766 г. крестьянин д. Вяткиной Бийской земской избы Л. Вяткин плавил лес по Оби, но плот его занесло в протоку, откуда сам он его вывезти не смог. По приказу управителя Пяткова работу за Вяткина делали крестьяне д. Ересной Тупицыны за 13 р.³⁷

Деньги для уплаты нанимавшихся на заводскую работу крестьяне получали от реализации продуктов своего труда (хлеба, лошадей, рогатого скота, овец, мяса, сала, масла, воска, кожи, шкурок, рыбы, сена, дров, холста, льна, шерсти, сукна, орехов и т.д.), а также от занятия извозом.

Согласно «Ведомости о хозяйственной состоятельности приписных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян в 1818 году» в среднем из расчета на 1 рев. душу доход крестьян составил около 8 р. 45 к.; в 1825 г. – 7 р. 50 к. – в обоих случаях значительно меньше общей суммы всех сборов с каждой души (с учетом подати, расходов на устройство и содержание дорог «водяного» сообщения, почтовых лошадей, волостных правлений на выполнение земских повинностей) в размере 12 р. 85 к. в 1818 г. и 15 р. 47½ к. в 1825 г.³⁸

По приблизительным данным жители Тальменской волости получили от торговли и занятия извозом в 1824 г. – по 6 р.; в 1825 г. – по 8 р. на 1 рев. душу от продажи ржи, лошадей, масла³⁹.

В Нерчинском горном округе в 1825 и 1826 гг. причиталось всех сборов с души соответственно по 17 р. 8¼ к. и 16 р. 74⅞ к. Доходы крестьян в эти годы составили 11 р. 1⅓ к. с 11 р. 98 к. на 1 рев. душу (без учета того, что получили занимавшиеся перевозками «казенных» и «партикулярных тяжестей», от продажи в казну холста, пеньки и пр.)⁴⁰.

Средние показатели доходности крестьянского хозяйства свидетельствуют о наличии в нем значительно меньших средств, по сравнению с требовавшимися затратами на найм в заводскую работу. Поэтому в роли нанимателей, как правило, выступали состоятельные крестьяне.

Далеко не всегда крестьянин, нанявший за себя в заводскую работу, мог быть уверен в выполнении её. За А. Шебалина, жителя д. Фоминской Бийской земской избы в 1778 г. нанялся Х. Быков из д. Усть-Чарышской в возку кирпича и песка за 1 душу, но, «сробив» всего на 13 к., сбежал. И. Манаев из д. Савиной, нанявшийся за С. Ситникова из д. Пещаной, тоже сбежал, проработав всего 14 дней⁴¹.

Такие факты, как уход наемщика с работы, не только для нанимателей, но и для заводских контор и горного начальства были крайне нежелательным явлением, так как в случае выявления их приходилось тратить время крестьянину на выполнение работы, за которую он уже заплатил деньги, а заводским конторам – на высылку на работу нанимателей, что нередко сказывалось на работе заводов и рудников. Вынужденное считаться с тем, что крестьяне нанимают на заводскую работу, горное начальство добивалось, чтобы

допускались к работе наемщики только в случае соблюдения всех требований, главным образом при наличии документально оформленного разрешения на наем на работу и при условии способности нанявшегося выполнить ее. В противном случае работа спрашивалась с крестьянина, на которого ее располагали.

Весной 1748 г. отправили обратно явившегося без паспорта наемщика из д. Чумской Чаусского острога, которого нанял вместо себя крестьянин Белоярской крепости д. Яровой И. Казанцев. В 1769 г. в кучную работу не допустили 69 наемщиков, хотя томский староста В. Лаврентьев считал, что все они могут работать. Уже на месте работы их признали неспособными ее выполнять, так как среди них оказались престарелые, малолетние, «безконные» и, по заключению заводской конторы, «неспособные быть в работе». В порядке исключения допустили к работе за Ф. Булатова из д. Легостаевой его односельчанина Т. Легостаева, пришедшего работать за него за подушный оклад в счет уже прошедшего 1776 г. Легостаев сказал, что договорился работать за плату 3 р. 50 к., а пришел без паспорта, потому что далеко ехать до земской избы, находившейся в 150 верстах от их деревни⁴².

Сам факт найма крестьяне скрывали. Материалы о найме сохранились лишь в связи с теми случаями, о которых становилось известно горному начальству и по которым принимались после тщательного расследования конкретные меры. В 1762 г. за крестьянина д. Дурашкиной Чаусского острога Т. Барабанщикова 6 июня явился на работу нанятый им житель д. Гуселетовой Бердского острога И. Косарев (который 14 лет назад сам выступал в роли нанимателя). За полученные от Барабанщикова деньги (1 р.), рыбу (45 сушеных щук), муку (2 пуда ржаной и пуд пшеничной), масло (4 безмена), хомут, всего на 6 р., Косарев должен был сложить полкучи дров, одернить и выжечь их. Всю работу он выполнил, отмечаясь именем Барабанщикова и скрыв, что работает по найму. Никто бы, наверное, и не узнал об этом, если бы Косарев заготовленные им дрова не продал за 8 р. чаусскому крестьянину Горлову и не сбежал. Барабанщикову пришлось самому выполнять работу. В отношении Косарева было предписано, сыскав его, «за отметку на работе под чужим именем, а также не сдачу в казну кирки и лопаты наказать батожем», взыскать с него деньги в пользу Барабанщикова⁴³.

В 1772 г. в Томской заводской конторе был наказан крестьянин д. Большой Угреновой М. Заболоцкий, давший взятку гиттенфервальтеру Головину, чтобы тот заочно отмечал М. Заболоцкого явив-

шимся на работу, хотя он послал вместо себя на работу поселщика г. Кузнецка П. Лыкина (в возку угля за 2 души), заплатив ему 10 р. В 1773 г. Д. Кузнецов из д. Караканской Бердского острога работал и сам вместе с нанятыми им работниками, которым заплатил 6 р. 80 к. При приеме работы ему заявили, что она выполнена только на $\frac{2}{3}$, а потому и квитанции не выдали⁴⁴.

Горно-заводская администрация следила за тем, чтобы крестьяне в случае найма вместо себя на выполнение заводских работ платили не больше чем в 2 раза по сравнению с тем, что заводские конторы засчитывали им в счет подушного оклада. В 1771 г. 25 «недоброконных и совсем безлошадных» крестьян и 14 крестьян, выполнивших за них по найму заводскую работу, взяли по 6–8 р. за каждую душу, по распоряжению Колывано-Воскресенского горного начальства наказали батогами, заставив при этом вернуть переплаченные деньги, которые пошли на содержание неимущих, а не в пользу переплативших их. А. Маклакова, И. Кускова за задержку с возвратом денег в августе 1773 г. вторично били батогами, с И. Сторожева так и не смогли получить 10 р., так как он «самовольно по смерти удавился... дому скота и пожитков не имел»⁴⁵. Томский крестьянин Д. Пермитин заплатил нанявшемуся вместо него крестьянину Белоярской слободы д. Чесноковки Л. Кадникову за 1 душу 13 р. 75 к. Из этой полученной от Пермитина «весьма неумеренной платы» по распоряжению канцелярии горного начальства взыскали с Кадникова 10 р. Пермитину, который, по признанию начальства, «пришел в немалый убыток», ни копейки из 10 р. не дали. С нанявшихся за высокую плату в 1791 г. взыскали 853 р. 50 к.⁴⁶

В связи с тем, что ежегодно частью несостоятельных крестьян заводские работы не выполнялись, ещё в 60-е гг. XVIII в. царским указом вменялось в обязанность заводских контор нанимать вместо них «с передачею платы на счет виновников»⁴⁷. К тому времени значительное развитие получил найм на заводские работы состоятельными крестьянами, которым выгоднее было в несколько раз переплатить по сравнению с тем, что им засчитывалось в подушный оклад, чем отрываться от хозяйства на отработки.

Горное начальство крайне отрицательно относилось к значительной переплате за работу, выполнявшуюся нанимавшими вместо себя состоятельными крестьянами. Искусственным путем создать препятствия на пути крестьян, имевших деньги для найма, горному начальству оказалось не под силу. Заводская администрация постоянно сталкивалась с высокой платой за найм на отработках. С этим

фактом ей приходилось считаться при оплате труда тех, кого она сама нанимала. Нанятым ею за неявившихся на отработку в 1793 г. пришлось заплатить по 10 р. за душу⁴⁸. В 80–90-е гг. XVIII в. крестьянам найм за себя в заводские работы за 1 душу как раз и обходился в 10 р., иногда дороже, причем намного⁴⁹.

Нанимавшие рассчитывались за выполненную вместо них работу не только деньгами. Иногда встречается довольно сложная система расчета. Крестьянин д. Савиновой Бийской земской избы С. Филиппов обязался выполнить в 1798 г. за 1½ души работу вместо М. Вдовина из д. Тырышкиной. Вдовин должен был заплатить за это 12 р. деньгами, дать ½ пуда говяжьего сала, пуд пшеничной муки, кроме того, вспахать, засеять семенами Филиппова поле в 2 дес.⁵⁰ За Д. Филиппова из д. Савиновой, который к 1798 г. не отработал ещё за 1795 и 1797 гг., обязался перевезти руду за 2 души житель д. Усть-Ануйской Т. Осокин, у которого Филиппов обязался, в свою очередь, жить «в домовой работе». Осокин заплатил еще 37 р. в погашение долгов Филиппова, которому предстояло отработать и эти деньги в хозяйстве Осокина, будучи «во всем послушну»⁵¹.

С конца XVIII в. заметно возрос объем работ, выполнявшихся по найму, о чем свидетельствует «излишно» производившаяся плата за них. Она составляла ежегодно несколько тысяч рублей⁵². В роли нанимавших выступали не только и даже, вероятно, не столько крестьяне, сколько заводские конторы, что было следствием участвовавших случаев невыхода крестьян на отработки, а также результатом увеличения объема заводских работ на 1 рев. душу⁵³, с выполнением которых они не справлялись.

С годами и заводским конторам становилось все труднее обеспечить выполнением работ за «нетчиков», число их росло, а оплата отработок в связи с падением курса ассигнаций, которыми продолжали рассчитываться с крестьянами, не увеличивалась, напротив, уменьшалась. К 40-м гг. XIX в. по сравнению с 70-ми гг. она сократилась в 3,5 раза. А если ещё учесть, что с увеличением удельного веса перевозок возросла тяжесть заводских работ, то станет понятнее, почему заводским конторам было все труднее находить желающих выполнить отработки за крестьян, которые не справлялись с ними⁵⁴. Даже само горное начальство понимало, что крестьяне не смогут выполнить работу в том объеме, в каком приходится требовать от них. В частности, канцелярия Нерчинских заводов признавала в начале XIX в. главной причиной колоссальной «недоработки» (в 1803 г. за 4.158 души) то, что каждой «годной» душе приходится

отрабатывать за 2,5 души. Горная экспедиция ставила перед Кабинетом вопрос о дополнительной приписке к Нерчинским заводам ещё около 7 тыс. крестьян, если пока нельзя перейти к использованию труда неперменных работников⁵⁵.

Летом 1814 г. старшина д. Новоизылинской Тутальской волости И. Макаров получил задание доставить 55 крестьян из деревни Завьяловой, Новоизылинской и Саламатовой. Они должны были за прошлый 1813 г. перевезти в Барнаульский завод уголь за 65 $\frac{5}{8}$ души, затем предоставить в волостное правление квитанцию о перевезенном угле. Собрав «нетчиков» сначала в д. Саламатовой, Макаров пришел с ними в свою деревню. Пока здесь собирал односельчан, некоторым саламатовским крестьянам по их просьбе разрешил выехать раньше, но, прибыв в д. Завьялову, старшина нашел здесь только двух саламатовских крестьян, остальные, оказалось, разъехались, кто куда. Собрав «по росписям» всех «нетчиков» в д. Завьяловой, отправив их на завод, сам старшина вынужден был задержаться «для сыска» разбежавшихся. В конечном итоге он привел всего 7 чел., причем у пятерых из них было по одной лошади, у Прокопия и Афиногена Атамановых – одна на двоих. Старшина, доставленный за невыполнение данного ему задания в канцелярию горного начальства, оправдывался тем, что у крестьян «в весеннее время от изнурения изгибли лошади» и потому они не в состоянии выполнить работу, а неявившиеся «совершенно бедного состояния», у них не только лошадей нет, но и «должного себе пропитания». Кроме И. Макарова, тогда в канцелярии объяснения давали выборные Кайлинской, Легостаевской, Малышевской волостей. Они представили приговоры сельских старшин и «лучших людей» с просьбой не отработавшим крестьянам при Сузунском и Барнаульском заводах «по случаю недостатка в пропитании» отсрочить выполнение работ до 30 августа, когда после жатвы они смогут обеспечить себя «пропитанием». Указом от 9 июля 1814 г. канцелярия горного начальства потребовала «ныне же крестьян непременно понудить к исполнению работ». Она обязала всех сельских начальников во время взыскания недоимок при обнаружении не выполнивших заводские работы, высылать их немедленно со старшинами к месту работы и через каждые 6 дней доносить о «успехе»⁵⁶.

По требованию горного начальства волостные правления в 1816 г. составили списки крестьян, не обеспечивших вывозку угля, рубку дров за прошлые годы. Только по Белоярской волости за 1807–1815 гг. 215 крестьян не выполнили работу. 20 крестьян этой

же волости имели задолженность по заводским работам за 1802–1805 гг. Из тех, кого следовало выслать на работу за прошлые годы, около 10 чел. не было в живых, других отдали в рекруты. Н. Пономарев сидел в тюрьме⁵⁷. В мае 1816 г. в Кольванский лесосек отрабатывать за прошлые годы (с 1810 г.) пришло всего 4 чел. вместо 567 чел. из Бийской, Белоярской, Шадринской, Уксунайской, Кривошековской, Енисейской, Барнаульской и Касмалинской волостей. Попытка нанять вместо них служителей не принесла успеха, так как они запросили очень дорого – по 7 р. за сажень. К началу декабря за 139 душ работа была выполнена, в «неявке» оставалось ещё 428 чел. Канцелярия горного начальства пригрозила управителям штрафом, если они не обеспечат высылки всех «нетчиков».

По всему Алтайскому округу в 1816 г. в рубке дров, перевозке угля, руды, флюсов, оказалось недоработано крестьянами за 1400 душ. Горное начальство «строжайше и в последний раз» потребовало от управителей и волостных правлений «всех неотработавших крестьян без всякого послабления немедленно выслать в те места, куда следует и при нарочных надежных людях», добавляя при этом: «а с наймом ещё повременить». Но надежда канцелярии горного начальства на возможность высылки самих «нетчиков» не могла оправдаться, слишком большой оказалась «недоработка» прошлых лет. Позднее часть её Кабинет, по предложению начальника заводов П.К. Фролова, в начале 1821 г. вынужден был снять с крестьян. На основании предписания Кабинета в феврале 1821 г. накопившуюся до 1 января 1813 г. «недоработку» (за 1169³/₄ души) заводским и горным конторам велено было с крестьян не спрашивать»⁵⁸.

Однако данная мера не могла сколько-нибудь улучшить дело с выполнением крестьянами заводских работ. Тогда же заводские власти оказались в весьма затруднительном положении в связи с невыполнением крестьянами в большом объеме отработок за 1813–1820 гг. как по Нерчинскому, так и по Алтайскому горным округам. Не помогало и наказание волостных начальников (в 1814 г. всех волостных голов Нерчинских заводов «за медленную и недейтельную высылку крестьян и за упущение вырубки дров» оштрафовали на 5 р. каждого).

В сентябре 1821 г. по требованию канцелярии горного начальства волостного голову Кривошековской волости Быкова и старосту волости за то, что они «мало заботились о высылке крестьян к исправлению пешей работы кто куда расположен был, а также выборного Филюшева, который должен был быть с крестьянами в дровосеке до окончания рубки дров, но вместо этого «проживал дома»,

сняли с выборной должности, заменив их «достойными людьми». Бывшего старосту на две недели, выборного на месяц отправили на работу в Сузунский завод⁵⁹.

Но наказаниями должностных лиц и самих «нетчиков нельзя было что-нибудь изменить к лучшему в деле выполнения крестьянами заводской работы.

В 20-е гг. XIX в. по инициативе сибирского губернатора М.М. Сперанского со всей остротой был поставлен вопрос об освобождении крестьян кабинетского хозяйства от заводских работ путем перевода их на 5-рублёвый оброк. Проектом М.М. Сперанского предусматривалась замена одной формы феодальной эксплуатации крестьян другой, он не затрагивал основ существовавшего до сих пор их землепользования. Тем не менее даже такой крайне умеренный, по своей направленности объективно буржуазно-либеральный проект, предвосхитивший некоторые положения крестьянской реформы 1861 г., встретил решительный протест со стороны Кабинета. Он отстоял сохранение института приписного крестьянства Сибири без каких-либо перемен в формах принуждения крестьян к выполнению заводских работ на основании манифеста 21 мая 1779 г.⁶⁰

Увеличение объема заводских работ при уменьшении оплаты их в течение первой половины XIX в. привело к тому, что в установленном манифестом 1779 г. время пребывания на них крестьяне с выполнением повытка уложиться не могли. Вместо 15–22 дней они, как правило, тратили на отработки нередко до полутора месяцев, о чем свидетельствуют крестьянские жалобы⁶¹.

Известно, что манифестом 1779 г. были четко определены виды отработок. Крестьян можно было посылать после 1779 г. только в рубку дров, разломку куч, возку угля, руды, песка, флюсов. В кабинетском хозяйстве не торопились с выполнением предписаний манифеста. 28 августа состоялось заседание канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, на котором отмечалось: «В оном указе кем клажу, дернение, осыпку и сжение куч (что до сего крестьянами исправляемо было) исправлять не изображено». На выполнение этой работы направляли ежегодно до 2 тыс. чел. В манифесте ничего не говорилось относительно того, кто должен был после 1779 г. заниматься заготовкой и перевозкой бревен, необходимых для укрепления шахт. Раньше на эту работу посылали до 1,5 тыс. крестьян ежегодно. На заседании канцелярии подчеркивалось, что если обжиг угля, заготовку бревен и перевозку их производить «наймом», заводы окажутся в огромном убытке. Во избежание

остановки заводов канцелярия постановила: крестьян, определенных в 1779 г. в «кучную работу» («сжжение куч», отмененное манифестом), с 1 сентября «выслать неотменно и им тое важную для заводов работу исправить так как до сего она работа исправлялась».

Начальник заводов Б.И. Меллер сделал примечания к манифесту. Особое внимание он уделил вопросу, связанному с обжигом дров на уголь. Для суждения о затратах крестьян на выполнение отработок имеют существенное значение признания начальника о том, как производится обжиг угля. Работа эта была не только чрезвычайно трудоемкой, но и требовала значительно больше времени, чем отводилось горным начальством. При доведении дров до полной кондиции крестьянам приходилось по несколько раз разбирать, осыпать и дернить кучи, чтобы верхний слой дров перегорал в уголь. Ежегодно обжигалось 1750 куч. Эту работу выполняли 1,5 тыс. крестьян. Меллер предложил в «кучную работу» направлять «неспособных к хлебопашеству посельщиков» и рекрутов, набравшихся в Сибири. Таким образом, в кабинетском хозяйстве пытались найти возможности для выполнения отмененных манифестом отработок без затрат со стороны заводов.

Манифестом не исключалось принуждение крестьян к отработкам в летнее время, хотя прямо об этом не говорилось. В числе отработок оставалась «опалка лесов». Ежегодно ею занимались до 1,5 тыс. крестьян, уходивших из дома за сотни верст. Опалка лесов, согласно манифесту, производилась в апреле, но крестьяне часто к весеннему севу не успевали с ней справиться, трава прорастала, её приходилось вычищать скребками. Иногда крестьян задерживали на опалке боров до середины мая. Десятки крестьян от селений отправляли в страдную пору на тушение пожаров. Починка плотин от наводнений и пожаров также производилась в летнее время⁶².

После 1779 г. улучшения положения с выполнением крестьянами заводских работ не произошло. Горное начальство по-прежнему имело дело с фактами невыполнения заводских повинностей значительной частью «скудных» и «малосостоятельных» крестьян. В 20-е гг. XIX в. оно распорядилось отдать бедных крестьян для работы в хозяйствах зажиточных «хотя б в половинщики», выборным старостам наблюдать, чтобы они «наискорее поправились». Но времени на «поправку» обедневшим крестьянам не давалось. Их не освобождали от заводских работ. Пока они обзаведутся скотом, зажиточные крестьяне должны были снаряжать их в рубку дров, перевозку угля, обеспечивать хлебом (до заведения ими «вновь хлебопашества»), топором, лошадьми, одеждой и

обувью, если бедные «у себя не имеют таковых»⁶³. Что касается состоятельных крестьян, то они продолжали прибегать к найму вместо себя в заводские работы, платя в 20-е гг. за перевозку руд 9–50, угля 10–70, рубку дров 12–25 р. за 1 душу работы⁶⁴.

В результате неспособности несостоятельных и малосостоятельных крестьян справиться с повытками в последующие десятилетия недоимки крестьян по заводским работам продолжали расти. По данным С.С. Лукичева, в 1842–1850 гг. среднегодовая задолженность крестьян по заводским повинностям составляла 7762 душевых урока, а за 1851–1858 гг. она выросла до 15501 $\frac{3}{8}$ души по Алтайскому горному округу⁶⁵. Колоссальных размеров достигли недоработки нерчинских крестьян. В 1817 г. за 1803–1814 гг. они составили 963 $\frac{3}{4}$ души работы на сумму в 1638 р. 48 к., за 1815–1816 гг. – соответственно 1867 $\frac{3}{8}$ души работы на 3174 р. 52 $\frac{1}{4}$ к. Недоимки по заводским работам как бы заранее «программировались». По признанию горного начальства Нерчинских заводов, в 40-е гг. XIX в. более 12 тыс. крестьян (малолетних, престарелых, увечных, отданных в рекруты и т.д.) не располагались в заводские работы. Для их выполнения в полном объеме, по мнению заводского начальства, требовалось приписать дополнительно хотя бы 8 тыс. трудоспособных крестьян⁶⁶.

Затраты крестьян на выполнение заводской повинности не исчерпывались отрывом на длительное время из их хозяйства трудоспособного населения приписной деревни или расходом значительных средств на найм вместо себя в заводские работы. Развитие горно-заводского производства в Сибири сопровождалось принуждением к выполнению заводских работ малолетних детей крестьян. Со второй четверти, особенно с середины XVIII в. – первой половины XIX в., эксплуатация детского труда в России получила широкое распространение в текстильной, бумагопрядильной, металлургической промышленности⁶⁷. Попытки привлечения детей приписных крестьян к возке леса на Нерчинские заводы и рудники относятся к 20-м гг. XVIII в. Позднее нерчинские дети возили уголь, на каждых 10 «малолеток» выделяли трех взрослых мужчин, которые помогали первым при спуске возов с углем на крутых дорогах и на разгрузке его⁶⁸.

В 1749 г. Кольвано-Воскресенская заводская контора потребовала от крестьян Чарышской сотни немедленно выслать детей в Кольванский завод для определения «к ремеслам». От имени 10 состоятельных крестьян мирской староста О. Новоселов обратился в октябре этого года к А. Беэру с просьбой освободить их детей от

определения в Колыванский завод, предложив вместо них отдать детей «малотяглых недостаточных» крестьян. Малолетних детей крестьян разных слобод на Новопавловском заводе встретил начальник заводов⁶⁹. По данным В.И. Семевского, в 1769 г. до 500 крестьянских детей горное начальство потребовало из Белоярской, Бийской, Малышевской, Бердской слобод к разбору руд⁷⁰.

В раскладные книги, в которых фиксировался объем заводских работ на следующий год для каждого крестьянина, дети не вносились. Если на работу отправляли малолетних, подвергались наказанию десятники, сотники и даже управители, а также родители высланных на заводы и рудники подростков. С другой стороны, имели место многочисленные факты наказания крестьян за неотправку ими своих детей на работу, расположенную на них, крестьянских детей. «По недостатку» горных служителей на Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводах практиковалось ежегодное привлечение детей в возрасте 10–15 лет к разбору руд. Платили им по 4 к. за день работы. Канцелярия горного начальства в середине июля 1770 г. распорядилась, чтобы работающим на Змеиногорском руднике детям отцы их доставили столько провианта, сколько нужно было до отпуска их домой.

С 1772 г. горное начальство приказало высылать к разбору руд от семьи с тремя сыновьями одного из них, с четырьмя – двух. Если они ранее уже занимались этим делом, приобрели в нем какие-то навыки, им платили 5 к. в день, если нет – 4 к. Не все внесенные в ревизские сказки дети крестьян могли быть высланы на работу. Из 186 детей, учтенных по Бийской земской избе к 1772 г., 10 умерли после проведения ревизии, 15 оказались больными. Несмотря на строгие предписания горного начальства, на 7 мая 1772 г. из тех детей, что были здоровы и еще не отправлены на рудники, явилось всего 3 подростка (10, 11 и 13 лет). Крестьяне всячески оттягивали отправку детей на работу. Горное начальство приказало заковать управителя Пяткова в «ножные железа», жалование ему с 10 мая «доколе те крестьянские дети к разбору руд на Змееве все не явятся... не давать», а отцов, не обеспечивших доставку своих сыновей на рудник, «когда в июне... управитель объезд иметь будет наказывать нещадно».

В течение мая, первой декады июня 1772 г. дело с отправкой подростков на Змеиногорский рудник ничуть не продвинулось. На 8 июня у разбора руд было всего 14 чел. До сведения крестьян довели, что если к 20 числу не будут высланы остальные, работу за

детей будут выполнять их отцы или наемщики, которых предписывалось «употреблять тамо столько дней в работу, сколько от 25 апреля по день явки детей их за огурством время упущено, а потом отпустить в дома», заплатив за день работы по 3 к. В конце концов с большим трудом горное начальство добилось отправки на рудник 23 подростков с их отцами⁷¹.

Весной 1774 г. крестьянин д. Барсуковой Бердского острога Т. Шемонаев попытался отстоять своего сына от отправки на рудник на том основании, что сын у него один. Но его просьбу канцелярия горного начальства сочла совершенно необоснованной. Она сослалась на свой указ от 7 марта этого же года, согласно которому родных братьев, живших в разных домах, полагалось считать одним семейством. Трое братьев Шемонаевых жили раздельно, «раздел учинили без ведома канцелярии горного начальства», каждый из них имел по «малорослому сыну». Несмотря на то, что сыновья двух братьев Т. Шемонаева уже работали на руднике (в этом случае каждый из братьев был признан главой отделившейся семьи в результате признанного незаконным раздела), просителя «за неосновательную просьбу, наведение оною в переписках затруднения и непослушание своей команде» канцелярия горного начальства приказала «наказать батоги», а сына его, если ещё не выслан, выслать в заводские работы⁷².

Ежегодно десятки детей крестьян каждой земской избы снаряжались на работу. В апреле 1776 г. 36 подростков на разбор руды привезли отцы или родственники их из Бийской земской избы⁷³.

В 70-е гг. XVIII в. горное начальство пыталось внести некоторые поправки в оплату труда подростков. Она производилась в зависимости от того, в который раз прибыл подросток на работу. Кто был у разбора руды 2 года и более, получал 6 к., на второй год работы – 5 к., в первый год, как отмечалось выше, – 4 к. в день при выполнении нормы. Тогда же был удлинён срок пребывания подростков на работе – с 1 апреля (до этого они высылались с 26 апреля) до 1 октября⁷⁴.

Манифестом от 21 мая 1779 г. не предусматривалось принуждение крестьянских детей к горно-заводской работе, но практика эксплуатации детского труда сохранилась. Начальник Кольвано-Воскресенских заводов Б.И. Меллер просил у Кабинета разрешения на привлечение к разбору руды солдатских детей, находившихся на обучении в школах Томска и Кузнецка, а также детей отставных, находившихся на своем пропитании. Кабинет просьбу Меллера удовлетворил. В 1781 г. на Змеиногорском руднике работали

574 подростка⁷⁵. При Нерчинских рудниках только по данным за 1789–1797 гг. было занято на работе 3713 подростков. На Алтае после 1779 г. горное начальство попыталось привлекать крестьянских детей у разбора руды за договорную плату по 10 к. за день. Никто из крестьян добровольно не согласился отправить своих детей за 10-копеечную плату⁷⁶. Однако дети крестьян и после 1779 г. и на Алтае, и в районе Нерчинских заводов работали у разбора руды вместе с детьми солдат, поселщиков и отставных. На отдельных рудниках в общей сложности работало до тысячи и более детей⁷⁷.

Некоторых крестьянских детей горное начальство освобождало от работы при условии поставки их родителями провианта. В 1775 г. получили освобождение от заводских работ за поставку провианта 8 бийских крестьян и члены их семей, в том числе и малолетние дети⁷⁸. В 1802 г. крестьянин д. Алексеевой Я. Попов просил горное начальство отпустить навсегда домой его 13-летнего сына, который не первый год занимался разбором руды, живя дома только зимой. Просьба крестьянина была удовлетворена при условии поставки им ежегодно по 100 пудов муки в Зырянский рудник⁷⁹.

Некоторые крестьяне старались избавить своих детей от непосильного труда путем найма вместо них. В 1772 г. за В. Оксенова работал сын отставного драгуна А. Стракотин, за И. Кречетова и Н. Тумашева, И. Мартынова, Н. Попова работали тоже наемщики. В мае 1779 г. крестьянин д. Карповой Красноярской земской избы нанял самовольно вместо своего сына Василия к разбору руды сына отставного казака А. Пичугина Терентия за 12 р., отвез его в Змеиногорский рудник «и по отвозе велел ему Пичугину отметитья и работать до положенного времени именем сына своего Василия». Узнав об этом, канцелярия горного начальства приказала крестьянину Шестакова «за самовольный вместо сына наем и за подлог что он наемщику при руднике велел писать именем сына своего, наказать батоги, чтоб ему впредь и другим на то смотря такого подлогу чинить было неповадно и по ряде деньги 12 рублей, если не отданы, отдавать не велеть, а буде уже отданы, то ему возвратно взять, а сына его, назначенного к разбору руд немедленно в Змеиногорскую контору выслать, которой оного приняв, определить в работу, а наемщика отпустить в дом»⁸⁰.

На протяжении первой половины XIX в. эксплуатация детского труда в горно-заводском производстве Сибири не только сохранилась, она осуществлялась в значительно больших размерах. Это было вызвано тем, что в результате хищнического использования ме-

сторожений руда обеднела, её добыча возросла, осложнилась сортировка, увеличилось расстояние от новых рудников до поселков. Ежегодно сотни крестьянских детей работали у разбора руд на Петровском заводе в Нерчинском горном округе. В 1807, 1808, 1810, 1811 гг. на его рудниках занимались разбором руд соответственно 855, 110, 968, 1011 «малолеток» 10–15 лет⁸¹.

В 20-е гг. XIX в. 15 и даже 14-летние подростки стали зачисляться в «годные» работники, а «малолеты» младше их продолжали принуждаться к разбору руд. Ещё в 50-е гг. Т.И. Агапова, установив, что в 1837 г. им было занято 3865 «малолетов», пришла к выводу о том, что крестьянские дети стали привлекаться на заводские работы у разбора руды с 30-х гг. XIX в.⁸² Однако это произошло на много десятилетий раньше. Фактически с самого начала существования кабинетского хозяйства наряду с взрослым населением приписной деревни подростки стали объектом эксплуатации в горно-заводском производстве.

Крестьяне с раннего возраста привлекали своих детей к посильному труду по хозяйству⁸³. Отвлечение их на длительное время на рудники в период сельскохозяйственных работ не могло не сказаться на развитии сельского хозяйства. Родителям приходилось доставлять сыновей к месту работы, снабжать их продуктами питания на все время пребывания на работе, тратить деньги на наем вместо них. Все это увеличивало расходы крестьянской семьи на выполнение членами её заводских работ.

При тех баснословных прибылях, которые получал за счет эксплуатации принудительного труда мастеровых, приписных крестьян и их детей владелец Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, управлявший ими Кабинет четко придерживался принципа «дешевее» во всем, что касалось затрат, связанных с оплатой ли труда непосредственных производителей на заводах и рудниках, с обеспечением ли их орудиями труда, средствами перевозок угля, руды для заводов.

Крестьяне, занятые на заводских работах, нередко получали увечья, травмы, даже со смертельным исходом, в результате чего крестьянская семья несла невосполнимую утрату. В глазах горного начальства крестьяне были лишь объектом нещадной эксплуатации, что особенно ярко проявлялось при выполнении ими заводских работ. Причиной довольно распространенного травматизма крестьян во время пребывания их на заводских работах являлись несоблюдение заводским начальством элементарных норм техники безопасно-

сти, отсутствие медицинской помощи. За увечья и травмы, полученные крестьянами на заводах и рудниках, никто не нес никакой ответственности.

В 1748 г. умерли, будучи в горной пешей работе, бердские крестьяне Ф. Востров, Ф. Дягилев, Ф. Козлов (последний работал по найму), А. Басманов, чаусские крестьяне В. Шандуров, П. Щещуков (тоже работал по найму). В 1764 г. был отпущен с работы пробывший на ней всего два дня С. Гынгазов, который, по свидетельству заводской администрации, был «нелегко поврежден... во время упавшего кирпичного сарая». Компенсацией за тяжелое увечье С. Гынгазова стали 33 дня, зачтенные ему как проведенные на работе. В 1768 г. получил серьезную травму крестьянин В. Шестаков («при строении плавильной фабрики»). В 1770 г. во время пребывания в Змеиногорском руднике перешибло ногу крестьянину д. Ануйской Бийской земской избы Т. Попову, от чего он вскоре умер. После его смерти остались жена с 13-летним сыном и четырьмя дочерьми (10, 6, 5 и 2 лет). В 1777 г. с неё требовали подушные за сына, мужа и второго сына, умершего ещё 9 лет назад. В ответ на просьбу крестьянской вдовы войти в ее положение мир решил: за одну «умершую душу» подушные собрать с жителей деревни, за другую – взять с вдовы, сына – «положить» в работу, которую должен был «исправить» крестьянин д. Верхней Соколовой, приходившийся ему дядей. В разные годы умерли во время заводских отработок К. Епонешников, П. Пуцин, П. Рыбников и даже малолетний Я. Бобин. Приехавший в 1789 г. в Змеиногорский рудник «для погребки и отвозу на заводы руд» крестьянин д. Локтевой Л. Просеков заболел и умер, не доехав до дому⁸⁴. Во время выполнения заводской работы, «без чувств» был доставлен в лазарет Локтевского завода Н. Жилин, где и скончался (1826 г.); будучи «в рубке дров», заболел и умер в сентябре 1830 г. «от давления сердца» А. Малеев. И. Тюкавин умер в пути следования с углем из курени на Змеиногорский рудник⁸⁵. Не единичными были случаи заболевания и смерти крестьянских детей во время работы⁸⁶.

Крестьянам, получившим травмы или заболевания во время пребывания на заводских работах, практически не оказывалось никакой помощи. В районе Колывано-Воскресенских заводов в 40-х гг. XVIII в. был всего один лекарь, которого начальник заводов держал при Барнаульском заводе, где сам жил. Секретарь канцелярии горного начальства В. Щербаков, бывший в больших неладах с А. Беэром, не грешил против истины, когда летом 1749 г. писал в своем доно-

шении в Кабинет: «Обращающихся крестьян в горных и заводских работах по немалому числу из которых несколько и померло при работах, а ежели б лекарь и те Кольванские заводы и рудники почаству посещал, то может быть некоторой бы мог и способ чинить», если бы «на тех крестьян употребил медикаментов, и оные б могли они миром и заработать заводскою работою». За полгода пребывания в Барнаульском заводе в 1749 г. лекарь Цедер Копф, по свидетельству В. Щербакова, всего один раз выезжал из Барнаула, и то к больному родственнику начальника заводов, инженерному ученику В. Беэру. Ещё один раз лекарь две недели ездил вместе с А. Беэром, когда тот осматривал заводы. Находившиеся при Копфе два ученика «более на ево лекаря всякую работу выполняли» (возили землю в огород, косили сено и т.д.), «нежели лекарским наукам обучались»⁸⁷.

А. Беэр по поводу доношения Щербакова не нашел ничего лучшего, как написать в объяснении причин смертельных исходов травм, получаемых крестьянами на заводах и рудниках: «Не сыскать лекаря, который бы мог от смерти вылечить, ибо от смерти избавительная трава не выросла»⁸⁸.

Во время эпидемии летом 1750 г., когда от страшной засухи «хлеб посох» на корню, начался массовый падеж скота, моровое поветрие перекинулось на жителей деревень и заводских поселков. Из пришлых, незадолго до этого поселенных при Кольвано-Воскресенских заводах, умерло более 100 чел. («мужеска и женска полу и малых детей»). Сообщая об этом Кабинету, Беэр заключал: «Так несчастливо нынешнее лето болезнями, что... народу наполовину больных и поные многие ещё лежат... Что же впредь соизволит бог неизвестно»⁸⁹.

В последующие десятилетия из заводских контор в канцелярию горного начальства время от времени поступали сообщения о том, что во время заводских работ тот или иной крестьянин «волею божею помер», «умре». Не говоря уже о крестьянах, Кабинет не проявлял никакой заботы о здоровье мастеровых, с которых постоянно высчитывалось по 1–2 к. с рубля получаемого ими жалования на медикаменты. Когда в 1780 г. Б.И. Меллер внес предложения по улучшению медицинского обслуживания в госпиталях при Кольвано-Воскресенских заводах, где срочно надо было построить новые помещения для них, Кабинет ответил: «...построение пространных и выгодных больниц есть бесспорно дело весьма нужное». «Но ввиду того, что «годной (лес. – А.Ж.) к строению там не в дешевую цену обходится, то не лучше ли исподволь, то есть не в один год, но в не-

скольких годах построить больницы каменные, избрав к тому положение мест удобное и окруженное всегда чистым воздухом». Кабинет просил Меллера сообщить, «во что таковое каменное строение обойтятся может», насколько выгоднее будет содержание каменных больниц по сравнению с деревянными, и, кроме того, нельзя ли организовать изготовление хотя бы части медикаментов силами лекаря и подмастерья, «ибо есть лекарства дорогие, которые однако ж в врачевании имеют равное действие с теми, коих состав лехче, простее, потому и дешевле»⁹⁰.

Вопрос о лечении крестьян в лазаретах возникал в редких случаях после получения ими травм на заводской работе⁹¹. Крестьянин Стретинской волости Н. Кожин, пробыв в Нерчинском госпитале с 13 декабря 1821 г. по 6 января 1822 г., должен был заплатить 2 р. 26 к. за питание и 17 р. 38½ к. за медикаменты⁹². В 1849 г. по просьбе старшины д. Казаковой Ундинской волости «для отнятия ноги» у крестьянина В. Лескова, болевшего уже больше года, был отправлен лекарский ученик, который, осмотрев больного, просил распоряжения о доставке его в Нерчинский госпиталь для операции. Пока вопрос в течение нескольких месяцев решался горной экспедицией, Лесков умер в страшных муках, так и не получив необходимой помощи⁹³. Здоровье непосредственных производителей приписной деревни не входило в круг практических дел управления кабинетским хозяйством в Сибири.

Нужды горно-заводского производства обеспечивались путем жестокой эксплуатации жителей приписной деревни при минимальных затратах со стороны заводов и рудников на создание элементарных условий труда крестьян и их детей.

Затраты крестьян на выполнение заводской работы постоянно превышали её расценки. Особенно это ощущалось крестьянами, когда заводские конторы обеспечивали выполнение отработок наемщиками за тех, кто сам не мог с ними справиться, когда с «нетчика» взysкивалась переплата наемщику. Крестьяне, нанимавшие вместо себя в заводские работы по своей инициативе, переплачивали значительно больше, их затраты на найм в заводские работы нередко в несколько раз превышали оплату заводских работ по существующим расценкам. Диспропорция между действительными затратами крестьян на оплату труда наемщиков и заводскими расценками с течением времени продолжала расти. В случае выполнения самими крестьянами расположенной на них работы расходы их тоже были больше, чем им засчитывалось в подушный оклад или позднее выда-

валось на руки. К сожалению, такой массовый источник, как зачетные ведомости, не отражает действительных затрат крестьян, которые сами отработывали свои «повытки».

В зачетных ведомостях фиксировалось поименно, кто, за сколько душ, за сколько дней, на какую сумму выполнил работу. В особой графе отмечалось: «Против подушного оклада переработали» или «недоработали». По этим ведомостям невозможно выявить реальные затраты крестьян на выполнение ими заводских работ, установить, кто справлялся с отработками своими силами, кто прибегал к найму, сколько денег потратил при этом.

К примеру, в «Зачетной ведомости разных работ Бийской слободы крестьянам за подушный оклад 1768 г.» указано выполненной работы на каждую ревизскую душу на сумму 1 р. 75 к., переработанные «деньги» в размере 1½ к. были выданы на руки.

Те же самые данные содержит другая ведомость по этой слободе о крестьянах, занятых в 1768 г. в пешей работе, с той лишь разницей, что с них взыскали по 3½ к. с души («не доработали»). Более 100 крестьян не выполнили «повытка» в полном объеме, пробыв на работе вместо положенных 35 дней всего по 20, 13–18, 5–6, а некоторые даже от 1 до 3 дней⁹⁴. Судя по этим ведомостям, все крестьяне были заняты на отработках одинаковое число дней, материальные издержки их никем не учитывались и в ведомостях не отражались.

Но даже по этим немногим фактам можно сделать бесспорный вывод о явном несоответствии затрат крестьян при выполнении отработок тому, что им засчитывалось.

К середине XIX в. заводские конторы испытывали по-прежнему большие затруднения в обеспечении заводов сырьем и топливом. «Состоящих в недоработке» крестьян, несмотря на «понуждения их к выполнению каждогодно в свое время», постоянно было много, и к великому своему огорчению горно-заводская администрация осознавала: «Однако деятельного успеху не предвидится»⁹⁵. Для многих крестьян выполнение отработок было не под силу из-за недостатка средств. В Нерчинском горном округе в 1820 г. у 1051 крестьянской семьи было лишь по 1 рабочей лошади, а 605 семей были вообще безлошадными⁹⁶. В южных волостях Алтая в 50-е гг. XIX в. Для обеспечения перевозок руды в Локтевский и Змеевский заводы со Змеиногорского рудника ежегодно требовалось более 75 тыс. человек, живущих «сколь можно ближе» к месту работы. А их было всего 26 тыс. рев. душ. До 50 тыс. крестьян горно-заводская администрация «по необходимости» располагала в «конные» работы из отда-

ленных центральных и северных волостей в нарушение предписаний манифеста 21 мая 1779 г. В пешую работу наряжались безлошадные крестьяне, являвшиеся в лесосеки «с весьма ограниченными продовольственными запасами или даже вовсе без оных», вследствие чего они нередко уходили домой, не выполнив повытка и «без ведения» заводских контор и выборных. В апреле 1841 г. Газимурская заводская контора ставила в известность Горное правление: «в нынешнюю весну в рубке дров по окладу (прошедшего 1840 г. – А.Ж.) выполнили работу весьма малое количество и крестьяне без всякого позволения теперь отлучились в свои дома». Сельские старшины Городищенской волости весной 1843 г. решили за умерших и несостоятельных крестьян собрать деньгами со всех жителей волости в счет невырубленных дров и невывезенной руды по раскладу за 1842 г. В конце 40-х гг., как это практиковалось постоянно, со всех старшин взяли подписки, аналогичные той, что подписал сельский старшина Илья Кабанов из Аргунской волости: «...дал сию подписку ундерместеру Ковригину в том, что обязуюсь выслать шатающихся по неработке разных годов рубкою дров и на нынешней 1849 год... в чем и подписуюсь... в случае послабления обязуюсь отвечать по всей строгости законов»⁹⁷.

Увеличение объема работы, выполнявшейся за «нетчиков» «наемщиками», свидетельствует о возрастании тяжести отработок для тех, кто оказывался не в состоянии с ними справиться и с кого брали деньги, переплаченные «наемщикам».

В тех случаях, когда крестьяне сами нанимали за себя в заводские работы, имея возможность расплачиваться за это довольно крупными суммами денег, есть все основания говорить о замене натуральных отработок денежными и натуральными платежами по инициативе самих крестьян. Увеличение размеров оплаты состоятельными крестьянами «наемщикам» свидетельствует об углублении имущественного неравенства, о дальнейшем развитии товарно-денежных отношений в приписной деревне, что способствовало накоплению в руках «прожиточных» крестьян значительных денежных средств, часть которых они находили возможным тратить на найм вместо себя в заводские работы, чтобы, освободившись от них, больше внимания уделять своему хозяйству.

Попытки горного начальства препятствовать этому очевидны. Они предпринимались в ущерб самому горно-заводскому производству. Накапливавшиеся недоимки по заводским работам по указанию канцелярии горного начальства и горной администрации заводские конторы пытались ликвидировать либо путем высылки на

работу самих «нетчиков», либо путем найма вместо них за невысокую плату. Ни один из этих путей не мог обеспечить ликвидации недоимок крестьян по заводским работам.

Отношение горного начальства к найму крестьянами в заводские работы находилось в явном противоречии с объективным ходом развития приписной деревни. Найм в заводские работы являлся неизбежным следствием материальных возможностей крестьянской семьи или отсутствия их, когда те или иные крестьяне оказывались не в состоянии справиться с выполнением заводских работ и вынуждены были либо сами нанимать вместо себя, либо предоставляли делать это за них заводским конторам, которые взыскивали с них затем «переплату наемщикам».

Попытки горного начальства предотвратить широкое распространение найма крестьян в заводские работы за более высокую по сравнению с заводскими расценками плату были продиктованы стремлением не допустить большой диспропорции между зачетом труда крестьян по плакату и по найму во избежание недовольства крестьян низкими расценками, а также стремлением как можно дольше сохранять их.

Официально манифестом 1779 г. сокращался круг обязанностей крестьян в пользу заводов. Но провозглашенные им сроки отвлечения их на отработки на практике не соблюдались. Заводские и рудничные конторы не придерживались использования труда крестьян только там, где они после 1779 г. должны были работать. Сохранялась практика отбывания крестьянами заводской повинности и в период сельскохозяйственных работ. В значительно больших размерах, чем это делалось ранее, в конце XVIII в. и первой половине XIX в. в кабинетском хозяйстве эксплуатировался детский труд, хотя манифестом это не предусматривалось.

В погоне за высокой прибылью владелец кабинетского хозяйства не щадил ни взрослое трудоспособное население приписной деревни, ни детей крестьян. Манифест 1779 г. был скорректирован с таким расчетом, чтобы не увеличивались расходы на содержание заводов кабинетского хозяйства. На его заводах и рудниках не соблюдались самые элементарные нормы техники безопасности, следствием чего был травматизм, нередко с летальным исходом.

Поставки крестьянами Алтая провианта для заводов и рудников

Организация бесперебойной работы заводов и рудников кабинетского хозяйства в значительной мере зависела и от обеспеченности мастеровых и служащих продуктами питания.

Исследователи уже обратили внимание на то, что жители заводских поселков получали хлеб из двух источников: «из казенных запасов и посредством покупки на вольном рынке». Отмечено, что казенные запасы пополнялись также двумя способами: «по обязательной», установленной заводом цене и посредством покупки заводскими агентами или поставок откупщиками «по вольным ценам»⁹⁸.

Некоторые авторы считают, что с самого начала перехода заводов Демидова в ведение Кабинета закупки провианта у крестьян производились по рыночным ценам или близким к ним, ссылаясь при этом на один из наиболее ранних указов канцелярии горного начальства, которым предписывалось на 1749 г. купить у крестьян для Барнаульского завода ржаной муки или ржи 4 тыс. пудов, крупы 100 пудов, пшеничной муки или пшеницы 1000 пудов «настоящей ценой в приписных к здешним заводам слободах и острогах ныне немедленно»⁹⁹.

Действительно, горное начальство ежегодно обращалось к крестьянам с предложением продать в следующем году провиант «настоящей ценой», под которой есть основания усматривать вольную цену. Горное начальство иногда давало пояснения по поводу вольных цен как цен, по которым крестьяне торговали хлебом между собой. Но при этом крайне важно знать, удавалось ли осуществлять закупки провианта «настоящей ценой».

Для исполнения указа горного начальства о закупке провианта на 1749 г. в слободы и деревни направили геодезии прапорщика П. Старцева. В данной ему инструкции предписывалось в случае отсутствия у крестьян «хлебов молоченых» «...велеть немедленно молотить и смотреть десятникам, чтобы крестьяне на сторону хлеб не продавали». Зимой 1749 г., когда Старцев поехал закупать хлеб, судные избы были заняты сбором крестьянских подвод для перевозки глины. Приказчикам и старостам разрешили тех, кто согласится продать хлеб, освободить «от подвод под глину»¹⁰⁰.

Вскоре Старцев рапортовал горному начальству: «...будучи в Белоярской и едучи до Малышевской по деревням... к покупке... провианта по вольной цене прилежание имел токмо у крестьян ни у одного человека и ни одного пуда ни по какой цене к торгу не ссы-

калось и о цене никакого договору не имеют и отказываются все те якобы хлеба в продаже не имеют»¹⁰¹.

Еще в 1748 г. канцелярия горного начальства запретила крестьянам продавать хлеб «в посторонние места», а также приезжающим из других мест людям. Запрещалось также закупать в приписной деревне пеньку на судовые снасти, необходимую для горных и заводских дел. Меры, направленные на предотвращение утечки хлеба за пределы заводского ведомства, были рассчитаны на то, что крестьяне станут продавать его для заводов и рудников. Но этого не случилось. Кроме Старцева, по деревням ездил еще отправленный секретарем канцелярии горного начальства В. Щербаковым служитель, который за 12 дней сумел купить всего 20 пудов муки. Щербаков сообщил тогда в Кабинет, что за каждый пуд пришлось заплатить по 30 к. «да оной и взять негде», ибо крестьянам оставлено только на сев и пропитание «без излишества из чего тем крестьянам есть не без обиды и по поставке в заводы»¹⁰². Последние строки сообщения можно понять с учетом последовавшего за неудачной попыткой Старцева закупить хлеб у крестьян. Он предложил канцелярии горного начальства провиант «расположить на приписных к заводам крестьян по числу душ с каждой по 2 пуда или по чем придет»¹⁰³. Предложение Старцева горное начальство приняло, и уже в 1749 г. крестьян обязали поставить провиант, о чем и говорится в рапорте Щербакова Кабинету.

Летом 1750 г. вновь предпринимались попытки закупить хлеб у крестьян. Горное начальство выразило надежду на привоз провианта на Колыванский и Барнаульский заводы для продажи его по «вольной» цене. А в декабре этого года в указах судным избам особо подчеркивалось, что «ежели паче чаяния того провианта не сыщется или хотя б... сыщется да просить продавцы будут высокою ценою то в таком случае оного не покупать». Хотя удалось немного хлеба закупить в Томске и Кузнецке, надежд на привоз крестьянами его на заводы не было. Поэтому и на 1750 г. их обязали поставить провиант «по раскладу».

Горное начальство выдало Старцеву ордер, по которому он получил право «наказывать» батожем приказчиков и старост, если они не проявят настойчивости в высылке крестьян с расположенным на них провиантом. Однако и к июлю 1751 г. они не поставили на Колыванский завод за 1749 и 1750 гг. От судных изб потребовали немедленной высылки крестьян, имевших хлеб в наличии, а у кого его не было, «по снятии... насеянного», не позднее октября «без не-

тов неприемля от них никаких отговорок и не отлагая в том никакого времени». К концу октября хлеб от крестьян не поступил. Следует новое распоряжение горного начальства о том, что в случае промедления с провиантскими поставками старосты и выборные «за слабую высылку крестьян» будут наказаны «жестoko на теле и по наказании определены в вечную горную работу»¹⁰⁴.

Не увенчались успехом попытки обеспечить заводы и рудники провиантом путем закупок его у крестьян в 1751–1752 гг. Зимой 1752 г. неоднократно посылавшиеся в деревни нарочные доложили канцелярии горного начальства, что крестьяне «добровольно в продажу не объявляют, а хотя которые и объявляют, но и те просят высокую цену». Исходя из этого было принято решение «ныне за покупкою оного посылать не для чего а поставить расположением на крестьян... неволею по несколько пудов на душу... чтоб оной привозили еду на работу». Это было не что иное, как введение принудительных поставок, объявленных временной мерой «до изыскания других способов... чтоб мастеровых и прочих людей не поморить з голоду».

Объем обязательных поставок для каждой семьи определяли раскладчики, занимавшиеся расположением крестьян в заводские работы. Предусматривалось привлечение к поставкам провианта всех, кто имел посеvy¹⁰⁵.

Норма поставок на предстоящий год определялась из расчета на 1 рев. душу, в зависимости от спроса со стороны заводов и рудников. В 1750 г. с каждой души бердских крестьян взималось по 4,5, в 1756 г. – по 5 пудов; с бийских крестьян в 1752 г. взыскивали по 3 пуда¹⁰⁶. На каждую судную избу заранее определялся общий объем поставок в предстоящем году канцелярией горного начальства, а раскладчики в судной избе решали, кто из крестьян с ними может справиться. Этим и объясняется взимание провианта с крестьян не в одинаковом размере в одном и том же году.

В 1774 г., в очередной раз обосновывая ставшее уже традиционным расположение на крестьян поставок провианта «на душу не более пяти пуд», горное начальство утверждало: «такое невеликое количество по производимому хлебопашеству каждой приготовить и поставить легко может и неотменно должен». При этом оно оговаривало, что не следует слишком строго придерживаться пятипудной нормы на душу, «но располагать столько сколько кто... по точному засвидетельствованию по осмотру управительскому и по уверению раскладчиков поставить может». Земским управителям и раскладчикам вменялось в обязанность держать под контролем наличный в

амбарах крестьян хлеб. Было нормой, когда производился повальный обыск хлеба у крестьян¹⁰⁷.

Как правило, провиант за несколько человек отвозил один крестьянин «целым возом», ему давали хлеб в счет поставки и за него, что вело к возрастанию объема поставок на односельчан возчика.

Горное начальство ежегодно требовало расположения провианта только на крестьян, имевших хлеб. Однако это не соблюдалось. С части крестьян приходилось снимать поставки «за их совершенную скудостью», а расположенный на них провиант взыскивался с раскладчиков¹⁰⁸. За просрочку с поставками провианта крестьян нередко, как и за невыход на заводскую работу, наказывали батогами¹⁰⁹. Несмотря на строгие предупреждения и наказания, горное начальство постоянно сталкивалось с уклонением части крестьян от поставок или неспособностью справляться с ними¹¹⁰.

Другим источником поступления провианта для заводов и рудников было взимание его с крестьян в счет заводских работ. Горное начальство, столкнувшись с невыполнением крестьянами заводских работ, попыталось взять с них «разных припасов за недоработку». В 1748 г. за «недоработку» 1747 г. заводские конторы получили от крестьян муки около 800 пудов, крупы – 23, овса – 45, солода – 15, пеньки – 3, говяжьего сала – 8 пудов. За 1748 г. бердские крестьяне не выжгли 170 куч дров (на сумму в 1100 р.). Требовать выполнения этой работы с них в 1749 г. было совершенно бессмысленным делом. Крестьян обязали доставить за «недоработку» ржаную муку до 15 к. пуд и столько же пудов муки за деньги. Несогласным с данным требованием предстояло в 1749 г. выполнить работу за два года – 1748 и 1749 гг. За подушный оклад в 1749 г. горное начальство согласилось принять взамен заводских работ муку ценой по 10 к., в то время как она «за недовольным хлебородом» на рынке продавалась крестьянами по 25 – 30 к. за пуд¹¹¹.

Уже в 40-е гг. некоторых крестьян за поставки «разных припасов» (пеньки, пеньковых светилен, тележных колес и т.д.) освобождали от заводских работ. В счет подушного оклада 1748 г. 20 бердских крестьян согласились вместо сжения куч за 86 душ поставить провиант. Горное начальство требовало поставок провианта в счет заводских работ по 12 к., «у вольных возчиков» мука тогда покупалась по 14 к. за пуд¹¹². В 1749 г. было объявлено крестьянам об освобождении от заводских работ тех, кто поставит по 30 пудов муки ценой в 10 к. за пуд. Крестьяне же соглашались сдать за 1 душу по 11 пудов, запрашивая за пуд 15 к.

Предложенные крестьянами условия поставок провианта в счет заводских работ за 1749 г. горное начальство не приняло. От работы освободили только обязавшихся поставить за 1 душу 30, а не 11 пудов и по цене в 10, а не 15 к. По Бердской судной избе на таких условиях от заводских работ освободили 79 человек. Однако вскоре обнаружилось, что у части из них нет хлеба не только для поставок в счет заводских работ, но и на собственное пропитание. Эти крестьяне не смогли поставить и «покупной» провиант (такое уже практиковалось), горному начальству пришлось разрешить им поставить хлеб за 1749 г. после снятия нового урожая осенью 1750 г.¹¹³

В последующие годы крестьян также пытались привлечь к поставкам провианта в счет заводских работ. В 1762 г. канцелярия горного начальства пообещала тем, кто «довольно будут иметь хлебопашество и пожелают поставить на потребности в казну по умеренной цене за наличные деньги в ближние заводы по 100, в дальние по 50 пуд с каждой мужеска полу таких за подушный оклад в заводские работы не располагать». Летом 1766 г. крестьянам объявили, что если «охотников» не найдется, то провиант будет располагаться на всех, от работы уже никого не освободят¹¹⁴.

Часть состоятельных крестьян ежегодно пользовалась правом освобождения от заводских работ за поставки провианта. 1500 пудов ржаной муки согласились поставить 25 бердских крестьян на Змеиногогорский рудник в 1765 г. Вместо выполнения работ сдавал провиант в 60-е гг. бердский крестьянин И. Пьянков. Братья Гилевы из д. Локтевой Бийской земской избы в 1766 г. сдали хлеб за 4 души. В 1767 г. Гилевых могли не устроить условия замены горным начальством заводских работ поставкой провианта. Их не оказалось в числе крестьян, освобожденных от заводских работ, хотя они были самыми состоятельными крестьянами д. Локтевой. Гилевы могли предпочесть продать имевшийся у них хлеб где-то на стороне, а в заводскую работу найти «наемщиков». Крестьяне Бийской земской избы, поставлявшие в 1766 и 1767 гг. провиант в счет подушного оклада в 1768 г., в большинстве своем выполняли заводские работы.

На 1768 г., когда предстояло заготовить муки 42832 пуда, крупы – 1606, овса – 2680 пудов, крестьянам вновь объявили, что если не окажется желающих поставить столько провианта, он будет расположен на них без освобождения от заводских работ¹¹⁵. В 1771 г. жителям заводского ведомства предложили продать заводам хлеб «за выдачу денег», а не в счет заводских работ, ржаную муку по 7, овса по 6, пшеничную муку, солод и крупу по 14 к., рудникам – соответствен-

но по 9,8 и 17 к. за пуд. Желающих продать по этим ценам провиант не нашлось¹¹⁶. Поэтому горное начальство вынуждено было вновь пойти на освобождение части крестьян от заводских работ за поставку провианта. В 1772 г. в счет подушного оклада бийские крестьяне сдали муки 1610, крупы – 427, овса – 1602 пуда. В то же время 13 крестьян были задолжниками по поставкам провианта вместо заводских работ еще за 1770 и 1771 гг. На следующий 1773 г. более чем за 100 душ бийские крестьяне обязались в счет подушного оклада привезти на заводы и рудники ржаной муки 3450, пшеничной – 625, солода – 195 пудов, а также крупы – 142, овса 660 пудов¹¹⁷. В полном объеме заводы и рудники не получили провиант, из-за сильных дождей осенью «рожь изросла в поле в снопах» и части крестьян нечего было везти на заводы¹¹⁸.

В 70-е гг. состоятельные бердские и бийские крестьяне Бессоновы, Захаровы, Гусельниковы, Загайновы, Овчинниковы, Баталовы, Легостаевы и другие, поставлявшие внушительные партии хлеба, освобождались от заводских работ¹¹⁹.

В то же время продолжали сохраняться и принудительные поставки для всех крестьян, поскольку «вместо заводских работ в поставку провианта охотников «всегда было немного», «а в других местах и ни одного человека»¹²⁰. В неурожайном 1775 г. крестьянам пообещали за поставку провианта не только освободить от работы взрослое трудоспособное население, но и малолетних детей от высылки на Змеиногорский рудник к разбору руды. Часть крестьян согласилась привезти провиант, в том числе 14 бердских жителей – привезти за 54 души муки 830 и крупы 351 пуд¹²¹.

Согласно «Росписи о провианте сколько одного на 1777 г. требовано», горно-заводским начальством предусматривалось только поступление провианта путем принудительных поставок крестьянами. В графе «Росписи...» с учетом потребностей всех заводов в провианте «по разметам» главного командира... Ирмана назначено дальше следует: «расположить на Чаусскую и Сосновскую слободы», «на кузнецких», «бердских», «красноярских» и т.д. крестьян. Это свидетельство «Росписи» находится в полном соответствии с тем, что сообщалось канцелярией горного начальства в 1777 г. Кабинету: провиант «располагается кроме отдаленных Томского уезда и Каинского форпоста на всех приписных крестьян по небольшому числу... оной поставляют в учрежденные времена... несмотря на крестьянские отговорки и вымыслы якобы о неурожае хлеба или вызябе одного, также не чиня по их пустым просьбам представлени-

ев». Тогда же горное начальство сообщало Кабинету, что в 1776 г. ржаная мука и овес в заводском ведомстве продавались по цене 13–16 и 12–13 к., «следовательно положенной в выдачу крестьянам цены дорожее мука от 2 до 5 к., крупа от 1 до 5 к., овес 2-мя копейками». По свидетельству горного начальства, мука тогда продавалась по вольной цене от 16 до 33 к. за пуд., а «из казны за оную плата производилась по 12 к., следовательно торговая цена также превосходит». В крестьянских селениях рыночная цена в 1775–1777 гг. доходила до 30 к. и более за пуд ржаной муки, что «тож превосходит положенную канцелярею цену». Сообщая Кабинету, что поставку провианта «крестьяне почитают себе... за немалую тягость, что есть и праведно», горное начальство фиксировало то, что было на самом деле¹²².

Таким образом, принудительные поставки, введенные как временная мера, растянулись на многие десятилетия.

Общеизвестно, что манифестом от 21 мая 1779 г. принудительные поставки крестьянами провианта и фуража для заводов и рудников официально отменялись. Канцелярия горного начальства указ об отмене поставок провианта «по расположению заводского ведения крестьянам» издала через три с лишним месяца после опубликования манифеста. Только 30 августа крестьяне, еще не сдавшие провиант за 1779 г., освобождались от поставок. Заводские конторы отныне должны были обеспечивать мастеровых и служащих хлебом, лошадей – фуражом за счет закупок у крестьян «по тем ценам какие где продажные состоят или с торгу с ними». Но закупка провианта у тех, «кто добровольно привезет и по привозе к сдаче объявит», оканчивалась делом исключительной трудности.

В канцелярию горного начальства сразу же стали поступать неутешительные вести от заводских и рудничных контор о том, что «провианта «в привозе почти не бывает»¹²³.

Уже осенью 1779 г. горное начальство попыталось прибегнуть к более надежному, на его взгляд, способу снабжения заводов и рудников провиантом и фуражом. С этого времени в крестьянские селения стали направляться от заводов и рудников чиновники, которые занимались заключением договоров с крестьянами на поставку ими хлебных излишков по «договорной цене». К концу 1779 г. они сумели договориться с 1589 крестьянами о поставке ими более 18 тыс. пудов провианта и фуража. На первую половину 1780 г. крестьяне Алтая согласились привезти более 65 тыс. пудов. Однако когда дело дошло до выполнения крестьянских обязательств, начались страшные сбои в поставках провианта. Значительной частью крестьян взя-

тые ими обязательства не выполнялись. В частности, не позднее июля 1780 г. на Змеиногорский рудник собирался доставить из д. Пустынской Белоярской слободы 500 пудов муки А. Жуков, но даже к концу года привез всего 40 пудов. 15 бийских крестьян на 18 февраля 1782 г. не довели за 1780–1781 гг. более тысячи пудов муки и 170 пудов крупы. В 1783 г. не поставленного по обязательствам крестьян провианта числилось уже около 80 тыс. пудов. «За неурожаем» не было надежды ни на новые закупки, ни на поставки по прежним обязательствам. Со значительной части крестьян провиант взыскивался позднее на протяжении многих лет¹²⁴.

В 1783 г. потребность заводов и рудников в провианте и фураже была частично удовлетворена закупкой зерна 39665, муки – 22935, крупы – 32, овса – 1636 пудов в Красноярском уезде, где нередко и раньше закупался хлеб для заводского ведомства. В связи с очередным неурожаем начальник заводов Б.И. Меллер извещал Кабинет о своем решении закупить в Красноярском же уезде на 1784 г. «полугодовую пропорцию». Кроме Красноярского уезда, в голодные годы провиант заготавливался миссионерами заводского ведомства в Тобольской, Пермской и Енисейской губерниях. В то же время из заводского ведомства при хорошем сборе хлеба он вывозился в указанные районы и на военные линии¹²⁵.

В каждый последующий год земские избы, а затем волостные правления продолжали предпринимать безуспешные попытки высылки крестьян с непоставленным ими по обязательствам за прошлые годы провиантом. Получается огромный список этих крестьян. Власти не знали о местонахождении одних, другие крестьяне оказывались на месте, но хлеба «в наличности» не имели, третьи находились в заводских работах, четвертые переехали на другие места жительства, и к ним надо было отправлять нарочных, если было известно, куда они переехали, пятые, оказывалось, уже давно были взяты в рекруты и т.д. С какой-то части крестьян удавалось задним числом получить хлеб или взыскать с процентами выданные наперед «половинные» деньги. На каждый новый год крестьянам вновь выдавались «половинные» деньги, они брали новые обязательства. Но наступали сроки поставок, и все повторялось сначала.

Земские избы и волостные правления занимались розыском крестьян, не справившихся с поставками провианта по своим обязательствам. Снова издавались указы со строгим требованием к земским избам «оных к скорейшей поставке понудить неослабно несмотря ни на какие их отговорки и не давая им в селениях проживать», и вновь

оказывалось, что не только не было возможности выслать крестьян с провиантом, но даже высчитать выданные им деньги. Часто просто не могли найти того или иного крестьянина. При повторении из года в год, из десятилетия в десятилетие все это означало, что практически горное начальство путем принуждения крестьян в новой форме, как и прежде, не могло обеспечить заводы и рудники провиантом и фуражом в необходимом объеме. В конце XVIII в. с части крестьян пытались получить провиант по обязательствам, взятым ими еще в начале 80-х гг.¹²⁶

Проходили годы, и вновь издавались указы канцелярии горного начальства, и вновь в «последний раз» с требованием к управителям взыскать с крестьян либо провиант, либо выданные им в задаток деньги. На основании одного из таких очередных указов канцелярии управитель Жеребцов предписывал (и тоже «в последний раз»!) Белоярскому волостному правлению отрядить волостного голову для взыскания «при усердном старании» с 1794 по 1814 г. выданные в задаток деньги, в случае несостоятельности должников – с их поручителей¹²⁷.

Нарушение срока поставок по обязательствам влекло за собой оплату его в размере значительно ниже договорной цены. Типичный случай произошел с жителем д. Верхмилтыюшской Бердской волости И. Овчинниковым. В 1794 г. он подрядился доставить в Сузунский завод 100 пудов муки (по 45 к. за пуд), получил «половинных» денег 22 р. 50 к. Выполнение И. Овчинниковым взятого обязательства перед заводской конторой затянулось на несколько лет. Только в августе 1799 г. в два приема он поставил муку, оплаченную по 30 к. за пуд. Кроме того, с него вычли еще проценты (5 р. 23 ½ к.) за просрочку в поставке провианта. В итоге вместо ожидаемых 45 р. И. Овчинников получил всего 24 р. 76 ¾ к.¹²⁸

Задолженность по поставкам у части крестьян возникала вследствие неурожайных лет, когда им самим приходилось питаться кореньями. В 1810–1812 гг. посевы крестьян многих волостей сильно пострадали от «сухой весны и великих ветров», ранних заморозков, а затем – проливных дождей. В эти годы заметно сократился подвоз муки на заводы, хотя в амбарах состоятельных крестьян имелись ее значительные запасы. Во время «освидетельствования» амбаров жителей Бердской волости в марте 1812 г. у О. Просекова, Т. Гуляева, Андрея и Григория Рублевых, Ф. Веснина оказалось по 200, Т. Гуляева – 250, И. Волхина – 300, С. Гуселетова – 400, Л. Поклонова – 500 пудов муки.

В декабре этого же года начальник заводов распорядился об отправке управителями крестьян, имеющих «в хлебе избыток», в Барнаул «на вольную продажу». Амбары тех, кто не захочет продать излишки комиссионерам или привезти в Барнаул, старшины должны были опечатать и «за оными не только ежедневно, но и ежечасно иметь смотрение и не давать воли хозяину входить в оные и хлеб без позволения выгребать»¹²⁹. В декабре 1814 г. по требованию унтершихтмейстера Казанцева, занимавшегося скупкой провианта для Сузунского завода, управитель Шпиноль предписал Бердскому волостному правлению воспретить зажиточным крестьянам, имеющим «достаток на перекупку между собою провиант и овес», вывозить в другие места «для своего корыстолюбия», а также приезжающих из разных мест «за покупкою оного накрепко удерживать и не допускать»¹³⁰.

Прошло несколько лет, и оказалось, что с 1815 по 1818 г. не взято было с «непоставщиков» провианта 2268 р., с 1818 по 1820 г. включительно крестьяне по подрядам не поставили 86 тыс. пудов хлеба. К исходу 1821 г. за предыдущий год к оговоренным самими крестьянами срокам «в непоставке» было более 200 тыс. пудов хлеба¹³¹.

На начало марта 1827 г. задолженность крестьян по подрядам и договорам составила за 1823 г. – 7391, 1824 г. – 17097, 1825 г. – 19439, 1826 г. – 243475 пудов. Горное начальство негодовало по поводу того, что «ныне же хотя поставка оного (провианта. – А.Ж.) и производится продавцами, но большею частию по подряду на 1826 год», по прежним же подрядам за 1823–1825 гг. «поставляют весьма мало или почти и совсем не поставляют». Указом от 4 марта 1827 г. канцелярия горного начальства обязала земских управителей и волостные правления немедленно выслать всех «непоставщиков» в заводские конторы с провиантом, предупредив при этом, что в противном случае управители «будут за неисполнение подвергаться штрафованию»¹³². Тогда же командированные в волости унтер-офицеры, имея на руках списки подрядчиков на 1824–1827 гг., получили приказ объехать все деревни и выслать «непоставщиков провианта».

К следующему, 1828 г., не произошло сокращения объема непоставленного крестьянами провианта, напротив, он заметно возрос, составив уже более 400 тыс. пудов. В одном из указов (от 22 сентября 1833 г.) горное начальство, пытавшееся выколотить с крестьян более 35 тыс. пудов провианта еще за 1830 и 1831 гг., откровенно признавалось, что ему уже надоело иметь дело с «непоставщиками»¹³³. В крестьянские селения регулярно посылались унтер-офицеры с солдатами «за понуждением непоставщиков», в числе

которых нередко были крестьяне, не имевшие хлеба для расчета по обязательствам. Некоторые крестьяне просто уклонялись от поставок, несмотря на то, что обязательства брали добровольно¹³⁴.

Таким образом, один из способов обеспечения заводов и рудников провиантом и фуражом заключался в том, что чиновник, как представитель заводской администрации, договаривался с крестьянами о поставках, а горно-заводские власти стремились обеспечить поставку провианта крестьянами по их обязательствам, опираясь на весь аппарат управления приписной деревней и на воинские силы заводского ведомства. Поставки по договору фактически свелись к принудительным поставкам по принудительным ценам, на деле получился возврат к старому в новой форме. Широко использовалась горно-заводским начальством система поручительства, как один из способов принуждения крестьян к обеспечению поставок в необходимом объеме. В этом отношении весьма показательно прошение крестьянина д. Пещаной Бийской волости П. Поклонова в волостное правление, с которым он обратился в апреле 1803 г. Поклонов в 1796 г. поручился «по крестьянине Петре Шевелеве», когда тот подрядился поставить в Локтевский завод 50 пудов ржаной муки. Шевелев «неоднократно из дому своего муку в тамошнее место увозил, но куда она принадлежала, не отдавал, а продавал повольно желающим людям». Поклонов уже объявлял об этом старшине деревни «с тем, чтобы к поставке тех пятьдесят пуд муки Петра Шевелева принудить», а его самого просил «на будущее время ежели Шевелев и не выставит хлеб не тревожить». Реакции на его просьбу никакой не последовало. Он вынужден был снова обратиться в волостное правление в связи с тем, что после смерти Шевелева старшина «с обществом» принуждали его, Поклонова, как поручителя умершего «тот подрядной хлеб выставить», от чего он просил избавить его.

Поклонов был поручителем еще за односельчанина О. Казанцева, который не довез по своему обязательству в Кольванский завод 27 пудов муки. Казанцев, как и Шевелев, увозил из дому хлеб, но не на завод, а «продавал его повольно». Обеспокоенный Поклонов писал: «Сохрани боже, не помер бы как и Шевелев» и просил волостное правление «понудить» самого Казанцева поставить провиант¹³⁵.

Горному начальству и заводским конторам гораздо надежнее было иметь дело с крестьянами, поставлявшими провиант крупными партиями. Бердские крестьяне Андрей и Осип Просековы, поставив в 1791 г. 1200 пудов муки, на следующий год взяли подряд на поставку ее в том же объеме. Они могли и в последующие годы брать

крупные подряды. Удалось установить, что в 1798 г. А. Просеков собирался привезти в Змеиногорский рудник «собственного своего хлеба» муки ржаной до трех тысяч пудов. Он представил данное ему от волостного правления подтверждение, что «при доме его то количество муки имеется». Однако предложенная горным начальством цена по 30 к. за пуд Просекова не устроила. В конце февраля 1798 г. волостное правление поставило в известность канцелярию горного начальства, что за такую цену поставлять муку Просеков не согласен¹³⁶.

Осенью 1801 г. житель Усть-Каменогорской крепости Ф. Снегирев, занимавшийся скупкой хлеба в заводском ведомстве еще с 70-х гг. XVIII в., изъявил желание доставить на Змеиногорский рудник ржаной муки до тысячи пудов по 60 к. за пуд с выдачей ему «наперед половинных денег». В предыдущем году он продал для рудника 1500 пудов муки по 50 к. за пуд. К нему направили берггешворона Пospelова поторговаться о 55-копеечной цене за пуд и выдаче денег один раз после доставки муки¹³⁷.

В конце XVIII в. в заводском ведомстве ржаная мука продавалась на рынке по 65 к. за пуд, пшеничная – по 80 к., овес – по 40 к. Заводские конторы и горное начальство старались таких цен за провиант, закупаемый ими по крупным подрядам, не платить¹³⁸.

Закупщики провианта горным начальством направлялись и за пределы заводского ведомства. В 1784 г. Тобольское губернское правительство запретило крестьянам продавать хлеб для Кольвановоскресенских заводов, в то время как, по свидетельству начальника заводов Б.И. Меллера, из Кольванской губернии увозилось много хлеба «к продовольствию» жителей Томска и на винокуренные заводы М. Походяшина¹³⁹.

С учетом сложившейся ситуации в снабжении заводов и рудников провиантом и фуражом после 1779 г., когда с помощью подрядной системы и поставок крестьянами провианта по договору, не удавалось приобретать его в необходимом объеме, горное начальство не рискнуло отказаться от расположения на крестьян принудительных поставок в прежнем виде. В конце XVIII в. в расчете на 1 рев. душу они составляли от 3 до 5 пудов, в начале XIX в. – 5 пудов, в 50-е гг. XIX в. – 6–7 пудов¹⁴⁰. Как и до 1779 г., не все крестьяне даже в таком объеме с поставками справлялись¹⁴¹.

В кабинетском хозяйстве существовали объективные условия для развития хлебной торговли. Они определялись спросом, представлявшимся со стороны заводов и рудников и потребностями крестьян в деньгах для уплаты подати и других нужд. Часть крестьян

была вынуждена продавать хлеб, у других имелись излишки его. Жители приписной деревни предпочитали продавать хлеб не для заводов и рудников. Они были заинтересованы в реализации его на более выгодных условиях, получить за него больше денег, чем давали заводские и рудничные конторы.

По ценам выше тех, что устанавливало горное начальство, у приписных крестьян покупали хлеб военные команды. Но продавать его для линейных войск было трудно из-за запретов горного начальства. Оно разрешало крестьянам вести хлеб на линии только после того, как они поставят на заводы и рудники, и еще при условии, что не будут просить за него высокие цены¹⁴².

Линейные войска ежегодно предъявляли большой спрос на хлеб. Однако в результате того, что для заводов и рудников редко удавалось приобрести хлеб в нужном объеме, горное начальство не разрешало заниматься его продажей, хотя оно неоднократно издавало указы (от 23 сентября 1749 г., 16 ноября 1756 г., 20 ноября 1758 г., 16 октября 1759 г.), в которых объявлялось, что крестьянам не будет «чиниться никакое препятствие» в продаже ими хлеба для линейных войск и в «партикулярной продаже». Для реализации этого права торговать хлебом ставилось одно-единственное условие: если крестьяне «волею своею будут возить на продажу в заводы и рудники».

В начале 1761 г. жители Нарыма и Кетска просили горное начальство разрешить купцам этих городов закупить в Чаусском остроге и прилегающих к нему деревнях до 40 тыс. пудов хлеба, необходимого «для продовольствия тамошнего народа». Канцелярия горного начальства ответила отказом, мотивируя его «недородом 1760 г. во всем заводском ведомстве в хлебе и за умножением при заводах и рудниках... служащих и прочих не имеющих пашни и присланных на поселение людей». От крестьян заводского ведомства канцелярия горного начальства потребовала «умножения хлебопашества», предупредив тех, которые от домов и в произведении хлебопашества рачить и оного иметь не будут, то без всякой очереди взятые будут в горную заводскую работу, а народу имеют быть зачтены в число рекрутских наборов»¹⁴³.

Поэтому не случайно, когда в декабре 1763 г. прапорщик Раздуваев ездил в заводское ведомство закупать хлеб для военной линии, он нашел крестьян в деревнях ведения Бийской земской избы, которые «охотно желали продать, но смелости не возымели, боясь запрещения не продавать»¹⁴⁴.

Условия продажи хлеба на линии для крестьян были более выгодными, поэтому они рисковали переступить через запреты горного начальства, хотя, когда об этом узнавали, у них отбирали хлеб без всякой платы за него, а самих их подвергали телесному наказанию¹⁴⁵.

Несмотря на заверения земских изб о том, что крестьяне провиант возят только на заводы и рудники, горному начальству было известно о продаже ими «осталого от прошлых лет хлеба... в посторонние другого ведомства места... приезжающим разного звания людям»¹⁴⁶.

Определенный при Касмалинской заставе поверенный Т. Попов зимой 1754 г. доносил в канцелярию горного начальства о проезде купцов и всякого чина людей «с товары и хлебными и прочими припасы... в Семипалатинскую крепость и в другие места окольными дорогами». «Крестьяне при заставе и поблизости от нее продают и меняют лошадей, рогатый скот, торгуют между собой всякими припасы и продают посторонним людям, а добровольно сами не объявляют», – сообщал Т. Попов.

Время от времени горным начальством выявлялись факты тайного вывоза крестьянами хлеба из заводского ведомства для продажи его в крепостях. В 1753 г. ездили в Ямышевскую крепость «для продажи... своей пахоты хлеба и покупки про свой домовый обиход овчин и шуб» крестьяне Чаусского острога, д. Луговой, Малышевской слободы д. Соколовой. В 1757 г. житель д. Костылевой К. Корнилов «без письменного вида» ездил с хлебом в Семипалатинскую крепость, как делал и в предыдущие годы.

Иногда становилось известно о продаже хлеба внутри заводского ведомства, но не для нужд заводов и рудников. В 1755 г. допрошенный в канцелярии горного начальства крестьянин д. Тырышкиной Я. Казанцев признался в том, что взял у приезжавшего в деревню бухарца Шахназарова 45 овец, 14 коз, 3 коровы, 3 быков, соболя, поросенка, дав ему за это около 30 аршин ткани, 40 пудов пшеничной муки, 20 пудов крупы. Шахназарову показалось, что Казанцев не додал ему товаров на 158 р. Он пожаловался на обидчика в Сибирскую губернскую канцелярию, которая обо всем сообщила в канцелярию горного начальства¹⁴⁷.

Летом 1753 г. из д. Хлопуновой Бердского острога крестьянин Хлопунов на шести лошадях отвез и продал хлеб в Семипалатинской крепости, куда он приезжал продавать хлеб и в прежние годы¹⁴⁸. Осенью у 217 крестьян заводского ведомства взяли подписку о том, что они будут возить хлеб на продажу только на заводы и рудники¹⁴⁹.

7 марта 1764 г. канцелярия горного начальства издала указ с требованием к земским избам объявить всем крестьянам, «чтобы скупщикам и перекупщикам и в отвоз в другие места провианта и других вещей, нужных заводам, ни под каким вымыслом и видом ни за какую цену отнюдь не продавали под опасением жестокого наказания»¹⁵⁰. Тогда в канцелярии горного начальства разбиралось дело о «непорядочной покупке в заводском ведомстве провианта для военных линий адъютантом Павлуцким». Сам он хлеб у крестьян не покупал, а договаривался со скупщиками, которым заплатил по 23 к. за поставленную ими муку. Каждый из скупщиков дал Павлуцкому взятку по 1 к. с пуда за допуск к подряду.

По приказу горного начальства земские управители, разыскав скупщиков, направили их в канцелярию, где их «с пристрастием» допросили. Скупщиками оказались крестьяне Чаусского острога К. Барышев, В. Плешков, И. Кусов, Сосновского острога братья Карташовы, Прошин, бердские крестьяне К. Щербаков и П. Кошкарлов, крестьянин ведения Барнаульской земской избы К. Токарев. В ходе расследования было установлено, что скупщики ссужали нуждавшихся в деньгах для уплаты податей крестьян, которые поставляли им после снятия урожая муку по 9 к. за пуд. От перепродажи таким образом приобретенной муки скупщики получали по 10–13 к. дохода с каждого пуда. Они скупали хлеб не только в отдаленных от заводов местах, но и в Бердской, Мальшевской, Белоярской слободах, переплачивая крестьянам по сравнению с рыночной ценой.

Факты продажи провианта на линии были массовым явлением, но отразились они лишь в отдельных документах, поскольку продажа была запрещенной. Она фиксировалась в тех случаях, когда о ней становилось известно горному начальству.

По делу, о котором шла речь выше, 25 июня 1764 г. канцелярия горного начальства издала указ о запрещении закупки провианта для войск в заводском ведомстве. Земским избам было приказано в Белоярской, Мальшевской, Бердской, Сосновской, Бачатской слободах, Бийской крепости «никаких посторонних команд к покупке провианта не допускать». Крестьянам объявили, что только в городах Кузнецке и Томске с подгородними деревнями Томского уезда, в Чаусском остроге с деревнями и в Каинском форпосте «сколько у кого по раскладам за поставкою на заводы на вольную продажу сыскаться может не запрещать продавать на линиях». Скупщиков, продавших Павлуцкому провиант собственного производства и скуп-

ленный у крестьян в заводском ведомстве, по приказу канцелярии наказали плетью¹⁵¹.

В начале 1772 г. канцелярия горного начальства выражала беспокойство в связи с тем, что «не токмо в вольную продажу», но даже в счет заводских работ «в поставке охотников почти нет». В то же время ей стало известно, что приписные крестьяне в «запрещенных слободах и деревнях продают потаенно посторонним людям», а они «якобы под видом для своей надобности подряжаясь ставят подрядчикам провиантским приказчикам купцов Шевыриных»¹⁵². Беспокойло горное начальство и то, что продолжалась «потаенная продажа» хлеба для линий.

По приказу канцелярии горного начальства при Змеиногорском руднике, Усть-Корбалихинской, Новоалейской деревнях, а также на всех проездах к военной линии были учреждены «весьма надежные заставы и непрерывные разъезды», которые «отнюдь никакого хлеба» на линию не пропускали, а отсылали его с нарочным на рудник. За отобранный хлеб выдавались деньги только крестьянам Чаусской, Сосновской земских изб и г. Томска. У крестьян других земских изб, отваживавшихся, не взирая на запреты, везти хлеб на линии, он отбирался в пользу заводов без какой-либо компенсации, крестьян «за воровскую продажу огурство» наказывали «жестoko плетью»¹⁵³.

Офицеры и солдаты, приставленные к открытому в с. Касмалинском казенному магазину, куда крестьяне, имевшие право продавать хлеб для линий, должны были его свозить, учитывали всех приезжавших «со сдачею в магазин провианта», кто они, сколько привезли. Если крестьяне привозили больше того, что указывалось в выданном им билете, «излишний хлеб» отбирался¹⁵⁴.

Казалось бы, все меры были приняты для предотвращения утечки хлеба за пределы заводского ведомства. Но крестьяне все же находили возможность продавать его на более выгодных для себя условиях¹⁵⁵.

Категорически запретив вывоз хлеба из пределов заводского ведомства, горное начальство разрешило скупку его и других продуктов крестьянского хозяйства для продажи на заводах и рудниках. Крестьянину г. Яренска Архангелогородской губернии Г. Зеленцову было дано разрешение на покупку у крестьян ведения Бийской земской избы до 2 тыс. пудов муки для распродажи ее в Барнаульском заводе. Для сплава хлеба на завод был отведен лес «на дело лотки»¹⁵⁶.

Но полностью исключить скупку хлеба не для заводских нужд горному начальству не удалось. Сержант Бийской крепости Юмаков, имевший предписание следить за тем, чтобы у бийских крестьян не

скупался хлеб подрядчиками для военных линий, в январе 1773 г. доложил канцелярии горного начальства, что у заводских крестьян скупает его С. Маслов, по просьбе которого продавцы провианта привозят его по ночам и «за тем поимки им учинить никак невозможно». И все же Юмаков установил имена некоторых крестьян, продававших хлеб на линию через Маслова. Он «усек» С. Плешкова из д. Соколовой с 6 кулями провианта. С. Гилев из д. Локтевой, по свидетельству сержанта Юмакова, продал скупщику тысячу пудов муки. В числе продавцов хлеба оказался и десятник д. Савиновой Мамаев, которому никак не пристало заниматься продажей его не по назначению горного начальства. Юмакову приказали никого к покупке хлеба в заводском ведомстве, как и прежде, не допускать. Маслову закупку провианта запретить, а крестьян, продавших ему хлеб, сыскать, если у кого где найдется закупленный для линий провиант, отобрать и вместе с ним крестьян прислать в канцелярию¹⁵⁷.

В 1774 г. посадская земская изба г. Барнаула сообщила начальнику заводов А. Ирману, что многие приписные крестьяне приезжают в Барнаул «якоб для удовольствия... служителей в здешней и другие заводы и рудники», на самом деле появляются там лишь «на кратчайшее время не разбираясь... а другие... даже не будучи в помянутых заводах прямо приезжают в села и деревни и разъезжая в оных продают всякие товары». Приезжавшими из других ведомств людьми, по сообщению посадской избы, из горного округа увозилось много скота, сала, кожи и других продуктов крестьянского хозяйства на Ирбитскую ярмарку¹⁵⁸.

В ответ на это сообщение А. Ирман издал указ, которым запрещалось приезжать в заводское ведомство лицам, жившим за его пределами, а крестьянам – продавать им скот, «харчевые припасы», кожу и т.д. Согласно приложенной к указу «Росписи какими в селах и деревнях крестьянам товарами торговать» они могли продавать деревянную и глиняную посуду, орудия сельскохозяйственного производства, холст, веревки, нитки, пряжу, рукавицы, подошвенную кожу, хомуты, ремни, сани, колеса и т.д. Перечень товаров, которыми приписным крестьянам разрешалось свободно торговать, большой, но главные продукты их хозяйства полагалось продавать только для заводов и рудников – хлеб, сало, кожу, масло¹⁵⁹.

Для крестьян же значительно выгоднее было продавать хлеб в Ямышевской, Семипалатинской и других крепостях, чем в заводском ведомстве. Крестьяне, имевшие большие запасы собственного производства или скупавшие его у односельчан, предпочи-

тали не вступать в подряды на поставку хлеба и других продуктов питания для заводов и рудников. Они могли по более высоким ценам реализовать их за пределами заводского ведомства. В «Домовой летописи...» капитана И. Андреева помечено, что в Семипалатинской крепости 9 августа 1793 г. «приезжающие крестьяне с Оби продавали оржаную муку по 50 к. пуд», 24 июня 1796 г. «мука оржаная продавалась на базаре по 85 к. пуд», 27 сентября 1795 г. его дворовыми людьми было куплено 5 пудов ржаной муки по 80 к. и один пуд пшеничной за 1 р. 20 к.¹⁶⁰

Несмотря на запрещение, приписные крестьяне возили хлеб на продажу в крепости, преодолевая при этом расстояние не больше чем при доставке провианта на заводы и рудники. Но в крепостях они получали значительно больше денег, чем за привозимые ими продукты питания для мастеровых и служащих¹⁶¹. Кроме того, вопреки запретам, крестьяне продолжали заниматься закупкой хлеба в заводском ведомстве и перепродавать его не для заводов и рудников. Скупкой хлеба у крестьян занимались и купцы. Весной 1784 г. приказчик томского купца П. Шумилова П. Завьялов скупил 15 тыс. пудов ржаной муки и 400 пудов пшеничной. Шумилов занимался поставкой свинца с Нерчинских на Колывано-Воскресенские заводы, а на Нерчинские отправлял муку¹⁶². До 50 тыс. пудов хлеба, закупаемого в деревнях Ояшинской, Чаусской, Уртамской волостей, ежегодно вывозилось в конце XVIII в. в Нарым, Сургут, Тобольск¹⁶³. В 1796 г. в деревнях Бийской земской избы несколько тысяч пудов зерна скупил для линии крестьянин д. Петропавловской Бурыка. Бийский нижний земской суд приказал земской избе немедленно разыскать Бурыку и запретить ему скупку хлеба в заводском ведомстве. Но оказалось, что кроме него скупкой хлеба занимались и другие скупщики¹⁶⁴.

Барнаульский купец II гильдии А. Федченко капитал нажил на вывозе из заводского ведомства «сельских произведений по немалому количеству» до Екатеринбурга и на Ирбитскую ярмарку. Там он продавал их купцам, имевшим торговые связи с Санкт-Петербургом и «Таганрогскими портами». А. Федченко занимался скупкой у крестьян и коровьего масла, до того времени еще «не составлявшего предмета торговли»¹⁶⁵.

К продукции крестьянского хозяйства приписной деревни постоянно предъявлялся большой спрос как в самом заводском ведомстве, так и за его пределами. Но на пути ее реализации крестьянами на более выгодных условиях существовали серьезные препятствия, чи-

нимые горным начальством. Принуждая крестьян к обязательным поставкам, оно последовательно проводило политику запрещения продажи ими хлеба за пределы территории кабинетского хозяйства и в первой половине XIX в.¹⁶⁶

Политика Кабинета и горного начальства по отношению к крестьянскому хозяйству была подчинена тому, чтобы приписная деревня давала в достаточном количестве продукты питания, сырье, фураж, что было возможно лишь при наличии у крестьян хозяйства, способного обеспечивать не только нужды крестьянской семьи. Пытаясь добиться такого положения, когда каждый крестьянин имел бы в своем хозяйстве производимого им хлеба в количестве, достаточном и для снабжения им заводов и рудников, Кабинет и горное начальство опирались на сельскую администрацию.

С начала 1748 г. десятским вменялось в обязанность следить, чтобы все крестьяне «сверх надлежащего про их домовый обиход в запас и на продажу еще для заводского расхода на каждую душу посеяли всякого хлеба по три четверика», «об огурщиках и ленивцах сообщать прикащикам и старостам»¹⁶⁷. Канцелярия горного начальства проверяла исполнение данного указа судными избами. Отвечая на один из очередных запросов канцелярии, Бийская судная изба в 1755 г. сообщила: «сверх надлежащего про домовый запас и на продажу на каждую душу по три четверика до сего сеено было и ныне то чинится, а у других и в полы (половины. – А.Ж.) того не сеено за тем, что якобы во время хлебопашества весною не сработав своих повытков из работы не отпускают за тем та непашка явилась, а другие за скудостью лошадей»¹⁶⁸.

В ноябре 1756 г. последовал новый указ канцелярии горного начальства с требованием «крестьян накрепко к хлебопашеству принуждать», чтобы они, кроме потребного «на их домовое содержание», сеяли бы «излишно десятины по три». Судным избам предписывалось крестьян «к тому неослабно понуждать», о «нерадивых» в канцелярию рапортовать¹⁶⁹.

Горное начальство не ограничилось приказанием крестьянам, не имевшим посевов или имевшим их в недостаточных размерах (с 1760 г. холостых крестьян обязали сеять по 3 десятины, женатых – по 5), обзаводиться пашней и расширять ее, оно возлагало надежды на состоятельных крестьян. В качестве практической меры предлагалось несостоятельных крестьян освобождать на время от заводских работ, брать с них подушную подать деньгами, а самих их отдать «в крепкое смотрение и понуждение тех или самых ближних

деревень прожиточным крестьянам», которые бы «ленивцев и шатуннов употребляя себе в работу и за то ссужая на семена хлебом к хлебопашеству и постоянному житию накрепко всеми мерами понуждали». Крестьяне деревень ведения Чаусского острога в 1784 г. на вопрос мирского старосты Я. Лебедева «имущие у себя с достатком семенного хлеба давали ль между собою неимущим для посева на ссуду ярового хлеба?» ответили: «Наши братья крестьяне все годные выгнаты в заводские разные работы и тако много что остались у них при домах только одни женские полы а те усланнные крестьяне и поныне (в конце мая. – А.Ж.) в заводских работах обращаются потому и внешней яровой хлеб сеить было некому»¹⁷⁰.

Зажиточные крестьяне должны были заботиться об использовании труда несостоятельных крестьян в своих хозяйствах и обеспечивать их семенами, скотом, содействовать обзаведению их собственным скотом. В неурожайные годы горное начальство выдавало крестьянам семена для посева¹⁷¹.

Крестьян, которые и с помощью «прожиточных» не станут заниматься хлебопашеством, горное начальство предупредило об определении их «вечно в горную работу», что не было только угрозой по отношению к неимущим крестьянам. В кабинетском хозяйстве широко практиковалось определение в вечную горную работу беспосевных крестьян. Уже в 1749 г. в вечные горные работники отдали некоторых крестьян Бердского острога, Чарышской сотни. В 1750 г. из бердских крестьян стал вечным горным работником не справившийся с поставками провианта А. Обоскалов, у которого хлеба в посеве «никакого не было». 30 сентября 1751 г. канцелярия горного начальства в рапорте Кабинету сообщила об определении ею в горные работники 100 крестьян, не имевших «домов и пашен», «в крестьянстве быть по многим обстоятельствам неспособных и непрочных». В последующие годы продолжалось изъятие неимущих крестьян из приписной деревни и превращение их в мастеровых. Те, кому удавалось бежать, скитались в борах, питаясь прихваченным с собой хлебом, древесным соком, грибами, ягодами. Одних находили быстро, наказывали плетью и возвращали на заводы. Вместо тех, кого долго не находили, отдавали других, которые тоже пытались бежать¹⁷².

В 1760 г. канцелярия горного начальства выявила, что недавно приписанные к заводу крестьяне и разночинцы «многие нерадивые к земледельству и домоводству» земскими конторами отпущены «с письмами» для найма у «партикулярных людей в работы», других

отцы отдают в заклад «на немалое время», а они положены в оклад и должны «оной при заводах и рудниках зарабатывать сами и производить хлебопашество дабы не токмо на себя но и на продажу было довольно». Указом от 18 октября этого же года запрещалось без ведома канцелярии горного начальства давать отпускные письма «вновь приписным» крестьянам и «отцам детей своих под заклад отдавать»¹⁷³.

В подворных описях, которые по требованию горного начальства земские управители стали составлять с 1772 г., постоянно встречаются фамилии крестьян, не имевших посевов. Несмотря на наказание крестьян батогами «за непорядочное убрание хлеба», штрафы с управителей «за несмотрение» за тем, как крестьяне занимаются земледелием, добиться наличия посевов у всех крестьян мерами принуждения горное начальство не могло. Не помогало и устрашение отдачей в вечные горные работники «прожиточных» крестьян в случае «слабого смотра» ими за определенными к ним неимущими крестьянами¹⁷⁴.

В начале XIX в. горное начальство пошло на расширение «штата» сельской администрации. С 1813 г. в приписной деревне стали избираться из крестьян смотрители и смотрительницы в помощь к имевшимся крестьянским выборным для большего надзора за несостоятельными крестьянами и для принуждения их усерднее заниматься земледельческим производством¹⁷⁵.

Горное начальство пыталось привлечь к принуждению «нерадивых» крестьян к занятию производством хлеба не только сельскую администрацию, но и всех жителей приписной деревни, требуя от них, чтобы они «заметья кого из селян своих в лености и праздности... с определенными смотрителями и сельскими старшинами взыскивали» с них «без послабления»¹⁷⁶.

Стремлением как можно крепче привязать крестьянина к земледельческому производству диктовались запреты наниматься «под своз купеческих кладей». В кабинетском хозяйстве руководствовались положением об удельных крестьянах, согласно которому «отлучка» крестьян «от домов» считалась вредной, так как часть земли, обрабатываемой крестьянами, начинает пустовать и домашним трудно обходиться без хозяина. Удельные экспедиции следили за тем, чтобы «никоторой крестьянин без позволения своей... экспедиции на самомалейшее время отлучаться не смел». Как и в удельных имениях, в кабинетском хозяйстве Сибири «нерадивых» крестьян предписывалось никуда, кроме «крестьянских и заводских работ не

отпускать, к трудолюбию принуждать, ослушников наказывать», в случае безрезультатности этих мер – отдавать их в рекруты «хотя бы очередь и не доходила».

В кабинетском хозяйстве широко практиковалось определение в рекруты неимущих крестьян, при наборе в рекруты мир придерживался принципа отдавать в первую очередь именно их. Отношение к данной практике со стороны горного начальства и «прожиточных» крестьян приписной деревни было одинаковым.

Заинтересованное в развитии экономики приписной деревни, горное начальство шло навстречу состоятельным крестьянам. По их просьбам земским избам, волостным правлениям разрешалось не только во время очередного набора «сыскать неимеющих хлебопашества и шатающихся в наймах по срокам», отправлять их в рекруты, но и освобождать от службы «имущих просителей», уже отданных в нее. Более того, имели место случаи, когда горное начальство само возвращало взятых в рекруты из семей состоятельных крестьян на том основании, что они занимаются «довольным» или «изобильным» хлебопашеством¹⁷⁷.

Главным при рекрутских наборах являлся принцип имущественного положения крестьянской семьи. Он четко выражен в рапорте Нерчинской горной экспедиции от 13 сентября 1817 г., в котором нашло отражение общее положение в кабинетском хозяйстве: «...с приписных к заводам крестьян поступают не по очереди, а единственно по приговорам общества и те самые, которые к домоводству и хлебопашеству нерачительны... которые служат единственно в тягость обществу»¹⁷⁸.

Признававшийся самим горным начальством набор рекрутов из приписной деревни без соблюдения очередности не только считался допустимым, но более того, в 1822 г. начальник Нерчинских заводов заявил, что он «не требует перемен»¹⁷⁹. Общественные приговоры принимались в полном соответствии с требованием горного начальства Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов отдавать в рекруты вместо «очередных прожиточных» крестьян несостоятельных. Этот принцип соблюдался на всем протяжении существования кабинетского хозяйства в рассматриваемый период, о чем свидетельствуют общественные приговоры об отдаче крестьян в рекруты¹⁸⁰. Найм в службу состоятельными крестьянами вместо сыновей также вел к уходу в рекруты несостоятельных¹⁸¹.

Признание управляющего Кабинетом Д.А. Гурьева, что «хлебное продовольствие... есть самая затруднительная часть заводского хо-

зяйства», относилось не только к началу XIX в. Проблема снабжения мастеровых и служащих продуктами питания на протяжении всего периода существования кабинетского хозяйства с середины XVIII до середины XIX в. оставалась в числе важнейших в каждодневной деятельности горного начальства, заводских контор, земских управителей, крестьянских выборных от старосты судной и земской изб, головы волостного правления до десятника в каждой деревне. В процессе решения ее горному начальству постоянно приходилось иметь дело с активным противодействием крестьян принудительным поставкам провианта, которые Кабинет сохранил в Сибири в обход манифеста 1779 г. до середины XIX в. Крестьяне также активно противодействовали запретам продавать хлеб за пределами заводского ведомства. Их не устраивали невыгодные условия реализации излишков хлебной продукции. Крестьяне могли бы охотно продавать их для заводов и рудников по действительно «настоящим» ценам, но горное начальство не соглашалось рыночные цены принимать. Поэтому крестьяне, имевшие какие-то излишки хлеба, проявляли заинтересованность в реализации их за пределами заводского ведомства на более выгодных для себя условиях.

При изучении порядка снабжения заводов и рудников провиантом после 1779 г. нельзя ограничиваться учетом только взятых крестьянами обязательств по поставкам его. Судя по ним, дело со снабжением мастеровых и служащих провиантом, лошадей – фуражом, обстояло более или менее хорошо. Но ограничиваться только использованием материалов, отражающих крестьянские обязательства по поставкам провианта, нельзя. Изучение того, как они выполнялись, приводит к выводу о большой дистанции между обязательствами крестьян и их исполнением, несмотря на то, что весь аппарат управления приписной деревней был подключен Кабинетом к принуждению крестьян выполнять «добровольные» обязательства, ставшие в действительности принудительными. В связи с тем, что заводские и рудничные конторы ежегодно не получали десятки тысяч пудов провианта по крестьянским обязательствам, а заводы и рудники нельзя было оставлять без провианта и фуража, в кабинетском хозяйстве и после 1779 г. сохранились принудительные поставки, в которых участвовали все крестьяне, занимавшиеся хлебопашеством.

Развитие хлебной торговли в приписной деревне было объективным, закономерным процессом. Продажей хлеба в заводском ведомстве занимались не только крестьяне, имевшие излишек его, но и

малосостоятельные крестьяне, нуждавшиеся в деньгах для уплаты податей. В кабинетском хозяйстве искусственно сдерживалось более ускоренное развитие хлебной торговли, что являлось следствием постоянного стремления Кабинета решать проблемы снабжения заводов и рудников провиантом и фуражом с меньшими затратами.

Однако, несмотря на многочисленные указы и предписания, строгие меры по отношению к крестьянам, которым по тем или иным причинам так и не удавалось завести хозяйство или поддержать его на прежнем уровне, несмотря на отбор из крестьянской среды неимущих и определение их в вечные горные работники, в рекруты, в приписной деревне продолжали быть беспосевные и безлошадные крестьяне. Начальник Колывано-Воскресенских заводов С. Христиани усматривал причину этого в «лености» и «обыкновенном великом нерадении и пренебрежении здешних людей к земледельчеству и хлебопашеству»¹⁸².

Такое объяснение наличия неимущих крестьян в приписной деревне встречается постоянно и в указах канцелярии горного начальства. Истинная же причина крылась в следствиях влияния заводских работ на развитие крестьянского хозяйства и незаинтересованности крестьян поставлять продукты своего труда по ценам, диктуемым горным начальством. Главная причина, несомненно, заключалась в тяжести заводских работ и в обязательных поставках крестьянами провианта¹⁸³.

Заводская пашня в Нерчинском округе

Накануне включения Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство там сложилась такая ситуация, что «за неимением в казне провианта» в один день на 10 вышедших на работу приходилось 15 невившихся «за бесхлебицею»¹⁸⁴.

Для заводских нужд провиант до 1787 г. горным начальством добывался разными путями. Их пытался использовать и Кабинет. По указу Екатерины II от 1 февраля 1788 г. и «Наставлению» от Кабинета при Газимурском и Кутомарском заводах были созданы Павловская и Ивановская пашни, на которые посадили, освободив от заводских работ, ссыльных (35 и 18 чел.), обеспечив их средствами на обзаведение хозяйством.

Дело это оказалось очень хлопотным. Часть выданного на посев семенного хлеба хлебопашцы съедали, в 1790 г., когда степь выгоре-

ла и не было естественного корма, часть семенного хлеба пошла на корм лошадям. Ежегодно ссыльными, «посажеными на пашню», хлеба засевалось меньше, чем предполагалось. Пока хлебопашцы не имели собственного производства хлеба для пропитания, им приходилось выдавать одиноким по 2, семейным с тремя детьми по 3, имевшим более детей – по 4 пуда в месяц. В Ивановском селении «за ленивость», «неприлежание к казенной пашне» наказали лозами нескольких поселенцев, но это не способствовало улучшению дела с развитием заводского хлебопашества¹⁸⁵.

В 1788 г. близ Кутомарского завода поселили нескольких мастеровых Кутомарского и Нерчинского заводов, а также Кличкинского рудника для занятия хлебопашеством. Им дали время на приготовление к будущей зиме сена, отвели покосы, лес «на построение дома» и возведение хозяйственных построек. В течение зимы 1788/89 г. их обязали обзавестись всеми инструментами, «коиими земледелие производится должно».

С весны 1789 г. им предстояло начать обработку земли, приготовление по 1 дес. под посев «озимого», по 1 дес. они должны были засеять по весне 1790 г. На приобретение лошади и сельскохозяйственного инвентаря посаженным на землю мастеровым дали по 25 р. на человека с условием возврата их через три года деньгами или хлебом.

Со всех поселенных взяли подписку о «хорошем поведении и нечинении никакого зла», пригрозив в противном случае наказанием и «возвращением их по-прежнему в работы». Холостым приказали к весне жениться. Семейным обещали перевести их детей также в поселщики. В конце октября 1788 г. поселенцы получили деньги на обзаведение хозяйством. Один из них купил лошадь и сбежал на ней.

К поселщикам приставили «с заводской стороны» смотрителя. Он ежемесячно представлял рапорт о «домостроительстве и упражнениях хлебопашцев». Из среды поселенцев был выбран староста, которому вменили в обязанность обеспечивать «исправную обработку хлебопашцами» отведенной земли, засев, жатву и сдачу выращенного урожая смотрителю, нерадивых наказывать «выговором» и отсылкой в заводские работы.

С 1789 по 1794 г. поселщики засевали по 2 дес. В 1794 г. в связи с неурожаем одна десятина «впредь до лучшего урожая» с них была снята. По определению горной экспедиции от 21 января 1797 г. их снова обязали обрабатывать в пользу заводов по 2 дес.¹⁸⁶ На протяжении 1796–1806 гг. они собрали урожай с заводской пашни в 14514 пудов овса. В те же годы поселщики из ссыльных вырастили и со-

брали 18447 пудов овса. Всего мастеровыми и поселщиками за 11 лет было получено при заводах 32961 пуд овса, менее 3 тыс. пудов в год, что не решало проблемы обеспечения казенных лошадей фуражом¹⁸⁷.

Основную ставку в снабжении заводов провиантом и фуражом Кабинет делал на заводскую пашню, которую обрабатывали приписные крестьяне. Она появилась еще в 20-е гг. XVIII в. Приписные крестьяне Восточного Забайкалья разделили участь государственных крестьян Сибири, которые обрабатывали десятинную пашню в пользу собственника земли – государства. Приписные крестьяне за право пользования землей на территории Нерчинских заводов, находившихся тогда в собственности казны, обрабатывали казенную пашню, урожай с которой поступал на заводы и рудники.

В начале 60-х гг. XVIII в. государственные крестьяне были освобождены от обработки десятинной пашни, так же как и от внесения отсыпного хлеба, и переведены на уплату денежного оброка. С тех пор, как это произошло, прошло 25 лет, но Кабинет сохранил существовавшую к моменту передачи в его ведение Нерчинских заводов казенную пашню.

С 1787 г. приписные крестьяне обрабатывали заводскую пашню в размере 2 дес. на 1 рев. душу. Им выдавалась плата в 1 р., установленная в 1765 г. Она равнялась оброку, который взимался в пользу владельца Нерчинских заводов в виде отработки на заводской пашне.

На казенную пашню определялись «лучшие» крестьяне, так как «скудные и своей пашни весьма мало» имели, хотя «к размножению ее от здешней канцелярии строго принуждались»¹⁸⁸. В 60–70-х гг. XVIII в. на казенной пашне было занято от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{12}$ от общего числа крестьян, уже тогда ставилась задача увеличения числа крестьян для работы на казенной пашне. В 80-е гг. к ее решению горное начальство вернулось вновь, так как со стороны заводов предъявлялся все возрастающий спрос на провиант и фураж. Но увеличение числа крестьян для обработки заводской пашни было сопряжено с огромными трудностями. Мастеровые и крестьяне составляли всего $\frac{1}{3}$ часть от необходимого числа их для нужд горно-заводского производства¹⁸⁹.

В 1787 г. на заводской пашне было занято около 600 крестьян, прибыли с нее, по свидетельству начальника заводов, получили почти «столько же сколько сеено». Кабинет потребовал «учредить казенное хлебопашество на местах лутчих», в противном случае выгоднее будет заготавливать хлеб «покупкою нежели столь великое количество людей вместо заводских работ занимать бесполезным

хлебопашеством». Общая площадь засеянной крестьянами заводской пашни в 1787 г. составила 1192 дес.¹⁹⁰

Осенью следующего, 1788 г., из-за непрерывных дождей вместо 1882 дес. на заводской пашне засеяли лишь 577 $\frac{3}{8}$ дес. рожью. С крестьян взяли подписки о возмещении ими «недосева» посевами ярицы весной 1789 г. Смотрители, приставленные к пашне, сетовали на трудности в контроле за работой крестьян, сохранностью хлеба в казенных магазинах. Весной 1789 г. Нерчинская горная экспедиция выделяла еще 32 чел. в смотрители и караульщики¹⁹¹.

За 3–4 года до передачи Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство крестьяне Нерчинской и Стретенской округ добились решения вместо обработки пашни вносить отсыпной хлеб. Горнозаводская администрация согласилась на это при условии сдачи за каждую душу по 25 в Нерчинской и по 40 пудов хлеба ежегодно в Стретенской округах. При этом им обещали дать на посев казенные семена, но не дали многим, и заготовленная под посев земля осталась незасеянной. Начальство же требовало внесения отсыпного хлеба. Крестьяне оказались вынужденными рассчитывать с казной купленным в разных местах хлебом, который обошелся им с доставкой по 80–90 к. за пуд, а заводы заплатили за него стретенским крестьянам по 2 $\frac{1}{2}$, нерчинским – по 4 к. Потеряв на каждом пуде по 76–87 $\frac{1}{2}$ к., крестьяне заплатили в счет зачитаемого им в подушный оклад отсыпного хлеба от 20 до 30 и даже 35 р., для чего вынуждены были продавать лошадей, скот¹⁹². В 1785 г. и с части других крестьян также стали взимать отсыпной хлеб рожью и ярицей (20 и 40 пудов с души). Заводская пашня сократилась вдвое, но продолжала сохраняться. Переходу к взиманию отсыпного хлеба могло способствовать и снижение урожая с казенной пашни, почти в 4 раза по сравнению с 1783 г.¹⁹³

Заводская администрация, видимо, рассчитывала на более гарантированное поступление провианта с хлеба, получаемого крестьянами в их собственных хозяйствах. Кабинет решил сохранить взимание отсыпного хлеба в качестве главного источника получения провианта и фуража, тем более, что в самый канун перехода Нерчинских заводов в его ведение, как и ранее, урожай с казенной пашни оказался мизерным – в 1776 г. он составил всего 9 тыс. пудов. Однако от взимания отсыпного хлеба Кабинету пришлось вскоре отказаться из-за больших недоимок, которые к 1789 г. составили около 40 тыс. пудов¹⁹⁴.

По требованию Кабинета горное начальство усилило внимание к развитию заводского хлебопашества силами крестьян. За первые три года после перехода Нерчинских заводов в ведение Кабинета общая площадь заводской пашни выросла до 3264 дес., но урожай с нее вырос не намного – с 11321 до 17978 пудов. К 1790 г. площадь заводской пашни составила 3,7 тыс. десятин. Тогда же, отказавшись от взимания отсыпного хлеба полностью, ежегодно на заводскую пашню стали определять 1882 чел.

Кабинет продолжал считать «усиление при заводах» заводской пашни «единственно верным пособием в продовольствии заводских людей и приписных крестьян»¹⁹⁵. Однако обеспечить мастеровых и служащих Нерчинских заводов хлебом, производимым на заводской пашне, не удалось, хотя усилий к этому на протяжении десятилетий было приложено немало. Поэтому горно-заводской администрации приходилось изыскивать иные пути снабжения заводов и рудников провиантом и фуражом.

Как и в районе Кольвано-Воскресенских заводов, часть хлеба закупалась у приписных крестьян по ценам, установленным горным начальством, что признавало оно само. Приписным крестьянам Восточной Сибири, как и на Алтае, продавать хлеб на неза заводские нужды запрещалось. Если они это все же делали, то тайно от властей¹⁹⁶.

В 90-е гг. XVIII в. много хлеба в заводское ведомство (почти $\frac{1}{2}$ от всех закупок) поставляли купцы А. Старков, Е. Суханов, П. Шумилов, Соболевы, П. Черняев, Н. Байбородов и др. По отдельным годам наблюдались очень большие колебания в объеме поставляемого купцами и закупаемого командированными от заводов людьми провианта. На протяжении 1782–1798 гг. они колебались от 4 до 90 тыс. пудов закупленного хлеба¹⁹⁷.

Часть его закупали с давних пор сами мастеровые и служащие у нерчинских крестьян, находившихся еще на положении государственных. Приписка крестьян к заводам вела к резкому сокращению объема продаваемого ими хлеба для заводов и рудников. На территории заводского ведомства закупка хлеба производилась у приписных крестьян в 9 пунктах. Но покупать там нередко было совершенно нечего. При наличии у крестьян хлеба для продажи они были заинтересованы из-за низких цен, диктовавшихся горным начальством, искать место сбыта хлеба не для заводских нужд. Нередко им нечего было продавать, в неурожайные годы они питались «кореньем травяным с великою нуждою». Без увеличения закупок хлеба за

пределами заводского ведомства обойтись было невозможно во избежание остановки заводов.

В 1817 г. начальник заводов С. Аистов сообщал в Кабинет, что у крестьян «скрытным образом» скупается хлеб для вывоза из заводского ведомства, «с большою передачею в ценах против закупки заводским начальством», «крестьяне мало объявляют в продажу посланным для закупки от заводов чиновникам», надеясь выгоднее продать хлеб скупщикам, отчего «заводы и не могут закупкой в своей округе и даже в довольно урожайные годы достаточно обеспечить в провианте»¹⁹⁸.

До 1817 г. на протяжении многих лет заводское начальство предпринимало много попыток, направленных на исключение утечки хлеба за пределы территории Нерчинских заводов. Крестьяне продавали провиант для войск. В начале XIX в. начальник заводов Элерс докладывал управляющему Кабинетом Д. А. Гурьеву об оставшемся от 1803 г. на заводах до 76 тыс. пудов провианте при годовой потребности в нем до 110 тыс. пудов. С запасом на 1805 г. в 1804 г. требовалось закупить всего 144 тыс. пудов. 16 тыс. пудов хлеба должны были вернуть крестьяне, бравшие на посев семена, что еще не значило, что они могли вернуть. 128 тыс. пудов провианта предстояло купить зимой и летом 1804 г. в Иркутске и Верхнеудинске, горное начальство надеялось и на закупки в самом заводском ведомстве.

В начале XIX в. положение со снабжением заводов провиантом осложнилось последствиями неурожайного 1800 г., когда не оставалось никаких запасов в заводских магазинах, пайки мастеровым были резко сокращены, а членам их семей прекратили выдачу хлеба совсем, мастеровым давали пайки овсом. Несмотря на выделение дополнительно до 100 тыс. р. на покупку провианта, закупить его в необходимом количестве не представлялось возможным. Цена на муку поднялась. Несколько улучшилось положение лишь после того, как на Иркутского военного губернатора Лебедева высочайшим повелением было возложено заготовление провианта, на что, кроме специально для этого выделенных 200 тыс. р., были отпущены еще и заводские деньги.

Неурожай в районе Нерчинских заводов были нередким явлением, но 1800 г. оказался одним из самых тяжелых по своим последствиям после 1785 г., когда провиант доставали откуда только могли и спешно развозили его по рудникам и заводам, когда многие питались травами и кореньями и мешали хлеб с древесной корой. По-

следствия неурожая 1800 г. сказывались в последующие два года. Крестьяне, бравшие семена на посев, не могли их вернуть. А те жители заводского ведомства, у которых к 1803 г. появились излишки хлеба, стремились продать его пограничным войскам в два с лишним раза дороже, чем они могли получить от заводских контор. В полтора раза дороже платили крестьянам за хлеб поселщики. Элерс писал в Кабинет, что из заводского ведомства уходит провиант для войск, и по более высоким ценам его продолжают покупать поселщики в то время, как для заводов закуплено всего 8 тыс. пудов.

Видов на хороший урожай из-за позднего сева и засухи летом в 1804 г. не ожидалось. В начале сентября еще и половины выросшего хлеба не было собрано. Из-за продолжительной засухи поздно началась заготовка сена, продолжавшаяся и в начале сентября. Элерс просил военного губернатора Лебедева о ссуде 20 тыс. пудов хлеба из Верхнеудинского уезда, «дабы заводы не обнажить совершенно хлебом». 10 тыс. пудов провианта заводы получили от приказа общественного призрения из Иркутска. Начальник заводов ездил в Иркутск просить о беспрепятственном позволении провиантским комиссионерам заводов закупить 90 тыс. пудов хлеба, кроме того, еще 16 тыс. пудов отдельно для Петровского завода, где совсем не было заводской пашни.

Пока провиант закупался, Элерс просил заимообразно до 35 тыс. пудов из магазинов Верхнеудинского уезда, «городовых» магазинов, просил хотя бы на время вывести из заводского ведомства войска, также запретить закупать в заводском ведомстве хлеб для войск и поселщиков. Ему удалось добиться запрещения вывоза хлеба из заводского ведомства на 1805 г.

Хлеб в Иркутске стоил 70–80 к., в летнее время цена на него поднималась до 1 р. 70 к. Заводские комиссионеры получили задание приступить к закупке хлеба не ранее «чем установятся от губернского правительства цены». В Иркутском уезде ожидался хороший урожай и имелись основания надеяться на понижение цен на хлеб.

Управляющий Кабинетом предложил вывести за Байкал в хлебобородные места расквартированные в Нерчинском округе войска, оставив там 669 чел., которые числились в Нерчинской штатной горной команде. Их вполне достаточно было, по мнению управляющего, для поддержания «внутренней тишины». Он считал также необходимым разрешить начальнику заводов заготовление хлеба в любых местах Иркутской губернии, где он найдет удобным и по ценам «признанным от него за выгоднейшие», при этом он должен только

уведомлять губернское начальство «о делаемых им распоряжениях... дабы оные зная, где сколько предположено закупить для заводов хлеба», могло оказать в этом заводским комиссионерам содействие.

На закупки хлеба в заводском ведомстве зимой 1804 г. рассчитывать не приходилось, так как урожайного хлеба с полей приписных крестьян было недостаточно «даже для общего народного продовольствия».

В январе 1805 г., когда уже было известно, что имеющихся на заводах и рудниках запасов продовольствия хватит только до июля, сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов получил распоряжение за подписью Александра I вывести из заводского ведомства определенную в 1797 г. в Нерчинский край команду Селенгинского полка и распределить ее на квартиры в разных местах Иркутской губернии. Ему также было дано задание принять меры к созданию при Нерчинских заводах двух годовых запасов хлеба и добиться прекращения закупки провианта в Нерчинской области для войск.

В марте того же 1805 г. Нерчинская горная экспедиция выдала обергиттенфервальтеру Черниговцеву ордер, согласно которому «Нерчинский уезд, прилегающая к нему часть Верхнеудинского уезда по правую сторону реки Селенги от впадения в нее Хилки до самого Байкала и по правую сторону Хилки» объявлялись местами «собственно для продовольствия Нерчинских заводов», где горные комиссионеры могли производить покупку хлеба во всякое время беспрепятственно по ценам «добровольно земледельцами постановляемым». В случае если закупщики хлеба не успеют его приобрести в указанных местах, они могут свободно покупать «и по сю сторону Байкала в Иркутском и Верхнеудинском уездах а равно и в городах Верхнеудинске и Иркутске». Городничие, земские суды, частные комиссары и волостные начальники должны были оказывать заводским комиссионерам всяческую помощь¹⁹⁹.

В то же время возлагались надежды на увеличение поступления хлеба от приписных крестьян, производивших его для заводов. Во избежание больших расходов, связанных с организацией контроля за работой крестьян на заводской пашне, с 1806 г. была предпринята попытка перевести их на обработку 2 дес., в пользу заводов при их «жительствах и пашнях». Но в 1813 г. вернулись к тому, что было прежде, – к работе крестьян на отдельных от их полей пашнях «под общим с казенной стороны смотрением». В то же время часть крестьян обрабатывала заводскую пашню, которая находилась на елянях рядом с

крестьянскими полями, но площадь ее с каждым годом сокращалась. С 634⁷/₈ дес. в 1813 г. она уменьшилась до 192 ¹/₂ дес. в 1821 г.²⁰⁰

С лета 1820 г. в дополнение к 1882 крестьянам, работавшим на заводской пашне, еще 188 крестьян заставили поднимать залог под пашню. В течение следующих 10 лет Кабинетом предусматривалось увеличение общей площади заводской пашни в 2 раза, что влекло за собой соответственно ежегодное увеличение числа крестьян, занятых ее обработкой, на 188 чел. Однако вскоре крестьяне разных волостей стали просить освободить их от подъема залогов из-за их «весьма бедственного состояния». Среди 188 крестьян оказались безлошадные, за которых «нанималась пахота из общественной мирской суммы». Весной 1821 г. волостной голова Уровской сотни от имени всех крестьян сообщил горной экспедиции, что из-за постоянных дождей летом предыдущего года крестьяне не сумели заготовить сена в достаточном количестве; заготовленное же почернело, от чего во время отбывания подводной гоньбы и при перевозках на заводах и рудниках погибло много лошадей. Многие крестьяне, занятые обработкой пашни, стали безлошадными и «не в силах будут исправлять собственной своей пашни». Волостной голова просил от имени всех крестьян волости не вводить дополнительного расположения на обработку заводской пашни и дать возможность произвести посев собственного крестьянского хлеба «без умаления». В Уровскую волость был направлен чиновник Таскин, подтвердивший «совершенное малоимение у крестьян лошадей». По его наблюдениям, крестьян, имевших 1–2 лошади, «сверх угольной и рудной возок» заставляли обрабатывать до 1 дес. заводской пашни. На тех же лошадях они еще отправляли подводную гоньбу, заготовливали и доставляли домой сено, дрова. На крестьян, имевших «посредственное число лошадей», приходилось от 2 до 4 дес., обработку которых они производили вскоре после окончания перевозок руды или угля «притомившимися лошадьми». Крестьяне пахали землю, сеяли и убирали хлеб на заводской пашне раньше, чем на собственной, с которой «или плоше в урожае бывает или по позднему засеву к повреждению морозами подвергается», к тому же заводские елани от селений крестьян были «немало удалены», равно как от селений, куда крестьяне ездили, чтобы получить в магазине семена для посева. Прибавка заводской пашни настолько «отяготительна для крестьян», что скоро они дойдут «до совершенного упадка», заключал Таскин.

От Стретенского волостного правления также поступила просьба не увеличивать на 40 чел. число крестьян, занятых производством

хлеба на заводской пашне. На тех же основаниях, что и крестьяне Уровской сотни, жители Стретенской волости убедительно просили не доводить их до крайнего истощения. Они писали, что и без прибавки 40 чел. работа на заводской пашне обременительна для всех крестьян волости.

Горная экспедиция, согласившись с тем, что введение «добавочной пашни в настоящем их состоянии... не только тягостна, но и исправить оную они возможности не имеют, не быв до крайности разорены», – предложила Кабинету до утверждения предложений «Об улутчении заводов» повременить с расширением заводской пашни. В середине июля 1821 г. в новом рапорте горной экспедиции Кабинету сообщалось о просьбах крестьян Аргунской, Газимурской волостей об освобождении их от дополнительной заводской пашни.

Кабинету пришлось считаться с активным противодействием крестьян. Заставить их расширить заводскую пашню было много сложнее, чем принуждать к выполнению заводских работ. «Недоработку» прошлых лет на заводах можно было переносить на будущие годы, а обработка казенной пашни требовала выполнения всего цикла сельскохозяйственных работ только в текущем году. Кабинет вынужден был учитывать реакцию крестьян на попытки расширения заводской пашни и реальные возможности приписной деревни, для которой и в прежнем размере заводская пашня была крайне разорительной, что признавало и горное начальство.

19 августа 1821 г. Кабинет наложил на рапорты Горной экспедиции резолюцию о предписании начальнику заводов внимательно разобраться с заключением Горной экспедиции, а также с просьбами крестьян, волостных правлений. Если все окажется так, как доносит Горная экспедиция, Кабинет рекомендовал расширение заводского хлебопашества отложить «до другого удобного времени». Просьбы крестьян об освобождении от определения на заводскую пашню дополнительно к ранее работавшим на ней 1882 чел. 188 душ не были удовлетворены, однако новые прибавки уже не последовали, Кабинет на это не решился. Общее число крестьян, занятых обработкой заводской пашни, осталось на уровне 2 тыс. чел.

Работа на заводской пашне, по мнению самих крестьян, была тяжелее заводских работ. Каждый крестьянин должен был засеять 1 дес. яровыми, 1 дес. озимыми; сжать, смолотить и сдать хлеб в казенный магазин, до жатвы и молотбы – охранять его от потравы и воровства. Крестьяне работали на пашне под присмотром караульщиков и смотрителей, содержавшихся на жаловании Кабинета. Им

помогали служители, не способные работать на заводах. Смотрителей приставляли и к казенным магазинам. Во время молотбы хлеба для присмотра за крестьянами присылались еще и офицеры с солдатами. По окончании жатвы пристав и присланный из заводской конторы человек производили контрольный умолот, по показаниям которого от крестьян и требовали сдачу хлеба с каждой десятины пашни. Из крестьянской среды избирались сроком на 1 год старосты, смотрители, караульщики, которые также должны были обеспечить контроль за работой односельчан на заводской пашне²⁰¹.

Работа на заводской пашне требовала от крестьян огромных затрат материальных средств, физических сил, времени. Считалось официально, что один человек может вспахать, засеять и заборонить 2 дес. за 12 дней, сжать хлеб и положить его в клади за 18 дней, смолотить и отвезти в казенные магазины за 8 дней, вспахать и приготовить землю к будущему засеву за 8 дней, высушить в снопах хлеб, огородить поля за 14 дней. Всего, по официальному признанию, на обработку заводской пашни на 1 душу уходило до 60 дней в году²⁰².

В первые годы после включения Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство стали поступать жалобы крестьян на то, что «заводское хлебопашество» для них «совершенно разорительно», так как им приходилось оставлять «собственное свое земледелие в такое время, когда самой посев наступает», по июнь «для уробатывания заводских посевов ездят на те земли от домов своих» за 5, 10, 50 и даже 60 верст. В одно лето крестьянину приходилось по несколько раз ездить на заводское поле, чтобы вспахать и подготовить землю к посеву, посеять, огородить, сжать хлеб, сложить его в скирды, обмолотить и отвезти в магазины. По свидетельству самих крестьян, на одни проезды уходило по 15 – 30 дней²⁰³. Дни проезда не входили в официально признанное горно-заводской администрацией время, необходимое крестьянам для работы на заводской пашне за 1 душу.

По крестьянским жалобам можно составить представление, во что обходилась обработка заводской пашни. Одна из таких жалоб поступила в 1820 г. от крестьян Аргунской волости. По ревизии в ней числилось 3124 души, из них малолетних – 1235, престарелых и больных – 310, умерших и взятых в рекруты – 126, «годных» к работе – 1453. На всю волость имелось 2560 рабочих (менее двух на 1 работника) лошадей. 305 крестьян с 1–2 лошадьми работали на заводской пашне, находившейся в 6–70 верстах от места их жительства. Одну десятину крестьянин вспахивал и засеивал за 7 дней в близких местах. Крестьяне отдельных селений, где не родился озимый хлеб,

засевали яровыми по 2 дес., на что уходило весной до 15 дней, не считая времени на проезд до пашни и обратно. С опозданием, «на усталых лошадях» крестьяне производили посев на своих полях, а затем с 10 июля приступали к подготовке почвы на паровых землях заводского поля к будущему севу. Иногда и новые земли поднимали, для чего приходилось предварительно вырубать лес, очищать поле, на что уходило не менее 10 дней. Затем приступали к 2 и 3-кратной прополке, а в августе после перепашки паровых земель сеяли озимый хлеб, заборанивали поле, затем приступали к жатве ярового хлеба. После жатвы, пока не уложат хлеб в скирды, караулили его; во время дождей просушивали в суслонах, а затем высушенный хлеб вывозили с полей «в остожье», клали его в скирды. С наступлением зимы крестьяне приступали к молотье хлеба. Работа на заводской пашне начиналась с 20-х чисел апреля и с перерывами для работы в собственном хозяйстве крестьянина заканчивалась в начале декабря.

Крестьяне без всякой платы давали смотрителям лошадей, выделяли из своей среды 12 чел. «для караулу» в казенные магазины, при этом 6 из них, как и старшина из крестьян и смотрители, получали жалование из казны; остальные 6 чел. получали от крестьянского общества по 10 р. в год. Кроме того, за счет общества каждому из 12 крестьян давалось на пропитание по 12 пудов хлеба. За всех них государственные подати, заводские работы оплачивало общество. Для сокращения времени пребывания на заводской пашне аргунские крестьяне нанимали в караул у снятого урожая, что «пахотной» душе обходилось по 40–50 к. Некоторые крестьяне « всю годовую казенной пашни обработку по дальности проезда на оную или по болезни своей» нанимали вместо себя, платя при этом 50–60 р., чтобы успеть засеять на своем поле хлеба «более раннего посева», от которого получали лучший урожай, а затем, продав выращенный на своем поле хлеб, платили «наемщикам» за работу на заводской пашне²⁰⁴.

По предложению нового начальника заводов Бурнашева в начале 20-х гг. XIX в. крестьянам за обработку 1 дес. казенной пашни стали платить 4 р. (за каждую засеваемую десятину) и по 2 р. – за «подпарковую»²⁰⁵.

Еще в конце XVIII в. с обработкой заводской пашни сложилось такое положение, при котором ни один крестьянин фактически 2 дес. полностью не обрабатывал, не справляясь с этим. Поле, выделенное для обработки одним крестьянином, нередко делили на несколько человек из разных семей, члены которых не входили в число определенных для работы на заводской пашне. Среди них оказыва-

лись и безлошадные крестьяне, вынужденные нанимать вместо себя для работы на заводском поле. Найм в ближних местах обходился в 5 р., в отдаленных – от 10 до 20 р. Когда под пашню поднимали новые земли, только за вспашку 1 дес. по найму крестьяне платили от 7 до 10 р.²⁰⁶ Судя по жалобе крестьян Аргунской волости, в первой четверти XIX в. затраты их, связанные с обработкой заводского поля, заметно возросли.

За недостаточное усердие в обработке заводской пашни крестьян жестоко наказывали. Крестьянин Иван Харин, избитый в июне 1819 г. по приказу ротного при Нерчинском заводе штабс-капитана Рика, скончался через 11 дней²⁰⁷. Наказаниям подвергались и крестьяне, уличенные в краже казенного хлеба. Они часто увозили с поля хлеб в снопах, обмолачивали его по ночам, старались «общипывать колосья», при молотье прятали хлеб в измельченную солому, иногда ухищрялись украсть немного хлеба из сданного после молотье в казенный магазин²⁰⁸. Случалось, что с краденым хлебом попадались и смотрители. В 1790 г. за кражу хлеба был прогнан сквозь строй в 500 чел. Гаврила Серетник. Ему приказали возместить краденный хлеб купленным на свое жалование. В 90-е гг. XVIII в. за кражу казенного хлеба, «слабое смотрение при хлебопашестве», «растрачу казенного хлеба», «непорядочное исправление должности и неизмерение пашен», за взятки с крестьян, работавших на заводской пашне, семерых смотрителей наказали шпицрутенами, батогами, палками по 3–6 раз²⁰⁹.

Управляющий Кабинетом Д.А. Гурьев, считавший сначала возможным создать продовольственную базу для заводов и рудников Восточной Сибири за счет заводского хлебопашества, вынужден был затем признать: «мера сия никогда не могла быть ни удовлетворительна, ни надежна»²¹⁰.

В 20-е гг. XIX в. потребности заводов и рудников в провианте определялись уже в 140 тыс. пудов, кроме того, на фураж заводским лошадям и быкам требовалось в год до 25 тыс. и более пудов овса²¹¹. Как уже отмечалось, попытки обойтись овсом, производившимся служителями и заводскими поселщиками, не дали положительных результатов. В начале 20-х гг. XIX в. при заводах и рудниках с площади в 97½ дес. можно было получить всего около 1800 пудов овса²¹². При крайней неустойчивости урожая (ярицы от 18 пудов до 20 фунтов, ржи от 25 до 3 пудов, ячменя от 65 до 1 пуда 13 фунтов, овса от 53 до 4 пудов 32 фунтов, в среднем: ярицы 5 пудов 23 ⅜ фунта, ячменя 17 пудов 21 ⅝ фунта, овса 29 пудов 9 ⅝ фунта, а по всем

культурам в среднем по 13 пудов 7 фунтов с десятины) потребности заводов и рудников в провианте и фураже не покрывались за счет урожая с заводской пашни. В отдельные годы «с нуждою» собирали семена, а в неурожайном 1800 г. убыток составил 1221 пуд²¹³.

Несмотря на то, что Кабинетом «деланы были многократные подтверждения тамошнему начальству о всемерном распространении» не только крестьянского, но и заводского хлебопашества, успехов в этом не замечалось. Причину того Кабинет усматривал не только в неблагоприятных климатических условиях, но и в «малом радении крестьян»²¹⁴.

Когда в начале XIX в. возник вопрос о возможности введения института непременных работников и на Нерчинских заводах, положительное решение его оказалось нереальным в значительной мере из-за отсутствия в Восточной Сибири условий для снабжения непременных работников провиантом. Именным указом Сенату от 9 сентября 1800 г. велено было «учредить в оных (Нерчинских заводах. – А.Ж.) непременных заводских работников на таковом же основании, как и на уральских оные ввести предполагается». 23 июня 1803 г. было решено «Нерчинские заводы оставить на существующем донныне основании до того времени, пока самым опытом не будет удостоверено о пользе непременных служителей по уральским заводам». Большую роль при решении вопроса о возможности перехода к использованию на Нерчинских заводах труда непременных работников сыграло то, что горное начальство и Кабинет учитывали огромные сложности, которые могли возникнуть в связи с необходимостью обеспечивать их продуктами питания.

С 1807 г. каждому непременному работнику на уральских заводах полагалось выдавать «без денежного взыскания» на него самого и его семейство, конному еще 120 пудов овса «для содержания лошадей». Начальство Нерчинских заводов решило, что «снабдевать заводы толь многозначительным запасом провианта каждогодно, не токмо по выгодным для заводов ценам, но даже и по высоким», не удастся, так как провиант до этого всегда приходилось закупать в отдаленных до 2 тыс. верст местах, доставлять его гужевым транспортом, что еще больше удорожало его²¹⁵. Тогда же не нашли «никаких средств и ни малейших возможностей» для отмены заводской пашни, обработку которой в 20-х гг. XIX в. в «Положении о работах на Нерчинских заводах...» среди заводских работ поставили на первое место. Хотя заводское хлебопашество не стало основным источником пропитания для мастеровых и служащих Нерчинских заводов,

на отмену его пойти Кабинет не решился, несмотря на то, что совершенно очевидным было и его пагубное влияние на развитие хозяйства приписных крестьян. Этого не отрицало начальство Нерчинских заводов, а что касается крестьян – они жаловались на тяжесть обработки заводской пашни и писали: «Сколько бы ни были отяготительны заводские работы, не сравнить их с повинностью хлебопашества». Даже горное начальство вынуждено было признать, что среди «протчих работ» казенное хлебопашество «есть затруднительнейшая»²¹⁶.

Назначенный в 1817 г. начальником Нерчинских заводов С. Аистов еще до прибытия на место был извещен о крайнем бедственном положении приписных крестьян, однако он питал надежду на то, что сумеет принудить их к развитию хлебопашества как на заводской пашне, так и в крестьянском хозяйстве. В 1817 г. крестьяне на своих полях имели в среднем по 2 дес. посевов на 1 рев. душу, к 1825–1826 гг. они сократились до 1¹/₃ дес.²¹⁷ В результате обнищания крестьян, их постоянного противодействия существованию заводского хлебопашества попытки Кабинета если не расширить, то хотя бы законсервировать в достигнутых размерах заводскую пашню не увенчались успехом. К середине 20-х гг. XIX в. общая площадь ее сократилась вдвое, а в 1832 г. ее отменили полностью²¹⁸.

Как уже отмечалось, еще до отмены заводской пашни потребности Нерчинских заводов в провианте удовлетворялись в основном закупаемым за пределами заводского ведомства. Часть провианта продавали для заводов приписные крестьяне. Как и в районе Колывано-Воскресенских заводов, провиант у нерчинских крестьян закупали по принудительным ценам. Регистратор Алексей Бродовиков, который по заданию горного начальства вел журнал закупаемого для заводов провианта, 30 ноября 1790 г. сделал от себя любопытнейшее примечание: «с заводской стороны положена на всякой хлеб цена, ниже которой уже никто не продаст»²¹⁹.

Закупаемый для Нерчинских заводов хлеб поступал в основном из Иркутска, Верхнеудинского уезда. Доставка провианта нередко обходилась дороже закупки. Кабинет вынужден был выделять до 140 тыс. р., в отдельные годы – до 200 тыс. на приобретение провианта главным образом за пределами заводского ведомства. Только с 1804 по 1819 г. на его закупку Кабинет затратил свыше 2 млн р.²²⁰

Таким образом, как и в районе Колывано-Воскресенских заводов, в Нерчинском горном округе приписных крестьян принуждали к участию в снабжении мастеровых и служащих провиантом, а заводских лошадей – фуражом. Форма принуждения здесь была

иной, более тяжелой. Крестьяне, которых определяли на обработку заводской пашни, обрабатывали рублевый оброк. Для приписных крестьян обработка заводской пашни являлась феодальной рентой в пользу владельца кабинетского хозяйства. С годами и десятилетиями менялась сумма, которая засчитывалась крестьянину в счет подушного оклада или выдавалась ему на руки, а размер заводского поля на 1 рев. душу оставался неизменным. Увеличивать его не было реальной возможности – это могло бы привести к полному разорению и обнищанию крестьян, так как работа на заводском поле полностью совпадала с циклом сельскохозяйственных работ крестьянина в его собственном хозяйстве.

Кабинет стремился как можно дольше сохранить наиболее архаичную форму эксплуатации крестьян в форме отработки на заводском поле. В этом нашла отражение попытка Кабинета решать сложную проблему снабжения заводов и рудников провиантом и фуражом без больших затрат за счет жестокой эксплуатации крестьян в наиболее грубых формах, одной из которых являлось заводское хлебопашество. Сохранение и значительное расширение его в то время, когда государственные крестьяне Сибири уже с 60-х гг. XVIII в. были переведены на денежный оброк, находились в явном противоречии с объективными потребностями приписной деревни, развитие крестьянского хозяйства в которой тормозилось под влиянием заводских работ и в результате отрыва от него на обработку заводского поля.

Не справляясь с работой на заводской пашне, крестьяне боролись за ее отмену. Они писали жалобы, оказали активное противодействие предпринятой в 20-е гг. XIX в. Кабинетом попытке расширить заводское хлебопашество. Можно считать, что их борьба тогда закончилась победой, так как Кабинет смог только на $\frac{1}{10}$ часть выполнить из того, что им намечалось в плане дальнейшего развития заводской пашни. Программа, рассчитанная на 10 лет (с 1820 г. предусматривалось ежегодное добавление к 1882 крестьянам, работавшим на заводском поле, по 188 чел.), разбилась о решительное сопротивление крестьян. Кабинету пришлось ограничиться лишь одной «прибавкой», а затем пойти на отмену заводского хлебопашества вообще. Это был вынужденный для него шаг, не входивший в его планы. Ликвидация заводского хлебопашества безусловно должна была положительно сказаться на развитии крестьянского хозяйства. Установленная Т.И. Агаповой и Г.П. Жидковым прямая связь между

отменой заводской пашни и увеличением крестьянской запашки в 30-х гг. XIX в. несомненна²²¹.

Отработки на заводской пашне для крестьян были более обременительными, чем заводские работы. Признание этого факта не только самими крестьянами, но и горно-заводской администрацией, начальством Нерчинских заводов находится в противоречии с утверждением: «Работа на пашне считалась более легкой, чем на заводах...»²²²

Политика запрещения крестьянам, имевшим излишки хлеба, продавать его за пределами заводского ведомства, установление принудительных цен на хлеб, продаваемый крестьянами для заводов и рудников, были также продиктованы стремлением Кабинета свести до минимума затраты на приобретение провианта у крестьян, что тоже создавало серьезные препятствия на пути реализации продуктов крестьянского хозяйства и тормозило его дальнейшее развитие. Кабинетское хозяйство паразитировало не только на экономике приписной деревни, но и на экономике государственной деревни Сибири, крестьяне которой при активном содействии в этом со стороны губернских правлений должны продавать комиссионерам Нерчинских заводов продукты своего хозяйства по более низким (по сравнению с рыночными) ценам.

На протяжении 1831–1841 гг. из расчета на 1 работника приходилось посевов²²³:

Годы	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841
Посевы в десятинах	2,8	3,2	2,8	2,1	3,1	3,5	3,7	3,9	4,2	4,3	4,4

Данные о посевах крестьян Уровской волости за 1836–1838 гг. также подтверждают общий вывод о благотворном влиянии на крестьянское хозяйство отмены заводской пашни. За эти годы заметно возросла общая площадь посевов крестьян: в 1836 г. они составляли 5205 $\frac{3}{4}$, в 1837 г. – 5603 $\frac{1}{8}$, в 1838 г. – 5851 $\frac{3}{8}$ дес.²²⁴

Таким образом, после перехода Нерчинских заводов в ведение Кабинета проблема снабжения их провиантом и фуражом не стала менее острой, чем она была до 1787 г. С включением Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство снабжение заводов и рудников провиантом и фуражом методами феодального порядка сохранилось.

В Забайкалье не было сплошных полей. В условиях гористой местности с резко континентальным климатом земледелием занимались в долинах рек или на склонах гор. Принуждая крестьян к про-

извозству хлеба для заводов и рудников, горно-заводские власти выделяли им отдельные поля, урожай с которых шел в заводские магазины. Крестьянам выгоднее было платить натурой. Под нажимом их просьб горно-заводские власти на какое-то время разрешили части крестьян вносить отсыпной хлеб вместо обработки заводской пашни. Но во втором десятилетии крестьян вновь принудили к работе на заводской пашне, которую попытались приблизить к их полям, а затем снова выделили в отдельное от крестьянских пашен поле. Контингент принудительно работавших на заводской пашне в XIX в. увеличился. Несмотря на работу 2 тыс. чел. на поле в почти 4 тыс. дес. продовольственную проблему за счет получавшегося с заводской пашни хлеба решить не удалось. Кабинет продолжал делать на заводскую пашню главную ставку, пытаясь повысить объем получаемого с нее хлеба путем увеличения вдвое числа занятых на обработке ее крестьян, но не добился этого. В начале 30-х гг. XIX в. под влиянием не прекращавшейся борьбы крестьян за ликвидацию заводского хлебопашества ему пришлось пойти на его отмену.

В процессе осуществления методов внеэкономического принуждения приписных крестьян кабинетского хозяйства и других районов страны было много общего. В частности, крестьяне кабинетского хозяйства и приписные крестьяне казенных заводов Урала, Карелии отработывали намного больше нормы, определенной подушным окладом, трудоспособным приходилось выполнять работу за больных, умерших, взятых в рекруты, престарелых, беглых и т.д., зачастую во время сельскохозяйственных работ, у крестьян вымогались взятки деньгами и натурой во время приема выполненной работы. Выполнение заводских работ по найму крестьянам обходилось в несколько раз дороже, чем они засчитывались по плакатным ценам²²⁵. Волнения приписных крестьян в других районах, как и в кабинетском хозяйстве, подавлялись с помощью военной силы²²⁶.

Вместе с тем норма эксплуатации крестьян в кабинетском хозяйстве была выше, чем у приписных крестьян Урала и Карелии. Во время пребывания на заводских работах крестьяне Урала, кроме провозных, получали на льготных условиях провиант для себя и фураж для лошадей²²⁷. Приписные крестьяне кабинетского хозяйства этого не имели. Горно-заводское начальство Алтая и Забайкалья с большой неохотой шло на выдачу голодающим крестьянам хлеба в неурожайные годы с условием возврата из будущего урожая. В феврале 1822 г. с разрешения горного начальства выдали на время пребывания на заводской работе нерчинским крестьянам по 3 пуда хле-

ба, причем только тем из них, у кого совершенно не было в доме хлеба перед уходом на работу. С позволения начальника Нерчинских заводов в 1834 г. по 10 фунтов провианта выдавали в течение нескольких месяцев крестьянам Аргунской волости, у которых, по свидетельству управителя, дети «в чертах лица от голоду сильные изменения имели»²²⁸.

Крестьяне кабинетского хозяйства к участию в снабжении заводов и рудников провиантом и фуражом принуждались феодальными методами, чего не знали крестьяне Урала и Карелии. Заводские конторы Урала закупали хлеб в приписной деревне у крестьян «с вольного торгу», для Олонецких заводов провиант закупался за пределами заводского ведомства²²⁹.

Осуществить аграрную политику в приписной деревне с теми результатами, на которые рассчитывал Кабинет, не было реальных возможностей в связи с тем, что она шла вразрез с объективным ходом развития самой приписной деревни. Попытки нивелирования крестьянского хозяйства в условиях начавшегося разложения феодального строя были в основе своей заведомо обречены на провал. Именно поэтому Кабинет не смог достичь такого положения, при котором все приписные крестьяне могли бы участвовать в обеспечении заводов и рудников провиантом и фуражом. Даже насильственное вырывание из среды крестьян самых бедных, которых отдавали в вечные горные работники, в рекруты, не могло обеспечить выравнивания крестьянского хозяйства, так как процесс углубления имущественного неравенства, перераставшего в неравенство социальное, коснулся и приписной деревни.

Кабинет и горное начальство, опираясь на сельскую администрацию, стремились подчинить хозяйственную инициативу крестьян интересам горно-заводского производства. На это же была направлена и аграрная политика Кабинета, основное содержание которой определялось спросом со стороны заводов и рудников на продукты питания, которые можно было получить из крестьянского хозяйства. Вышеприведенные факты не дают оснований согласиться с выводом М.М. Громыко: «Заводскую администрацию не интересовало, в каком размере, где и как ведет свое хозяйство крестьянин»²³⁰, а также с утверждением Г.П. Жидкова, считающего, что хозяйственное управление приписной деревней «...на деле сводилось к регистрации экономического состояния деревни да выколачиванию податей и повинностей, в этом смысле алтайского крестьянина (по сравнению с по-

мещичьим) действительно отличала относительная свобода хозяйственной деятельности»²³¹.

Нельзя согласиться и с объяснением фактов вмешательства во внутреннюю жизнь крестьянской общины приписной деревни кабинетского хозяйства со стороны управителей лишь заботой о своих интересах с целью получения взятки²³². Активного вмешательства в хозяйственную жизнь приписной деревни постоянно требовала горно-заводская администрация, подвергавшая земских управителей различным мерам наказания за недостаточную исполнительность в выполнении данного требования. В этом отношении приписные крестьяне кабинетского хозяйства оказались в худшем положении, чем помещичьи крестьяне оброчных имений, владельцы которых не вмешивались во внутреннюю жизнь общины, интересуясь фискальными поступлениями и выполнением крестьянами оброчных повинностей²³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Жидков Г.П. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири... С. 215.
- ² РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 317. Л. 79–81.
- ³ ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 7. Л. 419.
- ⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 269. Л. 1; Оп. 45. Д. 317. Л. 79–81.
- ⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 368. Л. 6; Оп. 43. Д. 798. Л. 4об.
- ⁶ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 20, № 14.878.
- ⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 330. Л. 1–3.
- ⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 320. Л. 170; Д. 333. Л. 18–20.
- ⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 137. Л. 24; ЦХАФАК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 97. Л. 700.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 14. Л. 1025–1072.
- ¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 798. Л. 13.
- ¹² ЦХАФ АК Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 289–313; Ф. 169. Оп. 1. Д. 15. Л. 637; РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 318. Л. 79–81.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 28. Л. 20, 166.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 798. Л. 1, 4.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 334. Л. 3, 5.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 99. Л. 48; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 559, 561.
- ¹⁷ ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 118.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 99. Л. 48, 51.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 20. Л. 101, 210; Д. 19. Ч. 2. Л. 92, 93, 194; ЦХАФАК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 25. Л. 38, 46, 52–56, 58; Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 118, 334.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 14. Л. 1024–1072.
- ²¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 99. Л. 48, 51; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 19. Л. 226, 334; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 163. Л. 32, 39; Д. 164. Л. 77, 104, 105, 114; Д. 165. Л. 7.

- ²² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 372. Л. 2–3; Д. 378. Л. 1.
- ²³ ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 13. Л. 163, 166.
- ²⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 132. Л. 7; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6. Л. 94, 96.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 37. Ч. 2. Л. 403.
- ²⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 373. Л. 1; ГАНО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 7. Л. 157–182.
- ²⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 798. Л. 6.
- ²⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 132. Л. 3, 7.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 25. Л. 436; Д. 26. Л. 399; ЦХАФАК. Ф. 1 Оп. 1. Д. 23. Л. 87; ГАНО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1. Л. 28; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 16. Л. 56; ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 12. Л. 234; ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 15. Л. 119, 138; Оп. 1. Д. 37-а; Л. 153; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 14. Л. 1024–1073.
- ³⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 273. Л. 5; Оп. 43. Д. 798. Л. 15.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 12. Л. 373.
- ³² РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 33. Л. 338.
- ³³ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 798. Л. 9.
- ³⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 164. Л. 76; ЦХАФАК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 130.
- ³⁵ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1. Л. 263; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 40. Л. 189–198; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 48. Л. 541.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 28. Л. 186.
- ³⁷ ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
- ³⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 771. Л. 1–12.
- ³⁹ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 20. Л. 262–267; РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 771. Л. 1–12.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 614. Л. 2–4.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 30. Л. 291, 543.
- ⁴² РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 29. Л. 241.
- ⁴³ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 47. Л. 276.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 165. Л. 13; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 24. Л. 207; Д. 49. Л. 300; Д. 21. Л. 483.
- ⁴⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 33, 38, 39, 41–43, 50, 51, 53.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 23. Л. 508; Д. 39. Л. 689–702; ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 372. Л. 47, 67, 149–167, 129–139.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 330. Л. 3.
- ⁴⁸ ГАТО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 3. Л. 303.
- ⁴⁹ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 13. Л. 1053.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 49. Ч. 1. Л. 100, 103, 107, 110–113.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 49. Ч. 1. Л. 79.
- ⁵² РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 398. Л. 4; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 46. Л. 480–484; Д. 47. Л. 154; Д. 49. Ч. 1. Л. 478–482.
- ⁵³ *Жидков Г.П.* Экономика кабинетской деревни Западной Сибири... С. 215;
- Лукичев С.С.* Феодалные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян... С. 8.
- ⁵⁴ *Лукичев С.С.* Феодалные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян... С. 10–11.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 760. Л. 76, 77, 136.
- ⁵⁶ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 32. Л. 295, 299.
- ⁵⁷ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 353, 354–390.

- ⁵⁸ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 408,426; Д. 7. Л. 84–89, 103, 104.
- ⁵⁹ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7. Л. 174, 239; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 763. Л. 237; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 575. Л. 110.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 798. Л. 1–16.
- ⁶¹ *Прутченко С.* Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. в строе управления русского государства: Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1. С. 49–50; *Соболева Т.Н.* Управление Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987. С. 41–58.
- ⁶² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 47. Л. 5, 127; Д. 165. Л. 78, 82; Д. 220. Л. 29–31; Д. 303. Л. 2, 5, 9–12; Д. 317. Л. 1; Д. 456. Л. 11.
- ⁶³ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 616. Л. 143–144.
- ⁶⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 763. Л. 383–384.
- ⁶⁵ *Лукичев С.С.* Феодалные повинности... С. 11.
- ⁶⁶ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 615. Л. 459; Д. 867. Л. 31–32.
- ⁶⁷ *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 253–255; *Балобанов М.* Как возник и развивался рабочий класс в России. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 11; *Он же.* Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 1: Крепостная Россия. М.: Экономическая жизнь, 1926. С. 118; *Кафенгауз В.В.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. Т. 1. С. 307, 312; Из истории Урала. Свердловск, 1971. С. 29; Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII – начало XX в.) / Обзор документов. М., 1968. С. 15–16, 65; *Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.* М.: Наука, 1983. С. 79; *Томсинский С.М.* Эксплуатация детского труда на заводах Урала в первые десятилетия XVIII в. // Из истории рабочего класса Урала. Пермь: Пермское книжн. изд-во, 1961. С. 65–76; *Он же.* Эксплуатация детского труда на заводах Урала в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Пермь, 1966. С. 14–27.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 30. Л. 130; Оп. 43. Д. 616. Л. 141.
- ⁶⁹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 580; 581; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 165. Л. 77.
- ⁷⁰ *Семевский В.И.* Горнозаводские крестьяне... С. 8.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 20. Л. 210, 211; Д. 23. Л. 372, 398; Д. 24. Л. 118–126, 325, 326, 332, 400.
- ⁷² ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 701. Л. 59.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 26. Л. 123.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 30. Л. 115–118; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 290. Л. 118.
- ⁷⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 334. Л. 41; Д. 303. Л. 6.
- ⁷⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 303. Л. 13; Д. 311. Л. 30, 31.
- ⁷⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 417. Л. 100б.; Оп. 20. Д. 439. Л. 6,8; Д. 464. Л. 2,8; Д. 760. Л. 176–183, 278, 285.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 25. Л. 199.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 30. Л. 115–118.
- ⁸⁰ ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 30. Л. 112.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 439. Л. 6; Д. 464. Л. 2, 8; Д. 760. Л. 176, 275; *Чуковитин Н.Г.* Петровск-Забайкальский завод – один из первых в черной метал-

лургии Забайкалья // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978. С. 57.

⁸² Агапова Т.И. Положение народных масс... С. 93, 95, 96.

⁸³ Бояршинова З.Я. Крестьянский двор в Сибири как производственная единица... С. 9.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 12. Л. 240, 315; Д. 13. Л. 68, 128, 154, 166; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 20. Л. 256; Д. 40. Л. 615; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 164. Л. 110.

⁸⁵ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 10. Л. 97; Д. 11. Л. 51; Д. 17. Л. 27.

⁸⁶ Хрестоматия по истории Алтайского края (с древнейших времен до конца XIX в.) / Сост. А.А. Худяков... С. 35.

⁸⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 99, 101.

⁸⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 243, 245.

⁸⁹ Там же. Д. 67. Л. 203, 204, 206, 207.

⁹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 319. Л. 1, 2, 4, 5.

⁹¹ Ледебур К.Ф. Путешествие по Горному Алтаю и предгорьям Алтая // Краеведческие записки. Барнаул, 1959. Вып. 2. С. 296.

⁹² ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 818. Л. 48.

⁹³ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 153. Л. 503, 505, 509.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 23. Л. 74–92.

⁹⁵ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 617. Л. 351.

⁹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 796. Л. 43–44.

⁹⁷ Записка, составленная Советником Платоновым по предмету облегчения приписных к Алтайским заводам крестьян по исправлению заводских работ. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 334. Л. 1–5; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 153. Л. 612–613, 729–775; Ф. 31. Оп. 1. Д. 1263. Л. 31, 32, 161.

⁹⁸ История Сибири... Т. 2. С. 212.

⁹⁹ Сорокин М.Е. Горно-заводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747–1779 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965. С. 236.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 753. Оп. 1. Д. 79. Л. 110.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 13. Л. 8, 12.

¹⁰² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 40–40об.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 64. Л. 23; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 14. Л. 62, 70, 71, 221.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 15. Л. 199–202; Д. 19. Л. 126–127, 281; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 9. Л. 391, 394; Д. 10. Л. 485, 490; Д. 11. Л. 5; ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 12. Л. 225.

¹⁰⁷ Филов В.Г. Пугачевцы на Алтае. Барнаул, 1955. С. 75; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15. Л. 72; Д. 27. Л. 527.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 147. Л. 1; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 16. Л. 149; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 8. Л. 58; Д. 7. Л. 313, 314; Д. 27. Л. 528.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 23. Л. 273, 280.

¹¹⁰ Подробнее о принудительных поставках провианта см.: Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Томск, 1985. С. 109–117.

- ¹¹¹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 13. Л. 12, 14, 15; Ф. 468. Оп. 18. Д. 64. Л. 23.
- ¹¹² РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 13. Л. 14; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 37, 79, 153.
- ¹¹³ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 12. Л. 23; Д. 13. Л. 12, 16; Д. 14. Л. 213, 263, 60, 97, 99; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 5. Л. 252; Д. 5 а. Л. 215; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 81. Л. 64 об.
- ¹¹⁴ ГАНО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
- ¹¹⁵ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 11. Л. 430–446; Д. 17. Л. 404–409; Д. 18. Л. 337, 340; Д. 23. Л. 74–82; Оп. 1. Ч. 2. Д. 4. Л. 184; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440. Л. 352.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 10. Л. 514.
- ¹¹⁷ Там же. Д. 24. Л. 581, 594–599, 755.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 11. Л. 318–319; Д. 25. Л. 390–391.
- ¹¹⁹ Там же. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 26. Л. 119.
- ¹²⁰ Там же. Л. 426.
- ¹²¹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 25. Л. 199об.; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 27. Л. 526, 527.
- ¹²² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 29. Л. 119–123; Д. 290. Л. 115–116.
- ¹²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 120. Л. 5–7; ГААК. Ф. 169. Оп. 1 Д. 33. Л. 11–14.
- ¹²⁴ Подробнее см.: *Жеравина А.Н.* Очерки по истории... С. 109–148; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 356. Л. 29–29об.
- ¹²⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 356. Л. 1–б, 4, 24, 24об, 29; ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 6. Л. 287; *Степанов А.И.* Енисейская губерния. Ч. 1. СПб., 1835. С. 250.
- ¹²⁶ ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 33. Л. 14.
- ¹²⁷ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. Л. 152.
- ¹²⁸ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3. Л. 581.
- ¹²⁹ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 8 а. Л. 105, 108, 126–129; Д. 13. Л. 107; Д. 19. Л. 492.
- ¹³⁰ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 475–485.
- ¹³¹ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 16. Л. 128–129.
- ¹³² ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 33–36.
- ¹³³ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Л. 694; Ф. 61. Оп. 1. Д. 85. Л. 16.
- ¹³⁴ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 376.
- ¹³⁵ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 42. Л. 41 об., 194; Д. 51. Л. 156.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 25. Л. 61–62; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 477. Л. 62.
- ¹³⁷ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 48. Л. 163.
- ¹³⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 356. Л. 29.
- ¹³⁹ *Лукичев С.С.* Феодальные повинности... С. 15; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 27. Л. 526–528; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 407–408; ГАНО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 150–153.
- ¹⁴⁰ ГАНО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 163.
- ¹⁴¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 344. Л. 103, 116, 117.
- ¹⁴² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 99. Л. 27–29; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 31. Л. 440; Д. 32. Л. 267.
- ¹⁴³ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 15. Л. 58, 60, 286, 287, 290, 321, 325; Д. 12. Л. 304, 326, 334, 387, 391; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 639.

- ¹⁴⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 147. Л. 1.
- ¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 37. Ч. 2. Л. 403.
- ¹⁴⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 163. Л. 12; Д. 180. Л. 3; Д. 223. Л. 6; Оп. 20. Д. 520. Л. 24; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 10. Л. 352; Д. 35. Л. 30; ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–25; *Мамсик Т.С.* Крестьянская среда и беглец... С. 97–99.
- ¹⁴⁷ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 21–28.
- ¹⁴⁸ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 156. Л. 117.
- ¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 16. Л. 112.
- ¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 23. Л. 28, 29, 31, 36; Д. 34. Л. 772; Д. 25. Л. 401–402; Д. 26. Л. 362; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 20. Л. 768; Д. 40. Л. 264; ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 9. Л. 33; ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 12. Л. 36; ГАТО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1. Л. 388–389.
- ¹⁵¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 24.
- ¹⁵² РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 25. Л. 401–402; Д. 34. Л. 42.
- ¹⁵³ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 23. Л. 23, 24.
- ¹⁵⁴ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.
- ¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 39. Л. 277.
- ¹⁵⁶ ГАНО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 238.
- ¹⁵⁷ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 76, 77.
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 48. Л. 1060.
- ¹⁵⁹ Домовая летопись, писаная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. ... С. 66, 79, 81.
- ¹⁶⁰ *Потанин Г.Н.* Материалы для истории Сибири... С. 130, 136, 189, 225–230.
- ¹⁶¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 289. Л. 869, 871, 876; ГАНО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 8. Л. 51; Ф. 110. Оп. 1. Д. 3. Л. 239.
- ¹⁶² ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 53. Л. 15.
- ¹⁶³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 48. Л. 207; ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 57. Л. 8; Д. 139. Л. 1,2.
- ¹⁶⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 575. Л. 1, 3.
- ¹⁶⁵ *Лукичев С.С.* О поставках приписными крестьянами... С. 41.
- ¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6. Л. 95.
- ¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 10. Л. 132об., 134.
- ¹⁶⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 15. Л. 3 об.
- ¹⁶⁹ ГАНО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 8. Л. 76.
- ¹⁷⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 151. Л. 4, 5.
- ¹⁷¹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 13. Л. 15, 65; Д. 15. Л. 58, 65, 287, 290, 321, 325; Д. 16. Л. 37, 157; Ч. 2. Д. 6. Л. 314; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 99. Л. 27, 29; ГАТО. Ф. 62. Д. 3. Л. 361.
- ¹⁷² ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 344. Л. 117.
- ¹⁷³ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 163. Л. 21.
- ¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6. Л. 95; Д. 10. Л. 132, 134; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 15. Л. 3 об.
- ¹⁷⁵ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 31. Л. 645, 652–655; Д. 40. Л. 52–55; Д. 42. Л. 87, 88, 104; Д. 43. Л. 362; Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 859, 860, 869, 873, 874.

¹⁷⁶ Булыгин С.С. Приписное крестьянство как источник формирования рабочих кадров Кольвано-Воскресенских заводов (XVIII век) // *Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI – начало XX в.)*. Новосибирск, 1976. С. 98–100; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 40. Л. 82, 83; Д. 34. Л. 76; Д. 48. Л. 576; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 46. Л. 101; ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 37. Л. 613; Д. 42. Л. 52; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 39. Л. 214, 215; Д. 46. Л. 752; ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 7, 8.

¹⁷⁸ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 631. Л. 298.

¹⁷⁹ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 28. Л. 75, 78; Д. 31. Л. 187, 199, 306, 310, 314; Ф. 56. Оп. 1. Д. 20. Л. 345, 347, 349, 351, 355; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 878. Л. 38, 67, 84, 211, 321, 370, 429; Д. 996. Л. 235, 382; Д. 1174. Л. 20, 22; Ф. 31. Оп. 2. Д. 153. Л. 225–227. Вводимые в научный оборот новые материалы о рекрутских наборах в приписной деревне в первой половине XIX в. подтверждают подмеченный по данным за 1824 г. Г.П. Жидковым высокий удельный вес рекрутов из бедноты. Это оказалось характерным для всего периода существования кабинетского хозяйства в Сибири в феодальную эпоху. *Жидков Г.П.* Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья первой половины XIX в. // *Забайкальский краеведческий ежегодник*. Чита: Забайкальский филиал Географического общества СССР, 1969. С. 98.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 39. Л. 83–84, 709; Д. 40. Л. 82, 711; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 49. Л. 87; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 1, 29, 33; ГАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 30. Л. 11–12; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 153. Л. 112, 362, 370.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 147. Л. 1.

¹⁸² РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 272. Л. 40.

¹⁸³ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 279. Л. 102–105, 114, 156, 192, 194, 208, 209.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 536. Л. 25 об.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 760. Л. 265; Д. 344. Л. 30; Д. 761. Л. 566–567.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 191. Л. 6.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 271. Л. 138 об.

¹⁸⁸ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 275. Л. 2.

¹⁸⁹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 282. Л. 34, 35, 40, 45, 46, 49.

¹⁹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 334. Л. 22–25.

¹⁹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 760. Л. 213–214.

¹⁹² РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 398. Л. 15 об.

¹⁹³ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 514. Л. 4.

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 616. Л. 17; Оп. 20. Д. 289. Л. 864.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 236. Л. 788–835.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 536. Л. 3.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 441. Л. 1, 2, 25, 42, 64, 65, 66, 68, 121, 122, 287, 160, 134, 209; Именной, данный Иркутскому военному губернатору указ от 30 сентября «О предосторожности Нерчинского края от недостатка в хлебе» // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 27, № 20439; Именной, данный Тобольскому, Томскому и Иркутскому генерал-губернаторам указ от 13 января 1805 г. «О снабжении Нерчинских заводов хлебом» // СПЗ. СПб., 1830. Т. 28, № 21590.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 536. Л. 79 об., 80.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 536. Л. 36, 54, 62–72; Д. 389. Л. 15 об.

- ²⁰⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 796. Л. 59; *Агапова Т.И.* Казенное хлебопашество во второй четверти XIX в. // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1967. Вып. 3. С. 159.
- ²⁰¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 334. Л. 7–8.
- ²⁰² РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 798. Л. 2–4, 16об.
- ²⁰³ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 114; РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 798. Л. 82.
- ²⁰⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 763. Л. 383; Д. 344. Л. 114; Оп. 43. Д. 334. Л. 9.
- ²⁰⁵ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 629. Л. 477, 478, 524; Д. 497. Л. 255.
- ²⁰⁶ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 848. Л. 83–84; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 760. Л. 142.
- ²⁰⁷ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 282. Л. 190; Д. 354. Л. 321–330.
- ²⁰⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 441. Л. 117об.
- ²⁰⁹ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 113.
- ²¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 760. Л. 196.
- ²¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 519. Л. 102–103; Д. 760. Л. 196, 213, 14; Д. 400. Л. 4–6.
- ²¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 810. Л. 3.
- ²¹³ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 796. Л. 2, 2об.
- ²¹⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 763. Л. 387об.
- ²¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 523. Л. 3; Д. 614. Л. 3об.
- ²¹⁶ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 114–115.
- ²¹⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 30. Л. 115–115 об; Д. 236. Л. 835–835об.
- ²¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 810. Л. 3 об; Д. 796. Л. 13об., 14.
- ²¹⁹ *Агапова Т.И.* Казенное хлебопашество... С. 163; *Жидков Г.П.* Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья... С. 92–100.
- ²²⁰ Крестьяне Сибири... С. 278.
- ²²¹ Подсчитано по материалам: *Жидков Г.П.* Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья в первой половине XIX века // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1969. С. 96.
- ²²² ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1036. Л. 623–641, 766–767, 832–835, 836–838.
- ²²³ *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII в. ... С. 59, 60, 62, 148, 151; *Балагуров Я.А.* Приписные крестьяне Карелии. Петрозаводск, 1962. С. 77–109.
- ²²⁴ *Мухин В.В.* Волнения крестьян вотчины Всеволожских в 1796–1797 годах // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 46–47.
- ²²⁵ *Вагина П.А.* Политика правительства по отношению к крестьянству // Из истории крестьянства и аграрных отношений... С. 43; *Козлов А.Г.* Приписные крестьяне при казенных заводах Урала (XVIII – начало XIX в.) // Из истории крестьянства и аграрных отношений... С. 53.
- ²²⁶ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 808. Л. 510; Д. 848. Л. 347.
- ²²⁷ *Кондрашенков А.А.* Из истории развития земледелия на Урале во второй половине XVIII века // Из истории крестьянства и аграрных отношений...; *Томсинский С.М.* Расслоение уральской деревни в связи с развитием мануфактуры (первая половина XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Евро-

пы. Л., 1973. С. 142; *Балагуров Я.А.* Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962.

²²⁸ *Громыко М.М.* Некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Киев, 1962. С. 298–299.

²²⁹ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 110; *Он же.* Алтайские крестьяне и реформа 1861 г. ... С. 14.

²³⁰ *Мамсик Т.С.* Взаимоотношения сельских общин приписных крестьян с администрацией Кольвано-Воскресенских заводов в 50–80-х годах XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 4: Проблемы русской общины. Вологда, 1976. С. 85.

²³¹ История крестьянства в Европе... Т. 3. С. 340.

Глава 5

ОТНОШЕНИЕ ГОРНОГО НАЧАЛЬСТВА И КАБИНЕТА К КРЕСТЬЯНСКИМ ПЕРЕСЕЛЕНИЯМ ВНУТРИ ЗАВОДСКОГО ВЕДОМСТВА

Привлечение крестьян к индивидуальной ответственности за переезд на новые места жительства во второй половине XVIII в.

Выполнение приписными крестьянами расположенной на них заводской работы и поставок провианта предполагало их постоянное проживание на одном месте жительства. Уже в 1747 г. канцелярия горного начальства столкнулась со сложной проблемой взимания подушной подати, а также причитающихся с крестьян «на покупку драгунских лошадей и подъем рекрутов» денег в связи с тем, что часть крестьян разъехалась «без пашпортов». Жители слобод и острогов нанимали таких крестьян к себе на работу и укрывали их от неоднократно посылаемых за ними нарочных. Указом от 17 марта 1748 г. горное начальство обязало старост тех деревень и слобод, по которым записаны «неплательщики», разыскать их и «впредь оных, так и других пришлых, не имеющих паспортов, никого не принимать и жить не допускать»¹.

Как только стали прибывать на Алтай первые партии пришлых, горное начальство взяло на себя контроль за тем, чтобы «жили они постоянно и порядочно и к побегу намерения не имели». За этим же должна была следить и Кольванская заводская контора. На местах это вменялось в обязанность сотникам и десятникам из числа пришлых же, поселенных при Кольвано-Воскресенских заводах, «для того ежели кто намерится к побегу или без отпуску к отлучке, то б те сотники и десятники объявляли без всякого медления»².

Без опоры на низовую ячейку органов крестьянского управления ни канцелярия горного начальства, ни заводская контора не могли обеспечить контроль за тем, чтобы пришлые не бежали с мест поселения и не отлучались самовольно хотя бы на короткое время. Избежать этого горному начальству все же не удалось.

В течение многих лет разыскивался находившийся с 1748 г. «в бегах с поселения» М. Волков. В ходе розыска было установлено, что во время проезда на поселение его «держал» крестьянин д. Мильтюшской Т. Ташкин. В 1755 г. канцелярия горного начальства обязала последне-го в течение 2 месяцев любой ценой разыскать беглого³.

Обязанность десятников и сотников объявлять «без всякого медления» о тех, кто «намеревался к побегу или без отпуску к отлучке», стала постоянной на все время существования кабинетского хозяйства. Введение её было ответной реакцией Кабинета и горного начальства на проявление крестьянской инициативы в освоении новых земель, на непрекращавшиеся массовые их переселения без соответствующего разрешения.

В 1751 г. в одном из рапортов Кабинету начальник заводов А. Беэр сообщал, что «крестьяне многие по здешним степным и лесным местам в широком расстоянии собою переселивались, где кто хотел и например написан в Бердском остроге, а живет под Бийской крепостью, а Бийский живет под Бердскою... иные написаны под Чаусскою сотнею, а живут в Бердском и живут однодворками и малыми деревнями»⁴.

Отмеченный Беэром факт многочисленных переселений приписных крестьян стал объектом пристального внимания горного начальства. Оно взяло в свои руки решение всех вопросов, связанных с переселением крестьян в другие места жительства в пределах заводского ведомства. Только разрешение горного начальства считалось основанием для переезда крестьян. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что крестьяне, как правило, просили разрешения на переезд уже после того, как начинали осваиваться на новом месте.

В 1752 г. в 7 верстах от д. Бехтемирской вахмистром Нелюбовым был обнаружен М. Черданцев, который построил на новом месте избу и переехал туда с семьей, скотом, частью имущества. На вопрос вахмистра, «где он наперед сего жил и ныне с какого позволения селился, имеет ли повелительный указ и ордер», Черданцев отвечал, что «живет в д. Бехтемирской и приехал сюда только для снятия хлеба, а не для житья» и позволения ему к поселению «ни отколь не дано только подал прошение на оную землю в Бийскую судную избу». Канцелярия горного начальства в ответ на запрос судной избы, что делать с заселившимся однодворкой Черданцевым, приказала: «На прежнее жилище... перевести немедленно... и его за то самовольство наказать плетью нещадно»⁵.

Весной 1753 г. горное начальство узнало о переезде бийских крестьян из д. Бехтемирской Аники Мальцева и из д. Новиковой Матвея и Петра Кайгородовых. Оказалось, что А. Мальцев при построенной им ещё в 1749 г. в 12 верстах от д. Бехтемирской мельнице соорудил «небольшую избу», амбар, «ради работных людей баню», «для содержания мелкого скота, овец и прочего один овчар-

ник». Изба с горницей, все хозяйственные постройки его остались в д. Бехтемирской. На новом месте А. Мальцев распахал и засеял 25 дес. земли. Как и Кайгородовы, которые на новом месте имели избу, хозяйственные постройки, посева, А. Мальцев переехал «без позволения», объяснив это тем, что ещё не успел обратиться в канцелярию за разрешением на переезд и постройку двора при мельнице. После долгого расследования этого дела канцелярия горного начальства приказала крестьян на прежнее место не переводить, так как они уже «завелись совсем домами и имеют тут уже распаханые земли и другие заводы и ежели их с того места свести, то от оною переселения им могут причиниться немалые убытки, а то строение и пашни остануться в туне отчего могут прийти в конечное разорение и ко исправлению заводских работ в несостояние». За самовольное же переселение Кайгородовых и Мальцева старосте Бийской судной избы было приказано «при собрании прочих крестьян дабы впредь на них смотря другим так чинить было неповадно», наказать «плетью нещадно», что и было исполнено⁶.

В том же 1753 г. наказали батогами крестьян Сосновского острога П. Ермолаева, переехавшего в д. Погорюху Белоярской слободы, Ф. Червева и И. Сарина, поселившихся однодворками⁷. В октябре 1755 г. канцелярия горного начальства обязала Бердскую судную избу самовольно поселившихся на речке Мильтюше крестьян д. Гуселетовой Т. Маркова, Юргановых, И. Волхина, Б. Веснина, наказав плетью, «вывезти в Гуселетову», а дворы их разломать⁸.

В мае 1756 г. д. Чумышской Чаусского острога Т. Елгин объявил в судной избе о выезде пятерых крестьян с семьями из домов своих «в пустые отдаленные места» за 300 верст от Чаусова; одного – в д. Каменскую (тоже за 300 верст), и «другие выезжают в те места и селятся дворами для житья», а в д. Чумышской «весной хлеба уже не сеяли». Чаусская судная контора потребовала «оных съехавших где строятся и построились все разломать», а крестьян всех вернуть в д. Чумышскую⁹.

В 1757 г. Бердская судная изба просила канцелярию горного начальства считать за Красноярской судной избой крестьянина О. Елкова с двумя сыновьями, переехавшего самовольно в находившуюся в ведении последней д. Усть-Поспелихинскую на Алее. С Елкова Бердская судная изба никак не могла взыскать не поставленный им по расположению за 1756 г. провиант в размере 10 пудов ржаной муки и 2 р. 24½ к. подушных за снятую в 1755 г. заводскую работу с малолетних сыновей. В конце 1757 г. по просьбе Бердской судной

избы канцелярией горного начальства был выслан драгун Соколовский на «коште» О. Елкова, с повелением при наличии у крестьянина дома в Усть-Поспелихинской заставить его продать, если же не найдется охотников купить, разломать печь, а дом опечатать. Бийская судная изба должна была обеспечить перевод Елкова на его коште на прежнее место жительства, в д. Маюрову, наказав не только его самого, но и десятника этой деревни за то, что тот не донес судной избе о намерении Елкова уехать отсюда¹⁰.

Весной 1758 г. канцелярия горного начальства потребовала от Бердской судной избы переехавшим самовольно крестьянам на новом месте «пашни пахать и дворами строиться отнюдь не допускать». В ответ на запрос горного начальства судная изба сообщила, что крестьяне Ярославцевы, К. Вдовин, Т. Заковряшин, М. Чувашов, Е. Плотников, Т. Хромцов – все живут на новом месте «своими домами». Канцелярия горного начальства предписала всех наказывать плетью, разломать построенные ими дома и перевести всех на прежнее место жительства; десятников деревень, из которых крестьяне уехали, «за необъявление» о их выезде наказывать при собрании крестьян батожем «жестоко». Всех крестьян, кроме Ярославцева, уехавшего на охоту, в крепких «смыках» привели сначала в судную избу, затем в канцелярию горного начальства. Вдовина вместе с крестьянином Чаусского острога Ворониным сельчане отбили у сотника и драгуна Вахрамеева, которого Воронин «едва шестом не проколол». Многие жители, как докладывал позднее Вахрамеев, «за К. Вдовина приставали и бранились убоясь того сильно Вдовина драгун и сотник взять не могли». Сыновья Вдовина «за ослушность драгуну с сотником и отбой отца своего» были наказаны плетью¹¹.

В мае 1759 г. в д. Прослаушинскую Малышевской слободы был отправлен нарочный за переселившимся сюда из д. Заковряшиной С. Чупиным с предписанием наказать; если построил дом – разломать, лес разбросать. Осенью 1760 г. сотник Сосновского присуда В. Козяков доносил канцелярии горного начальства, что И. Некрасов из д. Чашинской в д. Пашину на Ине, Н. Саламатов в д. Чиркову на Сосновке, Л. Пичугин из д. Хорошего Бору в д. Каменку «разъехались с семействами своими» и спрашивал, что «учинить с оными крестьянами». 16 декабря последовал указ канцелярии горного начальства: «крестьян Ивана Некрасова с товарищи сыскать за самовольный переезд... при собрании крестьян наказывать плетью и потом у них в тех деревнях, в коих... поселились дворы до почвы разломать и оттоль

со всеми семействами в скором времени перевести в те деревни в коих прежде жили»¹².

В том же году Мальшевская судная изба на основании сообщения десятника д. Мерецкой рапортовала в канцелярию горного начальства о крестьянине Е. Остольцеве, самовольно переехавшем в эту деревню. Судная изба спрашивала, что с «оним чинить». Указом от 22 августа канцелярия горного начальства распорядилась Остольцева за самовольный переезд из д. Кротовой в Мерецкую «наказать плетью жестоко», «имеющийся в той деревне Мерецкой... Остольцева двор со всем строением разломать и изрубя сжечь», а ему жить «по прежнему в Кротовой». В сентябре 1760 г. судная изба сообщила горному начальству об исполнении указа¹³.

После учреждения должности земских управителей контроль за тем, чтобы крестьяне не осмеливались переезжать на другие места жительства без согласия на это канцелярии горного начальства, осуществляли и земские управители. В случае поступления просьб от крестьян они должны были внимательно изучить мотивы крестьянских прошений, проверить их обоснованность, осмотреть просимые места, получить согласие мира на отпуск желающих переехать и на прием, если крестьянин собирался переезжать в уже существующую деревню или неподалеку от неё. Чаще всего свое желание переехать на другое место жительства крестьяне мотивировали выпаханностью земли, невозможностью совершать дальние переезды от места жительства на вновь освоенные ими земли.

24 марта 1767 г. горное начальство издало указ с требованием к земским избам, чтобы крестьяне «пашню б производили в ближних к жилу местам а вдаль не отъезжали б», чтобы на пахотные земли возили навоз «от чего они никогда выпахиваться не будут». Всех поселившихся однодворками было приказано соединить в слободы и деревни, чтобы в них было не меньше 50, а в маломощных «жилых местах» не менее 20 дворов. В отношении самовольно переселившихся к этому времени было предписано «перевести на прежние их жилища»¹⁴.

К последней мере горное начальство прибегало не всегда. Были нередкими случаи, когда оно ограничивалось телесным наказанием крестьян, оставляя их на новом месте жительства, как это было решено в отношении А. Мальцева и Кайгородовых, о которых говорилось выше.

Жителей д. Речкуновой Порошиных, Бахаревых, А. Архипова в 1776 г. за самовольный переезд в д. Чупину «кроме маловозраст-

ных» наказали плетьюми, но жить оставили в Чупиной¹⁵. Иногда крестьяне считали, что переехали на законном основании с разрешения земского управителя. Р. Вотяков, В. Завьялов, П. Головских, П. Пьянков, П. Барсуков, Г. Шемонаев (всего 15 семей), переехавшие в другие деревни или к «распаханной пашне» в построенные ими избушки «для вешней пахоты и жнитвенной поры и зимнего времени молотьбы и для кормления скота, избегая возки», ссылались на разрешение, данное им управителем Ф. Потылицыным. Управитель в канцелярии горного начальства был допрошен и заявил, что только трем крестьянам позволил после неоднократных их просьб построить «вместо шалашей маленькие избушки», а «не так чтобы им совсем переехать и настоящие тут дома строить и заводить», что никому «более дозволения на переезд не давал»¹⁶.

В случае же, если действительно подтверждалось, что управитель осмеливался брать на себя окончательное решение вопроса о переселении крестьян без ведома канцелярии горного начальства, он за это отвечал перед ней. В 1771 г. с управителя Коршунова за разрешение на переезд бердских крестьян удержали жалование за полмесяца. Все крестьяне (12 семей), переселившиеся по дозволению Коршунова, были водворены в прежние места жительства¹⁷.

Самовольные переселения крестьян не прекращались и в последующие десятилетия. В 1779 г. Кузнецкая земская изба требовала от Бийской земской избы возвращения из д. Поперешной жившего там без паспорта С. Филатьева. В 1780 г. Бийская земская изба была обеспокоена переездом крестьян деревень Комаровой, Новой, Соколовой вверх по Иткулю, где они уже выстроили две избы, распахали и засеяли «разного хлеба» на площади в 18,5 дес. Она же требовала возвращения в д. Большую Угреневу А. Синкина, переехавшего в с. Бачатское. Капитан-исправник Озеров в 1784 г. распорядился, чтобы Чаусская земская контора, не принимая никаких отговорок, переселила на прежнее место жительства всех крестьян, переехавших без позволения. В 1789 г. Бердская земская изба добивалась возвращения в деревни её ведения около 20 семей, переселившихся в деревни Легостаевской, Кривощевской, Ординской, Чингинской, Бийской земских изб. О водворении самовольно переселившихся крестьян, как правило, «на ближайšie к их пашням места» писали многие земские избы¹⁸.

В 1796 г. директор экономии С. Голощاپов разъяснял Бийской земской избе, что сам он лично крестьянам д. Шубенки в свой приезд разрешил только построить маленькие избушки «на случай не-

большого хлебопашества лишь для хранения припаса, а не для переезда туда». Оказалось же, что часть крестьян стала переезжать ближе к пашням насовсем. С. Голошапов распорядился «без малейшего посябления всех их оттуда выгнать в д. Шубенку»¹⁹.

В фондах судебных и земских изб отложилось огромное количество объявлений сотников и десятников о самовольно отлучившихся крестьянах, за которых они несли личную ответственность. Сотник Игнатий Шмаков в феврале 1756 г. в Чаусскую контору направил «объявление»: «Был я за нарядом подвод под перевозку из города Кузнецка из Бердского острога и из Малышевской слободы в повеленные места казенного провианта по разным Чаусского присуду деревням и наведаясь что сотни моей чаусских обывателей 25 человек неведомо куда от домов своих бежали а где ныне находятся я неизвестен»²⁰.

1 сентября 1790 г. десятник д. Пустынской Семен Барсуков в Чагышскую земскую избу сообщал: «20 августа крестьянин Осип Зырянов неведомо куда отлучился которова и поныне не имеется... 30 числа крестьянин Фома Барсуков и с матерью ево Хавроньей Афанасьевой неведомо куда отлучился»²¹.

Десятники и сотники должны были своевременно сообщать не только о самовольно переселившихся крестьянах, но и о тех, кто собирался переехать на другое место жительства. В 1757 г. был наказан батогами десятник д. Маюровой как раз за то, что, зная о намерении крестьянина Елкова переселиться в д. Поспелиху, не рапортовал об этом в Бердскую судебную избу.

Большой интерес представляет история возникновения деревень, основанных крестьянами в Кулундинской степи на Алтае. К ней уже обращался А.Д. Колесников, который, в частности, писал: «Сначала заводские власти пытались выселить самовольных переселенцев на их прежние места жительства, но из этого ничего не вышло. На Кулунду выехал начальник заводов Христиани, который нашел, что «место в имеющихся при речке Кулунде двух деревнях: в Черемшанской и Андроновой к жилью человеческого и к содержанию скота изобильное, к хлебопашеству земель есть довольно лесов на строение также немало». 21 июня 1756 г. по решению Христиани было дано указание самовольным переселенцам на р. Кулунде «жить невозбранно, точию в оные деревни других как заводского, так и не заводского ведомства никого не пущать»²².

В действительности же дела крестьян, переселившихся на Кулунду «без письменного вида», сложились не совсем так, как это

представлено А.Д. Колесниковым. В сентябре 1754 г. Чаусская судная контора направил в канцелярию горного начальства крестьянина Афанасия Заикова, самовольно переехавшего на речку Кулунду. Заиков объяснял свой переезд «не для чего иного как только для одного рыбного и звериного тут промысла» и «не со всем своим семейством, а только с женой, оставив в д. Луговой в своем доме детей». В ходе допросов выяснилось, что судная изба требовала от него возвращения вместе с женой в д. Луговую, чего Заиков не выполнил «по сущей простоте своей и малорассудия своего думая что он не совсем там семейством съехал и в ней оставленными детьми в доме никакой нужды не состоит». За самовольный «для жительства» (Заикову не удалось провести горное начальство) переезд в д. Кулундинскую его наказали батогами, после чего обязали «впредь жить на том прежнем месте» в д. Луговой. Почти через 30 лет в той деревне жил его сын Иван с детьми, в ней было ещё несколько семей Заиковых, видимо, детей Афанасия Заикова²³.

Летом 1755 г. у крестьянина Малышевской слободы Е. Полковникова, как сообщили из судной избы в канцелярию горного начальства, «были поколоты семь лошадей». Пострадавший просил Малышевскую судную избу взыскать убыток с крестьянина И. Андропова, жителя вновь заведенной д. Кулундинской, оказавшейся на территории Бердской избы. Начальник заводов С. Христиани сделал запрос в Бердскую судную избу, откуда и на каком основании переехали в д. Кулундинскую её жители. Оказалось, что в 1747 г. на Кулунде поселились 8 семей из д. Жарковой, в 1749 г. – 5 семей из д. Ересной (обе ведения Бердской судной избы), 8 семей из деревень Чингинской, Дрествянской Малышевской слободы. В 1750 г., продав свой дом в д. Самсоновой Бердского острога, переехал на Кулунду Г. Белозеров (за что он в 1752 г. уже был наказан плетью, и со старосты спрашивалось, с чьего позволения Белозеров продал дом). В 1753 г. сюда переехали из Томска ясашные Н. Попов, М. Булатов и М. Рощектаев.

Осенью 1755 г. в кулундинские деревни на коште живущих там крестьян был направлен шихтмейстер В. Беэр с казаками для высылки всех их в прежние места жительства. В пяти населенных пунктах (деревнях Черемшанской, Андроновой и трех ещё не имевших названий) оказалось 38 дворов. Только четырех крестьян (С. Жаркова, И. Андропова, И. Бахарева, В. Литвинова), как сообщил В. Беэр в канцелярию горного начальства, оставили в деревнях Черемшанской и Андроновой, так как лошади этих крестьян были взяты для сопровождения казаками всех высланных на прежние места жительства. «Дворы 34 крестьян... все до единого разломал», – докладывал

В. Беэр. И. Белозерова в момент выселения крестьян с Кулунды дома не оказалось, он был тогда в Колыванском заводе «за продажею скота своего». Его жену «со всем скотом и животом» казаки перевезли в д. Белкову Малышевской слободы и передали десятнику.

На основании ордера, выданного В. Беэром, выборный В. Дроздов должен был вернуться на Кулунду, чтобы разломать оставшиеся там дворы. В связи с тем, что выдворенные крестьяне не в состоянии были сразу вывезти хлеб, на Кулунде В. Беэр разрешил оставить 10 человек и до весны не ломать оставленные 4 двора. 9 декабря канцелярия горного начальства направила в Малышевскую избу указ с предписанием «весною по сходе снегу в деревнях кулундинских оставшие шихтмейстером Беэром без разломки крестьянские четыре двора разломать и жить тут крестьянам отнюдь никому не давать но высылать в прежние жилища». И только летом 1756 г. С. Христиани, наконец, разрешил не ломать эти дворы, а их хозяевам остаться здесь жить. Разрешено было жить в д. Андроновой и В. Полковникову, переведенному сюда с места, в котором он обосновался в 20 верстах от д. Андроновой.

Таким образом, между тем, что было «сначала», и разрешением С. Христиани остаться крестьянам на Кулунде пролегла драматическая ситуация, вызванная насильственным возвращением на прежние места жительства 34 семей.

В январе 1757 г. крестьянин д. Кучутской Малышевской слободы П. Куликов вместе со своим сыном, отцом и тремя братьями просил у канцелярии горного начальства разрешения на переезд на Кулунду за 30 верст от д. Кучутской. Там уже 5 лет Куликовы пахали землю, построили избу, для молотбы хлеба овин и 2 амбара «для положения того хлеба». Как сообщал Куликов, облюбванное им место «достойное и хлебородное» и к житию человеческому и к содержанию скота всем изобильное и лесов на строение есть довольно». И далее: «Оно и от деревни Черемшинской где крестьянин Семен Жарков с прочими живет недалеко и ближе той Черемшанской деревни к слободе Малышевской 25 верстами и в оном же месте по той речке Кулундинской можно соорудить для молотбы хлеба мельницу». Вместе с Куликовыми хотели переехать на Кулунду крестьяне из деревень Идоловой (И. Зулин), Кучутской (И. Речкин), Шалаболихи (В. Сартин, П. Карпов), всего 12 крестьян. 25 января канцелярия горного начальства запросила Малышевскую судную избу, верно ли, как пишет Куликов, в д. Кучутской место низкое и пахотные земли и луга затапливает весной, не опасно ли место на Кулунде, не будет ли «отягощения» остающимся жителям д. Кучут-

ской в исполнении подводной гоньбы и мирских тягот. Судная изба не дала согласия на переезд Куликова. Канцелярия горного начальства на этом основании определила: «Куликову жить в Кучутской и при этом крепко смотреть, чтоб на Кулунде никто самовольно жить не поселялся. Кто поселится ломать дома». Но вскоре последовало новое распоряжение канцелярии: «Амбары Куликова на Кулунде не ломать, велеть ему по-прежнему пахать тут же только к переезду туда со всем их семейством не допускать». И лишь позднее Куликову было окончательно позволено поселиться на Кулунде. Разрешено было переехать туда и И. Зулину. В конце 1757 г. по разрешению горного начальства переехали ещё шесть семей бердских крестьян «на распаханые ими земли между Кулундинскими и Малышевскими деревнями на речке Прослаухе». Они остались записанными по Бердскому острогу, вместе с бердскими крестьянами должны были выполнять все повинности²⁴.

В январе 1760 г. Бердская судная изба направила «под караулом» сотника крестьян Алексея и Ивана Кузнецовых в канцелярию горного начальства к следствию за самовольный их переезд из д. Мильтошской к «вновь построенной мельнице». Канцелярия горного начальства приказала жить им по-прежнему в д. Мильтошской, а на новом месте все строения, кроме мельницы, разломать «до почвы»²⁵.

Одновременно с заселением земель по Кулунде крестьяне осваивали берега рек Алтая. В 1758 г. крестьяне Бердского острога и Малышевской слободы (7 семейств) «за выпашкою пашенных земель и удалением сенных покосов» в местах, где они жили 30 лет, просили разрешения на переезд на речку Солоновку между д. Черемшанской и той, в которой поселился П. Куликов. Канцелярия горного начальства разрешила просителям переехать на Солоновку, но с условием, чтобы все они поселились в одной деревне, а в заводскую работу располагались по тем деревням, по которым внесены в ревизские сказки. Эта оговорка в условиях крестьянских переселений встречается очень часто. Она имела принципиальное значение. С переездом крестьян на новые места жительства возникали дополнительные трудности в отправлении их на заводские работы, в подводную гоньбу, на опалку боров, во взыскании подушной подати с них. Горное начальство требовало, чтобы «нетчиков» из переехавших «сыскивали коштом тех слобод и острогов где они по ревизии написаны» или на коште переехавших, а «другим слободам и острогам отягощения не делать»²⁶.

Горному начальству при том, что случались переезды крестьян по его разрешению в конце 40-х и в 50-е гг. XVIII в., чаще приходи-

лось иметь дело с самовольными переселениями крестьян, которые оно стремилось всеми мерами пресечь. Крестьянам д. Никоновой Бердского острога Никоновым и Огневым оно запретило переселяться всего за 10 верст от их деревни; тогда же судным избам было объявлено, что «до будущей ревизии из слобод и деревень никому на новые места для поселения отпуску чинено не будет»²⁷.

Однако самовольные переселения крестьян не прекратились. В 1766 г. «о переехавших самовольно из прежних деревень на новые места и в другие деревни бердских крестьян Иване Бахарева и с товарищи» канцелярия горного начальства распорядилась: «наказать нещадно плетью и по наказанию тех, которые на новых местах поселились не однодворками, но в деревнях, тех для избежания им разорения оставить и жить тут позволить», живущих однодворками «вывести в прежние деревни, где по ревизии писаны»²⁸.

Далеко не всех самовольно переехавших крестьян удавалось быстро найти. Нередко уход из деревни обнаруживался при расположении крестьян в оклад, когда выяснялось, что некоторые из них «бежали из домов своих» и объявлялся их розыск. В 1769 г. не оказалось на месте чаусских крестьян Дмитриева, Смолина и Аникина. В 1774 г. разыскивались 19 крестьян Сосновского ведомства, ушедших в разное время без ведома земской избы и выборных. В конце 1776 г. разыскивались 55 сосновских, томских, белоярских крестьян, в конце 1780 г. – 17 «шатающихся беспашпортных» крестьян. Разыскивались ушедшие из прежних мест жительства крестьяне в 90-е гг. XVIII в.²⁹

Найденных, как правило, за самовольный переезд наказывали, затем либо возвращали на прежнее место жительства, либо, что было чаще, «в рассуждении производимого ими на новых местах нарочитого хлебопашества ежели домами завелись», оставляли жить на новом месте. Крестьяне, которых старались вернуть в «прежние жительства», проявляли настойчивость, стремясь остаться на новых местах поселения. Осенью 1757 г. десятник д. Вагановой В. Казанцев сообщил в Бердскую судную избу, что в доме Г. Гусева сломана печь, но он сложил новую и продолжает здесь жить.

Обычно о самовольно переселившихся крестьянах горное начальство узнавало от судных или земских изб, в ведении которых находились переселившиеся крестьяне. Чаще всего сообщали о крестьянах, переезжавших в пределах ведения данной судной или земской избы³⁰.

Масштабы крестьянских переселений были значительны. Между III и IV ревизиями только в пределах ведения Бийской земской избы из одних деревень в другие переехало 228 семей. В Томском, Куз-

нецком уездах переехавшими крестьянами было основано 242 новых населенных пункта, в 13 деревнях Чумышской, Тальменской, Боровлянской, Белоярской слобод поселилось в 1793–1795 гг. 228 душ м.п. Переселившиеся на новые места жительства крестьяне имели там «дома и хлебопашество»³¹. Между IV и V ревизиями, а также после 1795 г. в Тарминской слободе переехала 91 семья, в пределах Барнаульской, Чарышской, Касмалинской земских изб – 82 семьи. Из них 6 семей, переселившихся из д. Быковой Чарышской земской избы на «порозшее место» в устье Тулаты имели там дома, амбары, скотные дворы, обрабатывали 36 дес. земли, ставили 3800 копен сена, 31 крестьянская семья из деревень Касмалинской земской избы в новых местах поселения имела 24 дома, 30 амбаров, 26 скотных дворов, 7 бань, мельницу, 172 дес. посевов. Только из одной д. Жарковой за 20 верст от неё переехало 11 семей, имевших на новом месте 73 дес. посевов, ставивших 5900 копен сена. 13 семей Чарышской слободы разработали на новом месте 57 дес. земли, ежегодно ставили 6700 копен сена³².

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что разрешения на переселения формально закрепляли переселения, уже фактически начатые без ведома властей. В 1775 г. из д. Таскаевой горное начальство разрешило Алексею Батеневу переехать за 25 верст «на порозшее место», где 6 лет назад Батеневы завели заимку, на которой имели 20 дес. посевов, распахивали ещё 20 дес. земли под посев ржи «к будущему лету». Братья по очереди жил на заимке³³.

В результате крестьянских переездов к концу XVIII в. территория между реками Обью, Бией, Чумышом оказалась довольно густо заселенной. Наиболее населенным был бассейн Чумыша (от левого притока Еланды до впадения его в Обь), а также бассейн его притоков Аламбая, Тальменки, Журавлихи. По инициативе крестьян во второй половине XVIII в. появились многочисленные поселения в верхнем, среднем, а также нижнем течении Кулунды³⁴.

Ужесточение мер наказания и расширение круга ответственных за самовольные переезды крестьян

С конца XVIII в. неоднократно издавались указы канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства о запрещении крестьянских переселений. В сентябре 1797 г. земских управителей вновь обязали объявить всем крестьянам, чтобы никто из них не переселялся и ничем не обзаводился. Уже в бесчисленный раз десятникам

приказали никого из деревень не отпускать. Особо подчеркивалась ответственность тех, кто из своего селения отпустит, равно как и тех, кто позволит самовольно переселившемуся крестьянину жить в деревне³⁵. Но выполнить эти предписания горного начальства десятички практически не имели возможности. Процесс переселения крестьян продолжал развиваться. Наличие объективного фактора для этого было справедливо отмечено М.М. Громыко ещё в начале 60-х гг. «Перемещения крестьян, – писала М.М. Громыко, – были возможны благодаря большим пространствам свободных земель»³⁶.

Горному начальству оказалось не под силу преодолеть крестьянскую инициативу в заселении Кулундинской степи. В результате массовых переселений крестьян в этот район возникла Кулундинская слобода, в ведении которой в 80-е гг. XVIII в. находилось 29 населенных пунктов с числом жителей 1882 души м.п. В конце XVIII в. из Кулундинской волости выделена была Бурлинская. В них насчитывалось более 60 деревень (3871 душа м.п.). В 1802 г. при обследовании крестьянских селений в Кулундинской степи унтер-шихтмейстером Баженовым было обнаружено ещё 16 новых деревень, образованных самовольно переселившимися крестьянами³⁷.

Таким образом, остановить крестьянские переселения были не в состоянии ни крестьянские выборные, ни земские управители, ни канцелярия горного начальства. Кабинет такое положение считал недопустимым. В июле 1805 г. он потребовал от канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, чтобы никто из крестьян без её ведома самовольно не переселялся³⁸. Выполнить это горное начальство не смогло. Во время проведения VII ревизии обнаружилось «переселение крестьян в большой степени» в отдаленные от трактовых дорог и заводов места. В 1817 г. последовал новый указ Кабинета. Во исполнение его по требованию канцелярии горного начальства управители объявили в каждом селении, «чтобы всякой крестьянин, где кто по сказкам VII ревизии состоит непременно тут бы жителям и оставался и впредь никому ни под каким видом никакого позволения без особого на то разрешения канцелярии не чинить». Крестьян предупредили, что если они и после этого переселятся самовольно, то «не только будут на старые жилища возвращены: но сверх того и оштрафованы». Со всех крестьян взяли подписку в том, что они «без особого позволения никого на жительства из других селений по самовольному переселению принимать не согласны»³⁹.

Самовольно переселившиеся крестьяне стремились узаконить своё проживание на новом месте. Как и во второй половине XVIII в., довольно распространенной была форма обращения крестьян за разрешением на переезд, фактически уже состоявшийся. В декабре 1816 г. жители д. Сорочьего лога Белоярской волости дали согласие на переезд Василия Шибких с двумя сыновьями, тремя внуками в д. Гилеву Касмалинской волости, где он жил уже 4 года, обзавелся домом, «имел хлебопашество». Тогда же они сообщили волостному правлению, что в их деревне тоже четвертый год живут крестьяне д. Бородавкиной Бердской волости братья Веснины с семьями, «обзавелись домами, скотоводством, производят хлебопашество и желают переселиться в наше селение»⁴⁰.

Что касается исполнения указа Кабинета 1817 г. о запрещении крестьянских переселений, горное начальство вынуждено было признать, что ничего не изменилось к лучшему. В конце 1819 г. канцелярия горного начальства издает новый указ по поводу того, что крестьяне не перестают подавать прошения, причем уже после переезда на новое место «с объявлением, что они там уже имеют жительство или производят одно хлебопашество с некоторым домообзаводством». К тому времени только из одной Белоярской волости переселилось 40 душ м.п., а в волости Боровлянскую, Тальменскую, Чумышскую, Белоярскую – 110 душ м.п. На займки уже после проведения ревизии в пределах Боровлянской волости переехало 65 чел. По четырем вышеназванным волостям, которые находились в ведении управителя Зубарева, на новые места жительства всего переехало 880 душ м.п.⁴¹

Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства распорядилась всех крестьян, которые переселились в 1819 г., несмотря ни на что выслать каждого туда, где ныне по ревизским сказкам наличными состоят». Она потребовала от земских управителей регулярной подачи рапортов об отсутствии за истекшее время самовольных переселений.

Телесные наказания крестьян за самовольные переезды упоминаются в указах Кабинета и канцелярии горного начальства редко. Управители должны были руководствоваться тем, что «всякое своевольное заведение продаваемо будет с аукциона», а жители селений, откуда крестьяне осмелятся переезжать на новые места, будут штрафовать «чувствительною пенью». С «лучших людей» в 1819 г. взяли подписку о том, что жители каждой деревни будут строго следить друг за другом, старшины и десятники – наблюдать, чтобы ни-

кто» «в их селении самовольно не поселился» и не выезжал⁴². Между тем переселения пресечь не удалось.

Продолжалось интенсивное заселение Кулундинской степи. К началу 20-х гг. XIX в. здесь вдвое увеличилось число населенных пунктов, а число жителей в них выросло в 2,5 раза. Из двух волостей (Кулундинской и Бурлинской), существовавших с конца XVIII в., выделились ещё две (Нижне-Кулундинская и Карасукская). К концу первой четверти XIX в. в Кулундинской степи насчитывалось уже 120 населенных пунктов с числом жителей в 9568 душ м.п. Кулундинская степь, как и во второй половине XVIII в., в первой четверти XIX в. оказалась одним из районов активного освоения крестьянами по их инициативе⁴³.

В это время в большей степени проявляется стремление Кабинета через горное начальство привлечь всех крестьян заводского ведомства, в том числе сельскую администрацию, к предотвращению крестьянских переселений.

В январе 1819 г. И. Бобров из д. Востровой Касмалинской волости обратился с прошением разрешить ему и его родственникам, жившим в той же волости, в д. Казанцевой и Мармышенской (всего 22 душа м.п.), переселиться в Бурлинскую волость «на пустопорожнее место» между деревнями Коневой и Верхне-Урюмской. Осматривавший по заданию канцелярии просимое крестьянами место шихтмейстер Пылков обнаружил в 40 верстах от озера Чаны два выселка, заселившихся без позволения. По сведениям, полученным из Бурлинского волостного правления в ответ на запрос канцелярии, оказалось, что между деревнями Суманской и Утячей в мае 1814 г. самовольно поселились М. Дьяков, Афанасий и Степан Налобовы из д. Кочневой той же волости, живут тремя семьями (всего 11 душ м.п.), «дома скотоводство и хлебопашество имеют достаточно». На «пустопорожнее место» между деревень Коневых Озер и Верхне-Урюмской в июне 1817 г. поселились также без всякого позволения жители Касмалинской волости Ермолай и Дмитрий Бобровы, Яков Балашов (из д. Мармышенской) и Я. Сотников (из д. Казанцевой), всего 13 душ м.п. Канцелярия приказала: «Хотя крестьяне переселились самовольно и от заводов в отдалении, но потому только, что они там обзавелись домами, производят хлебопашество и скотоводство... дабы их хозяйство не расстроить... оставя их в тех местах всегдашними жительство», с будущего, 1820 г., причислить Дьякова «с товарищи» к Суманской, а Бобровых и Сотникова – к Верхне-Урюмской деревням. При этом в целях предотвращения крестьян-

ских самовольных переселений, а также усиления ответственности сельских и волостных начальников, «в пример прочим» были сурово наказаны исполнявшие обязанности волостных голов и старост в 1814 и 1817 гг. в Бурлинской и Касмалинской волостях. С каждого из них взыскали штраф в размере 20 р. С управителей Никитина и Фитцнера, в ведении которых находились эти волости, взыскали штраф в размере месячного жалования.

Всем земским управителям «настрожайше и в последний раз» предписывалось «своевольное крестьян переселение ограничить, чтоб его нигде и ни под каким предлогом не было, внуша всем крестьянам иметь строгое за сим соблюдение»; в противном случае, как объявлялось в указе, «крестьяне как ослушники будут наказываться, сельские начальники – штрафоваться, а управители – отрешаться от должности как неисполнители». В волостных правлениях сельские старшины и «лучшие люди» всех деревень в присутствии волостных голов и старост дали подписку, «дабы крестьяне самовольных из одного места в другое переселений без позволения на то начальства ни под каким видом делать не отваживались» и обязались «общими силами смотреть друг за другом»⁴⁴.

15 апреля 1821 г. издается новый указ канцелярии горного начальства, по которому крестьянина В. Харева за самовольное переселение из д. Лушниковой Боровлянской волости в д. Балвашкину Касмалинской волости оштрафовали на 15 р., а с жителей д. Лушниковой и д. Балвашкиной «за недосмотрением за таковым своевольством» взыскали по 25 р. штрафа. Старшин этих деревень обязали заплатить по 10 р. каждого, волостных начальников обеих волостей – 15 р. По всем селениям заводского ведомства были отправлены волостные писари или их помощники для объявления крестьянам, чтобы никто из них не осмеливался самовольно переселяться.

15 июня того же года на основании указа канцелярии по делу о переселении крестьян д. Вяткиной А. Соснина и К. Вяткина в деревню Легостаеву и Шипунову в пределах одной и той же Барнаульской волости голову П. Шадрину и писаря И. Лихачева отстранили от должности, отдали «в работу в Барнаульский завод», первого – на 1 неделю, второго – на полмесяца. Соснина и Вяткина, а также сельских старшин деревень Вяткиной, Легостаевой и Шипуновой, допустивших их переселение, оштрафовали на 15 р. каждого, крестьян каждой из этих деревень – на 25 р.⁴⁵

Управитель Власьевский в течение 1821 г. еженедельно доносил канцелярии, что по его ведомству переселений крестьян не было.

Когда же стало известно, что он, как оказалось, «своевольно» разрешил крестьянину Лопатину «с товарищи» из Енисейского села поселиться на речке Бехтемир, горное начальство приказало, «выдержав его (управителя. – А.Ж.) на хлебе и воде» две недели под арестом, отстранить от должности и определить в Томский завод для использования его там по усмотрению управляющего заводом⁴⁶.

Таким образом, о наличии какой-либо свободы крестьянских переселений в пределах даже одной волости, не говоря уже о всей территории Кольвано-Воскресенских заводов, не может быть и речи.

Самые суровые наказания не предотвращали крестьянские переселения. По данным К.М. Русакова только в первой трети XIX в. в переселениях внутри всего заводского ведомства участвовало 29465 душ м.п. Как и ранее, преобладающими были переселения крестьян на незначительные расстояния. О масштабах самовольных переселений крестьян дают возможность судить сведения о населенных пунктах, основанных крестьянами без ведома властей. За первую треть XIX в. самовольно переселившимися крестьянами было основано 80 новых поселений, 134 – по указам горного начальства. Однако и эти 134 деревни были основаны по инициативе крестьян⁴⁷.

Вопрос о степени зависимости приписных крестьян кабинетского хозяйства остается, как уже отмечалось, одним из самых сложных в советской исторической науке. По мнению Г.П. Жидкова, например, «Приписной крестьянин был свободен в выборе направления своего хозяйства (земледелия, скотоводства, пчеловодства, извоз и другие промыслы) и способа его ведения. Он распоряжался своей рабочей силой и был свободен в передвижении и переселении в пределах заводского округа»⁴⁸. Исходя из этого, Г.П. Жидков делает вывод о личной свободе приписных крестьян. «Приписные крестьяне Западной Сибири, – пишет он, – находились в поземельной зависимости от Кабинета, отчасти испытывали судебную зависимость, но никогда не состояли в личной зависимости от владельца округа»⁴⁹.

Не касаясь всех аргументов в пользу близости приписных крестьян кабинетского хозяйства по их статусу к казенным крестьянам, остановимся на одном из них. Как уже отмечалось в «Крестьянстве Сибири...», утверждается, что приписные крестьяне «имели право переселяться в пределах своего ведомства... Горное правление снисходительно смотрело на самовольные переселения... Строже стали преследоваться переселения в горных округах Кабинета в 1830-х годах в связи с передачей крестьян в ведение Министерства финансов». В другом месте говорится: «...в ходе миграции на про-

тяжении XVIII в. за крестьянством по-прежнему сохранялась возможность на основе обычного права приводить в культурное состояние новые земли». И далее: «Выгодность этого порядка отношений между верховным собственником земли – государством и её непосредственным пользователем – крестьянином была очевидна для царской администрации». Можно было бы считать, что речь идет только о государственных крестьянах. Но здесь же делается ссылка на мнение бригадира А. Беэра (одного «из представителей администрации на Алтае»), который «в 1745 г. в рапорте вполне определенно выразил мысль о выгоде самовольного заселения крестьянами новых земель, так как оно обеспечивает хозяйственное освоение территории».

Начнем со ссылки на «представителя администрации Алтая». В 1745 г. А. Беэр ещё не был таковым, возглавляя тогда комиссию, готовившую передачу демидовских заводов в ведение Кабинета, начальником Колывано-Воскресенских заводов, его назначили в 1747 г. Пройдет всего 4 года после этого, и он с большой озабоченностью сообщит Кабинету, что «крестьяне многие по здешним степным и лесным местам в широком расстоянии собою переселивались, где кто хотел и например написан в Бердском остроге, а живет под Бийскою крепостью, а Бийский живет под Бердскою... иные написаны под Чаусскою сотнею⁵⁰, а живут в Бердской и живут однодворками и малыми деревнями».

Приведенные выше и многие другие материалы из фондов судебных, земских изб, волостных правлений свидетельствуют об отрицательном отношении горно-заводской администрации к переселениям крестьян.

Причины резких расхождений между исследователями в оценке условий крестьянских переселений кроются в характере используемых источников. Как уже отмечалось, М.М. Громыко, фактически первой обратившая внимание на массовый характер переселений крестьян, ограничилась привлечением материалов ревизских сказок, в котором горному начальству не было никакой необходимости выражать свое отношение к крестьянским переселениям. В этих материалах фиксировались населенные пункты в пределах заводского ведомства с указанием жителей в них. Если оказывалось, что в предыдущих ревизских сказках не была зафиксирована та или иная деревня, давалось пояснение, как она возникла, заселили её крестьяне с позволения или без оногo со стороны горного начальства. Во многих ранее существовавших деревнях оказывались крестьяне, переехав-

шие сюда после проведения предыдущей ревизии, причем переехавшие самовольно, без оформления специального на то разрешения. О таких крестьянах давалось разъяснение в виде записи против их фамилии: «переехал собой». М.М. Громыко в этой формулировке усмотрела вольный характер переезда крестьян, их право свободного перемещения в пределах заводского ведомства. Однако переезд крестьян «собой» был в действительности связан с их самовольными переселениями.

Здесь нельзя упускать из виду назначение ревизских сказок – зафиксировать крестьян там, где они живут на момент проведения ревизии: выяснить, почему кого-то из включенных в ревизские сказки предыдущей ревизии не оказалось в наличии и кто появился из ранее не зафиксированных, в том числе и переселившихся с одного места жительства на другое. Формула «переехал собою» означала, что тот или иной крестьянин переехал без разрешения горного начальства, к чему отношение оно выражало не во время проведения очередной ревизии, а изо дня в день, из года в год. Это нашло отражение в специальных указах Кабинета горному начальству, последнего – судным и земским избам, волостным правлениям, управителям по каждому конкретному случаю крестьянских переселений, в рапортах низовых органов управления приписными крестьянами об исполнении распоряжений по отношению к самовольно переселявшимся крестьянам.

Таким образом, горно-заводская администрация ни во второй половине XVIII в., ни позднее не была равнодушной к переездам крестьян. Исследователи, считающие, что приписные крестьяне Сибири в рамках кабинетского хозяйства после 1747 г. оставались на положении государственных крестьян или были ближе к ним, чем к помещичьим крестьянам, в качестве одного из доводов в пользу этого утверждения как раз и приводят относительную свободу передвижения приписных крестьян в пределах заводского ведомства, свободу, которой на самом деле не было.

Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства пыталась, прибегая к строжайшим мерам наказания, пресекать самовольные переселения крестьян с самого начала существования кабинетского хозяйства в Сибири. Отношение заводских властей к переселениям крестьян определялось нуждами горно-заводского производства, развитие которого в значительной мере зависело от своевременного выполнения крестьянами вспомогательных работ. Сам порядок наряда, высылки крестьян на заводскую работу предполагал

проживание крестьян там, где они были записаны во время проведения очередной ревизии, так как распределение заводских работ производилось ежегодно с учетом данных ревизских сказок. В связи с массовыми переездами крестьян возникали большие трудности при высылке их на заводские работы; за переселившимися крестьянами приходилось отправлять нарочных и, как уже отмечалось, нередко неизвестно было, куда направлять их. Кроме того, по тем же причинам возникали большие сложности со взиманием с крестьян провианта, выполнением ими подводной гоньбы и других повинностей. Но главная причина запрещения крестьянских переселений заключалась в том, что самовольно переселявшихся крестьян значительно сложнее было принуждать к своевременному выполнению главных повинностей приписных крестьян – заводских работ и поставок провианта.

Именно исходя из нужд горно-заводского производства, заводские власти с первых лет возникновения кабинетского хозяйства с санкции Кабинета пытались предотвратить крестьянские переселения внутри заводского ведомства. Однако на пути осуществления этого оказались серьезные препятствия. Формирование кабинетского хозяйства и заселение территории Алтая совпали по времени, в результате чего имелись объективные предпосылки для массовых крестьянских переселений. Наличие огромных еще не заселенных земельных массивов привело к господству в кабинетском хозяйстве вольнозахватной системы землепользования. Приписной крестьянин к обрабатываемому им земельному участку не был привязан. По мере выработки пахотных земель, в поисках лучших сенокосных угодий он мог в пределах территории, находившейся в ведении данной судной, земской изб, волостного правления, занимать и обрабатывать новые участки земель. Но переезжать ближе к ним в целях сокращения расходов, вызывавшихся удалением от места жительства пашен и сенокосных угодий, крестьянин не имел права. Он должен был жить там, где его записали в ревизские сказки. В силу этого приписной крестьянин оказался прикреплен к месту жительства (на основе личной зависимости от владельца земель кабинетского хозяйства).

Таким образом, крестьянские переезды в кабинетском хозяйстве были стеснены. Свободы передвижения, которой обладали государственные крестьяне Сибири (несмотря на наличие с Петровского времени паспортной системы), приписные крестьяне не имели.

Здесь, очевидно, уместно остановиться на фактах биографии Н.М. Чукмалдина, выросшего в крестьянской семье государственной деревни Кулаковой Тюменского уезда. В 1846 г., когда мальчику

было 10 лет, его отца, Мартемьяна Чукмалдина, избрали сельским старшиной, когда наступила его очередь для выполнения этой должности. Главная задача его состояла в том, чтобы два раза в году собрать с 600 душ, внесенных в рев. сказки, по деревне подати и другие денежные повинности и сдать их (по 2000 р. за каждое полугодие) в уездное казначейство.

Н. Чукмалдин вспоминал: «Великое горе моего отца заключалось в том, что он был неграмотным и один в семье работник, а специальному писцу надо было заплатить в течение года за записывание сумм с крестьян-плательщиков 50 р. ассигнациями. А их как раз и не было».

На семейном совете при участии дяди Николая было решено писаря не нанимать, а «подушину» собирать втроем: дядя Семен умел на счетах складывать, Николай (тогда ему было 10 лет, к этому времени по инициативе отца он уже освоил грамоту, которой его обучил старый житель д. Кулаковой, старообрядец) займется бумажными делами – записывать внесенные крестьянами суммы, отец – принимать от крестьян деньги.

Деньги, как и положено, принимались по раскладочным книгам. При сборщиках находилась железная печать со словами «сельский старшина». Ее, накопив на свечке или на бересте, прикладывали к документу со сведениями о собранных деньгах для удостоверения.

Таким образом, в 10-летнем возрасте мальчик стал писарем при сельском старшине.

Но самое интересное состоит не столько в этом, хотя и данный факт был не совсем обычным, когда ребенок мог быть принят на такую службу.

Самое любопытное и очень важное для сравнения положения государственных и приписных крестьян кабинетского хозяйства состояло в том, что очень важно для определения социальной сущности последних.

Дело в том, что в дни сбора подушной подати с крестьян д. Кулаковой 40 жителей ее жили в г. Тюмени, кто в своих домах, кто у кого-то в работниках, кто работал на кожевенных заводах. Поскольку о местах их пребывания было хорошо известно, сборщики подати смогли за день обойти всех.

Функции писаря при отце – сельском старшине мальчику пришлось выполнять и в следующем 1849 г. Более того, в этом году он был писарем уже при двух сельских старшинах – еще и при старшине д. Гусельниковой. В праздники и будни в первые и последние

месяцы и в следующем, 1850 г., Николай с утра до полудня вел записи в своей деревне, а с полудня до сумерек – в д. Гусельниковой.

Воспоминания Н.М. Чукмалдина представляют большую ценность. Они подтверждают наблюдения исследователей о стесненном положении крестьян государственной деревни вследствие многочисленных бесчинств по отношению к деревенскому миру со стороны «чиновных начальствующих лиц» (земских заседателей, исправников), стремившихся держать крестьян в страхе, подвергая их телесным наказаниям и преследованиям. Безусловно, нет оснований идеализировать жизнь крестьян государственной деревни Сибири по сравнению с тем, что происходило в приписной деревне.

Каждый из чиновников, как вспоминает Н. Чукмалдин, «наезжал в деревню с большой помпой, на тройке с колокольчиками под дугою и пазиком на копыях. Останавливался он на земской квартире, куда и должен был являться мир, стоя без шапок на дворе и выслушивать большей частью одни приказы и порицания с напоминанием непокорным о той стране, «куда Макар телят не гонял». Редко и лишь зимою собирался сход в здании волостного правления, где бывали «сцены экзекуции неисправных плательщиков податей, а иногда и простые ручные расправы самого администратора или по его приказу волостного головы и пищика».

Н. Чукмалдин сообщает об одном исправнике, который заставил общество Троицкой волости «нанять в волостные писари брата своей любовницы, проживающего при ней, человека полуграмотного и выпивающего. Все письменные дела волости были переданы его помощнику, а сам писарь подписывал только готовые бумаги».

Ближайшим к сельскому населению начальством, как и в приписной деревне, были волостной голова и писарь. Первый выбирался сходом волости из кандидатов, удобных «по меньшей мере заседателю, а второй прямо нанимался по указанию исправника». Эти два должностных лица становились «усердными слугами только своих начальников, но отнюдь не защитниками избирающего их лица, а порою даже прямо враждебными к нему». Вследствие этого крестьянин у себя дома, в своей волости не мог искать защиты правому делу, а должен был и здесь давать взятку и покупать благоприятное решение. Самостоятельные и честные люди попадали в волостные головы редко и случайно. Обыкновенно, защищая мир и слабых его членов, они попадали сами под административные взыскания и несли большой ущерб в своем хозяйстве.

Но при всем этом один очень важный момент все-таки дает основания считать, что приписные крестьяне находились в несравненно худшем положении по сравнению с государственными крестьянами вследствие их прикрепленности к месту жительства. Как уже отмечалось, это было связано со специфическими для приписных крестьян повинностями – обязанностью выполнять заводские работы и обеспечивать провиантом заводы и рудники. Поэтому так важно было проживание крестьян приписной деревни там, где их записали в ревизские сказки. Именно с учетом этого на них раскладывались заводские работы и поставки провианта.

Осуществить расклад, видимо, было не так сложно, главное состояло в своевременной отправке крестьян на места работы и с провиантом на заводы и рудники. Собрать подать деньгами несопоставимо легче было с государственных крестьян, хотя и здесь встречались немалые трудности в связи с несостоятельностью части крестьян, с которых нечего было взять в погашение подати. Но эти трудности также несопоставимы с усилиями, которые приходилось тратить сельской администрации в связи с необходимостью обеспечить выполнение заводских работ «нетчиками» за прошлые годы и поставки провианта⁵¹.

Активное противодействие Кабинета переселениям крестьян наносило ущерб их хозяйству. Создание искусственных препятствий на пути крестьянской инициативы при наличии ещё не освоенных земель, ущерб, который наносился крестьянскому хозяйству при возвращении самовольно переселившихся на прежние места жительства, в конечном счете находились в противоречии с заинтересованностью Кабинета и горного начальства в наличии устойчивого хозяйства крестьян.

Приписное крестьянство было не только объектом жестокой эксплуатации, оно оказалось и субъектом исторического развития, внесшим существенные коррективы в политику Кабинета по вопросу о миграциях крестьян внутри заводского ведомства. Коррективы эти настолько были значительными, что крестьянская инициатива в конечном счете взяла верх над устремлениями Кабинета и горного начальства, опиравшихся на весь аппарат управления приписной деревней, – устремлениями, направленными на сдерживание этой инициативы в освоении новых земель в рамках кабинетского хозяйства.

В течение многих десятилетий крестьян за самовольные переселения истязали, им наносили значительный ущерб, когда на новых местах поселения до основания разрушались возведенные ими дома,

хозяйственные постройки, когда их переводили на старое место жительства, где надо было все начинать сначала. Но это не могло остановить других от переселений, что убедительно показано Ю.С. Булыгиным на материалах 60-х гг. XVIII в. и подтверждается материалами 40-х гг. XVIII – первой трети XIX в. Экономические соображения крестьян при наличии свободных земель брали верх над всеми трудностями, с которыми им приходилось сталкиваться, решаясь на переезд вопреки строжайшим запретам.

Заводская администрация не смогла справиться с тем, чего требовал Кабинет, добивавшийся прекращения крестьянских переселений. Она вынуждена была время от времени признавать за крестьянами право на проживание там, где они успели обзавестись домами, хозяйственными постройками, занимались хлебопашеством и скотоводством. Переводить всех крестьян на прежние места их жительства было не только хлопотным, но и убыточным для самого горно-заводского производства делом. Возвращение крестьян на старое место всегда сопровождалось подрывом экономической основы крестьянского хозяйства, что отражалось на способности крестьянской семьи выполнять повинности, прежде всего заводские работы и поставки провианта. Поэтому в деле крестьянских переселений сложилась такая ситуация, при которой крестьянство пыталось приобрести лучшие условия для ведения своего хозяйства, а горно-заводские власти, выполняя требования Кабинета и сами будучи глубоко уверенными в необходимости и законности того, что они делали, всячески препятствовали устремлениям крестьян, широко пользуясь властью над их личностью. Горное начальство было наделено большими правами по отношению к переселившимся крестьянам, оно пользовалось ими, но в конечном счете оказалось вынужденным считаться с экономическими интересами крестьян.

Приведенные выше факты, отражающие крестьянские миграции в районе Кольвано-Воскресенских заводов за 1747–1830-е гг., дают веское основание для принципиального возражения против утверждения о том, что Горное правление снисходительно смотрело на самовольные переселения, если крестьяне при этом не уклонялись от заводской повинности⁵².

Безусловно, не было бы необходимости в документации второй половины XVIII – первой половины XIX в. фиксировать с такой тщательностью, как это делалось, отдельно самовольные переселения крестьян внутри заводского ведомства, если бы их стали пресекать только с 30-х гг. XIX в. Несомненно и то, что широко практико-

вавшиеся наказания крестьян за перемену места жительства со всей очевидностью противоречат тезису о свободе крестьянских переселений в заводском ведомстве. Тщательная фиксация самовольных переселений, телесные наказания, разрушение на новом месте построенных крестьянских домов, хозяйственных построек «до почвы», возвращение на прежнее место жительства, наказание десятиников за несвоевременную информацию о переехавших крестьянах, наказание управителей, бравших на себя выдачу разрешения на переезд крестьян – все это свидетельство того, что нет никаких оснований усматривать наличие свободы крестьянских переселений внутри заводского ведомства.

Несмотря на всевозможные запреты, жестокие наказания, крестьяне на свой страх и риск шли на самовольные переселения в те места, где они надеялись обрести лучшие условия для ведения своего хозяйства. Тем большей представляется их заслуга в хозяйственном освоении земель заводского ведомства. «Настойчивость, трудолюбие приписных крестьян часто побеждали произвол властей, и именно благодаря крестьянской инициативе, – как справедливо считает Ю.С. Булыгин, – осваивались новые районы горного округа, уплотнялось население»⁵³.

В заводском ведомстве не только преследовались переселения крестьян на новые места жительства. Горное начальство пыталось обеспечить четкий контроль и за тем, чтобы крестьяне без специального на то разрешения не отлучались из деревень даже на короткий срок. Этот контроль должны были обеспечивать прежде всего крестьянские выборные, а также судные, земские избы, волостные правления. 12 июля 1761 г. канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства разослала в судные избы и судные конторы указ, в котором предписывалось: «крестьянам всем накрепко подтвердить чтобы оные... своевољством... самовольно выезд... не чинили». Указ канцелярии был издан в связи с тем, что крестьянин Фликов «с товарищи 13 числа февраля в Бийской крепости со свадьбою был и из оной крепости самовольно выезд учинил»⁵⁴.

В кабинетском хозяйстве в Сибири крестьяне испытывали серьезные затруднения в случае надобности ухода из своей деревни даже на короткий срок. На государственных землях не было строгого полицейского досмотра, и там допускалось проживание без паспортов⁵⁵. С местных властей спрашивалось за уход посельщиков, что диктовалось заинтересованностью казны в создании посельщиками собственного хозяйства как основы для обеспечения их самих сред-

ствами существования и выполнения повинностей по истечении льготных лет. Государственные крестьяне имели право ухода с места жительства на срок до 30 дней⁵⁶.

Крестьяне приписной деревни кабинетского хозяйства находились в более стесненном положении не только по сравнению с государственными крестьянами. С середины 60-х гг. XVIII в. в стране широкое распространение получило отходничество: труд крестьян-отходников использовался в промышленности, на транспорте, в городском хозяйстве⁵⁷. Начиная с этого времени около 2 тыс. человек из приписной деревни Карелии уходили на заработки далеко за пределы заводского ведомства. В 20-х гг. XIX в. приписным крестьянам выдавалось от 2,7 до 3,4 тыс. паспортов.

Отходники работали по найму на петербургских верфях, строительстве царских дворцов, жилых и административных зданий в Петербурге, Кронштадте, Царском Селе, доходили из Карелии до Тульского оружейного завода, Киевской губернии, Астрахани, плавали матросами по Онежскому и Ладожскому озерам, рекам, некоторые охотились на белых медведей, песцов, моржей у берегов Новой Земли. До 60% трудоспособного населения уходило на заработки из приписной деревни Карелии в середине XIX в.⁵⁸

Извозом приписные крестьяне в основном занимались в рамках кабинетского хозяйства. Доля их участия в грузоперевозках по Московскому тракту, связанного с уходом за пределы заводского ведомства, была незначительной. Составив в 1825 г. всего 5%, в 1830 г. она сократилась до 3% от общего количества перевезенного за эти годы груза⁵⁹.

Крестьянам отлучаться приходилось довольно часто (на рыбную ловлю, охоту, на рынок, в крепости для продажи хлебных излишков, скота и других продуктов своего труда, на заработки). Разрешение на временный выезд из деревни следовало получать от управителя по представлению десятников, сотников, земской избы. Получение такого разрешения нередко было сопряжено с определенными трудностями. Крестьяне жаловались на то, что для получения разрешения на отлучку из деревни непременно надо было управителю «что-нибудь принести а без того под разными резонами отпуску получить не можно», а иногда получали его, «пропусая удобное для промыслу время», так что уже нужды «в том отпуске не было».

В начале 60-х гг. XVIII в. десятники и сотники обращались к горному начальству с просьбой дать им самим право разрешить выезд крестьян на рыбную ловлю, охоту или для продажи хлеба на 1–2

недели. С осени 1761 г. такое право им дали, но при условии отпуска лишь надежных людей с поручительством остающихся, что «ежели во время отлучения случаются на них подводы или другая какая мирская нужда и тягость оную б отпралять тем порукам»⁶⁰.

В конце XVIII в. участились случаи отпуска крестьян с места их жительства на более длительный срок (от 1 до 3 лет) «для выработывания казенных податей» теми из них, кто не имел возможности справиться с выполнением повинностей за счет своего хозяйства. Земские управители просили канцелярию горного начальства разрешить им самим давать «покормежные паспорта» на срок от 3 месяцев до года, на что она ответила отказом, оставив за собой право окончательного решения вопроса об отпуске крестьянина на заработки⁶¹.

Ежегодно десятки крестьян каждой волости обращались за «исходатайствованием покормежных паспортов». Получали «одобрение» от сельчан и волостного правления лишь те, кто гарантировал, что в доме его остаются братья, отец, имеющие «достаточное хлебопашество». Далеко не все заручившиеся согласием волостного правления и управителя на выдачу «покормежного паспорта» могли его получить, если горное начальство не считало возможным отпустить того или иного крестьянина⁶².

Не имея никакой надежды на получение «покормежного паспорта», обедневшие крестьяне с позволения волостного правления могли взять у зажиточных односельчан не более 5 р. с обязательством отработать долг в их хозяйстве. Из-за большой нужды в деньгах несостоятельные крестьяне вступали иногда в долги, которые не могли отработать в течение нескольких лет⁶³.

Горное начальство требовало от сельской администрации пресечения самовольных уходов крестьян на заработки. С неё строго спрашивалось в случае необъявления в вышестоящую инстанцию, если кто-либо появлялся на подведомственной территории без паспорта.

Как уже отмечалось, зажиточные крестьяне нередко укрывали у себя беглых, эксплуатируя их в своем хозяйстве. Сельские старшины, обнаружив в селении беспаспортных, отправляли их в волостное правление, как это сделал С. Елгин, писавший в рапорте: «Явясь в мое селение прихожей человек которой оказавшигося без письменного виду называющий себя бывшей в Барнаульском заводе служителем а ныне якобы выпущен в отставку Иван Питров Мещериков которого при сем рапорте в Тутальское волостное правление за присмотром посылается сымуществом ево 1813 года декабря 12 дня старшины Степан Елгина печать»⁶⁴.

В фактическом положении приписных крестьян кабинетского хозяйства было много общего с положением дворцовых (с конца XVIII в. – удельных) крестьян, являвшихся, как признано исследователями, крепостными⁶⁵, и с положением помещичьих крестьян барщинных имений⁶⁶.

На приписную деревню кабинетского хозяйства в Сибири распространялось действие «Высочайшего учреждения о удельных имениях», утвержденного Павлом I в 1797 г., о чем свидетельствуют указы Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства и предписания управителей волостным правлениям, которые доводили эти указы (от 25 августа 1813 г., 31 ноября 1824 г., 27 января 1826 г.) до сведения всех крестьян заводского ведомства⁶⁷.

Приписные крестьяне подвергались постоянному контролю и опеке со стороны горно-заводской администрации, имевшей право активного вмешательства как в хозяйственную деятельность крестьянина, так и в его личную жизнь. Хозяйственная деятельность крестьянина горным начальством ставилась в зависимость от его исполнительности при отработках на заводах, поставках провианта и отработке на казенной пашне.

Без соответствующего разрешения крестьяне были бесправны, когда у них возникала потребность на какое-то время покинуть деревню или переехать на новое место жительства.

Как и в помещичьей деревне, приписные крестьяне кабинетского хозяйства не могли без специального разрешения устраивать свою личную жизнь, о чем свидетельствуют факты произвола по отношению к личности крестьянина приписной деревни. Избиение плетью за женитьбу без позволения Бердской судной избы («без венечной памяти») жителя д. Никоновой Якова Разманова было нормой, а не исключением из общего порядка крестьянского бытия в приписной деревне кабинетского хозяйства. Федор Ершов, посаженный отец на свадьбе Я. Рахманова, и сваха Авдотья, крестьянская жена, тоже были наказаны: Ершов после возвращения «из угольной возки», а заболевшая Авдотья – после выздоровления⁶⁸.

В связи с массовыми приписками к частным и казенным заводам в Сибири с 1747 по 1766 г. число приписных крестьян увеличилось с 60339 до 110729 душ м.п., что вызвало массовый протест с их стороны, отказ от выхода на заводские работы, побег. Активное участие в крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева приняли крестьяне Урала. Отзвуки войны докатились до Алтая, куда были сосланы бывшие пугачевские «полковники», сотники и есаулы.

Подготовленный ими при активной поддержке со стороны горных работников и крестьян побег из Змеиногорской тюрьмы не удался. Но в кабинетском хозяйстве так и не наступили «тишина» и «спокойствие». Широкое участие крестьян Урала в крестьянской войне, рост сопротивления крестьян на Алтае вынудили императрицу издать 21 мая 1779 г. Манифест, предусматривавший некоторое ограничение размеров повинностей приписных крестьян. Екатерина II позднее напишет по этому поводу: «Сии беспорядки пресеклись не прежде 1779 года манифестом моим о работах заводских крестьян»⁶⁹.

Но уже начало 80-х гг. XVIII в. ознаменовалось усилением борьбы крестьян, отказывавшихся выходить на заводские работы, истолковывавших положения манифеста 21 мая 1779 г. в желаемом для них свете. В конце XVIII – начале XIX в. дело дошло до применения военной силы при подавлении крестьянских выступлений.

Массовые волнения крестьян были одной из причин отмены в 1807 г. института приписных. Однако это не коснулось кабинетского хозяйства в Сибири⁷⁰.

Одним из проявлений степени зависимости приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири являлось их прикрепление к месту жительства. Крестьянские переселения внутри заводского ведомства не были свободными не только до реформы 1861 г., но и какое-то время после неё. Распоряжением от 22 ноября 1867 г. Кабинет разрешил крестьянам переезжать в уже существующие деревни, но по-прежнему запретил основывать деревни «на пустолежащих землях». Лишь с 70-х гг. XIX в. был снят этот запрет⁷¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 6, 6 об., 9.

² ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 151.

³ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 12. Л. 138.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 93. Л. 243 об.

⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 21, 22.

⁶ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 8. Л. 61, 63, 89, 90; Оп. 1. Ч. 2. Д. 21. Л. 462об.; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 2, 6, 20, 20об., 33. 35.

⁷ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 126. Л. 150, 151.

⁸ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 17. Л. 151.

⁹ ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 98, 99.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 19. Л. 231; Д. 20. Л. 333, 336.

¹¹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 20. Л. 425, 427, 610, 611; Булыгин Ю.С. Характеристика социальной сущности приписных крестьян... С. 196.

- ¹² ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 349, 451; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 21. Л. 274.
- ¹³ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 263, 264, 266; *Булыгин Ю.С.* Характеристика социальной сущности приписных крестьян... С. 196.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 22. Л. 305–306.
- ¹⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 389.
- ¹⁶ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 403, 403об.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 23. Л. 23, 102, 104; Д. 25. Л. 222.
- ¹⁸ ГАНО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 8. Л. 48; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 32. Л. 144, 569; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 37. Л. 148–149; Д. 40. Л. 677–678; Д. 43. Л. 641.
- ¹⁹ ГАНО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.
- ²⁰ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 5. Л. 608.
- ²¹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 19. Л. 811.
- ²² *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. С. 294.
- ²³ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 31. Л. 1434об.
- ²⁴ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 166. Л. 78, 79, 85–88, 90, 91, 94; Д. 211. Л. 19, 21, 23, 29.
- ²⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 309. Л. 5, 9.
- ²⁶ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 45; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 150, 151; Д. 166. Л. 90, 91, 94; Д. 211. Л. 19–21, 23, 29, 100, 103, 104, 106, 133.
- ²⁷ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 468об., 468, 477, 477об.; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 22. Л. 299.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 27. Л. 111.
- ²⁹ Там же. Л. 76, 121, 161, 185, 197, 251, 290; Д. 28. Л. 1, 80, 95, 100, 134, 166; Д. 29. Л. 1, 21, 38, 39, 52, 97, 101, 103, 113, 120, 168, 190, 230; *Колесников А.Д.* Русское население... С. 289–300; *Мамсик Т.С.* Крестьянская среда и беглец... С. 89, 92.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 15. Л. 50; Д. 19. Л. 104.
- ³¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231; Оп. 2. Д. 151. Л. 224, 225–253; Оп. 1. Д. 42. Л. 215–220.
- ³² РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 27. Л. 121, 161, 185, 197, 251, 290; Д. 28. Л. 1, 80, 95, 100, 134, 166; Д. 29. Л. 1, 11, 21, 38, 39, 52, 97, 101, 103, 113, 120, 168, 190, 230; Д. 32. Л. 521; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 297, 298, 307–315.
- ³³ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 25. Л. 301.
- ³⁴ *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне... С. 103; *Воробьева И.А., Малютко А.М., Розен М.Ф.* Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980. С. 108.
- ³⁵ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.
- ³⁶ *Громыко М.М.* Некоторые особенности приписной деревни... С. 298.
- ³⁷ *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири... С. 296–298.
- ³⁸ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. Л. 159–160.
- ³⁹ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. Л. 162.
- ⁴⁰ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 473, 475.
- ⁴¹ Там же. Д. 4. Л. 4, 5, 75, 57.
- ⁴² ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5. Л. 168об., 170, 172–177.

- ⁴³ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири... С. 296–298.
- ⁴⁴ ГАТО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 57. Л. 254, 259, 267–287.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 13. Л. 286, 384.
- ⁴⁶ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 64. Л. 123.
- ⁴⁷ Русаков К.В. Миграция приписного крестьянства... С. 94, 95.
- ⁴⁸ Жидков Г.П. Социально-экономическое развитие приписной деревни... С. 10.
- ⁴⁹ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение... С. 110.
- ⁵⁰ Крестьянство Сибири... С. 227, 271; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 243.
- ⁵¹ Чукмадин Н.М. Мои воспоминания: избранные произведения. Тюмень, 1997. С. 227, 30, 34, 62, 63, 64.
- ⁵² Крестьянство Сибири... С. 271.
- ⁵³ Бульгин Ю.С. Характеристика социальной сущности ... С. 197.
- ⁵⁴ ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 11. Л. 438.
- ⁵⁵ Мамсик Т.С. Образ крестьянина-беглеца в XVIII в.... С. 36.
- ⁵⁶ Рабцевич В.В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775–1825 гг.) // Крестьянская община в Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 132.
- ⁵⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М.: Наука, 1967. Т. 3. С. 104; Прохоров М.Ф. Отходничество крестьян в Москву // Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 171.
- ⁵⁸ Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. С. 166, 168–172.
- ⁵⁹ Кузьмина Ф. С. Извозный промысел сибирских крестьян в 20–30-е гг. XIX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 29.
- ⁶⁰ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 313. Л. 51, 52.
- ⁶¹ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 13. Л. 304.
- ⁶² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 10. Л. 39, 44, 59–62, 81, 83, 103, 148–150, 156, 158, 177; Д. 18. Л. 3–7, 15–17, 25, 31, 45–50, 58–79, 89–96, 107–112, 121–123.
- ⁶³ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 3об., 4, 61 об.
- ⁶⁴ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 775–776.
- ⁶⁵ Индова И.Е. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М.: Наука, 1964. С. 315; Рябинский Л.С. Реформы 1863–1866 годов в отношении удельных и государственных крестьян на территории Мордовии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. С. 5; Дружинин Н.М. Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 г. (1863–1883 гг.) // Исторические записки. М.: Наука, 1970. С. 159–206; Горланов Л.Р. Размещение, численность и феодальные повинности удельных крестьян в России // Основные категории крестьян в период позднего феодализма (XVII – первая половина XIX вв.). Смоленск, 1985. С. 21–39.
- ⁶⁶ Александров В.А. Сельская община в России (XVIII – начала XIX в.) М.: Наука, 1976. С. 55–59, 243–248; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М.: Наука, 1986. Т.3. С. 340.
- ⁶⁷ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 35. Л. 802, 820–821; Ф. 63. Оп. 1. Д. 22. Л. 190; Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 19. Л. 258, 338.

⁶⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 543.

⁷⁰ История Сибири: В 4 т. Л., 1968. Т.2. С. 213, 314, 321; *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение...; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 340–344; *Жеравина А.Н.* Отзвуки крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева на Алтае // Феодализм в России: Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения Л.В. Черепнина. М., 1985. С. 212–215.

⁷¹ *Прудникова Т.П.* Крестьянский протест против сословной неравноправности в пореформенной западно-сибирской деревне (60–90-е гг. XIX в.) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. ... С. 155.

Глава 6

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ КАБИНЕТСКИЕ ЗЕМЛИ В СИБИРИ

Общеизвестно, что базовой для развития западного общества является концепция частной собственности. Западные законы, обычаи, мораль основаны на ней. В России она отсутствовала, и все аспекты социальной жизни, вся логика развития российского общества определялись именно отсутствием концепции частной собственности. Вследствие этого российское общество настолько разительно отличается в своем развитии от западного, что есть основание говорить о существовании уникальной российской цивилизации. Все концепции цивилизации относятся и к России, но в совершенно измененном виде.

Поэтому «законы, которые существуют в России должны быть изучены сами по себе, а не как странная... версия западных законов»¹.

В России было много земли, больше чем достаточно на всех при малой плотности населения. А на неограниченный ресурс собственности в западном понимании с принципом незыблемого владения землей и передачей её по наследству в России не было. На Западе даже у крестьянина нельзя было отнять землю. Владения ею упорядочиваются законами: «эта земля – моя».

Частная собственность – это то, что человек унаследовал или честно заработал, что принадлежит ему и защищено законом. Это не то, что человек временно, по какому-то неформальному соглашению контролирует, и не то, что он украл. Частная собственность является основой жизни человека, гарантом его прав, возможностью создать себя будущее².

В России длительное время в условиях отсутствия частной собственности на землю большой удельный вес занимал государственный сектор. Благодаря этому носитель верховной власти имел возможность раздавать земли на условиях выполнения определенных обязанностей со стороны того, кому эта земля давалась. На протяжении веков в России шел процесс расширения государственного сектора. Особенно заметен был его рост на ее восточной окраине – в Сибири. Здесь вся земля по мере включения ее регионов в состав России становилась собственностью государства. За пользование ею

оно получало возможность взимания ясака с коренного населения Сибири, выплаты части служилых людей жалования, принуждения крестьян к обработке государственной пашни и внесению отсыпного хлеба.

С 60-х гг. XVIII в. крестьяне были переведены на уплату денежного оброка. Жившие на земле, принадлежавшей государству, они были составной, притом большей частью сословия государственных крестьян. Их взаимоотношения с государством были положены в основу концепции государственного феодализма.

Как уже отмечалось, при определении владельца кабинетского хозяйства в Сибири именно эта концепция была взята за основу исследователями новосибирской школы.

Исходным пунктом при определении владельца кабинетского хозяйства в Сибири считается многократно повторенная «опорная идея» академика Н.М. Дружинина, в свое время высказавшего предположение «об интенсивном социально-экономическом развитии сибирской деревни, менее скованной крепостническими традициями»³.

Но вряд ли Н.М. Дружинин претендовал на то, чтобы важное принципиальное значение приобрело высказанное им предположение. Он был глубоко уверен: «Сибирь... требует специального исследования на основе местных исторических источников»⁴. Заметим попутно, что между высказанным предположением Н.М. Дружинина в его работе «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева» (1946) и вышеприведенным суждением пролегла временная дистанция протяженностью в 32 года.

Второй исходный момент сторонников новосибирской школы базируется на отсутствии юридического статуса кабинетского хозяйства в Сибири, на том, что с самого начала его возникновения не была четко определена его владельческая принадлежность. Именно на этом основании с опорой на концепцию государственного феодализма в Сибири базируется заключение о близости приписных крестьян в составе кабинетского хозяйства к государственным.

В 80-е гг. XX в. признавал юридически близкими по положению к казенным (государственным) крестьянам приписных крестьян В.В. Пундани. Он писал, что приписные крестьяне вместо платежа подати государству исполняли различные заводские работы⁵. В докторской диссертации по истории государственной деревни Урала и Западной Сибири второй половины XVIII – первой половины XIX в., защищенной в 1991 г., В.В. Пундани без всяких оговорок включил в территориальные рамки своего исследования приписную деревню Алтая.

В 70-е гг. XX в. М.М. Громыко исследовала некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в. А в представлении В.В. Пундани поставлен знак равенства между приписной и государственной деревнями Западной Сибири. Причем сделано это без специального исследования деревни кабинетского хозяйства «на основе местных исторических источников», о чем писал Н.М. Дружинин.

В.В. Пундани ограничился лишь включением территории кабинетского хозяйства в Западной Сибири в состав пределов государственной деревни в данном регионе. Он обошелся без использования материалов фондов Кабинета, канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, судных и земских изб, волостных правлений⁶.

Общий вывод автора, имеющий отношение к определению социального статуса приписных крестьян, находится в явном несоответствии с их фактическим положением. В.В. Пундани пишет: «Жизнь государственной деревни детально регламентировалась законодательством, установками православной церкви. Проявления самостоятельности казенных крестьян во многом ограничивались общиной, круговой порукой. В Урало-сибирской государственной деревне правительство, местные власти широко применяли методы внеэкономического принуждения. Сельское и волостное управление было полностью зависимо в подведомственной иерархической системе чиновников и учреждений короны. В то же время казенные крестьяне могли приобретать в собственность и отчуждать всеми законными способами ненаселенные земли, дома в городах и селениях, строить дома в городах, заниматься торговлей, вступать во все обязательства по приобретению и передаче своей частной собственности и по прочим договорам, переходить в другое сословие, менять место жительства, признавались субъектами публичного права, приносили присягу императору. Следовательно, их положение было лучше в сравнении с другими категориями крестьян России. Казенные крестьяне занимали промежуточное положение между помещичьи крепостными и свободными людьми»⁷. В то же время В.В. Пундани пишет о самовольных переселениях крестьян на новые места как форме протеста против тяжелого феодально-зависимого положения, об отсутствии права крестьян без разрешения властей покинуть селение, со ссылкой на З.Я. Бояршинову, которая писала о прикреплении к месту жительства приписных, а не государственных крестьян⁸.

Весьма показательно исключение из различных категорий крестьян России XVIII – первой половины XIX в. приписного крестьянства вообще в фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова, посвященном социальной истории России XVIII – начала XX в.⁹

В свете всего вышесказанного очевидна важность определения владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири. Только таким путем можно ответить на вопрос о социальном статусе приписных крестьян, объяснить причины их фактического положения и судить о степени, уровне внеэкономического принуждения.

Изъятие заводов А. Демидова по указам от 1 и 12 мая 1747 г. и перевод Нерчинских заводов под управление Кабинета в 1787 г.

Возникновению кабинетского хозяйства в Сибири предшествовала поездка на Алтай весной 1743 г. главного начальника заводов Урала и Сибири действительного статского советника В.Н. Татищева. На основании инструкции за подписью императрицы Анны Иоанновны он должен был ознакомиться с состоянием дел на заводах Демидова, решить вопрос о возможности открытия на Алтае казенных заводов; при этом допускалось, что, кроме Демидова, и другие заводчики могут появиться там. Наконец, уже тогда ставился вопрос о возможном изъятии заводов Демидова¹⁰. Однако прошло еще 10 лет, прежде чем императрица, теперь уже Елизавета Петровна, узнав о выплавляемом на Кольванском заводе серебре, стала проявлять особый интерес к демидовским заводам в Сибири.

По именному указу 17 мая 1744 г. на Алтай направляется комиссия во главе с А. Беэром, получившим задание выяснить целесообразность строительства там новых сереброплавильных заводов и произвести пробную плавку взятой из разных мест руды «и те пробы, – распорядилась императрица, – с собою привезть... и учиня оным заводам и рудным местам описание и планы с масштабом явиться к Нам»¹¹.

Опытная плавка руд, проведенная А. Беэром, показала высокое содержание в них серебра и подтвердила наличие золота. В декабре 1745 г. А. Беэр привез более 44 пудов серебра и 12 фунтов золота, что и определило дальнейшую судьбу заводов А. Демидова на Алтае¹².

11 августа 1746 г. А. Беэр на основании данной ему инструкции предписал берг-лейтенанту С. Христиани запретить приказчикам

А. Демидова плавку медных руд, но продолжить плавку серебряной руды «казенным содержанием».

По свидетельству П.Н. Демидова, хорошо осведомленного в содержании делопроизводственной документации А. Демидова, описание заводов еще по указу от 17 мая 1744 г. предполагалось провести с целью «принятия их в казенное содержание». Но указом от 1 мая 1747 г. А. Беэр вновь отправляется на Колывано-Воскресенские заводы теперь уже «для принятия оных в собственность Ея Величества»¹³. Это свидетельство П.Н. Демидова имеет огромное значение, так как помогает понять содержание упомянутого указа.

1 мая 1747 г. последовал указ императрицы, которым А. Беэру предписывалось: «Оной Колывано-Воскресенский, Барнаульский, Шульбинский и прочие на Иртыше и Оби реках, между оными те строения, какие обретаются заведенные от покойного Акинфия Демидова, со всеми отведенными для того землями с выкопанными всякими рудами и инструментами, с пушками и мелким ружьем и мастеровыми людьми собственными его, Демидова и с приписными крестьянами взять на Нас, и оным строениям и рудам сделать опись и оценку чего стоит для знания, что должно будет наследникам его из казны нашей заплатить, авансом таковую заплату засчитать. То еже(ли) оный покойный Акинфий Демидов и его наследники чем в казну нашу должны и о том справясь, где надлежит, прислать к Нам известие.

На оных заводах сколько возможно больше руды серебряной доставать в найденных от вас местах или где еще может найтись, и из оной, також и на прежде добытой, руд плавить роштейн на Колывано-Воскресенском заводе и на Шульбе. Для большей расплавки руд тот роштейн возить на Барнаульский завод и там из него плавить серебро и от того посылать сюда, не отделяя золота и не выплавливая начисто серебро...

Для исправления работ на оных заводах употребить приписных к помянутым заводам крестьян за подушные деньги... Да сверх того велено приписать к тем же заводам Кузнецкого ведомства слободы Белоярскую, Малышевскую, Бикатунскую крепость и Бердский острог, о которых указ наш Сенату дан и за них платить подушные деньги по вышеописанному...

По рекам, близ оных заводов текущим, селить пришлых в Сибирь»¹⁴.

Указом предусматривалась оценка стоимости изъятых у Демидовых для определения суммы, которую им следовало заплатить. В слу-

чае, если А. Демидов и его наследники окажутся в долгу перед казной, предстояло установить, какую сумму может составить их долг.

Устанавливалось выполнение приписными крестьянами заводских работ за подушный оклад. Объявлялось о предстоящей приписке к заводам крестьян Кузнецкого ведомства, Белоярской и Малышевской слобод, Бийской крепости и Бердского острога и о поселении при заводах пришлых в Сибирь.

Из текста указа невозможно сделать вывод о главном, к кому переходили демидовские заводы, что подразумевалось под «взять на Нас», в какой роли выступала императрица – главы государства или помещицы, завладевшей Колывано-Воскресенскими заводами.

Вскоре последовал новый указ, которым, казалось бы, вносилась ясность по этому вопросу.

«Мая 12 1747 г. Именной, данный Сенату. О взятии в казну Колывано-Воскресенских и прочих заводов умершего Действительного Статского Советника Акинфия Демидова; о поселении близ оных заводов пришлых в Сибирь людей, и о зарабатывании им там государственных податей.

По указу Нашему отправлен от Нас на Колывано-Воскресенский, Барнаульский и Шульбинский умершего Действительного Статского Советника Акинфия Демидова заводы, для исправления горных работ, Бригадир Андрей Бер, которому те заводы и прочее на Иртыше и Оби реках, и между оными все строения, какия обретаются заведенныя от помянутого Демидова, со всеми отведенными для того землями, с выкопанными всякими рудами и инструментами и мелким ружьем, и с мастеровыми людьми, собственными его Демидова и приписными крестьянами, указали Мы взять на Нас; а для исправления работ на оных заводах в прибавку к тем, кои приписаны к оным заводам, повелеваем Нашему Сенату приписать Кузнецкого ведомства казенные слободы: Белоярскую, Малышевскую, Бикатунскую крепость и Бийский острог, за которыя подушные деньги плачены быть имеют от Колывано-Воскресенского горного начальства; а понеже, как известно, при оных заводах места к поселению людей довольны и всем потребным к житию человеческому изобильные, и для того по рекам, близ оных заводов текущим, селить пришлых в Сибирь, кои явились по нынешней Генералитетской переписи, и оные пришлые люди, чьи б они ни были, должны зарабатывать на заводах, первое, подати государственные по 70 копеек, другое, подати помещиковы по 40 копеек, которыя от заводов отдаваться будут в

Нашу казну и куда надлежит, а что сверх тех податей заработают, то им плачено будет от заводу по настоящим ценам»¹⁵.

В самом названии указа раскрыто его содержание. Им утверждалось изъятие заводов умершего Акинфия Демидова, объявлялось о поселении «близ оных заводов пришлых в Сибирь людей». Ничего в указе не содержалось о приписке крестьян Кузнецкого ведомства так как на этот счет Сенат уже имел распоряжение императрицы.

Формулировка майского указа от 12 мая 1747 г. «О взятии в казну Кольвано-Воскресенских и прочих заводов Акинфия Демидова», на первый взгляд, лишь дополняет указ от 1 мая уточнением нового владельца демидовских заводов. После подробного перечня всего, что изымалось, следует: «указали Мы взять на Нас». Из названия указа («О взятии в казну...») с сочетанием «указали Мы взять на Нас» можно с уверенностью в правоте сделать вывод об изъятии Кольвано-Воскресенских заводов в пользу императрицы как носительницы верховной власти в стране. Однако это оказывается допустимым при условии восприятия данных составных частей указов вне общего контекста их содержания. Дело в том, что в обоих указах имеется еще одно весьма существенное положение, которое никак нельзя объяснить, если заводы переходили в собственность императрицы как носительницы верховной власти. В специально выделенном пункте указа от 1 мая подчеркивалось «а то число денег, что... крестьяне заработают, отдавать в те места, куда оные собирать положены». В указе от 12 мая там, где говорилось о поселении «близ Кольвано-Воскресенских заводов пришлых в Сибирь» и о «заработывании ими там государственной подати», объявлялось, что «подати государственные по 70 копеек» с пришлых, становившихся приписными крестьянами, «от заводов отдаваться будут в Нашу казну», а «подати помещиковы по 40 копеек, куда надлежит». Как раз в этой части указа и кроется ответ на вопрос, кому передавались демидовские заводы. Зачем носителю верховной власти, который с 1747 г. становился владельцем Кольвано-Воскресенских заводов, понадобилось фиксировать это четкое распределение по соответствующим каналам «податей государственных» и «податей помещиковых»? Объясняется это только тем, что по отношению к Кольвано-Воскресенским заводам императрица выступала не только в роли носительницы верховной власти, но и в роли помещицы, в пользу которой должна была поступать часть заработанных крестьянами при заводах денег. Нигде при этом не оговаривалось, что данная часть указа относилась только к пришлым, которых предстояло в

ближайшее время поселить при заводах. Никогда они впоследствии не выделялись из общей массы приписных крестьян. В указе от 12 мая 1747 г., таким образом, оказалось зафиксированным положение, при котором с приписанных к Кольвано-Воскресенским заводам крестьян «подати государственные» шли собственнику заводов, которым являлся царствующий император, а «подати помещиковы» поступали в казну.

Майские указы 1747 г. оказались глубоко продуманными. На первый взгляд они воспринимались как затрудняющие понимание природы кабинетского хозяйства. В действительности же положения о взятии заводов «на Нас» и «в казну» оказались в указах совершенно не случайно. Первое означало переход заводов в собственность императрицы, второе понадобилось в связи со стремлением компенсировать их стоимость за счет государственной казны в случае, если бы пришлось эту компенсацию производить.

Комиссия, которой поручалось обеспечить передачу Кольвано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета, должна была всем «строениям и рудам сделать опись и оценку... для знания того, что должно будет наследникам его (А. Демидова, умершего к тому времени. – А.Ж.) из казны Нашей заплатить». Прием заводов она закончила в 1750 г. По оценке Демидовых, они стоили 50799 р. 18 к. Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства оценила их почти вдвое дешевле – в 29445 р. 27½ к. Однако наследники Демидова, как считают некоторые исследователи, этой суммы не получили, так как она была зачтена за долги, что предусматривалось указом: «...а в таковую заплату зачитать то, ежели оный покойный Демидов и его наследники в казну Нашу должны».

Таким образом, в названии указа от 12 мая «О взятии в казну» (подчеркнуто мной. – А.Ж.) заключался глубокий смысл. Компенсация за изъятые у Демидовых заводы должна была проводиться за счет государственной казны, но становились они не государственной собственностью, а императорской личной собственностью на помещичьих правах¹⁶.

Исключительное положение их с 1747 г. не сразу было усвоено даже центральным органом управления горной промышленностью. В мае и июне этого года Берг-коллегия возвратила начальнику заводов А. Беэру «промемории... по случившимся необходимым делам». Берг-коллегия, чрезвычайно задетая тем, что начальник Кольвано-Воскресенских заводов осмелился обратиться к ней не «доношениями», а «промемориями», заявила, что она «учреждена над горными

заводами», по отношению к которым является «единым судьей» и потому не обязана выполнять их требований. А. Безр же исходил из предписания императрицы: руководимая им канцелярия Кольвано-Воскресенских заводов «без указа себя оной и другим коллегиям подчинить не смеет». «Доношениями» власти сносились со своим начальством, обычно они заканчивались испрашиванием указной революции. «Промемории» определяли «сношения равных по значимости либо просто не находящихся друг у друга в подчинении учреждений и должностных лиц».

Не приняв доводы А. Безра, Берг-коллегия продолжала настаивать на своем. В 1750 г. Сенат в специально по этому поводу изданном указе «О сношении Берг-коллегии с канцелярией Кольвано-Воскресенского горного начальства премориями, а не доношениями» разъяснил Берг-коллегии, что бывшие заводы А. Демидова по указу 12 мая 1747 г. «взяты на Ее Императорское Величество», состоят «под единым Е.И.В. управлением и под ведением Ея Императорского Величества Кабинета»; на этом основании ей предписывалось впредь от Кольвано-Воскресенского горного начальства, которое «уже и не под Сенатом», никаких «доношений» не требовать¹⁷.

9 декабря 1748 г. в Сенате слушалось доношение Военной коллегии, которая по требованию генерал-майора Безра отпустила на Кольвано-Воскресенские заводы «припасы и артиллерийские и инженерные инструменты» на сумму в 3364 р. 84 к. На требование Военной коллегии к начальнику заводов А. Безру о возмещении указанной суммы последний объявил, что расхода на артиллерию, другие припасы и на содержание военных служителей «из заводской суммы в данных ему Е.И.В. именных указах не отображено». А без именного указа «из заводской суммы... употреблять невозможно и не из чего». Военная коллегия просила Сенат отпустить для нее эти деньги «из других наличных государственных доходов, чтобы за недостатком артиллерийской суммы в нужнейших артиллерийских приготовлениях остановки и упущения последовать не могло». В Сенате решили: «требуемую сумму отпустить неоткуда». И А. Безр не выдал ее Военной коллегии¹⁸.

Когда граф Шувалов предпринял попытку ходатайствовать перед императрицей о передаче ему Кольвано-Воскресенских заводов, пользуясь возникшими сложностями у Кабинета в их эксплуатации «за оскудением лесов», Елизавета Петровна отклонила его притязания, заявив при этом, что заводы она «отнодь не отдаст никому, но остаться им непременно яко Ее Величество собственно принадле-

жащими, в ведомстве и управлении Кабинета»¹⁹, что вновь подтверждалось позднее в очередном указе императрицы Сенату «О неотложном исполнении требований Кабинета к распространению выгод и к пользе Кольвано-Воскресенских заводов» от 12 января 1761 г.²⁰

Указом Екатерины II от 5 января 1763 г. «О хождении новой медной монеты, сделанной в Сибири на Кольвано-Воскресенских заводах» они «во всенародное известие» объявлялись «собственно Нашими», то есть принадлежавшими императрице²¹.

Фактически ничего не изменилось во владении и управлении Кольвано-Воскресенскими заводами с образованием на территории Алтая Казенного Департамента «для хозяйственного... и заводского правления». По этому поводу в именном указе Сенату от 1 мая 1779 г. «О учреждении Кольванской области» специально разъяснялось, что управление заводами переходит Казенному Департаменту, находившемуся «под главным ведением Нашего Кабинета»²², которому по-прежнему должны были поступать доходы от заводов.

В контексте всего сказанного становится ясным и смысл указа от 5 января 1787 г. «О бытии Нерчинским заводам под ведением Кабинета». «Для приведения в хозяйственное устройство Нерчинских заводов, – провозглашалось в нем, – и для удобнейшего одного управления повелеваем Мы заводы сии со всеми принадлежащими к ним строениями, инструментами и материалами, деньгами на производство оных и людьми как и горную Нерчинскую экспедицию отдать в ведомство Кабинета под особое распоряжение члена одного генерал-майора Соймонова на таком же основании как состоят Кольвано-Воскресенские заводы». В Нерчинскую горную экспедицию из Кабинета отправили вместе с данным указом и полный текст указа от 1 мая 1747 г., на основании которого уже в течение 40 лет Кольвано-Воскресенские заводы состояли в ведении Кабинета, доклад на имя Екатерины II А.В. Олсуфьева о «действии» Алтайских заводов на протяжении 1747–1759 гг. Все дела, касавшиеся Нерчинских заводов, из Берг-коллегии перешли в Горную экспедицию при Кабинете²³.

Указом от 5 января 1787 г. определялось не только поступление в доход Кабинета «впредь привозимого» в Петербург на монетный двор серебра, но и того, которое уже находилось в «конторе разделения». Кабинет в случае получения Нерчинскими заводами из государственного казначейства «некоторой суммы на содержание их для нынешнего (1787 г. – А.Ж.) года» обязан был «оную возвратить» в государственное казначейство.

Летом того же 1787 г. Нерчинская горная экспедиция получила из Кабинета еще один документ, важный для понимания нового положения Нерчинских заводов, хотя он касался непосредственно, казалось, только Колывано-Воскресенских заводов. После издания 8 декабря 1786 г. именного указа Сенату, которым повелевалось, чтобы взимаемые в стране штрафы поступали в доход государства, перечисления в государственную казну штрафных денег Сенат потребовал и от Колывано-Воскресенских заводов. Колыванская горная экспедиция обратилась в Горную экспедицию Кабинета за разъяснением, «повелено ли будет» штрафные деньги, взимаемые «с заводских чинов и служителей за разные ими в должностях упущения», отсылать в государственный доход. В ответ на запрос Колыванской экспедиции Кабинет 21 июля издал специальный указ, в котором говорилось: «Заводы же Колывано-Воскресенские состоят в ведении Кабинета Е.И.В., доход от них получаемый вносится в комнатную сумму (подчеркнуто мной. – А.Ж.), к тому же прописываемые Колывано-Воскресенскою горною экспедициею взысканиями не есть в штраф поступающие, а единственное только возвращение вещей заводских, из чего кроме настоящего по заводам употребления, никуда без особенного имянного Е.И.В. повеления отсылаемо быть не можно, о чем для ведома и дать знать в Колыванскую горную экспедицию». Копия данного указа за подписью П. Соймонова из Кабинета поступила в Нерчинскую горную экспедицию как руководство к действию²⁴.

Сам факт обращения к опыту «действия» Колывано-Воскресенских заводов под управлением Кабинета в момент создания его единого хозяйственного комплекса в Сибири весьма показателен. Он свидетельствует об уже сложившейся традиции претворения в жизнь законодательных актов. С переходом Нерчинских заводов в ведение Кабинета на правах императорской собственности государственная казна лишилась «прибыли от тех заводов получаемой»²⁵.

Законодательство первой половины XIX в. о владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири

Владельческая принадлежность кабинетского хозяйства в Сибири до реформы 1861 г. нашла отражение и в законодательстве первой половины XIX в., хотя Нерчинские заводы на некоторое время изымались из ведения Кабинета. Именным указом от 19 ноября

1796 г. они были переданы под контроль Берг-коллегии. В начале 1800 г. управляющий Кабинетом граф Тизенгаузен подал на имя Павла I доклад «Об отдаче Нерчинских заводов со всеми к ним принадлежностями и лабораториию в ведомство Кабинета». В нем в обоснование необходимости возвращения заводов вновь «в ведомство Кабинета» с учетом существовавшей с 1787 по 1797 г. практики особо подчеркивалось: «заводы, содержащие драгоценные редкости, ближе всего должны составлять часть кабинетского дохода, следующего прямо особе государя» (подчеркнуто мной. – А.Ж.). Краткая императорская резолюция гласила: «Быть по сему», что означало следование с 1800 г. прибыли с Нерчинских заводов «прямо особе государя», поскольку любой доклад на имя императора с его резолюцией «Быть по сему» обретал силу закона²⁶. В августе того же года Нерчинские заводы вновь перешли под управление Берг-коллегии на выгодных для владельца условиях: доходы Кабинета остались неприкосновенными, издержки же по содержанию их переходили на счет Берг-коллегии. В июне 1803 г. заводы были возвращены в ведение Кабинета²⁷. Они, как и Кольвано-Воскресенские заводы, составляли собственность императорского величества, что еще раз было подчеркнуто управляющим Кабинетом в записке в бывший Сибирский комитет от 20 апреля 1822 г., это находилось в полном соответствии с действовавшим до сего времени законодательством²⁸.

Именным указом от 22 июля 1822 г. «О преобразовании Сибирских губерний по новому учреждению» объявлялось о соединении «звания Томского гражданского губернатора и начальника заводов... в одном лице» при исключительном праве на назначение и увольнение его Кабинетом, «в ведомстве коего» состояли «сии заводы». «Новое учреждение» коснулось только управления Томской губернией, заводы управлялись по-прежнему «на основании особенных о них постановлений». Чиновник, назначенный на должность гражданского губернатора и начальника заводов, мог решать вопросы, касающиеся горно-заводского производства только «относясь к Кабинету»²⁹.

Немаловажна в этом плане деталь, подмеченная современником, путешественником Эйрие, который обратил внимание на то, что Барнаул, «...сделавшийся окружным с 1822 г., принадлежит к Томской губернии, но в отношении к горной части причислен к округу Кольванских заводов, зависящих непосредственно от Кабинета императорского. Впрочем главный начальник этого округа вместе и Томский граждан-

ский губернатор; он живет обыкновенно в Барнауле и только на время ездит в губернский город (Томск. – А.Ж.) по делам»³⁰.

В «Учреждении о управлении Кольвано-Воскресенских горных заводов» от 16 апреля 1828 г. объявлялось (§2): «Все земли, равно озера и реки, находящиеся на пространстве, занимаемом селениями приписных крестьян, заводами, рудниками, приисками, ломками цветных камней и другими заведениями, также Алтайские горы, лежащая между Бийскою линейною дорогою и Китайской границею, принадлежат к ведомству Кольвано-Воскресенских заводов» – в том же смысле, в каком употребляли термин «в ведомстве Кабинета», когда речь шла об управлении заводами со стороны Кабинета.

Скорее всего, не столько об ограничении прав распоряжения землями, как полагает Г.П. Жидков, сколько об исключительном праве владения ими шла речь, когда утверждалось: «Земли заводского ведомства не разделяются ни в собственность, ни в оброк» в подтверждение ранее установленного порядка, согласно которому «все земли, леса... к заводскому ведомству принадлежащие» объявлялись изъятыми «из правил, по коим предназначается раздача земель чиновникам, в Сибирских губерниях служащим». Все вышеизложенное распространялось и на Нерчинские заводы³¹.

Вряд ли есть какие-либо основания делать заключение об изменении характера владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири даже при наличии в «Учреждении...» §6, в котором говорилось: «Всякого рода металлы, минералы и цветные камни в сих землях находимые, принадлежат Кабинету», если учесть то обстоятельство, что в §1 подтверждалось прежде существовавшее положение, при котором «Главное управление... заводов вверяется Кабинету Е.И.В.». Это еще раз повторяется в иных выражениях в разделе «Власть и обязанности Кабинета». Что касается положения о «принадлежности Кабинету» недр заводского ведомства, то вероятнее всего в §6 имелось в виду поступление цветных камней и благородных металлов с Кольвано-Воскресенских заводов не на общегосударственные нужды. При этом следует учесть, кому адресовалось «Учреждение...», – начальству Алтайского горного округа, подчиненному Кабинету. В данном документе не было особой надобности владельцу заводов заявлять о своих правах на них, это принципиального значения не имело. Но ведь и отступления от принятого ранее нет в анализируемом документе. Заводы признавались лишь находящимися «под управлением Кабинета», что узаконено было с 1747 г.

В именном указе от 14 апреля 1830 г. «О передаче в ведомство Министра Финансов Кольвано-Воскресенских и Нерчинских серебродолавильных заводов» хотя и названы заводы принадлежащими «Кабинету Нашему», там, где разъяснялось, на каких условиях совершалась передача, прежде всего уточнялось, что «заводы, как и ныне, остаются частной собственностью Нашею, одно управление оными передается Министру Финансов»; он управлял заводами на «тех же самых правах», на которых управлял до этого «оными Кабинет». Вместе с заводами в Горный департамент передавалось существовавшее при Кабинете отделение, «заведующее оными»³².

Когда в 1855 г. Алтайские и Нерчинские заводы были возвращены в ведение Кабинета, в «Высочайше утвержденных правилах...» от 27 мая вновь нашло отражение многократно встречавшееся несоответствие в определении собственника этих заводов. Они в названии и обосновании указа квалифицировались как «принадлежащие оному» (Кабинету. – *А.Ж.*), но в тексте указа, как и во всех предшествующих законодательных актах, в I статье «Правил...» зафиксировано: «Алтайские и Нерчинские заводы, составляющие частную собственность Государя Императора и находившиеся с апреля 1830 г. в управлении Министра Финансов по части Департамента Горных и Соляных дел, передаются в управление Кабинета Его Императорского Величества... без всякого за имущество оных платежа». До появления у Кабинета оборотного Капитала «правилами» предусматривался отпуск денег на содержание заводов из государственного казначейства при ежегодном удержании их за счет поступлений с сибирских заводов на Санкт-Петербургский монетный двор золота и серебра³³.

Через два года владельческая принадлежность кабинетского хозяйства в Сибири была официально зафиксирована в статьях Горного устава 1857 г. издания. На основании действовавшего законодательства Горным уставом подтверждалось, что «пространство земель в Алтайских горах и в смежности их лежащих с состоящими на них рудниками и заводами, с городами и селениями, к заводам сим приписанными, «все находящиеся в пространстве Нерчинской горной округе земли, леса, реки, рудники, заводы, прииски цветных камней... составляют частную собственность Государя Императора и находятся под главным ведомством Кабинета Е.И.В.»³⁴.

Таким образом, по законодательству с середины XVIII до середины XIX в. очень четко прослеживается однозначное решение вопроса о владельце кабинетского хозяйства в Сибири, которым являлся царствующий император. Оно свидетельствует о постоянстве

и удивительной настойчивости в подчеркивании именно этого положения на протяжении существования кабинетского хозяйства в Сибири в дореформенный период.

Документирование, причем с такой последовательностью, повторяющегося явления, в данном случае связанное с систематической фиксацией в законодательстве за 100 с лишним лет владельческой принадлежности хозяйства Кабинета в Сибири, означает, в конечном счете, не что иное, как исторически обусловленную традицию, законодательное закрепление норм, правил, действовавших в отношении Алтайских и Нерчинских заводов после передачи их в ведение Кабинета.

Внимательное прочтение всех вышерассмотренных законодательных актов не дает оснований признать утверждение Г.П. Жидкова отражающим объективную реальность: «Кабинетская собственность на землю Алтайского и Нерчинского округов длительное время не имела строгого, четко выраженного юридического титула»³⁵.

Несмотря на то, что достаточно сложным по своему содержанию оказалось законодательство 40-х гг. XVIII в., в целом за время существования кабинетского хозяйства в Сибири оно дает представление о владельце Алтайского и Нерчинских округов.

В этой связи трудно согласиться с утверждением М.Е. Сорокина, полагающего, что только с конца XVIII в. «впервые в источниках говорится о Колывано-Воскресенских заводах как о личной собственности императоров». Автор пишет: «Ни в одном документе, относящемся к периоду 1747–1779 гг., нет указания на то, что Колывано-Воскресенские заводы являются личной собственностью императора». Особенно любопытна убежденность М.Е. Сорокина в том, что авторами источников конца XVIII – первой половины XIX в., в которых говорится о Колывано-Воскресенских заводах как о личной собственности императоров, «были чиновники Кабинета и канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства». Именно их автор считает лицами, непосредственно заинтересованными в том, «чтобы создать особо благоприятные, на их взгляд, условия для существования горных предприятий в Западной Сибири». Может быть, самое поразительное состоит в утверждении М.Е. Сорокина: «Для того чтобы доказать права горнозаводского хозяйства Кабинета на особые привилегии, они не останавливались перед прямым искажением смысла ранее изданных правительственных указов»³⁶ (подчеркнуто мной. – А.Ж.). К сожалению, М.Е. Сорокин не приводит фактов искажения чиновниками, как он пишет, «правительственных указов».

Утверждения Г.П. Жидкова и М.Е. Сорокина, не подтвержденные документально, используются ими для определения природы кабинетского хозяйства. Анализ законодательных актов свидетельствует о том, что они носили характер именных указов, которые никто из чиновников исказить не мог. Им незачем было заботиться о создании особо благоприятных условий для развития кабинетского хозяйства в Сибири. Об этом заботились его владельцы – царствующие особы. Управляющие Кабинетом в своей деятельности исходили из четкого представления относительно того, кому принадлежали заводы.

Первые указы об изъятии демидовских заводов всегда были «под рукой» горного начальства. В середине 20-х гг. на это обстоятельство обратил внимание К.Ф. Ледебур. В его описании пребывания в Барнауле есть весьма примечательные строки: «В здании канцелярии имеется зал заседаний, украшенный портретами царей и цариц. На столе, за которым заседают, в изящном футляре, который держат четыре позолоченных бронзовых сфинкса, покоящихся на красиво отшлифованном яшмовом постаменте, хранятся указы, которыми санкционируются права и привилегии местных металлургических заводов, а также инструкции для здешних начальников. Первый из этих указов издан в царствование императрицы Елизаветы в 1747 году»³⁷.

Известный ботаник, профессор Дерптского университета, тепло принятый на Алтае горным начальством, беспристрастно зафиксировал то, что более всего привлекло его внимание в центре Алтайского горного округа. Наличие текстов указов на столе заседаний канцелярии горного начальства свидетельствует лишь об одном – указы, касавшиеся Кольвано-Воскресенских заводов с 1747 г., были не музейными экспонатами. Как было показано выше, на основании этих указов передавались и находились в ведении Кабинета и Нерчинские заводы.

Ко времени пребывания К.Ф. Ледебура относится сооружение гранитного обелиска на городской площади. Он зафиксировал и надписи на обелиске. На одной стороне его было высечено: «В память 100-летия Кольвано-Воскресенских заводов – при правлении Александра I в 1825 г.»; на другой: «Кольвано-Воскресенские заводы сооружены статским советником Демидовым в 1725 году – они перешли в собственность Императора при правлении Елизаветы I в 1747 году»³⁸.

Кольвано-Воскресенские и Нерчинские заводы разделяло расстояние в три с лишним тысячи верст, что осложняло действие единого хозяйственного комплекса, каким кабинетское хозяйство стало с 1787 г.³⁹ Тем не менее после 1787 г. очень четко прослеживается стремление Кабинета обеспечить действие заводов Алтая и Забайкалья в рамках этого комплекса как единого целого.

Это нашло выражение во многих проявлениях. Указы по Колывано-Воскресенским заводам, выходявшие с 1747 по 1787 г., распространились и на Нерчинские заводы. На основании именного указа Е.И.В. от 1 февраля 1788 г. начальнику Колывано-Воскресенских заводов повелевалось отпустить в Нерчинские заводы «доменного молотового, ...пеплопромывального, плотинного мастеров», а также «знающего пробирное искусство человека»⁴⁰, что и было исполнено. В 1790 г. после возвращения из Пруссии и Саксонии, получив назначение на Нерчинские заводы, шихтмейстер П. Озерецковский по заданию Кабинета останавливался на Алтае «несколько приметить горное и заводское производство». В том же году отличившимся в учебе выпускникам Горного училища А. Дерябину, М. Черниговцеву, А. Кропольскому, А. Булгакову, П. Чиркову, направленным на работу в Восточное Забайкалье с заездом на Колывано-Воскресенские заводы, начальник этих заводов должен был обеспечить возможность «обозреть нужные заводския и горныя работы» с фиксацией всего увиденного для представления затем начальнику Нерчинских заводов⁴¹. Там тщательно изучался опыт Колывано-Воскресенских заводов. В 1791 г. на Алтай был специально командирован унтер-шихтмейстер Киргизов для изучения функций надзирателя с целью распространения здешнего опыта на все заводы и рудники Восточного Забайкалья, где стал учитываться и порядок зачета выполняемой крестьянами работы при Колывано-Воскресенских заводах, выдачи крестьянам квитанций заводскими конторами, учета прихода и расхода «денежной казны». Все дела в Нерчинской горной экспедиции и горных конторах пытались вести, как на Алтайских заводах. В конце 80-х гг. стал скрупулезно изучаться опыт оплаты труда крестьян за рубку дров, перевозку угля на заводы. Получив отказ в просьбе о предоставлении с Колывано-Воскресенских заводов 100 тыс. р. медными монетами, начальник Нерчинских заводов обратился к Кабинету с предложением о выпуске в Забайкалье медных денег по опыту Алтая.

В 1818 г. Нерчинская горная экспедиция получила из канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства выписки «с всех урочных работ, какия только в здешних заводах исправляются служителями». Начальник Нерчинских заводов по требованию Кабинета распорядился внедрить в практику «что здесь еще не введено к пользе и успеху заводов»⁴².

В случае нехватки денежных средств «на действие заводов» они заимствовались из «суммы Колывано-Воскресенских заводов» с возвратом и наборот⁴³. Деньги, которые нередко брались на нужды

Нерчинских заводов из Иркутской казенной палаты, ей же и возвращались из «заводской суммы»⁴⁴.

Колывано-Воскресенские и Нерчинские заводы в составе кабинетского хозяйства находились на особом положении именно в силу того, что собственником их являлись русские императоры, управлявшие своим обширным хозяйством через Кабинет.

В ходе развития кабинетского хозяйства в Сибири расширялись его территориальные рамки. Во второй половине XVIII в. началось интенсивное освоение месторождений руд к востоку и югу от первоначально вошедшего в это хозяйство района Западной Сибири. Уже после включения в его состав Нерчинских заводов в начале XIX в. создается рудная база сереброплавильного производства в правобережье верхнего течения Иртыша, разрабатывается богатое Салаирское месторождение полиметаллических руд и других полезных ископаемых в кабинетском хозяйстве.

Сложившееся в Сибири кабинетское хозяйство включало в себя современную территорию Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской, части Томской, Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областей в Западной Сибири и большую часть Читинской области в Восточной Сибири. Оно стало главным центром добычи серебра в России. Алтайское серебро отличалось высоким содержанием золота. Все экономические ресурсы кабинетского хозяйства в Сибири были подчинены горному делу⁴⁵, развитие которого сопровождалось использованием в широких масштабах не только принудительного труда мастеровых, но и приписных крестьян.

Владельцем Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства являлся царствующий император. Об этом говорят все проанализированные выше законодательные акты при всей их сложности (повторимся еще раз!) на первый взгляд для однозначного прочтения.

В конце XIX в. на Всероссийской Нижегородской выставке был представлен Алтайский округ. М.И. Струков получил задание к ее открытию написать краткий исторический очерк края для ознакомления посетителей выставки с историей «одной из самых лучших местностей по своему плодородию и изобилию ископаемых богатств». Как чиновник особых поручений Кабинета М.И. Струков использовал содержащиеся в его делах материалы по истории кабинетского хозяйства на Алтае. На их основе М.И. Струков пришел к заключению, что его территория с 1 мая 1747 г. являлась частной собственностью царствующих императоров⁴⁶.

Благородные металлы, выплавлявшиеся из руд Алтая и Восточного Забайкалья, составляли главный интерес для русских царей. Только этим можно объяснить столь настойчивое повторение из указа в указ, из десятилетия в десятилетие положения о том, в чьей собственности находились Кольвано-Воскресенские с 1747 и Нерчинские заводы с 1787 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Матвей Малый*. Как сделать Россию нормальной страной? СПб.: Дмитрий Буланов, 2003. С. 10–11.

² *Матвей Малый*. Указ. соч. С. 11, 279.

³ *Жидков Г.П.* Алтайские крестьяне и реформа 1861 г. / Исторические заметки // Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976. С. 6.

⁴ *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978. С. 4.

⁵ *Пундани В.В.* Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Учебное пособие по спецкурсу. Челябинск, 1984. С.9.

⁶ *Пундани В.В.* Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1991.

⁷ *Пундани В.В.* Указ. соч. С. 29.

⁸ Там же. С. 57–59.

⁹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999.

¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 468. Оп. 43. Д. 1098. Л.1.

¹¹ *Кулибин А.* Описание Кольвано-Воскресенских заводов по 1833 год // Горный журнал. СПб., 1836. Ч. 1. Кн. 2. С. 333–335.

¹² История Сибири... С. 228, 231–232.

¹³ *Демидов П.Н.* Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя горных заводов, составленное из архивов, сохранившихся у его наследников и из других сведений. СПб., 1833.

¹⁴ *Старцев А.В., Тяпкин М.О., Тяпкина О.А.* История Барнаула. Барнаул, 2000. С. 38.

¹⁵ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 12. № 9403.

¹⁶ 200-летие Кабинета... С. 332; ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 12, № 9403; *Макеев Т.К.* Из истории развития промышленности на Алтае (1747–1917). Барнаул, 1951. С. 7.

¹⁷ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 13, № 9822; *Миненко Н.А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1981. С. 27, 30; *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 265–267.

¹⁸ Сенатский архив. Т. 7. СПб., 1895. С. 430.

¹⁹ 200-летие Кабинета... С. 334.

²⁰ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 15, № 1118.

- ²¹ Сборник указов по монетному и медальному делу в России... Вып. 2. СПб., 1887. С. 14–15.
- ²² ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 20, № 14868. О том же см.: Сенатский указ от 25 июля 1782 г. «О мерах к принуждению приписных к Кольванов-Воскресенским заводам крестьянам исправлять возложенные на них работы» // ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 21, № 15476.
- ²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 236. Л. 47об; ГПЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–4.
- ²⁴ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 22, № 16496; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 264. Л. 8–13, 15–24, 66.
- ²⁵ Финансовые документы царствования Екатерины II / Собр. Куломзин А.Н. Т. 1 // Сборник Императ. Русск. историч. общ-ва. Т. 28. СПб., 1880. С. 306.
- ²⁶ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 26. № 19311; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 349. Л. 1, 14, 15.
- ²⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 360. Л. 8; Д. 441. Л. 117.
- ²⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 130. Л. 2.
- ²⁹ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 38, № 29121.
- ³⁰ Живописное путешествие по Азии... С. 154.
- ³¹ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 38, № 29124; Собр. второе. Т. 3, № 1960; *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 62.
- ³² Сборник указов по монетному и медальному делу в России... Вып. 3. СПб., 1887. С. 58–59.
- ³³ Высочайше утвержденные правила о передаче в ведомство Кабинета Е.И.В. принадлежащих оному Алтайских и Нерчинских заводов // ПСЗ. Собр. второе. СПб., 1856. Т. 30, № 29365.
- ³⁴ Свод законов Российской империи. Издание 1857 года. СПб., 1857. Т. 7. Статьи 1689, 1670, 2137, 2138, 2148, 2149.
- ³⁵ *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 63.
- ³⁶ *Сорокин М.Е.* Горно-заводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747–1779 гг. ... С. 168–171.
- ³⁷ *Ледебур К.Ф.* Путешествие по Горному Алтаю и предгорьям Алтая // Краеведческие записки. Вып. 2. Барнаул, 1959. С. 293.
- ³⁸ *Ледебур К.Ф.* Указ. соч. С. 290.
- ³⁹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 273. Л. 144–145.
- ⁴⁰ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 265. Л. 173.
- ⁴¹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 302. Л. 165, 169–170.
- ⁴² ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 259. Л. 48–50, 59; Д. 265. Л. 398–416, 440–465; Д. 329. Л. 356; Д. 543. Л. 541, 551.
- ⁴³ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 23. Л. 10; Д. 83. Л. 1112.
- ⁴⁴ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 51. Л. 13–18.
- ⁴⁵ *Романов В.В.* Горная промышленность Рудного Алтая в период разложения и кризиса феодализма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968; *Григорьева А.А.* Сдвиги в географии, промышленности Сибири (XVIII – начало XX в.) // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири. Дореволюционный период. Иркутск, 1975. С. 20.
- ⁴⁶ *Струков М.И.* Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества. СПб., 1896. С. 1.

«ПРИХОДНО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ» КАБИНЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИБИРИ

«Золотое время» государственного бюджета России со второй половины XVIII в.

Значение дореформенного законодательства не ограничивается возможностью решения с его помощью вопроса о владельце кабинетского хозяйства в Сибири. Важнейшее значение приобретает рассмотрение каналов присвоения и назначения ренты, которую получал владелец Колывано-Воскресенских с 1747 г. и Нерчинских заводов с 1787 г.

К сожалению, «приходно-расходных книг» кабинетского хозяйства в Сибири не велось. Под ними подразумеваются доходы этого хозяйства и каналы их реализации.

В последнее десятилетие решение данной проблемы оказывается тесно связанным с историей государственного бюджета России с середины XVIII в.

Русское правительство испытывало острую нужду в металлах, необходимых для выпуска денег. Еще до появления кабинетского хозяйства в Сибири правительством изыскивались различные источники получения благородных металлов. Указом 1711 г. владельцам золота, серебра, старых монет предписывалось продавать их только Купеческой палате, «иным кому мимо той Купецкой палаты» продавать запрещалось¹. Вскоре право приобретения благородных металлов и изделий из них для перечеканки в монеты получили монетные дворы. При Петре I отпускались деньги из государственной казны для закупки серебра на Макарьевской ярмарке, стали заключаться контракты с иностранцами на поставку в Россию серебра. В 40-е гг. XVIII в. был запрещен вывоз за границу золотых и серебряных монет, слитков, посуды из золота и серебра. Не только на монетных дворах, но и в портовых городах (Архангельске, Риге, Астрахани), на китайской границе скупались благородные металлы. В государственную казну поступали деньги, изготовленные из конфискованного золота и серебра².

С 40-х гг. XVIII в. прослеживается изготовление монет из золота, полученного с Нерчинских заводов. В августе 1742 г. Берг-коллегия

о поступлении золота из Восточного Забайкалья сообщила в Сенат, распорядившись передать его на монетный двор. Императрица Елизавета Петровна 16 февраля 1743 г. издала указ: «Оное золото (24 фунта. – А.Ж.) указали Мы переделать в червонные с Нашим портретом и гербом в городе Москве на монетном дворе»³.

В 50-е гг. XVIII в. заметно увеличилось поступление серебра с казенных заводов Восточного Забайкалья. Добыча серебра тогда в среднем перевалила за сто пудов в год. На протяжении 1763–1769 гг. на Петербургский монетный двор поступило 2467 пудов серебра, в среднем по 352 с лишним пуда в год. В 70-е гг. поступление серебра выросло до 373 пудов в год.

А.И. Юхт считает, что с середины XVIII в. серебро, выплавлявшееся на Колывано-Воскресенских заводах, также поступало на печечеканку в монету, шедшую в государственную казну. На этом основании он пришел к выводу: «Крупные успехи сереброплавильной промышленности на Алтае и в Забайкалье значительно ослабили зависимость России от поставок серебра из других стран»⁴.

И в сибиреведении начинают утверждаться позиции исследователей, полагающих, что с возникновением кабинетского хозяйства на Алтае появились благоприятные условия для решения проблемы пополнения государственной казны за счет золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов. Н.Л. Коньков со ссылкой на исследование А.И. Юхта считает, что из всего добытого с 1745 (автор почему-то полагает, что в 1745 г. Алтайские заводы поступили в собственность Кабинета) по 1779 г. на Колывано-Воскресенских заводах серебра было получено до 500 пудов золота, из которого изготовлены монеты на сумму в 155596 р. За 1763–1779 гг. сумма изготовленных из серебра с Алтайских заводов (14492 пуда) монет составила 9985057 р.⁵

В годы Семилетней войны Петр III передал колыванского золота и серебра на чеканку 1 млн р. На это обращает особое внимание М.В. Кричевцев для подтверждения тезиса об участии драгоценных металлов с Алтая в пополнении государственной казны⁶. Как известно, это был не первый случай предоставления помощи за счет средств «комнаты Е.И.В.» в годы Семилетней войны. Все попытки правительства привести в соответствие доходы и расходы, чтобы «некоторую сумму для необходимых иногда чрезвычайных расходов оставить» не имели успеха из-за недостатка средств. Поэтому в наиболее затруднительных случаях императрица вынуждена была давать займы деньги из своих средств⁷.

Летом 1758 г., в период Семилетней войны, когда ощущался острейший недостаток денежных средств, Сенат считал нужным для пополнения недостающих средств взять с Колывано-Воскресенских заводов «заимообразно 30 пудов золота и 200 пудов серебра, которое под имянными Е.И.В. указами состоит». В марте 1759 г. императрице вновь была подана просьба о пожаловании с Колывано-Воскресенских заводов золота и серебра «с обязательством возвратить его теми же драгоценными металлами». Но лишь в декабре 1760 г Сенат получил позволение «принять из Кабинета заимообразно» 1 тыс. пудов серебра для переделки его в монету на содержание армии⁸.

Петр III, как и Елизавета Петровна, дал золото и серебро на чеканку 1 млн р. для содержания русской армии в ходе Семилетней войны также «заимообразно».

Позицию М.В. Кричевцева разделяет В.В. Ведерников. В диссертации, защищенной в 2002 г., он пишет: «Кричевцев опровергает стереотипное утверждение, что расходы Кабинета носили частный характер. Это касается колыванского золота и серебра. Небольшая часть его шла на изготовление дорогих вещей для императоров или их заказов для царственных родственников. Основная масса его предназначалась для чеканки российской монеты, оказывая тем самым важную услугу государству»⁹. В подтверждение данного заключения приводится пример передачи Петром III колывановского серебра и золота на чеканку 1 млн р. со ссылкой на диссертацию М.В. Кричевцева.

Серьезного внимания заслуживают первые попытки молодого исследователя из Новосибирского университета А.Д. Бирюкова¹⁰. Заинтересовавшись ролью Колывано-Воскресенских заводов в обеспечении сырьем Петербургского монетного двора в XVIII–XIX вв., он на основе данных А.И. Юхта выделяет основные источники монетарного золота и серебра.

Проследив процесс увеличения производства серебра и золота на Колывано-Воскресенских заводах с конца 40-х до начала 80-х гг. XVIII в., автор полагает, что во второй половине XVIII в. $\frac{1}{3}$ серебра и более половины золота, поставляемых на монетный двор, приходилось на Колывано-Воскресенские заводы.

В условиях постоянной нехватки золота и серебра для чеканки монеты в первой половине XVIII в., по мнению А.Д. Бирюкова, «только появление Колывано-Воскресенских заводов смогло решить проблему. К 70-м гг. отечественная добыча драгоценных металлов, решающую роль в которой играли алтайские предприятия, оттесни-

ла прежние источники сырья для Петербургского монетного двора». Суть решения проблемы состояла, на взгляд А.Д. Бирюкова, в том, что за счет поставки на монетный двор с Кольвано-Воскресенских заводов серебра и золота значительно укрепился российский бюджет, страдавший от непрерывных войн, которые вела Россия во второй половине XVIII в.¹¹

Заслуживает внимания также позиция Т.Н. Соболевой, полагающей, что при Екатерине II завершилось отделение личной канцелярии главы государства от «материальных дел» императрицы, средоточием которых становился Кабинет Е.И.В. На основании анализа указа Кабинету от 16 июля 1786 г. «О новом устройстве оного» автор приходит к заключению: «Его (Кабинета. – А.Ж.) «комнатная сумма» после 1786 г. была в определенной степени ориентирована на удовлетворение общегосударственных потребностей. Это касалось в первую очередь установленных законом окладных расходов». Т.Н. Соболева приводит размеры этих расходов по подсчетам М.В. Кричевцева за 1789 г. Расходы на пенсии, «единовременные выплаты по разным случаям и в пожалованья придворным, военным чиновникам, мастерам искусств, на содержание административного аппарата Кабинета, подчиненных ему учреждений, благотворительные выдачи поглощали 84 % доходов Кабинета. И только 16 % из них шли на удовлетворение пристрастий и личных прихотей Екатерины II».

Т.Н. Соболева (как и М.В. Кричевцев) полагает, что расходы Кабинета осуществлялись из поступления от управляемого им хозяйства в Сибири. При анализе вышеназванного указа о новом устройстве Кабинета исследовательница наибольшее внимание уделила анализу трех из 16 (9,13,14) пунктов этого документа. Она не учла того, что во 2-м пункте указа говорится о «наличных в Кабинете деньгах и вещах», которые должны были храниться в «казенной», куда доходы с Кольвано-Воскресенских, а со следующего, 1787 г., и Нерчинских заводов не помещались. Уже с конца 40-х гг. XVIII в. в течение почти 40 лет к 1786 г., когда именованным указом от 18 декабря было подтверждено, что Кольвано-Воскресенские заводы «состоят в ведении Е.И.В. и доход от них получаемый взносится в комнату Е.И.В.».

При учете расходов Кабинета следует непременно иметь в виду, откуда они совершались – из «казенной» или «комнаты Е.И.В.».

Уже через месяц после вступления на престол Екатерина II распорядилась об отпуске «к Прасковье Александровне Брюс тысячи рублей за жемчуг, который я у нее взяла», – писала она А.В. Олсуфьеву. 4 ноября 1762 г. князю Б.А. Куракину были выданы «за

взятые у него (в «комнату Е.И.В.») бриллиантовые вещи 20 тысяч рублей», 15 декабря «на поднесенном счете армянина Ивана Лазарева, которым требовал он за забранные разные вещи денег 3509 р.» императрица написала: «По сему счету заплатить». В тот же день по счету придворного ювелира Позье, «в число показанной в оном суммы 22070 рублей, за сделанные и назначенные к Нам в комнату, в июле и в сентябре месяцах сего 1762 г. бриллиантовые вещи, по изустному нашему указу, в 24 день октября сего же года выданные ему 11035 рублей записать в расходы, а достальные 11035 рублей выдать ему после генваря месяца».

Днем раньше И.И. Бецкой получил 20 тыс. р. «на его известное употребление». 12 мая 1763 г. Олсуфьеву поступило распоряжение императрицы: «Повелеваем вам выдать из нашей комнатной суммы нашему генерал-майору Андрею Гудовичу 10 тыс. рублей, которые мы всемилостивейше пожаловали ему в награждение».

8 сентября 1767 г. Екатерина II распорядилась: «Адам Васильевич, прикажи сделать золотой кубок тысячи в две с моим медальоном и подписать так, как в старину подписывали, что оной кубок пожалован... майору графу Алексею Орлову на новоселье в село Остров и прикажи сделать скорей». 14 декабря 1767 г. императрица интересовалась: «Адам Васильевич, скоро ли поспеет кубок золотой, которого я для графа Алексея Григорьевича Орлова сделать приказала?» 15 октября 1770 г. Екатерина II сделала заказ на «табакерки, эгретки, золотые флаконы и разныя тому подобныя безделушки». Она просила А.В. Олсуфьева показать ей «вещи этого рода» и добавляла: «...у Лазарева есть табакерки с моим именем, и я хотела бы, чтобы они были в их числе».

Уже упоминавшийся Иван Лазаревич Лазарев – армянин, приехавший в Россию из Персии, в середине XVIII в. жил в Москве, затем переселился в Петербург. Он и его четыре сына занялись обширной торговлей драгоценными камнями. Лазарев нажил огромное состояние.

14 декабря 1771 г. императрица распорядилась о присылке ей А.В. Олсуфьевым «резстра или резтров двух серебряных сервизов», которые были «под ключом». 8 января 1773 г. потребовала прислать «блюда с антиками да две кружки костяные, вместе купленные».

Через неделю она пишет: «Адам Васильевич, пришлите мне разных цен перстней, также женские уборы бриллиантовые или жемчужные и табакерки, одним словом, чтоб было из чего выбрать, но чтоб шкатулки особенно от трех до четырех тысяч рублей».

18 января 1773 г. в новом обращении к А.В. Олсуфьеву она пишет: «...вы мне обещали камней от трех до четырех тысячей рублей; пожалуй, пришлите, хотя не в деле поставленных, нет ли у англичан».

20 февраля 1773 г. императрица просила прислать «бриллиантовые шпаги», чтобы она «имела из чего выбирать».

На следующий день ею отдается распоряжение: «Адам Васильевич, во вкусе вчерашней шпаги, что с изумрудами, прикажите сделать к шляпе аграф, на кавалеры погон да пряжки к башмакам..., но все сходственно шпаги, из мелких камней и посмотрите, не поспет ли оное к празднику».

4 апреля 1773 г. были запрошены «табакерки и женские украшения стоимостью от пятисот до тысячи». В течение каждого месяца аналогичные распоряжения о присылке «круглой табакерки, что с бриллиантами», запечатанной и адресованной на ее имя, «у Вейнахта просить табатьерки, сказывают, что у него ужасно какая хорошия есть». 25 апреля 1773 г. императрица просила прислать в Царское Село «завтра разные вещи, как-то егреты, табакерки и всякой всячины от тысячи и до двух и трех, а не далее».

В последующие месяцы А.В. Олсуфьев выполнял распоряжения императрицы о присылке «шпаги с бриллиантами, но чтоб клинки вставлены были; весьма дорогих мне надобно, – писала она, – а такие, чтоб от полторы до двух тысяч рублей стоили». Запрашивались ею в августе, декабре 1773 г., в феврале, марте, апреле, мае, августе, сентябре, иногда и по несколько раз в течение месяца «алмазные эгреты, род аксельбантов», «табатьерки с бриллиантами здешней работы да один Андреевский крест с бриллиантами», «табатьерка не выше тысячи рублей, но хорошенькая», «золотая табатьерка», «табатьерка рублей на пятьсот, женская», которую просила отдать «вручителю сего» с припиской: «не шутя ведь я пишу, хотя Апреля первое число» (1774 г. – А.Ж.). 12 апреля 1774 г. были заказаны «всякого рода галантерейные вещи, мужские и женские», 6 мая 1774 г. – «табатьерки от семисот до тысячи рублей с бриллиантами», 28 мая 1774 г. – «женская табатьерка с алмазами или часы с цепью, рублев от пяти до семи сот... чтоб в середу после обеда здесь были». 8 августа 1774 г. – «сверх тех четырех шпаг, как у вас (в «комнате Е.И.В.») лежат, еще делать три; две, каждая в 8000 р., да третью в 5000 р.».

31 августа 1774 г. императрица интересуется, «не можно ли сыскать серебряного сервиза купить здесь где». 13 сентября 1774 г. она требует «выписать из Англии двух столовых сервизов серебряных, персон на сорок каждый и чтоб весной первыми кораблями они бы

здесь были». 30 сентября 1774 г. последовала просьба прислать «всякия хорошия вещи, для мужчины годныя». 24 мая 1778 г. – заказ «сделать перстень с моим портретом и окружить или покрыть бриллиантами». 6 сентября 1778 г. – достать «бриллиант один камень тысячи в шести, чтоб зеленоват был, хотя бы плосок, лишь бы чист был».

Некоторые распоряжения Екатерины II сохранились без указания на них даты. Как-то она сетовала: «Мне надоело быть обманутой моими камердинерами и бриллианщиками, которые продают все за двойную цену. Мне нужна хорошая золотая табакерка и эгретка; я вчера крестила трех детей; третьему я дам денег. Достаньте то, что мне нужно». Другой раз она писала А.В. Олсуфьеву: «Пришли ко мне перстень известной или привези его сам». Узнав о том, что продается серебряный сервиз и недорого, императрица просит: «Адам Васильевич, прикажи посмотреть, будто для себя, я б купила... только, штуку другую, есть ли б посмотреть дали». В марте 1774 г. она интересуется, «много ли у вас червонных полуимпералов, у вас их в сохранении нарочитая сумма; сам потрудися, но напиши на бумажке».

20 февраля императрица пожаловала А.В. Олсуфьеву 20 тыс. р. «в награждение об отошедшей... мызе... так и за труды в управлении Кабинета».

В приведенном М.В. Кричевцевым перечне расходов за 1789 г. учтены средства, потраченные не из «комнаты Е.И.В.».

Так что именным указом от 16 июня 1786 г. расходы по всем вышеперечисленным Т.Н. Соболевой статьям производились не из доходов от горно-заводского комплекса в Сибири. И те 16 %, которые шли «на удовлетворение пристрастий и личных прихотей Екатерины II, являлись дополнением к расходам императрицы за счет «комнатных сумм»¹².

Т.Н. Соболева считает, что в результате быстрого роста чиновничества при Екатерине II произошел подрыв царской монополии на политическую власть. Это, по ее мнению, сказалось и на сравнительно незначительных средствах, которыми императрица могла распоряжаться в личных интересах. Вряд ли можно согласиться с тем, что Екатерина II стала заложницей бюрократии и в какой-то степени была ограничена в контролирующих функциях.

Как свидетельствует И.В. Курукин, механизм управления страной при Екатерине II изменился. Расширилась практика выдачи пенсий из кабинетских (но не «комнатных»). – А.Ж.) сумм, доходивших до 500 тыс. р. в год. «Но навсегда исчезли былые всесильные оберкамергеры и обер-егермейстеры, вроде отца и сына Долгоруких, Ра-

зумовского и Бирона или генерал-адъютанта типа П.И. Шувалова. Высшие придворные Екатерины (...Нарышкины, П.Б. Шереметев, И.И. Шувалов, М.К. Скавронский) – важные вельможи, но все они отстранены от государственных дел и замкнуты в своей сфере». Императрица многие дела решала по докладам Сената, коллегий и других мест самостоятельно. Заметно при Екатерине II выросла роль фаворитов, но их статус был уже иным, чем при ее предшественниках.

В сфере внешней политики произошла замена Н.И. Панина И.А. Остерманом и А.А. Безбородко. Курс Екатерины II на прямое государственное обеспечение служащих усиливал зависимость чиновников от центральной власти. Хотя в первые недели после прихода к власти положение императрицы было не простым. Ей пришлось за верность и усердие при вступлении на престол вознаградить все гвардейские и расквартированные в столице полки. Все находившиеся в те дни в столице подразделения не просили, а требовали наград. К 10 июля гвардейские и армейские полки получили около 200 тыс. р. Кроме того, 3681 р. из «комнатных сумм» пошли на отправку в Германию голштинских солдат и офицеров¹³. Но постепенно императрица сумела укрепить свое положение на троне. В немалой степени этого удалось добиться благодаря большим затратам денег из «комнаты» на единовременные выплаты ближайшему окружению императрицы. В 1765 г. входившие в него Орловы, Н.И. Панин, Теплов, Шаховской, Чернышев, Талызин единовременно получили из «комнатных сумм» около 250 тыс. р.¹⁴

А что касается изменения функций Кабинета на основании указа от 16 июня 1786 г., как считает М.В. Бабич, он не утратил значения личной канцелярии. Еще с 40-х гг. XVIII в. при монарших канцеляриях состоял особый контингент лиц, отнесенных при Елизавете Петровне к «ведению Кабинета». Под их началом оказались серебро и медеплавильные и железоделательные заводы, императорские фабрики в Петербурге, его окрестностях. В Кабинете в ходе его реорганизации возникла Экспедиция Кольвано-Воскресенских заводов, действовавшая независимо от других его подразделений.

С конца 50-х до середины 80-х гг. XVIII в. кадровая, делопроизводственная, финансовая деятельность монарших канцелярий находилась в руках А.В. Олсуфьева. Другие императорские секретари единолично управляли своими канцеляриями. Но управлял всеми делами Кабинета А.В. Олсуфьев¹⁵. Через него и его преемников императрица и императоры получали деньги, готовые изделия из дра-

гоценных металлов из Кабинета или из «комнаты Е.И.В.» – в зависимости от предназначения запрашиваемого.

Сокращения средств в «комнате Е.И.В.» с 1786 г. не произошло. Они по-прежнему находились в полном распоряжении императрицы как лично ей принадлежащие. Кабинет до Николая II заведовал императорской собственностью.

Применительно к концу XVIII в. Кольвано-Воскресенские и Нерчинские заводы считают основными поставщиками серебра государству авторы коллективной монографии «Развитие горного дела в эпоху Екатерины II»¹⁶. Самое интересное состоит в том, что, оказывается, рост объема производства серебра на Алтае не сопровождался улучшением ситуации с госбюджетом страны. Напротив, именно параллельно с ростом объема производства золотистого серебра на Кольвано-Воскресенских заводах государственный бюджет переживал все большие трудности.

Деньги изготавливались из золота и серебра, приобретавшихся путями, характерными для первой половины XVIII в. Кроме того, русские купцы, получавшие в обмен на товары от азиатских купцов золото и серебро в Оренбурге и Троицкой крепости, должны были сдавать металлы на монетные дворы. Указом Сената от 27 марта 1751 г. купцам разрешалось сдавать золото и серебро прямо в Оренбурге, а местные власти могли выплачивать им губернские деньги, которые затем возмещались монетными дворами. В указе отмечалось, что это уже практиковалось в предыдущие 1749 и 1750 гг. Вплоть до 70-х гг. XVIII в. драгоценные металлы были главным предметом ввоза в Россию из Средней Азии: серебро в персидских монетах, индийских рупиях, золото – в бухарских монетах. С 1748 по 1755 г. через оренбургскую таможню в Россию поступило 50 пудов золота, 4600 пудов серебра, много драгоценных камней. В эти официальные данные не вошли показатели контрабандной торговли. Азиатские купцы привозили много золотых и серебряных монет, зашитых в одежду, пояса, а местные власти с этим мирились, понимая, что «азиатцев, дабы не озлобить крепко штрафовать не возможно». Так же, как казахский скот, золото, серебро, драгоценные камни продавались беспошлинно¹⁷.

В целях мобилизации внутренних ресурсов 14 ноября 1755 г. Елизавета Петровна распорядилась, чтобы Сенат секретно объявил статскому советнику и монетной канцелярии главному судье Шлаттеру: «каким бы образом и наилучшим способом имеющиеся в Сибири Нерчинские и прочие серебряные, кроме Кольвано-

Воскресенских, в ведомстве Кабинета находящихся, в состояние и разномнение привесть», с выяснением того, «сколько казенного кошта» на это потребуется, кому «по знатности» можно поручить «главное смотрение»¹⁸. Как уже отмечалось, с 50-х гг. XVIII в. выплавка серебра на Нерчинских заводах стала постепенно возрастать.

Вступив на престол, Петр III обнаружил «в закромах Кабинета» не менее 500 тыс. р. наличными, кроме того, значительную сумму в виде золота и серебра с Алтайских заводов. Часть колыванского металла по повелению Петра III была отпущена «Печальной комиссии», занимавшейся подготовкой похорон Елизаветы Петровны, «на делание» 200 медалей и 500 жетонов из золота, 1500 медалей и 10000 жетонов из серебра. Уже после похорон Елизаветы Петровны, когда оказалось, что сделанных памятных знаков не хватило, из Кабинета ушло колыванского металла на изготовление 421 знака «в золоте» и 5320 – «в серебре». Кроме того, в мастерской ювелира И. Позье из колыванского золота была изготовлена корона для умершей императрицы и из серебра – прибор к гробу. Петр III выплатил кредиторам деньги на общую сумму около 5,5 тыс. р. из «своей кабинетской казны» за должников, находившихся под караулом в конторе главного магистра.

Как установлено И.В. Курукиным, вскоре по восшествии Петра III на престол последовали крупные раздачи: 150 тыс. р. – на строительство Зимнего дворца, 60 тыс. р. – на Ораниенбаум, 60 тыс. р. предполагалось потратить на коронацию, намеченную на сентябрь 1762 г., 20 тыс. р. получила фаворитка императора. Выписанные для него «импортные обновки» обошлись в 10 тыс. р. Петр III 100 тыс. р. из кабинетских сумм выделил «для переводу в Голштинию». Поскольку наличные запасы денег оказались быстро исчерпанными, император даже пошел на расход 120 тыс. р., предназначенных для Павла, наследника престола. Он был вынужден прекратить оплату счетов покойной Елизаветы Петровны частным лицам. А по счетам Петра III Екатерина II рассчитывалась до 1767 г. – за мундиры, позументы и «прочую амуницию», за посуду, мебель, книги.

И.В. Курукин считает, что Екатерина II несправедливо упрекала Петра III «в расходовании кабинетских доходов только на себя». В подтверждение своего мнения исследователь достаточно подробно исследовал вопрос о выделении Петром III золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов на чеканку монет на сумму в 1 млн р. Автора интересовало прежде всего то, удалось ли Петру III удовлетворить запросы на расходы для военных нужд. Оказалось, что на

военные расходы в 1762 и 1763 гг. требовалось 8 млн р. – сумма, которая превышала в то время половину годового бюджета. Сенату пришлось заняться изысканием внутренних резервов «в виде поступавшего из Нерчинска золота и серебра». Но основным источником получения требуемой суммы император считал только бесперебойную работу монетных дворов по перечеканке медных и серебряных денег. Принятые меры обеспечили поступление в Кабинет 2 млн р. с лишним «всяких чрезвычайных доходов», в том числе с Алтайских заводов. По иронии судьбы, заключает И.В. Курукин, этими деньгами Екатерина II рассчитывалась с участниками дворцового переворота 28 июня 1762 г.¹⁹

В первые дни восшествия на престол Екатерины II Сенат сделал ей представление «о крайнем недостатке денег в казне». Вскоре сама императрица вынуждена была признать, имея в виду дефицит государственного бюджета: «нигде ныне денег нет, что и правда»²⁰.

Поэтому особенно в первое десятилетие правления Екатерины II ей пришлось уделять много внимания решению проблемы пополнения государственной казны за счет различных источников.

Одним из источников поступления серебра являлись таможенные сборы от внешней торговли. Во второй половине XVIII в. от пошлинных сборов, по данным А.И. Юхта, ежегодно поступало в среднем 1250 пудов серебра²¹.

В 60-е гг. XVIII в. на изготовление монет для государственной казны использовались металлы, поступившие в Россию из Персии через обер-директора Персидской торговой компании. Часть серебра в иранской монете поступала от казахов²². По контрактам с зарубежными поставщиками с 60-х гг. XVIII в. в течение 16 лет было приобретено 4207 пудов серебра²³.

В 1769 г. в Государственном совете началось обсуждение вопроса о возможности передела в деньги турецких пушек²⁴. В письмах к Вольтеру Екатерина II, подробно описывая успехи русских войск на полях сражений с турками, в августе 1770 г. сообщила своему корреспонденту: «с прошлого года мы отняли у врага около 500 пушек»²⁵.

К концу апреля 1771 г. из турецких пушек было изготовлено медной монеты на 0,5 млн р. с изображением гербов Молдавского и Валашского княжеств. С российскими купцами, поставлявшими в русскую армию припасы, рассчитывались этими деньгами. Марки-танты в середине 70-х гг. добивались принятия от них в казну монет, изготовленных из турецких пушек, и выдачи им денег, имевших хождение в России²⁶.

Еще до начала выпуска медных денег из турецких пушек в целях сокращения дефицита государственного бюджета с 1 января 1769 г. в денежное обращение стали вводиться бумажные ассигнации, которые приравнялись к «ходячим монетам».

Сначала ассигнаций было выпущено на сумму в 1 млн р. Через 18 лет – уже на 100 млн р., а в конце царствования Екатерины II – на 158 млн р.

При этом надежность бумажных денег императрица гарантировала не только от себя лично, но и от имени своих преемников: «Мы императорским словом торжественно объявляем за нас и приемников престола нашего, что по тем государственным ассигнациям всегда исправная и верная последует выдача денег требующим оную из банка». Однако объемы и реальная стоимость ассигнаций скоро разошлись. К 1796 г. стоимость одной ассигнации равнялась 69 к., к 1822 г. она снизилась до 26,4 к.²⁷

В конце 60-х гг. XVIII в. было объявлено повеление Екатерины II рассмотреть в Государственном совете возможность «чрез уменьшение иных расходов получить некоторую выгоду». При этом, естественно, имелось в виду сокращение расходов не самой императрицы²⁸. А к этим годам уже было что ей расходовать за счет, как считает И. Лосиевский, «своих личных сбережений»²⁹.

Как создавались «личные сбережения» русских монархов

В монографии, посвященной общему обзору двадцатилетнего царствования Елизаветы Петровны, Е.В. Анисимов совершенно справедливо полагает, что до определенного времени у нее «никогда не было денег», а «любовь гвардейцев», с помощью которых Елизавета Петровна пришла к власти, «без звонкой монеты оставалась бы платонической». А.Б. Каменский пишет: «Елизавета Петровна испытывала до воцарения постоянную нужду в деньгах, а для удовлетворения ее потребностей денег нужно было много. В итоге эта жизнерадостная, веселая, легкомысленная женщина, более всего на свете любившая удовольствия и вовсе, вероятно, не жаждавшая власти, поняла, что у нее есть лишь один способ обрести независимость и свободу действий, возможность жить по-своему и удовлетворять все свои желания – взять эту власть в свои руки». Но власть еще предстояло подкрепить денежными средствами³⁰.

Не случайно в первые же дни после восшествия на престол императрица прежде всего занялась решением вопроса, какими средствами она может располагать за счет соляных сборов. Она потребовала опечатать все бумаги соляной конторы и прекратить любое расходование соляных денег без ее личного повеления. 29 ноября 1741 г. в соляную контору был командирован генерал-майор С. Апраксин «для опечатанья денег, книг и дел с составлением ведомости наличному»³¹. На протяжении более двух месяцев с конца ноября 1741 г. Елизавета Петровна вплотную занималась делами соляной конторы. Соляные деньги она считала в те дни главным источником средств для свободного распоряжения ими. 4 декабря 1741 г. она приказала направить в Москву «надежного человека» для выявления там наличной денежной казны «в соляной» конторе, которую следовало «осмотря по ярлыкам и учиня опись всю запечатать, оставя на расходы до дву тысяч рубль, а приходныя и расходныя книги и дела потому ж запечатать, для выписывания вновь приходу и расходу сделать велеть новыя книги, а о наличной денежной казне от обретающегося при той конторе командира статского советника Чичерина взять ведомость, и оную купно с вышеупомянутою описью прислать к Нам, оного же Чичерина от правления тех дел отрешить, определея на место его... другого надежного человека»³².

Через две недели по указу Елизаветы Петровны обергофмейстеру С.А. Салтыкову было предписано, чтобы он распорядился выдать из соляной конторы денег на приобретение для Семёновского гвардейского полка «галуну золотистого тысячу восемьсот аршин, пуговиц 80 гарнитуров, в каждом по три дюжины кафтанных и по три дюжины камзольных, для гренадерских шапок задников двести пятьдесят»³³.

Указом от 24 декабря 1741 г. императрица распорядилась «соляную контору с делами ея распечатать», «течение дел» вести «по-прежнему без остановки, токмо книги приходныя и расходныя и настольныя, чтоб были запечатаны впредь для счету»³⁴.

В начале февраля 1742 г. С.А. Салтыков получил указ о выделении денег из соляной суммы на «строение комплекта амуниции» для гвардейцев Преображенского полка³⁵.

С этого времени продолжалась, как и при Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне, практика выдачи жалования «обращающимся при дворе итальянской компании музыкантам», «певчим и другим» из соляных денег.

В феврале 1742 г. было выдано 3559 р., 9 марта – 2200 р. купцу Баэни «для переводу в Венецию копелмейстеру Араю», 24 мая – 400 р. «итальянской компании буфону Крику», «издержанные на дорожный проезд».

В следующем, 1743 г., по именным Е.И.В. указам соляной конторе было истрчено 22525 р. «на дачю жалования» итальянской труппе. Кроме того, балетмейстеру при этой труппе Жанбатиеву Ланде – 1000 р., французу Петру (видимо, Пьеру) Малье с женою – 300 р., канцеляристу Ивану Баябекову, портному Ягану Церпсту – 150 р., «да вновь принятым»: «композитору стихов оперы Бонетии» – 600 р., музыканту Фридриху – 300 р. «на дачю жалования»; 12 человекам из русских «обретающихся во обучении балетов: на платье и на обувь и на протчее» – 650 р.; в конце декабря итальянскому «певчему Мориджи на дорожной в его отечество проезд» – 300 р.; принятому тогда же ко двору «на 743 год виолончелисту Гаспарни Тенески» – 900 р.

В 1745 г. – на бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны «ко убиранию банкетных столов фонтанов кашкадов и других некоторых особливых украшений по определению архитектора Расстрели» – до 10 тыс. р.; на приуготовление к тому торжеству оперы – 2000 р.; «да ныне вновь на строение а паче для убору к торжеству будущего брака зала и галереи» – 10000 р.; «да на дело машкарадного платья и для будущих интермедей и комедей к балетам на поупку разных мишурных вещей» – 2000 р.

С середины октября 1747 г. по просьбе служившего при дворе итальянца «певчего» Солетти, который сетовал на то, что «получаемым ныне (жалованьем. – А.Ж.) содержать себя не в состоянии», к годовому жалованию в 2 тыс. р. было прибавлено еще 1500 р. Императрица распорядилась о заключении с ним контракта еще на 6 лет «и петь ему как и прежде в операх, концертах и везде, где Е.И.В. угодно будет».

В 1750 г. жене итальянского музыканта при дворе Людвига Мадониса Наталье, Петровой дочери, давать сверх определенного жалования по 600 р. «по смерти ее». 19 марта 1754 г. из Кабинета были выданы «в награждение капелмейстеру Араю с товарищи» 2800 р., 20 августа эти деньги Кабинет получил из соляной конторы.

Кроме того, 5 ноября 1743 г. «для приуготовления к опере на поупку оперистам, танц мастерам и танцевальным ученикам, к балетам чюлок шелковых, перчаток, лент и на платье мишурных вещей, штофа и на протчее, что к тому надлежит» из того же источника было выделено 2000 р.

28 февраля 1745 г. из соляных денег было потрачено «ко исправлению в... Летнем и новом Зимнем доме и в комедии разных работ» – 30000 р., генерал-адъютанту Сумарокову за «сочинение комедий и трагедий на русском языке» – 2000 р., «да кадетам за игриание ими оных комедий и трагедий в награждение» – 4000 р., которые следовало «роздать им по расписанию генерал-адъютанта Сумарокова»³⁶.

Таким образом, при Елизавете Петровне сохранялась практика использования соляных денег ее предшественниками для содержания театральных трупп при дворе. Соляные деньги тратились и на обеспечение нужд гвардейских полков.

После изъятия у Демидовых Кольвано-Воскресенских заводов императрица получила возможность тратить деньги «из своего кармана».

Драгоценные металлы с Кольвано-Воскресенских заводов использовались по-разному. Часть золота и серебра шла на изготовление драгоценных вещей для «комнаты Е.И.В.». Отправлялось серебро и в монетный передел.

В конце 40-х гг. XVIII в. в царских указах появляется упоминание о целевом назначении изготовленных денег – «для комнаты Е.И.В.». В частности, в сентябре 1748 г. императрица распорядилась о выпуске 20 тыс. червонных золотых монет с ее портретом «из наличного на монетных дворах золота» и отпустить еще один пуд золота из Кабинета, а изготовив монеты, «взнести в комнату Е.И.В. немедленно». На случай нехватки золота предписывалось: «доделывать из приходящего на монетные дворы впредь и сколько когда сделано будет, оные в комнату же Е.И.В. взносить». Особой колыванской суммой ведал «аквариус» И. Железной³⁷.

Именным указом от 3 марта 1751 г., объявленным из Кабинета Монетной канцелярии, повелевалось из наличного в Канцелярии золота три пуда «употребить в дело червонных российских, какие пред сим сделать велено и по переделе взнести в комнату Е.И.В. как скоро в готовности будут», а остальное золото «наличное и которое впредь в приходе будет» хранить в конторе при Монетной канцелярии и «в расход без указа Е.И.В. не употреблять»³⁸. В приведенных указах 1748 и 1751 гг. упоминается «комната Е.И.В.», в которую поступали деньги, изготовленные из золота и серебра с Кольвано-Воскресенских заводов.

В указе от 21 февраля 1754 г. уже прямо говорилось об изготовлении рублевых серебряных монет на сумму в 1 млн р. из привоза серебра с Кольвано-Воскресенских заводов 1753 г., при этом императрица предписала, если не хватит серебра, доделать монеты до

установленной суммы позднее из поступлений 1754 г. или «употребить Нерчинское» с возвратом его из поступлений с Алтая. Новую партию монет также следовало «взнести» в «комнату Е.И.В.»³⁹.

Поступавшие туда деньги хранились в специально для этой цели изготовленных сундуках. Во время нередко случавшихся во дворце пожаров сундуки с деньгами переносились в надежное место. 3 ноября 1753 г. член Монетной канцелярии надворный советник Любовников получил задание вместе со служителями Монетной канцелярии отыскать «на бывшем при высочайшем дворе пожарище слитков серебра, золота и других вещей»⁴⁰.

В 1754 г. произошел пожар в Лефортовом дворце, куда незадолго до этого свезли большую часть золотого и серебряного сервиза Елизаветы Петровны и сундуки с деньгами «комнаты Е.И.В.». Из обгоревших сундуков по земле рассыпались серебряные монеты, которые тут же начал расхватывать сбежавшийся на пожар народ. Караульные штыками разгоняли народ, хватавший монеты под видом помощи⁴¹.

В 1756 г. «в особливом хранении монетной канцелярии» находился 1 млн р., принадлежавших императрице. Елизавета Петровна приказала из этой суммы отпустить для нее 400 тыс. р., остальные деньги «иметь по-прежнему в своем хранении для употребления по Нашим указам»⁴².

Екатерина II вспоминала, что сохранились счета на сумму в 1600000 р., израсходованных при Елизавете Петровне из государственных средств на строительство Зимнего дворца. При многократных перестройках строившегося дворца императрица, по свидетельству Екатерины II, «тратила много денег из своего кармана», «но счетов на них нет»⁴³.

По свидетельству Екатерины II, Елизавета Петровна под конец жизни «елико возможно копила деньги, держала их при себе, ничего не отпускала на государство» и «скопил столько денег, сколько было возможно, не употребляя ни на какие государственные нужды»⁴⁴.

Необычная роскошь и внешний блеск, присущие жизни двора Елизаветы Петровны, традиции которой в этом плане свято соблюдались всеми ее преемниками, были проявлением ее желания «блистать во всем и служить предметом удивления». Однако для реализации такого желания для императрицы требовались колоссальные материальные средства, которые невероятно возросли, когда она стала собственницей Колывано-Воскресенских заводов. По данным за 1748–1759 гг. с Алтайских заводов было получено свыше 2824

пудов серебра и свыше 89 пудов золота на общую сумму почти в 3200 тыс. р.⁴⁵

Современников поражали масштабы и красота дворцов, сооруженных при Елизавете Петровне. Среди них наибольшее впечатление производил Большой Царскосельский дворец с позолоченными капителями колонн, фронтонами, наличниками окон, столпами, поддерживающими балконы, статуями, поставленными на пьедесталах вдоль верхней балюстрады дворца. Своей наружной и внутренней позолотой в сочетании со всем интерьером дворец с «его сказочной и даже разнузданной роскошью «должен был давать представления о каком-то сверхчеловеческом богатстве... о чрезвычайных сокровищах императорского дома, а следовательно и об его могуществе»⁴⁶.

Е.В. Анисимов приводит сообщение датского посланника о том, что после смерти императрицы в ее Кабинете оказалось до 600 пудов серебра, 67 пудов золота, 1,5 млн империалов и на 2 млн р. неотчеканенной монеты. По заключению Е.В. Анисимова, в Кабинете императрицы Елизаветы Петровны лежали деньги годового бюджета в то время, когда страна уже 5 лет воевала. Кроме того, И.И. Шувалов передал Петру III 106 тыс. р., которые Елизавета Петровна доверила ему хранить. Т. Голубева пишет о предсмертном распоряжении И.И. Шувалову: «последним усилием уходящего сознания она передала... Шувалову ключ от шкатулки, где хранились драгоценности и золото на 300 тыс. р.»⁴⁷.

Деньги, изготовленные из металлов с Колывано-Воскресенских заводов и хранившиеся в «комнате Е.И.В.», лишь изредка тратились на общегосударственные нужды, при этом с условием возврата, как уже отмечалось, из государственного казначейства.

По особым императорским повелениям часть благородных металлов, полученных с Алтая, использовалась на изготовление изделий из них. По распоряжению Елизаветы Петровны из привоза серебра конца 40-х гг. была изготовлена рака (гробница) Александра Невского. Поступавшее с Алтая серебро (на изготовление гробницы ушло около 90 пудов) доставлялось на Сестрорецкие заводы. Там из него получали листы, которые перевозили в особо устроенную мастерскую в Петропавловской крепости, где и была изготовлена гробница петербургскими серебряных дел и художественной чеканки мастерами-иноземцами и отечественными. В 1922 г. гробница поступила из Александро-Невской лавры в Эрмитаж, где и хранится ныне⁴⁸.

В сентябре 1767 г. Екатерина II писала управляющему Кабинетом: «Адам Васильевич, прикажи сделать золотой кубок тысячи в

две с моим медальоном с надписью о пожаловании его графу А.Г. Орлову». В декабре она интересовалась, изготовлен ли кубок⁴⁹. Позднее у статс-секретаря А.В. Храповицкого Екатерина II спрашивала: «Осведомитесь, много ли пуд золото отложено на сервис золотой... скажите мне, где то золото?»⁵⁰. В 1791 г. по ее распоряжению «было употреблено для дела» 4 пуда 14 фунтов золота, а из 5 фунтов 53 золотников «в крохах и сорах» в «комнатную сумму» в 1792 г. поступило 1892 р. 37 к. В 1793 г. все привезенное из Сибири на монетный двор золото «по высочайшему Е.И.В. повелению» было «обращено на некоторое употребление... а не в передел... монеты, почему и следующей к комнатной сумме Кабинету прибыли к отпуску никакой быть не может», – сообщили из Санкт-Петербургского монетного Департамента управляющему Кабинетом⁵¹.

По данным за ряд последующих лет также можно судить о неравномерном поступлении денежных средств в «комнатную сумму» из золота и серебра с Алтайских и Нерчинских заводов⁵².

Доходы от Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов были не единственным источником пополнения «комнатной суммы». Кроме монет, изготавливавшихся из благородных металлов, получаемых Кабинетом из Сибири, в «комнатную сумму» ежегодно отчислялось по 150 тыс. р. из таможенных сборов, с 1764 г. – часть доходов от Гороблагодатских и Камских заводов. С 1788 г. доходы Кабинета с Гороблагодатских и Камских заводов стали составной частью госбюджета, а в распоряжении Кабинета оставались доходы с Алтайских и Нерчинских заводов. Прибыль, получавшаяся при переделе монет «с убавкою веса» в ней, также поступала в «комнатную сумму», в 1762 г. по данной статье поступило 130 тыс. р., в 1788 г. – 67149 р. $\frac{3}{4}$ к. Источником пополнения «комнатной суммы» служили ясачные сборы с нерусского населения Сибири, а также часть соляного сбора⁵³. В январе 1761 г. по предложению управляющего Кабинетом А.В. Олсуфьева Елизавета Петровна распорядилась отпускать для Кольвано-Воскресенских заводов вместо 60 тыс. р., как было до сих пор, по 120 тыс. р. в год «из собираемых в Сибирской губернии соляных денег», в случае, если не хватит этих денег, «дополнять из других тамошних же сборов», имея в виду ясачные сборы, поступавшие в «комнату Е.И.В.». Исследователи, по мнению которых кабинетское хозяйство в Сибири финансировалось из государственной казны, не учитывают именно того обстоятельства, что часть доходов казны от соляного дела и ясачные сборы с нерусского населения Сибири шли в «комнатную сумму»⁵⁴.

Некоторые из вышеуказанных источников пополнения «комнатной суммы» были не постоянными, как уже отмечалось. Поступления соляных денег находились в прямой зависимости от доходов казны от соляного дела. С 1749 г. они выросли с 800 тыс. р. до 2,1 млн р., в 1758 г., а с 60-х гг. XVIII в. доход от соли стал уменьшаться – с 1,4 млн р. в 1762–1775 гг. он сократился до 1,2 млн р. в 1777–1779 гг.

Из поступивших в «комнатную сумму» соляных денег десятки тысяч рублей ежегодно тратились на содержание императорских театров: в конце 70-х – начале 80-х гг. – более 160 тыс. р., с 1783 г. – по 174 тыс. р. в год. К концу XVIII в., когда доход от соли сошел на нет, а с начала XIX в. соль стала источником убытков, поступления в «комнатную сумму» соляных денег прекратились⁵⁵. В «Балансовой ведомости о суммах Кабинета» за 1801 г. они не указываются в числе статей его доходов⁵⁶.

В декабре 1800 г. именным императорским указом повелевалось, чтобы доставляемые с Алтайских и Нерчинских заводов золото и серебро поступали «отныне в общую массу государственных доходов», но «взамен того отдаваемо было толикое ж число Кабинету из казначейств наших ассигнациями». Из этих отчислений должны были отпускатся деньги на содержание заводов. В указе оговаривалось: «А если случится Нам надобность в золоте и серебре, то отпускать по нашим требованиям натурою за счет того ж доставления»⁵⁷.

В то же время спрос на благородные металлы, необходимые для поддержания госбюджета страны, продолжал расти. Добычей золота, использовавшегося на изготовление монет, медалей, занимались казенные заводы. Доход государственной казны с добывающихся на казенных заводах золота, серебра, а также меди и железа, составил в 1814 г. 1844137 р., в 1821 г. – 2395732 р., в 1822 г. – 2592502 р. С 1812 г. владельцы заводов (на частновладельческом и посессионном праве) получили разрешение на разработку золотых и серебряных руд. В доход государственной казны стали поступать подати с добыаемого на Урале золота. Частные золотодобытчики поставляли на Екатеринбургский монетный двор около 160 пудов золота в год.

Как известно, с конца 20-х гг. XIX в. ведет свое начало частная золотопромышленность в Сибири. За 1828–1837 гг. частные золотопромышленники Сибири добыли 106 пудов золота. В Алтайском и Нерчинском горных округах частная золотодобыча запрещалась. С разрешенной в 1838 г. в Верхнеудинской округе частной добыче золота подать в размере сначала 15, а с 1834 г. 30% шла в доход Кабинета. В то время как с частного сибирского золота подать в пользу

государственной казны взималась в размере 15, с 1840 г. – 20–24 %, с Алтайских и Нерчинских заводов «подать с горного промысла» не бралась совсем⁵⁸.

Горным уставом 1857 г. фиксировалось право частных лиц заниматься «золотопромыслом» на «казенных землях во внутренних губерниях», на Кавказе, в Оренбургской губернии, на землях Оренбургского казачьего войска и башкир, на Урале и в Сибири. С 1819 по 1860 г. на частных промыслах России всего было добыто золота 28742 пуда 6 фунтов. Государственная казна получила с него подати «натурою в чистых металлах» 4507 пудов 24 фунта 34 золотника 46 долей, «вместе с денежною горною податью» на сумму в 66917680 р. 41 к. Кроме того, с Уральских казенных заводов в государственный доход поступило золота 4801 пуд 2 фунта 68 золотников 68 долей на сумму в 23 млн р. с лишним. По данным за 1824–1860 гг., Кабинет с Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов получил золота 2044 пуда 14 фунтов 85 золотников⁵⁹.

Таким образом, в более чем столетний период существования кабинетского хозяйства в Сибири благородные металлы, поступавшие владельцу Алтайских и Нерчинских заводов, использовались для изготовления монет, вносившихся в «комнату Е.И.В.». Для государственной казны деньги изготавливались из металлов с «казенных и частных горных промыслов», от «вольноприносителей», иностранной монеты, а также из конфискованного золота и серебра. Это нашло отражение в уже упоминавшихся указах, изданных в XVIII в., в «Высочайше утвержденном мнении о Санкт-Петербургском Монетном дворе» от 3 июля 1845 г., а затем получило законодательное оформление в Монетном уставе 1857 г. В 62 и 68 статьях устава определялось, что «все расходы при деле (золотой и серебряной. – А.Ж.) монеты», «на дело медалей для казенных мест приемлются на счет казны», «заимствуются из капитала, принадлежащего государственному казначейству». В других статьях (72, 74) выделялись источники поступления на Санкт-Петербургский монетный двор золота и серебра для изготовления «государственной монеты»: «с казенных и частных горных промыслов, от разных казенных мест и ведомств, и по особым распоряжениям правительства», «от вольноприносителей», а также «конфискованное в случаях, законами определенных, изделия и слитки из золота и серебра»⁶⁰.

По сути дела в Монетном уставе закреплялось то, что прослеживается в истории изготовления монет в России на протяжении более

ста лет по другим предшествующим законодательным актам, положенным в основу Монетного устава 1857 г.⁶¹

Кольвано-Воскресенские и Нерчинские заводы находились на особом положении и при оплате операции, связанной с процедурой разделения золотистого серебра. Кабинет платил за эту операцию в 2 раза меньше, чем бралось с других частных и казенных заводов, что увеличивало доходы владельца кабинетского хозяйства по сравнению с доходами «с казенных и частных горных промыслов»⁶².

На протяжении всей первой половины XIX в. доходы кабинетского хозяйства были достаточно высокими, несмотря на сокращение горно-заводского производства на Алтае и закрытие ряда заводов в Нерчинском горном округе. В значительной мере это определялось развитием золотодобычи на землях его владельца в Сибири⁶³.

Все возраставшие расходы на содержание Алтайских и Нерчинских заводов Кабинет стремился и, надо сказать, небезуспешно, переложить на них же. С 60 тыс. р. в 40–50-е гг. XVIII в. в 20-е гг. XIX в. сумма расходов на содержание Кольвано-Воскресенских заводов возросла до 250 тыс. р. в год. Высочайше утвержденным 29 января 1827 г. докладом управляющего Кабинетом на Сузунском монетном дворе велено было увеличить выпуск медной монеты с 250 до 350 тыс. р. в год. Одновременно с этим Кабинету разрешено было Николаем I уменьшить сумму, отпускаемую на содержание заводов, на 100 тыс. р. ежегодно⁶⁴.

Доходы собственника заводов на Алтае с 300 тыс. р. в 40-е гг. XVIII в. возросли до 1,7 млн р. к концу столетия за счет увеличения выплавки серебра за это же время с 200 до 1150 пудов в год. В первой четверти XIX в. они заметно снизились, но, по общему признанию исследователей, продолжали оставаться высокими. Добыча золота и серебра обеспечивала ежегодно свыше 1 млн р. дохода только с Кольвано-Воскресенских заводов⁶⁵. За все время развития горно-заводского производства в районе Нерчинских заводов под управлением Кабинета было выплавлено золотистого серебра около 14 тыс. пудов. Кольвано-Воскресенские заводы в дореформенный период дали 116 тыс. пудов серебра⁶⁶.

В 1827 г. ежегодная норма выплавки серебра на Нерчинских заводах была установлена в размере 200 пудов, на Кольвано-Воскресенских – 1000 пудов. При передаче кабинетского хозяйства Министерству финансов особо оговаривалось, что владелец его будет получать отчисления от Министерства из расчета стоимости 1200 пудов серебра, за вычетом расходов на содержание заводов. В

случае выплавки серебра больше установленной нормы Министерство финансов не имело права «входить» в какие-либо «рачеты» Кабинетом, ибо заводские прибыли всегда могут получить назначение по воле Е.И.В.». Само собой разумелось при выплавке серебра ниже установленной нормы поступление денег из Министерства за 1200 пудов. На протяжении 1830–1849 гг. на Нерчинских заводах было выплавлено в течение 10 лет сверх нормы около 250 пудов. Кабинет за это серебро получил из государственной казны сверх того, что ему выплачивалось ежегодно за 200 пудов. В течение других 10 лет Нерчинские заводы недодали 150 пудов, что, однако, не сказалось на доходах Кабинета. Только в течение двух лет – 1849 и 1850 гг. на Нерчинских заводах не выплавлено было около 200 пудов серебра. Деньги же за произведенную продукцию Министерство финансов выплатило Кабинету сполна⁶⁷.

Принципиально важное значение для определения природы кабинетского хозяйства в Сибири имеет решение вопроса, связанного с производством медалей в России. Исследователи, отрицающие частнофеодальный характер владельческой принадлежности кабинетского хозяйства, акцентируют внимание на том, что не только большинство монет для государственного казначейства, но и медалей производилось из благородных металлов, поступающих с Алтая⁶⁸. Что касается производства монет для государственного казначейства на всем протяжении существования кабинетского хозяйства в Сибири, сказано выше. А как обстояло дело с производством медалей?

Еще с XVIII в. в России установилась практика награждения гражданских чиновников и командного состава армии и флота орденами.

Созданный в 1797 г. «Капитул императорских и царских орденов» был исполнительной инстанцией для награждения орденами. Он ведал изготовлением орденских знаков и грамот, церемонией выдачи орденов, следил за исполнением ритуала при вручении каждого ордена. В 1842 г. Капитул орденов был включен в состав Министерства двора и уделов. Он ежегодно получал на «орденские знаки» по 50, а с конца 20-х гг. XIX в. – по 150 тыс. р. из государственного казначейства⁶⁹.

В начале 1826 г. министр финансов сделал представление Николаю I с предложением в виду тяжелого финансового положения в стране принять Кабинету на себя часть расходов металлов, «потребных на дело медалей». Управляющий Кабинетом князь Голицын, которому и было направлено данное представление с запросом императора, «не может ли Кабинет принять на свой счет половину или

одну треть» металлов, ответил, что «получаемое Кабинетом ежегодно серебро составляет главнейший доход, которого уменьшение поставило бы его в затруднительное положение». В то же время Голицын согласился дать «половину потребленных на дело медалей металлов из принадлежащего Кабинету золотистого серебра привоза сего года», но при условии, что Кабинет получит за него в 1827 г. «причитающуюся... сумму». Министр финансов при таком ответе на его представление не нашел никакого облегчения для казны. Все расходы, связанные с изготовлением наградных знаков, как и ранее, в 1826 г. были отнесены «на счет государственного казначейства». По линии Орденского капитула за 1826–1850 гг. золотых и серебряных медалей было выдано на сумму в 1707190 р. Имевший место перерасход также относился за счет государственной казны⁷⁰. Монетный устав 1857 г. законодательно закреплял существовавший до этого времени порядок отпуска средств из государственного казначейства «на дело медалей для казенных мест». Отнесение «на счет казны» расходов на «дело медалей для казенных мест» было вновь подтверждено в 147-й статье Монетного устава 1857 г., который, как и Горный устав, составлялся с учетом всего предшествующего законодательства⁷¹. Таким образом, «комнатная сумма» законодательно ограждалась от расходов на изготовление наградных знаков «для казны».

На счет Кабинета относились расходы, связанные с награждением «За храбрость». Именным указом от 12 марта 1844 г. выдача золотых шпаг, сабель, полусабель с надписью «За храбрость», как и всех золотых и серебряных медалей за «различного рода подвиги установленных», передавалась в ведение Капитула орденов. С 1844 г. Кабинетом оплачивались только расходы, связанные с награждением золотыми шпагами, саблями и полусаблями, орденами и медалями, украшенными бриллиантами⁷².

В «комнату Е.И.В.» поступали и подношения императорам. В январе 1754 г. московское купечество щедро отблагодарило Елизавету Петровну за отмену пошлин внутри страны. Купцы поднесли ей «на золотой тарелке высокой работы» бриллиант в 56 каратов (стоимостью в 56 тыс. р.), «да 10000 червонных иностранных на трех серебряных блюдах высокой же работы и рублевою монетою 50000 рублей, который дар от Ее Императорского Величества был принят милостиво»⁷³.

11 января 1774 г. Екатерина II писала управляющему Кабинетом: «Адам Васильевич, выдайте секретно из Кабинета ювелиру Лазареву 70 тыс., которые должен заплатить ему князь Гр. Гр. Орлов за куп-

ленный им у него большой бриллиант, в подарок Нам... поднесенный». Императрица полагала, что этой суммой полностью рассчитается за подарок. Однако ей пришлось расплачиваться за него частями до января 1780 г.⁷⁴

По случаю коронации Александра I дворяне ряда городов и губерний поднесли новому императору хлеб с солью на золотых и серебряных блюдах, от города Астрахани – золотое блюдо, украшенное изумрудом, донские казаки – большое серебряное блюдо с огромным караваем ржаного хлеба, на нем – золотую солонку в виде походного котелка, подвешенного на 3 золотых копьях. В «комнате Е.И.В.» откладывались и подарки от иностранных дворов, а также изделия, изготовленные из серебра и золота, добытых на Алтае и в Восточном Забайкалье⁷⁵.

Неприкосновенной собственностью владельца кабинетского хозяйства в Сибири были цветные камни. Интерес к ним Елизавета Петровна проявила задолго до изъятия заводов А. Демидова.

Еще летом 1744 г. комиссия во главе с А. Безром, которая должна была удостовериться в содержании серебра в алтайских рудах, получила распоряжение Елизаветы Петровны: «также разведать можете о каких минералах, чего еще на свет не произошло... учинить свидетельство и пробы... и те пробы с собою привести и объявить Нам»⁷⁶.

Распоряжение о разведывании руд было повторено в указе 1 мая 1747 г.

В одном из писем Вольтеру в октябре 1770 г. Екатерина II писала: «...природа в Сибири чрезвычайно богата своими произведениями: это доказывает великое множество руд железных и медных, золотых и серебряных, там ломают агат всяких цветов, аспид, хрусталь, мраморы и проч.»⁷⁷.

Управляющий Колывано-Воскресенскими заводами член Кабинета П.А. Саймонов в 1785 г. отправлялся на Алтай с поручением императрицы «приложить старание о распространении приисков не токмо руд, но всякого рода камней и минералов полезных». По возвращении в Петербург Саймонов пишет начальнику Колывано-Воскресенских заводов Качке: «Поднесенные Ее Императорскому Величеству разные порфиры, брекции, агаты и яшмы... удостоены были Высочайшего благоволения... Изустно же Е.И.В. Высочайше указать мне соизволила, чтобы со стороны заводской приложено было старание о сыскании тех мест, где поднесенные мною... камения находятся, и когда удостовериться можно будет о месте пребывания их, то учредить каменную ломку и шлифовальную при заво-

дах фабрику для обрабатывания колонн, вазов, столов, каминов и других сим подобных приборов». В январе 1787 г. в Петербург с караваном серебра были отправлены первые изделия из алтайского камня, принятые Екатериной II «с крайним удовольствием»⁷⁸.

Целый набор цветных камней имелся в Нерчинской горной экспедиции в момент передачи заводов в ведение Кабинета. Почти ежегодно в Петербург с караванами серебра отправлялись ящики с мрамором, халцедоном, сердоликом, топазами, яшмой, хрусталем. Часть цветных камней хранилась в Минеральном кабинете при Нерчинской горной экспедиции. В начале 90-х гг. XVIII в. Кабинет продал небольшую коллекцию камней Горному корпусу для учебных целей. В Петербург цветные камни отправлялись не только по мере накопления их на Алтае и в Забайкалье, но и по специальным запросам Кабинета.

В 1798 г. Берг-коллегия, полагая, что она имеет право распоряжаться цветными камнями, присланными из Нерчинского округа, часть их взяла «для приобщения к минеральному собранию коллегии». Однако Кабинет затребовал присылки ему всей партии камней, «яко до ея (Берг-коллегии. – *А.Ж.*) распоряжения не принадлежащих, но следующих по именному повелению к наполнению Эрмитажного минерального собрания». В 90-е гг. XVIII в. на Нерчинских заводах имелись «гранильные мастера», занимавшиеся обработкой цветных камней. В конце 20-х гг. XIX в. «ручному гранению и шлифованию» обучался мастерской Нерчинских заводов Янышев на Екатеринбургской гранильной фабрике.

В 1810 г. вместе с цветными камнями из Забайкалья были отправлены две «оболваненные, но не отделанные» вазы для доведения их до полной кондиции на Кольванской шлифовальной фабрике и доставки затем в Кабинет. Еще две вазы с Нерчинских заводов для доделки отправили на Алтай в 1822 г. Цветные камни, поступавшие в Петербург из Сибири, обрабатывались в алмазной мастерской Кабинета. Много камней доставлялось в первой половине XIX в. из Забайкалья на Петербургскую гранильную фабрику. В 1808 г. в числе ваз, изготовленных в дар Наполеону, одна была сделана из сибирского порфира. В Эрмитаже хранится всемирно известная чаша из ревневской зелено-золотистой алтайской яшмы, изготовленная на Кольванской шлифовальной фабрике, оцененная в 1843 г. в 80 с лишним тыс. р. В 1860 и 1861 гг. на этой же фабрике были изготовлены и отправлены в Петербург 6 колонн, ваза, камин общей стоимостью около 30 тыс. р.⁷⁹

За все время существования кабинетского хозяйства в Сибири до 1861 г. включительно в Петербург было доставлено 120 ваз, 102 колонны, 25 пьедесталов, 222 камина, 52 чаши, 38 чашечек, 26 вазочек, 21 канделябр, 13 столовых досок, 8 пирамид, 2 столика, комодик, а также ручки к вазам, потиры, треножники, дарохранильница для церкви Е.И.В. Михаила Павловича⁸⁰.

В «комнату Е.И.В.» были «снесены с четырех концов света» золотые и серебряные вещи (в том числе и изготовленные из алтайского и нерчинского золота и серебра. – *А.Ж.*) и драгоценные камни с огромным количеством сибирских ясписов и агатов. В 1777 г. Екатерина II писала барону Гримму: «У меня целый лабиринт комнат, несмотря на то, что я одна; все это полно роскоши... это помещение (здание Эрмитажа. – *А.Ж.*) получило наименование императорского музея, и раз туда попадешь, то трудно оттуда уйти – столько там любопытного... Всем этим любятя мыши и я». В 1790 г. она ему же писала: «Мой музей в Эрмитаже состоит, не считая картин и лоджий Рафаэля, из 38000 книг, четырех комнат, наполненных книгами и гравюрами, 10000 резных камней, приблизительно 10000 рисунков и собрания естественнонаучного, заполняющего две большие залы». В здании Эрмитажа была Алмазная комната, в которой сверкали все драгоценности русских царей⁸¹.

Демонстрация богатств «комнаты Е.И.В.» перед иностранцами и использование их для пожалований придворной знати

Ошеломляющее впечатление богатства «комнаты Е.И.В.» производили на иностранцев.

После длительного пребывания в США, странах Европы венесуэльский руководитель борьбы за независимость испанской Америки Франсиско де Миранда в целях продолжения знакомства с формами государственного устройства и политическими системами разных стран в конце сентября 1786 г. появился в России. Долго он добирался до Петербурга. 3 месяца провел в Херсоне, познакомился с Г.А. Потемкиным, по его приглашению совершил поездку в Крым, вместе с ним побывал на Украине. Там гость познакомился с главой Коллегии иностранных дел А.А. Безбородко, генерал-губернатором П.А. Румянцевым. В середине февраля 1787 г. встретился с Екатериной II при дворе. Знакомство с главными достопримечательностями двора, личными богатствами императрицы вызвало в нем глубокое

потрясение, особенно увиденным в Эрмитаже. После его посещения 18 июня 1787 г. он записал: «многочисленное бюро, столы и прочее красного дерева, сделанные искусно». Его поразили затраты императрицы на покупку этой мебели – «одного из главнейших украшений Эрмитажа» – 100 тыс. р. Лоджии Рафаэля Екатерина II приобрела за 22 тыс. р., алмаз Орлова обошелся ей в 400 тыс. р. Под впечатлением всего увиденного в Эрмитаже Франсиско де Миранда не смог уснуть всю ночь. В своем дневнике он сделал запись: «Размышлял о том, сколь многим владеет один человек и сколь малым другие, и в то же время немало людей страдают от голода». Во время посещения Горного училища он получил сведения о том, что Кольвань дала казне с 1747 по 1787 г. 22 тыс. пудов чистого серебра и 680 пудов чистого золота⁸².

Обер-гофмейстер прусского двора графиня Фосс, побывавшая вместе с королевской четой в Петербурге по приглашению Александра I, в своем дневнике 17 января 1809 г. сделала запись: «Перед обедом я осматривала комнату, в которой для подарков находится целое собрание чудеснейших шуб, одна из великолепной чернуброй лисицы, предназначена нашей королеве. Здесь же хранятся бриллианты, перстни... всякие драгоценности, из которых царь сам выбирает подарки для избранных». В неописуемый восторг пришла леди Блумфильд, увидев в «частных покоях» Николая I в Зимнем дворце «великолепные ожерелья, серьги, уборы из изумрудов, рубинов, сапфиров и жемчуга, отделанных бриллиантами»⁸³.

По подсчетам на 1 апреля 1786 г. стоимость всего имевшегося в «комнате Е.И.В.» имущества определялась суммой в 552015 р., на 1 августа того же года – в 618270 р. По данным за 1801 г., «мягкой рухляди», бриллиантовых и прочих изделий в «комнате Е.И.В.» было почти на 2 млн р. К концу царствования Александра I одни бриллиантовые украшения, хранившиеся в ней, стоили 1 млн р.⁸⁴

Истинная стоимость приобретавшегося для «комнаты Е.И.В.» была неизмеримо выше приведенных сумм. Многие изделия, оплаченные из «комнатных сумм», передавались сразу адресату. Заказанный Екатериной II сервиз для ее «милого и возлюбленного князя Потемкина», как и многие другие заказы императоров за счет «комнаты Е.И.В.», не учитывался среди того, что в ней хранилось. В марте 1778 г. императрица писала барону Гримму: «...а чтоб сервиз вышел получше, я сказала, что он для меня»⁸⁵.

Не поддается общему учету все раздаренное русскими императорами и императрицами из «комнаты Е.И.В.». Однако по много-

численным свидетельствам все же можно составить примерное представление о размерах расходов и назначении средств «комнатной суммы». Бриллианты и золотые табакерки составляли коллекции домашних музеев. Среди многих пожалований императрицы Екатерины II А.В. Суворов называет две золотые шпаги (одну из них он получил во время празднования «турецкого мира и усмирения пугачевского бунта»), табакерки (золотую и бриллиантовую), две бриллиантовые звезды, бриллиантовое перо и бант к шляпе⁸⁶.

Общеизвестно, как одаривала своих фаворитов Екатерина II. Английский посланник Гаррас писал, что семейство Орловых, кроме десятков тысяч крепостных душ, получило от Екатерины II 17 млн р. деньгами, дворцами, драгоценностями и посудой. Васильчиков за неполных два года: 100 тыс. р. (серебряных), 50 тыс. р. золотыми вещами, дом «с полной обстановкой» в 100 тыс. р., сервиз в 500 тыс. р., годовую пенсию в 20 тыс. р.; Потемкин за два года: драгоценностями, посудой, дворцами – около 9 млн р.; Завадовский за полтора года: 80 тыс. р.; драгоценностями, 150 тыс. р. деньгами, сервиз стоимостью в 30 тыс. р. и пенсию в 10 тыс. р.; Зорич: за один год, кроме имений в Польше, Лифляндии, 500 тыс. р. наличными деньгами, 200 тыс. р. драгоценностями⁸⁷.

При всех расхождении цифр, приводимых по поводу расходов Екатерины II на содержание фаворитов, они, эти цифры, «ужасают своими размерами»⁸⁸.

По подсчетам Н.И. Павленко, все фавориты Екатерины II обошлись в 92,5 млн р.⁸⁹ Каждый фаворит наносил огромный ущерб государству: Екатерина не только не скупилась на подарки и пожалования, но и не имела привычки отбирать их после отставки очередного любимца⁹⁰.

Исследователи считают Екатерину II, осуждавшую расточительность Елизаветы Петровны, еще более расточительной. «Она сорила деньгами в масштабах, до того невиданных в России... Она стремилась к тому, чтобы ею восхищались и любили ее. Она использовала ум как одно из средств в завоевании всеобщего поклонения; деньги – как второе»⁹¹.

При этом следует особо подчеркнуть, что страсть к расточительности в ней проявилась задолго до восшествия на трон. В этом Екатерина II сама чистосердечно признается. Хорошо известна ее неудавшаяся супружеская жизнь. Иногда, устав от бесконечного недовольства ею, придирок со стороны великого князя, она предпринимала попытки обратить на себя внимание с его стороны и со сторо-

ны тех, перед кем приходилось держать хорошую мину при плохом душевном состоянии. Однажды во время пребывания в Ораниенбауме, летом 1757 г. в своем саду Екатерина решила устроить праздник в честь Его Императорского Высочества, «дабы смягчить его дурное настроение, если сделать это было можно».

Небезынтересно познакомиться с замыслом задуманного и с тем, что из этого получилось, из уст самой Екатерины. «Я велела, – пишет она, – выстроить в одном уединенном месте лесочка итальянскому архитектору, который тогда у меня был, Антонио Ринальди, большую колесницу, на которую могли бы поместить оркестр в шестьдесят человек музыкантов и певцов. Я велела сочинить стихи придворному итальянскому поэту, а музыку – капельмейстеру Араюе. В саду, на главной аллее, поставили иллюминированную декорацию с занавесом, против которой накрыли столы для ужина. 17 июня под вечер Его Императорское Высочество со всеми, кто был в Ораниенбауме, и со множеством зрителей, приехавших из Кронштадта и из Петербурга, отправились в сад, который нашли иллюминированным, сели за стол и после первого блюда поднялся занавес, который скрывал главную аллею, и увидели приближающийся издалека подвижной оркестр, который везли штук двадцать быков, украшенных гирляндами, и окружали столько танцоров и танцовщиц, сколько я могла найти. Аллея была иллюминирована, и так ярко, что различали предметы.

Когда колесница остановилась, то игрою случая луна очутилась как раз над колесницей, что произвело восхитительный эффект и что очень удивило все общество, погода была, кроме того, превосходнейшая. Все выскочили из-за стола, чтобы ближе насладиться красотою симфонии и зрелища. Когда она окончилась, занавес опустили и все снова сели за стол и принялись за второе блюдо. Когда его заканчивали, послышались трубы и литавры и вышел скоморох, выкрикивая: «Милостивые государи и милостивые государыни, заходите ко мне, вы найдете в моих лавочках даровую лотерею». С двух сторон декорации с занавесом поднялись два маленькие занавеса, и увидели две ярко освещенные лотерейные номера для фарфора, находившегося в ней, а в другой – для цветов, лент, вееров, гробенок, кошельков, перчаток, темляков и тому подобных безделок в этом роде.

Когда лавки были опустошены, мы пошли есть сладкое, после чего стали танцевать до шести часов утра. (Екатерина, по ее признанию, была тогда на четвертом или пятом месяце беременности. – А.Ж.). На этот

раз никакая интрига, никакая злоба не выдержали перед моим праздником, и Его Императорское Высочество и все были в восхищении от него и то и дело хвалили великую княгиню и ее праздник. Правда, что я ничего не пожалела: вино мое нашли чудным, ужин – отличнейшим; все было на мой собственный счет, и праздник стоил мне от десяти до пятнадцати тысяч; заметьте, что я имела всего тридцать тысяч в год» (подчеркнуто мной. – А.Ж.).

«Все, кто хотел, – продолжает она, – унесли какую-нибудь тряпку «на память обо мне», и все хвастали моими подарками и выставляли их, хотя в сущности они были неважными, потому что, я думаю, не было ни одного дорожке ста рублей, но их получили от меня и всем было приятно сказать: «Это у меня от Ее Императорского Высочества, великой княгини, она сама доброта, она всем сделала подарки, она прелестна; она смотрела на меня с веселым любезным видом; она находила удовольствие заставлять нас танцевать, угощаться, гулять, она рассаживала тех, у кого не было места; она хотела, чтобы все видели, на что было посмотреть; она была весела», – словом, в этот день у меня нашли качества, которые за мною не знали, и я обезоружила своих врагов. Это и было моей целью...»⁹² (подчеркнуто мной. – А.Ж.). Вряд ли здесь требуются какие-либо комментарии. Можно только согласиться с оценкой праздника, данной А.С. Мыльниковым: «Праздник и в самом деле получился впечатляющим. И легко себе представить, сколько очков в свою пользу заработала в тот день умная и предусмотрительная претендентка на российскую корону!»⁹³

Это был один из многих, но может быть самый яркий факт в пору пребывания Екатерины II еще в положении великой княгини ее необыкновенной расточительности. Не случайно же она в своих мемуарах многократно упоминает о раздражении Елизаветы Петровны ее несоразмерными тратами денег.

Известно, что до вступления на престол за время жизни при дворе Екатерина накопила огромные долги, не все они были оплачены из «комнаты Е.И.В.» в 1762 г., так как с некоторыми своими расписками она к тому времени не была ознакомлена. До нее тогда не дошла расписка, данная 21 июля 1756 г., когда она обратилась с письменной просьбой к банкиру барону Вольфу дать ей взаймы еще раз: «Мне тяжело, – писала великая княгиня Екатерина, – снова обращаться к вам: присоедините к обязательствам, которые вы имеете от меня по прежним ссудам, еще новое вручением тысячи червонцев золотом. Будьте уверены, что я буду вам оказывать при всяком слу-

чае мою признательность. Екатерина». Эта записка вместе с распиской от 11 ноября 1756 г. («Полученную от барона Вольфа сумму сроком четыре тысячи рублей я возвращу по его востребованию или ему самому или кому он поручит. Екатерина») оказалась приложенной к письму Лоренца Бастиана Риттера Екатерине II от 18 февраля 1764 г. Обе бумаги он неожиданно для себя обнаружил несколько лет назад после смерти барона Вольфа. Причем в его торговых книгах Риттер никаких указаний не нашел.

Во избежание того, чтобы вексель после Риттера не попал в чьи-либо «неправедные руки», он отослал их самой императрице⁹⁴.

Всего, как уже отмечалось, по восшествии на престол из «комнатных денег» Екатерина II выплатила свои прежние долги (как оказалось, не полностью) в размере 675 тыс. р. «Страшная сумма...», как позднее признает она сама⁹⁵.

М.В. Кричевцев, оспаривая суждение Екатерины II относительно того, что интересы ее предшественников расходились с интересами государства, приводит пример с крупными займами, которые делали Елизавета Петровна и Петр III Сенату и о которых уже упоминалось. Автор цитирует Екатерину II, писавшую о том, что Елизавета Петровна, накопив «под конец своей жизни елико возможно, копила деньги, держала их при себе, ничего не отпускала на государство, которое во всем чувствовало нужду: почти никто не получал жалованья. Петр III действовал почти так же. Когда у них просили денег на государственные потребности, они с гневом отвечали: «Добывайте, как знаете, эти прибереженные деньги наши». Екатерина II будто бы осуждала своих предшественников за то, что они отделяли свои личные нужды от нужд государственных. О себе она писала: «...видя, что нужда была настоящая, объявила в полном собрании Сената ...что все ей принадлежащее должно быть для государства, и чтоб вперед не делали никакого различия между ее собственными выгодами и государственными»⁹⁶.

М.В. Кричевцев справедливо полагает, что, искажая истину для дискредитации своих предшественников, Екатерина II стремилась к возвеличиванию собственной особы.

Полностью доверяя тому, что о себе заявляла императрица, составитель энциклопедического справочника по истории России П.П. Дейниченко пишет: «Каково было состояние страны, явствует из того, что уже в первые дни после переворота Екатерине пришлось думать о том, как остановить стремительный рост цен на хлеб и найти деньги на самые необходимые государственные нужды – русская

армия в Пруссии уже восемь месяцев не получала жалованья». Факты общеизвестные. Какой выход из ситуации нашла Екатерина II? В справочнике по этому поводу сообщается читателю: «Она разрешила Сенату использовать свои «комнатные деньги» – те, что считались собственностью государя и шли исключительно на его личные нужды (подчеркнуто мной. – А.Ж.). Членов Сената тронуло то, что императрица считает все принадлежащее ей собственностью государства и в будущем не намерена делать различие между интересами государственными и своими собственными». Оценка составителя справочника сводится к признанию: «Для Екатерины подобный шаг был совершенно естественным»⁹⁷.

Но представляется, что более естественна для императрицы была трата денег из «комнаты Е.И.В.» без какого-либо учета государственных потребностей в деньгах для казны.

Имели место факты отпуска денег по распоряжению Екатерины II 20 июля 1762 г. в дворцовую канцелярию 50 тыс. р., «но заимообразно» («а на Москве оные деньги с канцелярии взяты»), 10 тыс. р. – в Коллегию иностранных дел – 26 августа 1762 г., тоже «заимообразно»; 30 ноября 1762 г., – в Иностранную коллегию «заимообразно»⁹⁸.

Уже с 60-х гг. XVIII в. Екатериной II тратились огромные средства на приобретение многочисленных европейских коллекций картин и различного рода собраний, которые собирателями накапливались веками.

В 1771 г. в Балтийском море затонул корабль с отправленной на нем коллекцией картин из Голландии. По этому поводу императрица писала Вольтеру: «Потеряно было всего 60000 червонцев. Надобно обойтись без них, в нынешнем году я имела несколько неудач в подобных случаях, что делать? Остается только утешиться»⁹⁹.

В начале следующего, 1772 г., Вольтер пишет Екатерине II: «Позвольте мне сказать Вашему Величеству, что Вы непостижимы. Едва море Балтийское поглотило картины... которые Вы выписали для себя из Голландии, как Вы покупаете во Франции на 450 тыс. ливров. Сверх того, Вы собираете еще в Италии тысячу редкостей. Признаюсь Вам искренно, я не знаю, откуда Вы берете столько денег?»

В августе того же года Вольтер снова изумлен: «В газетах пишут, что Вы покупаете в Амстердаме бриллиант почти в три миллиона», на что Екатерина II отвечает: «Торгую алмаз величиною с яйцо». На вопрос Вольтера, откуда императрица берет деньги, она отвечает: «Не судите о наших деньгах по доходам других разоренных государств европейских, вы обидите меня этим»¹⁰⁰.

Может быть, под «другими разоренными государствами европейскими» Екатерина II имела в виду Францию, с середины XVIII в. находившуюся на грани банкротства. Сотни людей, имевших при дворе синекуру, оказались обязанными отчитываться об общей израсходованной сумме с указанием, на какие цели были израсходованы деньги. Даже королю пришлось сократить расходы на содержание лошадей, прекратить всякое частное строительство, а маркиза де Помпадур распродала часть своих бриллиантов. На монетный двор она и король «отправили огромное количество столового сервиза и заставили придворных сделать то же самое». Это привело к созданию запасов серебряных слитков. Каждое утро король получал списки людей, сдавших серебро в казну. Им выплачивалась денежная компенсация, равная одной четверти стоимости сданного серебра. Остальная часть его стоимости обеспечивалась шестипроцентными правительственными облигациями. Последствия этой операции ознаменовались тем, что «сегодня старинных французских изделий из серебра не сыскать днем с огнем». В переплавку были отправлены серебряные детали декора дворцового ансамбля Версаля, хотя экономически себя это не оправдало: стоимость переплавленных изделий равнялась 10 млн ливров, а получившегося из них металла – всего 3 млн¹⁰¹.

Возвращаясь к финансовым затратам Екатерины II, следует отметить исключительную ценность ее признания по поводу источника расходов на покупку картин: «Вы удивитесь, – писала она в ответ на изумление Вольтера, – что я покупаю много картин, может быть, для меня было бы лучше покупать их поменьше в настоящую минуту, но упущенные возможности не возвращаются; к тому же мои собственные деньги не смешиваются с государственной казной» (подчеркнуто мной. – А.Ж.)¹⁰².

Во время путешествия Екатерины II в Крым от Петербурга до Киева было устроено 76 станций. На каждой из них держали по 550 лошадей (на весь путь было использовано 110 тыс. лошадей). Для питания высоких особ на каждой станции предполагалось иметь рогатых скотин – 3, хорошо выкоенных телят – 3, баранов – 10, «куррей» – 15, «гусей и диких птиц – сколько можно», муку, сыр, сливки – два вида, яиц – 500, окороков – 6, кофе – полпуда, масло прованское, сельдей – бочонок, вина белого и красного французских, водки французской, водки крепкой (русской), «аглицкого» пива, «конфеты», варенье, соленые огурцы, грибы, моченую ягоду, пироги, поросят, индейку, копченую рыбу и колбасу, сладости.

Екатерина II настаивала на том, чтобы всю кавалькаду в течение половины года (с 7 января по 11 июля 1787 г.) кормили «исключительно за ее счет»¹⁰³.

Обладание колоссальными денежными средствами «комнаты Е.И.В.» позволяло императрице не ограничивать себя в удовлетворении постоянно растущих запросов и при этом сохранять хорошую мину перед лицом мировой общественности в условиях все ухудшавшегося положения дел в государственной казне. Лишь время от времени Екатерина II, как и ее предшественники, шла на выделение средств из «комнаты Е.И.В.» на общегосударственные нужды. В сентябре 1787 г. граф А.А. Безбородко объявил Сенату о повелении Екатерины II Кабинету о передаче им половины полученной золотой и серебряной монеты на нужды войны в обмен на государственные ассигнации¹⁰⁴.

В следующем, 1788 г., Кабинет заплатил 2006 р. за 100 быков, отправленных для войны в Финляндии¹⁰⁵.

Как при Елизавете Петровне, так и Петре III выделяемые время от времени средства из «комнатной суммы» были каплей в море быстрого растущего дефицита государственного бюджета страны.

С 1769 г. Россия впервые прибегла к иностранному займу для покрытия расходов на русско-турецкую войну 1768–1774 гг. В дальнейшем царское правительство стало регулярно пользоваться услугами зарубежного денежного рынка. К концу XVIII в. долги России вызвали обеспокоенность государственных деятелей. С 1797 по 1800 г. государственный казначей Васильев заплатил внутренних и внешних долгов около 170 млн р., после чего их осталось еще на 85 млн р.¹⁰⁶, на 7 с лишним млн р. меньше, чем обошлись Екатерине II вознаграждения ее фаворитам.

Покрытие дефицита государственного бюджета не сопровождалось тратой «комнатных денег». Правительство в поисках средств для удовлетворения потребностей в деньгах шло по пути повышения цен на соль и вино, прямых и косвенных налогов, выпуска медных денег и бумажных ассигнаций, внутренних и внешних займов¹⁰⁷.

Сведения о расходовании «комнатной суммы» содержатся в императорских записках, распоряжениях, переписке придворной знати на всем протяжении рассматриваемого периода, в дневниковых записях государственных деятелей, биографических очерках некоторых из них¹⁰⁸. После многих превратностей судьбы, найдя пристанище при русском дворе, в течение нескольких десятилетий будучи свидетелем дворцовых переворотов от Анны Иоанновны до Екате-

рины II, выполнявший заказы русских правителей ювелир Позье хорошо усвоил нравы двора. Подмеченная им жадность придворной знати к императорским дарам со временем не иссякала, она как бы передавалась по наследству¹⁰⁹. Это подтверждается и признаниями представителей высшей знати, всегда с нетерпением ожидавшей очередных празднеств при дворе, каждое из которых сопровождалось для многих повышением в чинах, жалованье, раздачей им не только земель с крестьянами, но и крупных денежных сумм, дорогих изделий из золота, серебра, драгоценных камней из «комнаты Е.И.В.».

Накануне очередного праздника при дворе К.Я. Булгаков пишет брату 28 апреля 1828 г.: «По обыкновению говорят о многих милостях, наградах, указах, назначениях. Увидим, что будет». В ноябре 1831 г. А.Я. Булгаков из Москвы сообщал: «Говорят, что будут милости к 20 числу». Его адресат, К.Я. Булгаков, в свою очередь пишет: «Многие знакомые мучают себя надеждами, претензиями, ожиданиями как скоро приближается какой-нибудь праздник».

Царские награды являлись предметом гордости. А.Я. Булгаков в феврале 1832 г. как об одном из значительных фактов сообщал брату: «...на бале Голицына Кутайсов был весь в бриллиантовых орденах», что вызывало у многих присутствующих нескрываемую зависть. Сами награжденные, как правило, с большой радостью сообщали о царских милостях в письмах к родным, друзьям, делали записи об этом в дневниках. Ежегодно для императорских пожалований находились многочисленные поводы. Пышно и торжественно отмечались дни рождения и «тезоименитства». Редким оказался случай, когда 6 ноября 1757 г. канцлер М.Л. Воронцов записал: «В высочайший день тезоименитства Е.И.В. никаких пожалований в чины и награждений не было»¹¹⁰. В этой связи любопытно отметить краткие записи в дневнике статс-секретаря А.В. Храповицкого в дни его рождения. Он обычно аккуратно фиксировал, чем его одаривала Екатерина II, а 30 августа 1791 г. он, не без огорчения, констатировал: «Поздравлен с именинами, но ничем не подарен»¹¹¹.

С особой торжественностью отмечались дни рождения, «тезоименитства», восшествия на престол и коронации Екатерины II, которая долго и щедро расплачивалась крестьянами, а также деньгами и драгоценностями из «комнатной суммы» за оказанные ей услуги при вступлении на престол. Князю М. Волконскому, графу Н. Панину, гетману Разумовскому она назначила пожизненную пенсию в размере 5 тыс. р. каждому. Единовременные вознаграждения императрицы в 1762 г., по неполным данным, составили 134 тыс. р. По

признанию самой императрицы, из «комнатной суммы» на ее коронацию было потрачено 50 тыс. р., не считая денег, отпущенных для этой цели из государственной казны. В июле 1765 г. в благодарность за помощь «в день восшествия на престол всероссийский» Екатерина II распорядилась выдать «из комнаты» 30 человекам по 4 тыс. р. каждому. 14 ноября 1782 г. она писала барону Гримму: «Двадцать лет Нашего царствования отпраздновали делами милости. Вот как следует чествовать подобные эпохи. Это год милости и все тут!»¹¹²

Накануне очередной годовщины восшествия Екатерины II на престол, дня раздачи «великих и богатых милостей» в июне 1793 г. А.А. Безбородко писал А.Р. Воронцову: «Указы и росписи о награждениях выдут, сказывают завтра, и большая часть из них подписана...»¹¹³

По многочисленным свидетельствам современников, представителей придворной знати, иностранцев, побывавших в России с кратким визитом либо длительное время находившихся на русской службе, создается картина необычной роскоши, в которой жили русские императоры. «Здесь двор не уступит великолепием ни одному из европейских дворов», – отметил в 1752 г. Станислав Пиора¹¹⁴. О необычайной роскоши при дворе Екатерины II в 70-е гг. XVIII в. писали многие. «Частые и обязательные праздники... при дворе... показались мне слишком пышными», – читаем мы в записках графа Л.Ф. Сегюра¹¹⁵. По инициативе Екатерины II с невероятным великолепием был обставлен праздник, посвященный рождению ее внука Александра¹¹⁶. О царских обедах времен Александра I графиня Фосс записала: «Все обеды и празднества здесь отличаются сказочным великолепием, бесконечной роскошью и страшным многолюдством. Сегодня за обедом (16 января 1809 г. – А.Ж.) было 400 человек»¹¹⁷.

Императрицы и императоры участвовали почти во всех балах и маскарадах, которые устраивались в домах придворной знати. Екатерина II в феврале 1778 г. пишет Гримму в Париж: «Мы были по уши в праздниках и маскарадах и перекатывались по городу из дому в дом словно мыши в закреме»¹¹⁸. Бесконечные балы, званые обеды, ужины, непрерывно следовавшие друг за другом развлечения¹¹⁹ были характерны для жизни русского двора не только второй половины XVIII в. Отец и братья Булгаковы, близкие к царскому двору люди, писали друг другу о балах с участием императоров. Я.И. Булгаков сообщал из Москвы в Неаполь старшему сыну 31 августа 1805 г.: «Вчера был большой обед у Беклешова. Сверх именин Государя он и сам именинник и получил от Императора подарок 30000 р.»¹²⁰ Во время пребывания в Москве в 1831 г. государь посетил собрание

вместе с императрицей, которая, по свидетельству А.Я. Булгакова, «была прелестно одета, вся в белом и залита бриллиантами и бирюзами»¹²¹. К.Я. Булгаков регулярно сообщал в Москву о маскарадах «до утра». В 1832 г., к примеру, он писал: «8 января – в Эрмитаже», 18-го «были у старухи Голицыной по случаю именин или рождения... Государь, Императрица изволили быть», 6 февраля «с балу приехали в 4 часа. Был Государь»; в 1833 г.: 23 января «бал у князя Кочубея, был Государь», 26 января – у графа Несельроде («был Государь»), 9 февраля – у князя Волконского до 6 утра: «Представить себе нельзя великолепие и вкус, с какими все были одеты. Все дамы усеяны бриллиантами и камнями разных цветов, а Императрица – и говорить уже нечего – на ней конечно было на несколько миллионов... Она точно похожа на некое божество»; 10 февраля – маскарад у Волконских, сегодня (11 февраля. – А.Ж.) бал во дворце»¹²². В следующем, 1834 г.: 26 февраля К.Я. Булгаков брату пишет: «Ну, уж масленица! Всякий день балы. Вчера был бал в Концертном зале. Сегодня у Шуваловых, завтра у Лазаревых (тогда же у Энгельгарда)... в среду у австрийского посла, в пятницу у князя Волконского, в субботу детский маскарад во дворце, а в воскресенье... бал в Аничковом дворце у Кочубея»; 30 апреля – «был великолепный обед во дворце на 400 приборов»¹²³. В феврале 1856 г. сенатор К.Н. Лебедев отмечал: «В чаду наших празднеств, обедов и спектаклей, которых так много и теперь готовится в Петербурге и Москве»¹²⁴.

Балы при дворе сопровождались играми в карты. 11 сентября 1790 г. А.В. Храповицкий сделал примечательную запись в дневнике: «...вчера была (императрица. – А.Ж.) на бале и играла в карты. Без этого был бы неполный праздник». При Екатерине II в узком кругу придворной знати выигрыши стали оплачиваться из «комнаты Е.И.В.» бриллиантами. Помещенные в золотые коробочки, они вынимались золотыми ложечками и выдавались выигравшим партию. За вечер императрица тратила из «комнатной суммы» бриллиантов иногда на 40 тыс. р. В одном из писем Гримму она восклицала: «Как весело играть в бриллианты!»¹²⁵

Русские императоры и императрицы на балы придворной знати обычно ездили с подарками, которые щедро раздавались ими и на балах при дворе. Поводом для царских милостей были рождения и свадьбы детей и внуков придворной знати. Крестины, свадьбы поглощали значительные суммы денег «из комнаты» их Императорских Величеств. 29 июля 1749 г. участие Елизаветы Петровны в Ораниенбауме «на ве-

чернем кушанье» у великого князя в «новостроенном доме» завершилось пожалованием ему 60 тыс. р. «на новоселье»¹²⁶.

В дополнение к уже сказанному по поводу того, во что обходилось содержание фаворитов, можно привести еще свидетельство А.В. Храповицкого. Екатерина II подписала указ о пожаловании своему бывшему фавориту А.М. Дмитриеву-Мамонову по случаю его женитьбы на княжне Д.Ф. Щербатовой деревнями и 100 тыс. р. «из Кабинета». В тот же день императрица потребовала из Кабинета перстень и 10 тыс. р., которые назавтра были отданы ею новому фавориту¹²⁷.

В 1826 г. А.Я. Булгакову довелось подержать в руках дары Екатерины II, поднесенные ею в свое время А.М. Дмитриеву-Мамонову, – множество табакерок и перстней, осыпанных бриллиантами, большая часть их была украшена рисованными или выгравированными портретами императрицы. А.Я. Булгаков писал брату: «Особенно мне понравился розовый бриллиант формы груши, имеющий особую красоту и блеск, прекрасный изумруд и сапфир, на коем вырезан портрет императрицы»¹²⁸. Каждый из многочисленных фаворитов Екатерины II мог бы подписаться под словами, адресованными ей князем А.Г. Потемкиным в ответ на присланный ею венок из бриллиантов и изумрудов: «Ты излила на меня все щедроты». Искренней была Екатерина II, называя себя «великой расточительницей». Ей и ее преемникам было что расточать из «комнаты Е.И.В.».

Вступивший в должность государственного канцлера граф А.Р. Воронцов имел основания в записке, представленной Александру I, о «России в начале нынешнего века» заметить, что «во времена императрицы Екатерины II, начавшаяся уже при Елизавете Первой роскошь и все следствия оной, далее и далее простираясь, возрастали»¹²⁹.

Роскошь при дворе со всеми «следствиями оной» продолжала процветать и при преемниках Екатерины II. С удивлением и восхищением описал праздник, устроенный по поводу свадьбы дочери Николая I Марии Николаевны, французский путешественник Астольф де Кюстин: «Я не припомню ни одного торжественного раута, который по богатству драгоценностей нарядов, по разнообразию и роскоши мундиров, величю и гармонии общего ансамбля мог бы сравниться с праздником, данным императором в день свадьбы своей дочери в Зимнем дворце, год назад сгоревшем и теперь восставшем из пепла по мановению одного человека».

А.В. Никитенко сделал примечательную запись: «В провинции, как и в Петербурге, упорно держалась молва, что по случаю высокого бракосочетания на народ будут излиты великие милости. Чинов-

ники ожидали денежных наград. Ничего, однако, не вышло из этих ожиданий, кроме двух манифестов: о рекрутском наборе и о новой денежной системе»¹³⁰.

В то же время финансовое положение страны продолжало ухудшаться. По смете доходов и расходов на 1814 г. «недостаток средств» определялся суммой в 92 307 854 р. К 1823 г. долг правительства возрос до 213,6 млн р. при общем размере доходов в этом году в 126 млн р. За 1823–1842 гг. государственный долг составил 462,3 млн р., на 1 января 1856 г. он уже достиг 333 273 782 р. при сумме доходов в 261 501 000 р. Перед реформой 1861 г. долг казны составил почти 2 млрд р., в 8 раз превосходя доходы государственной казны¹³¹.

Неоднократно предпринимавшиеся правительством меры, направленные на прекращение выдачи денежных вознаграждений по министерствам и управлениям, позволяли сэкономить часть средств, предусмотренных к расходам текущего года. Однако с помощью этих мер оказалось невозможно поправить финансовое положение страны. В 1835 г., к примеру, Николай I предписал всем министерствам «не только не выходить из назначенной суммы, но изыскать... способы возможного уменьшения расходов по каждому ведомству (и вновь. – *А.Ж.*) кроме придворного». При министерствах были созданы особые комитеты из лиц, «к оным не принадлежащих», их обязали изыскать возможности для сокращения государственных расходов. 12 мая 1835 г. император интересовался, «сколько особые комитеты по финансовому пересмотру нормальных средств» сбавили по каждому министерству. «Сколько припомню, – писал Николай I статс-секретарю А.С. Танееву, – все вместе составляло уже близ 2000000 р.». При дефиците государственного бюджета, исчислявшемся сотнями миллионов рублей, экономия в 2 млн. р. не могла способствовать улучшению финансовых дел в стране¹³².

Трата же «комнатных» денег шла по-прежнему не на общегосударственные нужды. Их назначение оставалось тем же, что было в течение всей второй половины XVIII в. Огромные затраты из «комнатных сумм» делались на награды придворной знати. По особым императорским распоряжениям награды за счет этих средств давались генерал-губернаторам страны, деятелям культуры, иностранным послам, гостям при дворе¹³³.

В документах первой половины XIX в. конкретное назначение «комнатных» средств зачастую не указывается. В распоряжениях Кабинету о выделении определенных сумм император лишь конста-

тировал: «На известное Мне употребление». В очень редких случаях удается выяснить, что конкретно кроется за этой стереотипной формулировкой. В декабре 1813 г. Александр I предписал платить «из Кабинета» за издание галереи «гравированных портретов особ, отличившихся в нынешнюю войну». Отпущенные для «известной» императорской «надобности» 20 тыс. р. предназначались, как удалось выяснить, на производство медалей Ф. Толстым «с изображением происшествий Отечественной войны». Деньги были потрачены на печатание книг с описанием на русском, французском, немецком языках, на отливку меди для медалей, самих медалей, их гравировку¹³⁴.

По свидетельству чиновника государственного казначейства П.И. Голубева, деньги «на известные государю императору расходы» относились «к секретным суммам», предназначавшимся чаще всего для поднесения подарков придворной знати. По восшествии на престол Александр I издал указ Кабинету, предписывавший выдачу впредь через тайного советника Трошинского до 10 тыс. р. «по изустным Высочайшим повелениям». Этот указ действовал и в момент ухода на пенсию П.И. Голубева в 1861 г.¹³⁵

Как и прежде, в первой половине XIX в. большие затраты производились в дни коронации императоров. Одних золотых и серебряных медалей (около 3 тыс.) с надписью: «Залог блаженства всех и каждого» на одной стороне и на лицевой стороне – с профильным изображением Николая I получили знать и зарубежные гости в день его коронации¹³⁶.

О своем хозяйстве в Сибири императоры имели весьма смутное представление. В феврале 1771 г. почти 10 лет владевшая Кольвано-Воскресенскими заводами Екатерина II писала Олсуфьеву: «Адам Васильевич, пришлите ко мне выписку о Кольванском самом богатом руднике; я разговаривала о куске золота отменной величины, которой там находится, но не умела сказать, рудник ли семидесятисаженный или подобной кусок золота, но помнится подобное и читала, и вы мне сказывали»¹³⁷. Однако это вовсе не мешало императрице иметь постоянно хорошую осведомленность о доходах, поступающих в «комнатную сумму» от Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов.

Владелец кабинетского хозяйства не как глава государства, а как крупнейший помещик России получал от него доходы в виде серебра, золота, цветных камней и изделий из них, составивших «каменную красоту» Эрмитажа, царских дворцов, храмов и садов. Золото и серебро использовались на изготовление монет, поступающих в

«комнатную сумму», которая тратилась по усмотрению владельца Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов не на общегосударственные нужды и не на содержание двора как государственного института. Кабинетское хозяйство содержалось не за счет государственной казны.

Основную часть поступлений в «комнату Е.И.В.» составляли доходы от кабинетского хозяйства в Сибири. Пополнение ее за счет поступлений с части доходов с Гороблагодатских и Камских заводов, соляного и таможенного сборов, от передела монет «с убавкою веса» было не постоянным и не столь значительным по сравнению с личными доходами императоров от Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов. За время существования кабинетского хозяйства в Сибири в дореформенный период из него поступило в Санкт-Петербург около 115 тыс. пудов серебра, содержащего более 2 615 пудов золота. Кроме того, Кабинет получил из Сибири различных изделий из цветных камней стоимостью в 1 млн р.¹³⁸

Умножение материальных богатств русских императоров за счет доходов от Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов способствовало обогащению придворной знати. Братья Панины наследовали от отца 400 душ крестьян. При Екатерине II они имели уже десятки тысяч крепостных, приобретенных благодаря императорским пожалованиям поместьями или купленных на деньги, полученные в награду из «комнатных сумм». Н.И. Панин купил 10 тыс. душ м.п., а его брат П.И. Панин только за руководство подавлением крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева был награжден золотым мечом, украшенным алмазами и 60 тыс. р. «на поправление экономии». Граф А.А. Безбородко, сын малороссийского старшины, сделал блестящую карьеру, «достиг первейших чинов, приобрел богатейшее состояние и несметные сокровища в вещах и деньгах», «при каждых с иностранными дворами заключенных трактатах получал... немалые подарки червонцами и бриллиантами... собрал горы серебра и осыпал себя бриллиантами», приезжал ко двору, «имея на себе Андреевскую звезду, погон для ленты, пуговицы на кафтане и пряжки башмачные – все из бриллиантов», «драгоценные вещи, в ящиках у него лежавшие», изумляли всех «видавших их необыкновенной ценой»¹³⁹.

Огромные суммы получили за короткое время правления Павла I лица, пользовавшиеся его доверием¹⁴⁰. Благополучие людей, «толпившихся у трона», проистекало от «милостей» монарха. Поэтому проблема сохранения царских «милостей» всегда глубоко волновала

знать. Она не случайно выражала искреннюю признательность Николаю I, продолжившему давно сложившуюся при дворе традиции щедрых пожалований. Усердие в службе (придворной, гражданской, военной), подписание мирных договоров отмечались пожалованиями. Каждое важное событие во внутренней жизни или внешней политике отмечалось наградами, при этом не только тех, кто непосредственно был причастен к тому или иному событию. И.В. Сабанев выразил общее отношение придворной знати к Николаю I, когда писал в 1828 г. М.С. Воронцову: «Государь справедлив и щедр: награды сыплются дождем»¹⁴¹. При этом знати хотелось, чтобы этот «дождь» был еще обильнее. В том же 1828 г. А.Я. Булгаков делился со своим братом сокровенной мечтой, чтобы Николай I «подмахнул» ему «полсотни тысяч» за «учреждение скорого, порядочного (почтового. – А.Ж.) сообщения между Тифлисом и Петербургом», вспомнив, что в свое время М.И. Кутузову «за Бородино» было пожаловано 100 тыс. р.¹⁴².

По случаю восстановления Зимнего дворца после страшного пожара 1837 г. (тогда пострадало 80 комнат и очень опасались за сохранность личного капитала Николая I в 5 млн р.) по распоряжению императора было отчеканено 110 золотых медалей с изображением на лицевой стороне имени императора и подписью «Благодарю», на другой – над фасадом дворца с надписью «Труды все превозмогут». Три из них, «богато украшенные алмазами», получили из рук Николая I князь Волконский, Долгоруков и граф Клейнмихель, остальные медали были вручены различным чиновникам; 6 тыс. серебряных медалей раздали мастерам, работавшим на восстановлении дворца не менее трех месяцев¹⁴³.

Николай I для поддержки внешнего великолепия своего двора прилагал немалые усилия. Фрейлина А.Ф. Тютчева писала об облике двора Николая I: «Надо признать, что в ту эпоху русский двор имел чрезвычайно блестящую внешность. Он еще сохранил весь свой престиж, и этим престижем он был всецело обязан личности императора Николая»¹⁴⁴.

По признанию современников второй половины XVIII – первой половины XIX в., в Европе не было более пышного двора, чем русский двор в Петербурге.

Д. Казанова, оказавшись на балу в Зимнем дворце в 1765 г., отметил для себя: «Вся обстановка бала представляла зрелище причудливой роскоши в убранстве комнат и нарядах гостей, общий вид был великолепный». Того же мнения был англичанин У. Кокс, посе-

тивший бал там же в 1778 г.: «Богатство и пышность русского двора превосходят самые вычурные описания. Следы древнего азиатского великолепия смешиваются с европейской утонченностью, блеск придворных нарядов и обилия драгоценных камней оставляют за собой великолепие других европейских государств»¹⁴⁵.

Министр императорского двора князь П.М. Волконский 14 июня 1825 г. писал, очевидно, не без оснований, финляндскому генерал-губернатору А.А. Закревскому из Парижа, где он присутствовал на коронации: «Церемония была великолепна и праздников много, но сие меня не удивляет, потому что не могут равняться с нашими»¹⁴⁶.

Развитие кабинетского хозяйства в Сибири не сопровождалось использованием доходов его владельца на производственные нужды страны. Большая часть их тратилась на удовлетворение личных потребностей императоров, богатства которых широко рекламировались перед русской знатью, зарубежными гостями, иностранными послами и народом в дни грандиозных празднеств по поводу коронаций. Одним из способов этой рекламы являлись императорские пожалования деньгами из «комнатной суммы», а также различными знаками отличия, предметами роскоши, оплаченными также из «комнатной суммы». Полученные в виде пожалования деньги знать, как и прежде, тратила и на приобретение новых земель. Генерал Дибич, к примеру, купил землю в Крыму на деньги, подаренные ему Александром I в октябре 1825 г.¹⁴⁷

Императорские портреты, украшенные бриллиантами «для ношения на ленте», орденские знаки, осыпанные алмазами, табакерки (финифтяные с золотом, золотые, эмалевые и т.д.), бриллиантовые перстни, золотые и серебряные сервизы, украшенные бриллиантами шпаги, медали, золотые часы, бриллиантовые эполеты, аксельбанты, пуговицы, золотые и серебряные кубки, кружки, паникадила, лампы, различные церковные сосуды «с антиками и бриллиантами», рубинами, туалетные столы, золотые флаконы и «прочие безделушки» – это, видимо, не полный перечень императорских пожалований светским и духовным лицам по самым различным поводам. Царских милостей удостаивались иногда и провинциальные чиновники, некоторые представители купечества, знати национальных окраин России.

Высшая знать нередко получала царские дары без всяких серьезных поводов для этого. 31 июля А.В. Храповицкий был искренне удивлен неожиданным подарком: «Ея Величество, в шутках, похуля мою шпагу, пожаловала мне из новокупленных тульских эфес»¹⁴⁸. Но он же считал вполне законным пожалование ему по «случаю

торжества шведского мира» бриллиантового перстня, 6 тыс. р. «единовременно» и пенсии в 2 тыс. р.¹⁴⁹

В своей «Автобиографии» А.В. Суворов не назвал одну Андреевскую звезду с бриллиантами, полученную за царским столом, когда он обратил на себя внимание императрицы тем, что ничего не брал с подносимых блюд, так как тогда соблюдал пост. Екатерина тут же передала ему коробочку со звездой, сказав при этом: «Надеюсь теперь вы не откажитесь покушать за нашей трапезой»¹⁵⁰.

Мало кто из знати мог устыдиться от получения наград ни за что. Лишь П.В. Лопухин однажды признался А.Р. Воронцову: «Без всяких заслуг от Ее Императорского Величества в короткое время награжден, то и постыдно»¹⁵¹.

В абсолютном же своем подавляющем большинстве придворная знать, военные и гражданские чины в центре и на местах всегда с нетерпением ожидали новых наград. Для высшей знати они были одним из источников ее обогащения.

Отмеченная еще дореволюционными исследователями склонность Екатерины II к «расточительству», которую она и сама не отрицала, нашла объективную оценку в суждениях ее современников. Статс-секретарь Екатерины II А.М. Грибовский совершенно справедливо заметил: «Она делала дары всякого рода... как особа, желающая иметь добрых служителей»¹⁵². Есть все основания полагать, что прежде всего желанием иметь «добрых служителей» руководствовались все преемники императрицы, не скупившиеся на «милости».

Челобитную крупнейшего государственного деятеля времен Елизаветы Петровны, канцлера М.Л. Воронцова, сумевшего наилучшим образом выразить чаяния и устремления придворной знати, мог бы подписать любой ее представитель любого другого времени: «Мы все верные ваши рабы, – писал М.Л. Воронцов, обращаясь к Елизавете Петровне, – без милости Вашей и награждения Вашего Императорского Величества прожить не можем. И я не единого дома фамилии в государстве не знаю, который бы собственно без награждения монаршеских щедрот себя содержал». Много лет спустя внук М.Л. Воронцова Семен Романович писал: «Отец мой был богат собственным именем и еще более щедротами императрицы» (подчеркнуто мной. – А.Ж.).

В письме к Екатерине II из Парижа 26 января 1764 г. Гримм писал: «Щедроты Ваши не знают ни исключений, ни пределов». Отмеченное им стало характерным для императрицы на все время ее правления¹⁵³.

Царские дары, в зависимости от того, кому они предназначались, кроме своей материальной ценности, имели различные смысловые нагрузки, как знак определенного расположения дарителя к придворным, чести купцу за благотворительность, награды за подвиги полководцу или офицеру, иностранному послу как дипломатический акт и одновременно как демонстрация имперских амбиций, – очень емко сказано о том, что играло важную роль в жизни верхов российского общества¹⁵⁴.

Главным источником расходов на царские подарки продолжали оставаться «горные рудокопные заводы, состоящие в Кольвано-Воскресенске и Нерчинске»¹⁵⁵.

Каждая эпоха по-своему осмысливает понятие богатства. В XVIII в. роскошь нашла свое воплощение в театрализации жизни дворов. Не случайно объектом нападок Дидро оказались столицы, безудержно проповедовавшие стремление к эффектной жизни. Если в предшествующем XVII в. могущество царской власти подчеркивалось церковными церемониями, с середины XVIII в. оно стало демонстрироваться многодневными празднествами императорского двора. Они должны были показать всеислие власти монархов¹⁵⁶.

Любопытно то обстоятельство, что все, кто в какой-то степени занимается изучением истории России XVIII – XIX вв., обращают внимание на необычную роскошь двора. Но есть основания считать, что никто не задается вопросом, откуда черпались средства для такой жизни и щедрости российских императоров.

Крупнейшие исследователи российской истории этого времени, как правило, такого вопроса и не ставят перед собой. А те историки, которые задаются им, дают ответ, далекий от истины. В частности, М.В. Черников пишет: «Екатерина II обнаружила удручающую картину. Непосредственные предшественники Екатерины на троне – Елизавета Петровна и Петр III – забирали себе все казенные доходы, поэтому казна почти никому не платила»¹⁵⁷.

Американская исследовательница Сюзанна Масси на поставленный ею вопрос «Откуда брались средства, которые расточала Екатерина II?», дает ответ: «Богатейшая Россия, торговавшая зерном, крупным рогатым скотом, древесиной, кожей и мехами, предоставляла ей для этого средства» – «деньги – мощное оружие, позволявшее завоевывать сердца людей»¹⁵⁸.

Ричард Пайпс, которого часто цитируют отечественные историки, считает: «Члены императорской фамилии, обладавшие правами

наследования престола, получали доходы из государственной казны, прочие содержались за счет дворцовых сел»¹⁵⁹.

Ни одно из приведенных объяснений по поводу того, чем располагали российские императоры, начиная с середины XVIII в., не отражает реальной ситуации.

Россия не «предоставляла» Екатерине II деньги, доходы, которые она получала из государственной казны в виде жалования или из дворцовых сел. Они не могли бы обеспечивать те богатства, которыми располагали императрица и ее преемники за счет доходов от кабинетского хозяйства в Сибири. Совершенно не случайно в записке о «России...» А.Р. Воронцов особо подчеркивал расцвет роскоши при дворе со времен правления Елизаветы Петровны, в правление которой сереброплавильные заводы на Алтае были изъяты у Демидовых.

Представляется, что совершенно обоснованно для себя и своих преемников Екатерина II в «Дополнении к большому Наказу» в главе XXII несколько статей посвятила решению вопроса о «Богатствах государевых». В частности, она писала: «Богатства государевы суть... иные существенные, иные мысленные» (ст. 62), «Существенные суть или недвижимые или движимые» (ст. 623). «Оные могут принадлежать государю» (ст. 624). «Богатства Государевы суть или просто владельческие, поелику некоторые известные земли или вещи ему как частному некоему помещику и господину принадлежат, или как богатства самодержца, владычествуящего по сему Богом данному званию над всем тем, что общенародную казну составляет» (ст. 625). «Доходы, принадлежащие государю суть... двоякого рода: или как частного некоего владельца или как державы правителя» (ст. 626). «Государь первыми владеет сам собою» (ст. 629)¹⁶⁰.

Читаешь все эти пункты «Дополнения...» и невольно думаешь, что касаются они прежде всего кабинетского хозяйства в Сибири. Вполне допустимо, что Екатерина II могла иметь в виду Кольвано-Воскресенские заводы. Случайно ли совпадение времени написания «Наказа» и дополнений к ним императрицы и составления и первого описания Кольвано-Воскресенских заводов генералом Г. Веймарном по ее поручению? На основании многочисленных подсчетов Г. Веймарн довел до сведения Екатерины II, что самые крупные в мире американские, саксонские, норвежские, австрийские серебряные копи не могут сравниться с Кольванскими месторождениями. С 1747 по 1765 г. в Санкт-Петербург с Кольвано-Воскресенских заводов было отправлено около 6 тыс. пудов серебра¹⁶¹.

Л.Н. Семенова подчеркивает, что в советское время история императорского двора была представлена предметом не столько изучения, сколько обличения. «Практически, – пишет автор, – во всех исследованиях с неизменным постоянством подчеркивались его паразитизм, роскошь и распутство. Однако эти характеристики не дают даже отдаленного представления о подлинной роли двора в истории Петербурга». Роль двора, по справедливому мнению Л.Н. Семеновой, была огромна не только в создании облика уникального города, каким был и есть Санкт-Петербург. При том размахе строительства, который имел место с середины XVIII в., обеспечивалась занятость значительной части горожан¹⁶². Но разве это исключает паразитизм и роскошь двора, сопровождавшиеся непроизводительными тратами огромных средств, которые обеспечивались эксплуатацией десятков тысяч крестьян, приписанных к Колывано-Воскресенским и Нерчинским заводам?

При Елизавете Петровне над составлением текстов майских указов от 1 и 12 мая 1747 г. настолько основательно поработал в свое время по ее распоряжению И.А. Черкасов, что действие этих указов длилось не только до реформы 1861 г. Императоры продолжали именно на основании действия этих указов получать от крестьян за пользование землей на Алтае по 4 р. 50 к. в собственную царскую казну.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник указов по монетному и медальному делу в России... СПб., 1887. Вып. 1. С. 38–39.

² *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л.: Аврора, 1970. С. 168, 169, 190, 211, 213; *Дьяков А.Н., Уздеников В.В.* Монеты России и СССР. М.: Советская Россия, 1978. С. 79; *Гиль Х., Ильин А.* Русские монеты, чеканенные с 1701–1904 г. СПб., 1904. С. X; Сборник указов по монетному и медальному делу в России... Вып. 1. СПб., 1887. С. 88, 89, 101, 123, 127, 230, 231, 259, 291–292, 302–306, 339, 341.

³ Сборник указов по монетному и медальному делу в России... СПб., 1887. Вып. 1. С. 293.

⁴ *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. С. 230, 231.

⁵ *Коньков Н.Л.* «Имеет хождение в Сибири». Денежное обращение в Сибири в XVII–XVIII вв. Тобольск, 1999. С. 99–100.

⁶ *Кричевцев М.В.* Кабинетская система Центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994.

⁷ *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 248.

⁸ История правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 2. С. 110.

⁹ *Ведерников В.В.* Горные инженеры Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1747–1896 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. С. 26.

¹⁰ *Бирюков А.Д.* О роли Кольвано-Воскресенских заводов в обеспечении сырьем Петербургского монетного двора в XVIII–XIX вв.: Матер. XLI Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Ч. 1. Новосибирск, 2003.

¹¹ *Бирюков А.Д.* Указ. соч. С. 142–145.

¹² *Кричевцев М.В.* Финансы Кабинета Екатерины II (к проблеме владельческой принадлежности императорской казны и кабинетских предприятий в Сибири) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века). Бахрушинские чтения, 1997 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1999; *Соболева Т.Н.* Управление Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 11; ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 22, № 16946; *Жеравина А.Н.* Поступления в «комнату Е.И.В.» от кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 87–92.

¹³ *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»... С. 416.

¹⁴ Там же. С. 416, 417, 437, 439, 440.

¹⁵ *Бабич М.В.* Из истории государственных учреждений XVIII в.: Кабинет Императорского Величества // Вестник Моск. ун-та. Сер. История. 1998. № 6. С. 22–24, 26, 27.

¹⁶ *Гаврилова Л.М., Афанасьева В.Г., Севостьянов Ф.Л.* Развитие горного дела в эпоху Екатерины II. СПб., 2000. С. 47, 90.

¹⁷ Сборник указов по монетному и медальному делу... Вып. 1. СПб., 1887. С. 399–460; *Зобов Ю.* Мосты в полуденную Азию. У истоков российско-казахской коммерции // Родина. 2004. № 2. С. 64–65.

¹⁸ Сенатский архив. 1901. Т. 9. С. 462.

¹⁹ *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»... С. 388–391.

²⁰ Русский архив. М., 1863. С. 423–424.

²¹ *Юхт А.И.* Указ. соч. С. 231.

²² Сенатский архив. 1913. Т. 17. С. 203; *Юхт А.И.* Указ. соч. С. 233.

²³ *Юхт А.И.* Указ. соч. С. 232.

²⁴ Сенатский архив. 1907. Т. 12. С. 32.; *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 248.

²⁵ Императрица Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 758.

²⁶ Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1. С. 311–314.

²⁷ *Белюсов Р.А.* Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 38–40.

²⁸ Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1, ч. 1. С. 411.

²⁹ *Лосиевский И.* С пером и скипетром // Императрица Екатерина II. О величии России.

³⁰ *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 2000. С. 8; *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII веке. Традиции и модернизация. М., 1999. С. 181.

³¹ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1878. Т. 3. С. 76.

³² Книга записная имянным письмам и указам императрицы Анны Иоановны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742. М., 1848. С. 235.

³³ Там же. С. 235–236.

³⁴ Книга записная... С. 236.

³⁵ Там же.

³⁶ Театральная жизнь в России в эпоху Елизаветы Петровны. Документальная хроника. 1741–1750. Вып. 2, ч. 1. Приложение к ежегоднику «Памятники культуры. Новые открытия». М., 2003. С. 202, 207, 210, 229–230, 242, 245, 268, 329, 357, 358, 376, 599, 803.

³⁷ Сборник указов по монетному и медальному делу... Вып. 1. СПб., 1887. С. 385–386; *Кричевцев М.В.* Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Исторический очерк. Новосибирск, 1993. С. 53.

³⁸ Там же. С. 399.

³⁹ Сборник указов по монетному и медальному делу... Вып. 1. СПб., 1887. С. 385–386.

⁴⁰ Опись высочайшим указам и повелениям...Т. 3. СПб., 1878. С. 278: Архив князя Воронцова. Кн. 3. М., 1871. С. 651–652.

⁴¹ *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 200. С. 266.

⁴² Из бумаг елизаветинской канцелярии, 1756 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 3. М., 1871. С. 530.

⁴³ Записки Екатерины II. 1907. С. 120–121.

⁴⁴ Там же. С. 413.

⁴⁵ *Кричевцев М.В.* Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III...С. 51.

⁴⁶ *Брикнер А.Р.* История Екатерины II. СПб., 1885. С. 712.

⁴⁷ *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 2000. С. 273, 275; *Голубева Т.* Царские династии. М., 2002. С. 89.

⁴⁸ Сокровища Эрмитажа: Альбом 2-е изд. Л., 1969. С. 93.

⁴⁹ Из писем Екатерины II А.В. Олсуфьеву // Русский архив. М., 1963. С. 448–449.

⁵⁰ Собственноручныя письма и записки императрицы Екатерины II к А.В. Храповицкому // Русский архив. М., 1872. С. 2073.

⁵¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 349. Л. 1, 14; Д. 805. Л. 77, 83.

⁵² РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 490. Л. 1; Д. 500. Л. 2; Д. 820. Л. 1, 450; Д. 851. Л. 78; Д. 893. Л. 2.

⁵³ Сенатский архив. СПб., 1907. Т. 12. С. 144; Т. 13. С. 459, 461–462; Т. 14. С. 65; Именной, данный Сенату 30 декабря 1763 г. указ «Об отдаче ежегодно доходов Гороблагодатских и Камских заводов остальных за расходами денег в Кабинет Е.И.В. для приобщения к «комнатной сумме» // ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 16, №120022; Сборник указов по монетному и медальному делу... Вып. 2. СПб., 1887. С. 30–31, 101–102; *Куломзин А.Н.* Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II // Сборник Императ. Рус. историч. общества. СПб., 1880. Т. 28. С. 301.

⁵⁴ Именной указ Сенату «О неотложном исполнении требований Кабинета к распространению выгод и к пользе Кольвано-Воскресенских заводов» от 12 января 1761 г. // ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 15, №11185.

⁵⁵ *Введенский Р.М.* Соляное дело в России в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986. С. 14–15; Архив Дирекции Императорских театров. СПб., 1892. С. 34, 38, 43, 49, 64, 77, 82, 90, 93, 94, 95, 99, 103, 104, 112, 416, 465, 481, 513.

⁵⁶ Балансовая ведомость о суммах Кабинета на 1801 г. // Русский архив. М., 1908. Вып. 6. Приложение.

⁵⁷ Сборник указов по монетному и медальному делу... Вып. 2. С. 214.

⁵⁸ Комиссия высочайше утвержденная для улучшения системы податей и пошлин. Отдел косвенных сборов // Материалы и сведения о частном золотом промысле в России. СПб., 1861. С. 2, 3, 12, 89, 91, 105; Свод замечаний, представленных частными лицами на некоторые статьи устава о частной золотопромышленности и предложений их по предмету развития сего промысла в России. Т. 7. СПб., 1862. С. 3; Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 7, ч. 3. Проект Горного устава, составленные особою комиссиею. СПб., 1868. С. 256; Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3, ч. 1. С. 583.

⁵⁹ Комиссия высочайше утвержденная для улучшения системы податей и пошлин... Таблица общей добычи золота в России. Приложение «А»; Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов. О горном промысле. Ч. 1. О передаче некоторых казенных заводов и золотых приисков в частные руки. СПб., 1847. Приложение VIII. С. 8–11; Указ Сената «О количестве десятины золота, добываемого в Башкирии и тептярских землях частными лицами» // ПСЗ. Собр. второе. Т. 12. Отд. 1-е. № 9968.

⁶⁰ Сборник указов по монетному и медальному делу... Вып. 3. С. 222, 298; Граф Д.Н. Шереметьев // Русский архив. М., 1899. Вып. 9. С. 27.

⁶¹ Монетный устав 1857 г. // Свод законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1857; Хронологический указатель к Седьмому тому свода законов издания 1857 г. СПб., 1857. Монетный устав. С. 11–15.

⁶² Сборник указов по монетному и медальному делу... Вып. 3. С. 225.

⁶³ Сведения о частном золотом промысле в России. СПб., 1861. С. 12, 91, 105; *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 1. С. 218–219, 222, 232–233; Т. 2. С. 19, 277, 288; *Карпенко В.Г.* Горная и металлургическая промышленность... С. 197; История Алтая... С. 87, 118.

⁶⁴ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1043. Л. 4, 18.

⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 19, 20; Оп. 1. Д. 294. Л. 176, 231; Д. 367. Л. 84, 214; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 490. Л. 1; Д. 500. Л. 2, 6; Д. 820. Л. 1, 45; Д. 851. Л. 78; Д. 893. Л. 2; Оп. 43. Д. 794. Л. 6-об.; Барнаул / Сост. А.Д. Сергеев. Барнаул, 1980. С. 21.

⁶⁶ *Розен М.Ф.* Очерки по истории горного дела на Алтае. Барнаул, 1955. С. 39.

⁶⁷ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1027. Л. 1, 3; Д. 1043. Л. 30; *Лоренский А.М.* Статистика терригорий. Б/м., б/г. С. 93.

⁶⁸ *Сорокин М.Е.* Горно-заводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747–1779 годах: Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1965. С. 176, 230.

⁶⁹ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об отпуске в Капитул Орденов в добавок к получаемым из государственного казначейства суммам еще по 103 341 р. 45 к. в год» от 15 января 1829 г. // ПСЗ. Собр. второе. СПб., 1830. Т. 4, № 2594.

⁷⁰ Ведомость о золоте и серебре в России с 1826 по 1851 г. // Горный журнал. СПб., 1851. Ч. 3. С. 429; ПСЗ. Собр. второе. СПб., 1830. Т. 4. № 1829.

⁷¹ Хронологический указатель к седьмому тому... С. 11–15.

⁷² Сборник указов по монетному и медальному делу... Вып. 3. С. 206, 207, 208.

⁷³ *Нацокин В.А.* Записки // Империя после Петра. 1725–1762. М., 1998. С. 293.

⁷⁴ Из писем Екатерины II А.В. Олсуфьеву... С. 434–435; 461; *Голомбиевский А.А.* Биография князя Г.Г. Орлова // Русский архив. М., 1907. Вып. 7. С. 411.

⁷⁵ Воспоминания А.П. Бутенева // Русский архив. М., 1881. Кн. 3. С. 129–130; Персидское посольство в России 1829 года (по бумагам графа Г.Г. Сухтеленa) // Русский архив. М., 1889. Вып. 2. С. 22, 28; Заметки о Петербургских дворцах // Русский архив. М., 1873. Кн. 1. С. 1–11.

⁷⁶ Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае. Краткий исторический очерк, составленный к столетию фабрики. 1802–1902 гг. / Сост. Н.С. Гуляев, П.А. Ивачев. Барнаул, 1902. С. 4–5.

⁷⁷ Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. Часть вторая. М., 1803. С. 53.

⁷⁸ *Родионов А.М.* Колывань камнерезная. Барнаул, 1986. С. 78.

⁷⁹ ГАЧО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 258. Л. 3; Д. 272. Л. 45–69, 74, 116; Д. 275. Л. 39; Д. 292. Л. 30; Д. 294. Л. 176; Д. 328. Л. 389, 652; Д. 363-в. Л. 274; Д. 377. Л. 214; Д. 479. Л. 694, 697, 698; Д. 522. Л. 222; Д. 529. Л. 681; Д. 543. Л. 502; Д. 652. Л. 35; Д. 1164. Л. 689; Д. 1580. Л. 397; Из записной книжки Коленкуро (Наполеонова посла при нашем дворе. 1808) // Русский архив. М., 1908. Вып. 4. С. 469; Памятная книжка горных дел на 1862 г. СПб., 1862. С. 59–60; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 г. СПб., 1863. С. 33–34; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1906. Вып. 13. С. 339.

⁸⁰ *Родионов А.М.* Колывань камнерезная... С. 79, 97, 102, 52, 54, 58, 60, 66, 68, 74, 76, 82, 84, 90, 96, 104, 106, 114, 116, 120, 122, 126, 128, 132, 138, 140, 142, 144, 150, 154, 156, 160, 162, 168, 170, 174, 176, 180, 182, 186, 188, 192, 194, 198, 200, 204, 206, 210, 216, 218.

⁸¹ Из писем Екатерины II барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3. С. 65.

⁸² *Франциско де Миранда.* Рассийский дневник. М., 2000. С. 83, 158, 159, 195.

⁸³ Из дневника графини Фосс // Русский архив. М., 1884. Вып. 5. С. 484; Из воспоминаний леди Блумфильд о России. 1845–1846 // Русский архив. М., 1899. Вып. 6. С. 238–239.

⁸⁴ 200-летие Кабинета... С. 401; Балансовая ведомость о суммах Кабинета: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е.И.В. канцелярии // Русский архив. М., 1908. Вып. 6. С. 1–3; Русский архив. М., 1901. Вып. 7. С. 385.

⁸⁵ Из писем Екатерины II барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3. С. 47.

⁸⁶ Барсуков А. Князь Гр. Орлов // Русский архив. М., 1873. Вып. 2. С. 136; Автобиография Суворова // Русский архив. М., 1900. С. 5–32.

⁸⁷ Петинова Е.Ф. Во дни Екатерины. СПб., 2002. С. 190; Доминик Ливен. Аристократия в Европе 1815–1914. СПб., 2000. С. 56.

⁸⁸ Петинова Е.Ф. Во дни Екатерины... С. 191.

⁸⁹ Павленко Н.И. Екатерина. М., 1999. С. 389.

⁹⁰ Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб., 1998. С. 380.

⁹¹ Масси Сюзанна. Земля Жар-птицы. СПб., 2000. С. 141.

⁹² Императрица Екатерина II. О величии России... С. 665–667.

⁹³ Мьльников А. Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002. С. 95.

⁹⁴ Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел. Созданы и изданы с Высочайшего разрешения по предначертанию Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича Александра Александровича академиком П. Пекарским. Т. 1. 1742–1764. СПб., 1871. С. 73.

⁹⁵ Записки Императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 76.

⁹⁶ Кричевцев М.В. Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III... С. 71–72.

⁹⁷ Полный энциклопедический справочник. История России в картах, схемах, таблицах / Авт. и сост. П.Г. Дейниченко. М., 2003. С. 165.

⁹⁸ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Санкт-Петербургском архиве за XVIII век... Т. 1. С. 140; Т. 2. С. 123.

⁹⁹ Неверов О.А., Пиотровский М.В. Эрмитаж: Собрания и собиратели. СПб., 1997. С. 21.

¹⁰⁰ Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. М., 1803. Ч. 1. С. 79, 112–113; Ч. 2. С. 31.

¹⁰¹ Митфорд Н. Франция. Придворная жизнь в эпоху абсолютизма. Смоленск, 2003. С. 101, 534–535.

¹⁰² Неверов О.А., Пиотровский М.В. Эрмитаж... С. 12, 24.

¹⁰³ Романов П. Застольная история государства Российского. М., СПб., 2002. С. 83.

¹⁰⁴ Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1, ч. 3. С. 315.

¹⁰⁵ Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II // Русский архив. М., 1901. Вып. 6. С. 59.

¹⁰⁶ Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 331, 376; Архив Государственного Совета. Т. 3. СПб., 1878. С. 613; Шацкило М. На деньги немецких кухарок. Иностранный капитал в царской России // Родина, 2004. № 4. С. 20–21.

¹⁰⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1889. Вып. 3. С. 329, 368, 369; Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. (20–60-е годы) // История

СССР. 1957. № 3. С. 180–181; *Он же*. Финансовая политика русского абсолютизма... С. 215–220, 248.

¹⁰⁸ Из писем Екатерины II А.В. Олсуфьеву // Русский архив. М., 1863. С. 394–469; Из бумаг елизаветинской конференции 1756 г. // Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 673; Кн. 4. С. 201, 449, 471; Кн. 4, ч. 1. С. 89–90, 135–136; М., 1875. Кн. 7. С. 100, 324, 335–336, 530–531; М., 1887. Кн. 33. С. 60, 62, 187, 195, 306, 315, 451; Указы Екатерины Великой М.А. Яковлеву // Русский архив. М., 1893. Вып. 5. С. 5–17; Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II... // Русский архив. М., 1872. С. 2062–2099; Дневник статс-секретаря Екатерины Великой А.В. Храповицкого... // Русский архив. М., 1901. Вып. 7. Приложение. С. 1–186; Вып. 8. С. 186–234; Бумаги князя С.Ф. Голицына // Русский архив. М., 1876. Кн. 2. С. 130, 140, 150, 151, 153; *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра I. М., 1986. С. 151–182.

¹⁰⁹ Записки придворного брильянтщика Позье... С. 90–91; Переписка братьев К.Я. и А.Я. Булгаковых // Русский архив. М., 1902. Вып. 1. С. 137; Вып. 2. С. 277.

¹¹⁰ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 318.

¹¹¹ Дневник статс-секретаря Екатерины Великой А.В. Храповицкого... // Русский архив. М., 1901. Вып. 7. С. 178; Вып. 8. С. 202, 218.

¹¹² Сенатский архив. СПб., 1904. Т. 11. С. 208, 213, 214, 283; 1907. Т. 12. С. 258–265, 451, 575; 1913. Т. 15. С. 512–513; Из писем Екатерины II барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3. С. 47.

¹¹³ *Григорович Н.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 29. С. 235.

¹¹⁴ Бумаги разного содержания // Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 74–75.

¹¹⁵ Пять лет в России при Екатерине Великой. Заметки графа Л.Ф. Сегюра. 1785–1789 // Русский архив. М., 1907. Вып. 9. С. 44.

¹¹⁶ Из писем Екатерины II барону Гримму... С. 44–45.

¹¹⁷ Из дневника графини Фосс... С. 484.

¹¹⁸ Из писем Екатерины II барону Гримму... С. 42.

¹¹⁹ *Альперович М.С.* Франсиско де Миранда в России. М., 1986. С. 53.

¹²⁰ Переписка Булгаковых // Русский архив. М., 1898. Вып. 5. С. 55.

¹²¹ Из писем А.Я. Булгакова к его брату // Русский архив. М., 1902. Вып. 1. С. 106.

¹²² Из писем К.Я. Булгакова... // Русский архив. М., 1904. Вып. 1. С. 72–74; Вып. 2. С. 245, 248.

¹²³ Русский архив. М., 1904. Вып. 3. С. 410–411.

¹²⁴ Русский архив. М., 1893. Кн. 1, вып. 4. С. 339.

¹²⁵ Бумаги разного содержания... С. 453; Из писем Екатерины II барону Гримму... С. 42; Дневник... А.В. Храповицкого... С. 203; Две калмычки (Переписка графа Б.П. Шереметева с калмычкой Анной Николаевной) // Русский архив. М., 1905. Вып. 5. С. 62–63; *Альперович М.С.* Франсиско де Миранда. М., 1986. С. 92.

- ¹²⁶ *Нащокин В.А.* Записки... С. 275.
- ¹²⁷ *Дневник... А.В. Храповицкого* // Русский архив. М., 1901. Вып. 7. С. 170.
- ¹²⁸ Русский архив. М., 1901. Вып. 7. С. 413–414.
- ¹²⁹ Архив князя Воронцова. М., 1883. Кн. 27. С. 49.
- ¹³⁰ *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 477; *Никитиенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. 1. М., 1955. С. 212, 213.
- ¹³¹ *Белоусов Р.А.* Государственный бюджет дореволюционной России... С. 39, 40–42; *Гордон А.Я.* Мистики и охранители... С. 194, 195, 197, 199.
- ¹³² Сборник исторических материалов... СПб., 1890. Вып. 3. С. 329, 368–369; Вып. 10. 1898. С. 1, 3, 4.
- ¹³³ Генерал-фельдмаршал И.П. Салтыков // Русский архив. М., 1899. Вып. 9. С. 23; Архив князя Воронцова. М., 1889. Кн. 35. С. 400–401; Кн. 39. С. 503; Русский архив. М., 1876. Вып. 2. С. 150, 151, 153; 1885. С. 486; 1907. С. 535, 537; Сборник исторических материалов... Вып. 3. СПб., 1890. С. 90, 152; Вып. 2. СПб., 1889. С. 169, 195; Вып. 5. СПб., 1892. С. 211; Вып. 7. СПб. 1891. С. 189, 305; Вып. 8. СПб., 1896. С. 19, 26, 68–69, 97, 98; Вып. 10. СПб., 1903. С. 1, 2, 4, 13, 17, 19–22, 25, 274–275; Вып. 15. СПб., 1915. С. 286; «Об отпуске ежегодно в Российскую Академию по 3000 рублей на издание ежемесячных сочинений, на печатание переводов классических авторов и на другие расходы» // ПСЗ. Собр. второе. СПб., 1830. Т. 27, № 20.
- ¹³⁴ Сборник исторических материалов... Вып. 2, СПб., 1889. С. 169, 195.
- ¹³⁵ ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830, Т. 26. № 19795; Записки Петербургского чиновника старого времени П.И. Голубева // Русский архив. М., 1896. Вып. 5. С. 97.
- ¹³⁶ Историческое описание священнейшего коронавания императора Николая Павловича и императрицы Александры Федоровны в 22 день, и всех предшествовавших и последовавших за оным торжеств в Москве // Отечественные записки СПб., 1827. Ч. 31, кн. 39. С. 382; Приложение к историческому описанию коронавания Е.И.В. Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. СПб., 1828. Ч. 33. С. 380–389.
- ¹³⁷ Из писем Екатерины II А.В. Олсуфьеву // Русский архив. М., 1863. С. 453.
- ¹³⁸ Подсчитано по материалам: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 794. Л. 13–14; ГАЧО. Ф.31. Оп. 1. Д. 367. Л. 214, 290, 495, 617; Д. 498. Л. 233; Д. 611. Л. 8; Д. 529. Л. 772, 843, 907; Д. 854. Л. 721, 742, 776, 793, 802; Д. 967. Л. 238, 302; Д. 1027. Л. 3; Д. 1058. Л. 14, 194, 395; Д. 1164. Л. 158, 555, 1019, 1104; Д. 1580. Л. 14, 195, 316; *Ледебур К.Ф.* Путешествие по Горному Алтаю... С. 298, 305–306; *Струков М.И.* Краткий очерк Алтайского округа. СПб., 1896. С. 7.
- ¹³⁹ Записки о императрице Екатерине Великой полковника, состоявшего при ее особе статс-секретарем Адриана Моисеевича Грибовского. М., 1864. С. 7, 12, 13, 15, 16; Граф Петр Иванович Панин (1721–1789). Исторический очерк военной и государственной деятельности. СПб., 1897. С. 85.
- ¹⁴⁰ *Брикнер А.Г.* Смерть Павла I. СПб., 1907. С. 26.
- ¹⁴¹ *Бумаги М.С.* Воронцова // Архив князя Воронцова. М., 1893. Кн. 39. С. 503.

- ¹⁴² Из писем Булгакова А.Я... // Русский архив. 1901. Вып. 10. С. 134.
- ¹⁴³ Рассказы недавней старины // Русский архив. М., 1878. Кн. 3. С. 507; *Баранович Л.М.* Возобновление Зимнего дворца после пожара 1837 г. // Русский архив. 1895. Вып. 4. С. 453.
- ¹⁴⁴ *Тютчева А.Ф.* Александр Второй. Воспоминания. Дневник. СПб., 1995. С. 104.
- ¹⁴⁵ Санкт-Петербург. 300 лет истории... С. 145, 151; *Рябинин Д.Д.* Записки венецианца Казановы. 1765–1766 гг. // Русская старина. 1874. Кн. 9. С. 538.
- ¹⁴⁶ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 92.
- ¹⁴⁷ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 217–218.
- ¹⁴⁸ Дневник статс-секретаря Екатерины Великой А.В. Храповицкого. 1788–1793 // Русский архив. М., 1901. Вып. 10. Приложение. С. 255.
- ¹⁴⁹ Указ. соч. // Русский архив... Вып. 7. С. 203.
- ¹⁵⁰ Записки Петра Петровича фон Геце. Князь А.Н. Голицын и его время // Русский архив. М., 1902. Вып. 9. С. 69.
- ¹⁵¹ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 217–218.
- ¹⁵² *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. СПб., 1885. С. 140; Записки о императрице Екатерине Великой... Андриана Моисеевича Грибовского. М., 1864. С. 42.
- ¹⁵³ Архив князя Воронцова. Кн. 11. С. 618; *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 222; Письмо барона Мельхиора Гримма к императрице Екатерине II // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 33. С. 1.
- ¹⁵⁴ *Келлер Е.Э.* Праздничная культура Петербурга. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. С. 240.
- ¹⁵⁵ Письмо Н. Селявина П.Д. Киселеву от 30 ноября 1826 г. Архив графа П.Д. Киселева // Русская старина. 1900. № 3. С. 655.
- ¹⁵⁶ *Ястребов А.* Богатство и бедность. Поэзия и проза денег. М., 1999. С. 23–24; *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 248.
- ¹⁵⁷ *Черников М.В.* Философия правды в русской культуре. Воронеж, 2002. С. 85.
- ¹⁵⁸ *Масси Сюзанна.* Земля Жар-птицы. СПб., 2000. С. 141.
- ¹⁵⁹ *Пайнс Р.* Собственность и свобода. Московская школа политических исследований, 2000. С. 261.
- ¹⁶⁰ Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 152–153.
- ¹⁶¹ *Контев А.В.* Рукопись генерала Г. Веймарна – первое историко-статистическое описание Колывано-Воскресенских заводов // Алтайский сборник. Барнаул, 2004. Вып. 21. С. 124, 142; *Шакинко И.* Демидовы. Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000. С. 106.
- ¹⁶² *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 135.

Заключение

Кабинетское хозяйство в Сибири в дореформенный период прошло сложный путь развития. Он был связан с изъятием в 1747 г. бывших частных Кольвано-Воскресенских и в 1787 г. казенных Нерчинских заводов в царскую собственность и передачей их в ведение Кабинета, с 1830 по 1855 г. – министра финансов, а затем вновь под управление Кабинета.

Кабинетское хозяйство в Сибири было уникальным, единственным в своем роде. Ни в одном другом регионе России оно не могло возникнуть. Только на Алтае А. Демидов смог обеспечить производство золотистого серебра благодаря тому, что этот край оказался богатым залежами руды. Лесные массивы давали возможность обеспечивать заводы топливом. Плодородные земли, еще не освоенные под сельскохозяйственное производство, являлись основой для крестьянской колонизации.

Алтай, таким образом, оказался районом, где началось создание крупного производства золотистого серебра. Именно здесь находились самые богатые залежи руды – сырьевой базы для развития хозяйственного комплекса под управлением Кабинета с 1747 г.

На Алтае имелись три условия, благодаря которым стало возможным возникновение и существование крупного хозяйственного комплекса: наличие серебра, топлива и рабочих рук.

Подобное обстоятельство было и в Забайкалье, благодаря чему Нерчинские заводы оказались в составе кабинетского хозяйства в Сибири.

Представляется совершенно очевидным, что истоки расхождения в определении природы кабинетского хозяйства объясняются исходными позициями. Последние состоят в признании возможности и необходимости использования законодательства для установления владельца кабинетского хозяйства в Сибири и в полном игнорировании его, начиная с майских указов 1747 г., на основании которых в 1787 г. стали составной частью кабинетского хозяйства и Нерчинские заводы.

В ходе развития кабинетского хозяйства расширялись его территориальные рамки за счет включения в его состав ранее не освоенных русскими крестьянами земель на юго-востоке Западной Сибири.

Учитывая предшествующий опыт на Алтае и в Восточном Забайкалье, Кабинет использовал надежные и эффективные, на его взгляд, методы эксплуатации крестьян путем внеэкономического принуждения. Оно нашло свое воплощение в принуждении крестьян к выполнению вспомогательных заводских работ, крайне необходимых для нормального функционирования заводов и рудников. Обеспечение мастеровых и служащих провиантом, лошадей – фуражом также осуществлялось путем внеэкономического принуждения к этому приписных крестьян.

В условиях начавшегося в стране во второй половине XVIII в. разложения феодально-крепостнического строя в кабинетском хозяйстве все было направлено на то, чтобы как можно дольше сохранить уже исчерпавшие себя в других промышленных районах России методы феодальной эксплуатации приписных крестьян. Вследствие этого в кабинетском хозяйстве институт приписных крестьян сохранился вплоть до реформы 1861 г., в то время как в других районах страны он был уже уничтожен в начале XIX в.

В кабинетском хозяйстве действовала мощная система внеэкономического принуждения, нашедшая отражение в деятельности органов управления приписными крестьянами (Кабинета, канцелярии горного начальства, горных экспедиций, заводских контор, земских управителей, судебных, земских изб, волостных правлений, судебных органов). Особая роль в осуществлении внеэкономического принуждения отводилась сельской администрации из крестьян.

Крестьяне выступали не только в роли объекта феодальной эксплуатации, они были еще субъектом исторического развития. На всех этапах развития кабинетского хозяйства в феодальную эпоху приписные крестьяне Сибири проявили свою способность активно реагировать на устремления и усилия Кабинета, которому постоянно приходилось иметь дело с большой диспропорцией между ожидаемыми и реальными результатами политики по отношению к приписной деревне, касалось ли это заселения территории кабинетских земель, выполнения ими заводских работ, поставок провианта или обработки заводской пашни. Кабинет сталкивался с активным протестом крестьян, который вносил весьма существенные коррективы в жизнь приписной деревни, влиял в целом на развитие горно-заводского производства в кабинетском хозяйстве.

Не дали желаемых результатов попытки горного начальства обеспечить реализацию продуктов труда крестьян приписной деревни только в пределах кабинетского хозяйства в целях удовлетворения нужд заводов и рудников. Вопреки многочисленным запретам крестьяне находили способы сбывать продукты, получаемые в хозяйстве, далеко за пределами заводского ведомства.

Приписная деревня кабинетского хозяйства жила напряженной жизнью. Повседневный труд крестьянина-созидателя прерывался не только в связи с отрывом на заводские работы, на обработку казенной пашни, отправление подводной гоньбы, строительство и починку мостов, плотин, опалку боров и т.д., но и в связи с вынужденным бегством, когда крестьянину в силу сложившихся обстоятельств было невозможно оставаться в деревне.

Недоимки, ставшие хроническими, являются показателем сопротивления одних и ухудшения материального положения других крестьян. Последнее являлось следствием усиления эксплуатации крестьян, проявившегося прежде всего в увеличении объема заводских работ из расчета на одного трудоспособного крестьянина. Приписная деревня была крайне неоднородной по имущественному положению крестьян, что являлось следствием многих факторов, но главным образом – влияния заводских работ.

Неодинаковое имущественное положение крестьян в значительной мере определяло характер их взаимоотношений. Приписная деревня выступала как однородная масса кабинетского хозяйства, когда все ее жители протестовали против приписки к заводам, добиваясь исключения из заводского ведомства и перевода в сословие государственных крестьян. В то же время она переставала быть таковой, когда дело касалось ее внутренней жизни. Внутри приписной деревни существовали сложности во взаимоотношениях состоятельных и неимущих крестьян, что с особой остротой проявлялось во время рекрутских наборов.

Владелец кабинетского хозяйства в Сибири извлекал свои доходы не только за счет использования принудительного труда взрослого населения приписной деревни. Жестокоей эксплуатации подвергались и крестьянские дети.

Укрепление позиций самодержавия с середины XVIII в. находится в органической связи с возникновением кабинетского хозяйства в Сибири. Обладание материальными возможностями в виде доходов от кабинетского хозяйства в Сибири имело огромное значение для процесса становления и укрепления абсолютизма в России. Со-

вершенно не случайно в свое время бригадир Козлов, один из сторонников ограничения власти Анны Иоанновны членами Верховного тайного совета, писал казанскому губернатору А.П. Волинскому: «И о государыне так положено: что хотя в малом в чем не так будет поступать, как ей определено, то ее, конечно, вышлют назад в Курляндию, и для того будь она довольна тем, что она государыня российская, только и того. Ей же определяют на год 100000, и о том ей можно довольной быть... и сверх того, неповинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому, и не токмо того, ни последней табакерки из государевых сокровищ не может себе вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будет, то будут давать ей с расписками»¹ (подчеркнуто мной. – А.Ж.).

В этом письме пространно изложено содержание важнейших пунктов предложенных Анне Иоанновне кондиций членами Верховного тайного совета. Оно красноречиво свидетельствует о понимании высшей знатью, что значило бы для новой императрицы выполнение ею 6-го («вотчины и деревни жаловать») и 8-го («государственные доходы в расход не употреблять») пунктов кондиций².

Как известно, верховникам не удалось добиться ограничения власти Анны Иоанновны.

Огромный массив новых материалов, в большинстве своем впервые введенных в научный оборот при исследовании проблемы расходования средств «комнаты Е.И.В.» царствующими особами, имеет неопределимое значение для изучения истории русского абсолютизма второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Обладание материальными ценностями, денежными средствами, обеспечивало громадную независимость и самостоятельность царской власти и бюрократии, которую русские цари подкупали ценными подарками и денежными вознаграждениями лишь благодаря тому, что располагали для этого материальными возможностями.

На силе богатства, которым обладали русские цари, покоилось самодержавие в России. Превращению Романовых в «великих накопителей богатства» способствовало то, что они были самыми крупными помещиками России. Семейству Романовых в конце XVIII в. принадлежало 463 тыс., в 1812 г. – 570 тыс., в 1857 г. – 838 тыс. душ крестьян м.п.¹ Кроме того, каждый из царствующих Романовых имел в собственном распоряжении на правах владельца кабинетского хозяйства доходы от Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов. В 80-х гг. XIX в. Александр III из одного европейского банка в дру-

гой перевел 300 млн р. золотыми, накопленными за счет беспощадной эксплуатации и крестьян кабинетского хозяйства в дореформенный период².

Длительное существование абсолютной монархии в России во многом объяснялось тем, что она со времени своего возникновения была теснейшим образом связана с крепостничеством³. Крепостническим по своему характеру являлось и кабинетское хозяйство в Сибири.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что возникновение и функционирование кабинетского хозяйства на далекой восточной окраине Российской империи явилось крупнейшим событием не только в истории Сибири. Способствуя укреплению материальных возможностей российских императоров, кабинетское хозяйство в Сибири следует рассматривать в качестве одного из важнейших факторов общероссийской истории и политики. За счет доходов от него российские императоры, владевшие этим хозяйством на частнофеодальном праве, имели возможность укреплять свое положение на троне. Доходы, получаемые от кабинетского хозяйства российскими императорами, обеспечивали приращение их могущества Сибирью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 10. С. 211.

² Там же. С. 197–198.

³ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968; Дружинин Н.М. Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 г. // Исторические записки. М., 1970. Т. 85.

⁴ Покровский Н.М. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1, 2. От древнейших времен до конца XIX столетия. М.; Л.: Московский рабочий, 1931.

⁵ Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982. С. 13.

Н а у ч н о е и з д а н и е

Аниса Нурлгаяновна ЖЕРАВИНА

КАБИНЕТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СИБИРИ
(1747–1861 гг.)

Редактор *В.Г. Лихачева*
Корректор *А.И. Пшеничникова*
Оригинал-макет *А.М. Мороз*

Лицензия ИД 04617 от 24.04.2001 г.

Подписано в печать 31.03.2005 г. Формат 60x84^{1/16}.

Печ. л. 20,25; усл. печ. л. 19,2; уч.-изд. л. 18,83. Тираж 300 экз. Заказ

ФГУП “Издательство ТГУ”, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Типография “Иван Федоров”, 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1